МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

С. В. МАКСИМОВ

СИБИРЬ И КАТОРГА

ТОМ 2

С. В. Максимов

Сибирь и каторга

Том II

Часть III—IV

Москва
Берлин
2021

УДК 94(57)-058.56
ББК 63.3(2-253)-3610
М17

Максимов, С. В.

М17 Сибирь и каторга. Том 2. Часть 3–4 / С. В. Максимов. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. — 356 с.

ISBN 978-5-4499-2023-2

Книга путешественника, известного этнографа-беллетриста Сергея Васильевича Максимова (1831–1901 гг.) открывает нам одну из малоосвещенных в печатных изданиях конца XIX — начала XX в. страниц российской истории. Мы говорим об истории каторжного режима России.

В 1858 г. царским правительством была приобретена Амурская область. Морское ведомство поручило С. В. Максимову, до этого хорошо зарекомендовавшему себя в ряде этнографических экспедиций по России, отправиться в исследовательскую поездку по Дальнему Востоку, а на обратном пути посетить ряд сибирских тюрем и изучить быт ссыльных и каторжан. В ходе этой экспедиции путешественником был собран уникальный материал по условиям содержания, типам преступлений, психологии преступников, истории возникновения и развития ссылки, который и вошел в книгу «Сибирь и каторга». Труд в то время был опубликован только для служебного пользования ограниченным тиражом.

Представляем третью и четвертую части исследования. Одна из них посвящена политическим ссыльным и государственным преступникам, другая — обозревает историю каторги.

УДК 94(57)-058.56
ББК 63.3(2-253)-3610

ISBN 978-5-4499-2023-2

Часть III. Политические и государственные преступники

Политические ссыльные
Государственные преступники

Глава I. Политические ссыльные

Ссылка поляков в Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговский на Амуре. — Крыжановский. — Ловелас. — Воевода Обухов. — Польские конфедераты.— Злодейства над ними.— Состояние администрации в Сибири. — Пестель. — Трескин. — Исправник Лоскутов. — Сперанский.— Немцов и разбойник Гондюхин.— Собачья оспа.— Кох. — Уширванский полк. — Народные притеснители. — Чудак Нарышкин. — Горные начальники: Рычков, Барбот-де-Марни, Милекин. — Фриш, Черницын. — Шведские пленные. — Татищев. — Беневский — известный искатель приключений. — Его бегство из Камчатки; разнообразные похождения вокруг света и смерть на острове Мадагаскаре — Судьба его товарищей

Переходя теперь к так называемым политическим и государственным преступлениям, мы на этот раз останавливаемся на ссыльных за политические преступления, т. е. поляках, и по задаче нашей работы на тех чертах и особенностях, которыми характеризуется их ссылка в Сибирь. Сосланные за государственные преступления, по исключительному отношению к лицам русского происхождения и также к значению их на местах ссылки в Сибири, предназначается следующая статья.

Сибирь сделалась местом политической ссылки и временного приюта для политических ссыльных, в значении карательной меры, с тех самых пор, как судьбы Польши теснее соединились с судьбами России. Постоянная и притом систематическая и ежегодная высылка людей, недовольных этим воссоединением, началась со времен Екатерины, т. е. с первого раздела Польши. Вместе с ними с этого же времени начали появляться в Сибири поляки, ссылаемые и за все другие роды преступлений, возмещаемых ссылкою. Преступники последних видов освобождали свою родину в подчинении общим законам человеческой преступности, не представляя резких и характерных особенностей. Преступники политические появлением

своим в Сибири стали представлять большую или меньшую степень политического возбуждения умов в царстве, лишенном прав на самостоятельную государственную жизнь. Наибольшее скопление польских патриотов в ссылке, выражаемое значительным возрастанием цифры ссыльных, стало указывать на предшествовавшие государственные кризисы Польши, когда она против русского владычества в крае поднимала восстание и платилась затем изгнанниками «за бунт и измену, за преступления по первым двум пунктам, за неповиновение и за оставление отечества». Цифры по годам стали указывать на исторические эпохи завоеванного и побежденного народа и, группируясь в числовые итоги, сумели выразить в ссылке три различных периода ссыльной жизни поляков в Сибири. К первому периоду относится время от появления в ссыльной стране первых поляков — барских конфедератов, с последующею затем высылкою поляков из войск Костюшко до времени освобождения тех и других императором Павлом. Время до 26 года прошлого столетия протекло без излишних жертв для польского народа, но после восстания 1831 года выразилось в Сибири быстрым увеличением числа изгнанников, которые оставались в Сибири до восшествия на престол Императора Александра Николаевича. Кроме замешанных в каких-либо новых преступлениях на местах ссылки, все, находившиеся в Сибири политические изгнанники были возвращены на родину; осталась незначительная часть. В течение шести последующих лет политических ссыльных в Сибири не было, но с весны 1863 года стали прибывать первые, новые и значительные партии поляков, так что к концу 1866 г. общее число ссыльных поляков возросло до 18 тыс. душ обоего пола. Для ссыльной Польши наступил третий, современный нам период. Рассмотрим каждый из этих периодов отдельно, для более ясного представления исторической картины политической ссылки поляков.

Задолго до времен Екатерины, до обнаружения более ярких и характерных черт польской ссылки в те времена, когда русские казаки кончали свои завоевания в Сибири (выстроив остроги на Лене, пробирались в Камчатку) и промышленные люди забрались уже на Амур, в те времена безрасчетных завоеваний и бесконечных похождений и приключений, в сибирских летописях является имя первого ссыльного поляка — Никифора Черниговского. Насколько можно

верить свидетельству летописи о польском происхождении этого человека, носящего не польскую фамилию и русское имя, Черниговский — почти единственное лицо, представлявшее поляка в то темное и малоисследованное время сибирской истории. Личность эта, впрочем, характерна тем, что с нею соединяется история первых наших заселений на Амуре. Если в нем не выражался тип польского удальца тех славных воинственных времен Польши, времен Яна Собеского, то, во всяком случае, в нем выяснился один из тех смелых и решительных завоевателей, которыми богата была Сибирь в тот век окончательного ее покорения под высокую руку московских царей. Имя Черниговского встало наряду с именами Хабарова, Атласова, Пояркова и другими.

Откуда этот поляк был родом, какие судьбы привели его в ссылку и поселили на Лене, был ли он военнопленным, взятым на войне 1658 года, начатой за принятие Россиею под свое покровительство Малороссии — летописи и предания не говорят. Жил он в Устькутском остроге и был досмотрщиком за соляными промыслами. При нем некто Сорокин, успевший собрать в Верхоленске партию головорезов в 300 человек, с есаулом Краснояром и Петровым пробирался на судне вверх по Лене на Амур. Дорогою шайка грабила купцов и промышленных людей: в остроге, на устье Куты, ограбила казну, била и пытала купцов и служилых людей; поджидала ехавшего с реки Илим воеводу, но, потеряв терпение, отправилась на устье реки Олекмы, чтобы и здесь ограбить казенные запасы именно те, которые снаряжены были для отправки на Амур в Албазин. В Тугурском остроге Сорокин отыскал порох, зарытый в землю, пробрался на Амур, ограбил там всех, кого нашел, но тем и покончил; часть шайки его истребили амурские жители, другую — голод; третья часть рассеялась по старым знакомым местам на Лене.

В это время (1665 г.) в Устькутский острог успел благополучно прибыть илимский воевода Лаврентий Обухов; успел отдохнуть, оглядеться; осмотревшись, удалось ему заприметить, что у соляного надзирателя Черниговского жена хороша, да такая, что он, не бывавший в Польше и притом долго голодавший на сибирском лесном безлюдьи, много не думал. Класть на весы свои воеводские права с правами ссыльного сибирский воевода счел за грех и за большое для себя преступление. Бесчисленные примеры были у

него перед глазами: сам знаменитый завоеватель Амура Ерофей Павлович Хабаров, слабый в эту сторону, не упускал своей выгоды и владел чужими женами, никого не спрашиваясь. Обухов отнял жену у Черниговского и, кончив дела на Лене, поплыл с красивою полькою вверх по Куте в Илимск. Но что Хабарову сходило с рук (он обломал бока якутским крестьянам, присланным в Киренск на его заимку для поселения, и ничего с ним за то сделать не смели), что Хабарову удавалось и чем другим воеводам счастливило, на том Обухов оборвался. Черниговский решился мстить: собрал товарищей, напал на воеводу, убил его и прислугу, захватил имущество, не разобрав казенного от воеводского, и, так как в это время шатались без дела свободные люди из шайки Сорокина и много других удальцов, то Черниговскому и не мудрено было сбить большую шайку. С нею, само собою разумеется, отправился он обычною в те времена и торною дорогою с бывалыми и знающими языками на тот же Амур, о котором не переставали ходить баснословные слухи. Пошел он туда именно в то несчастное время, когда преемники и последователи Хабарова успели испортить дела до того, что русские люди стали уходить с Амура назад. Степанов был убит, часть казаков пустилась через Хребты в Якутск, другая по реке добралась до Шилки, там отыскала Пашкова и поступила к нему на службу. Амур опустел.

Черниговский вышел на Амур именно в том месте, где стоял дотла разоренный китайцами Албазин. Наскоро построил он тут же деревянную крепость (18 саж. длины и 13 ширины), на стене к реке укрепил две башенки, на нагорной к лесу — одну, но со въездными воротами. Изб для своих удальцов внутри крепости он не строил (как сделал это Хабаров и делали прочие сибирские казаки-завоеватели); казацкие жилища приладил он вне, в стороне; внутри крепости соорудил только одну кладовую. Построив острог, Черниговский принялся за обычные дела тех мест и того времени: стал собирать с тунгусов ясак крупными и пушистыми, знаменитыми и в наши дни, албазинскими соболями, но, памятуя об убийстве воеводы и, по примеру Ермака, стал отсылать ясак в Нерчинск, к воеводе. Потом уже он прямо от себя с нарочными отправил в Москву и отборный ясак и повинную. 15-го марта 1672 года, по первому приговору в Москве, Черниговского с сыном приговорили к смертной казни, а 46 человек его первых устькутских товарищей к жесто-

кому телесному наказанию, но, по бывалым примерам, через два дня приговор отменили и вместо казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощение и греха разрешение, да сверх того положена была награда в две тысячи рублей. Из Нерчинска прислан от воеводы приказчик, в 1681 году от царя из Москвы воевода Толбузин; товарищи Черниговского выстроили Покровскую слободу и занялись хлебопашеством. Русская жизнь на берегах Амура опять закипела и приладилась уже настолько прочно, что некий старец, иеромонах Гермоген, заложил неподалеку от города, на Брусяном камне, монастырь во имя Спаса. Прибыли крестьяне, и Покровская слобода стала походить на настоящее деловое селение. Почин Черниговского возымел блестящий успех: Амур опять потянул на русскую руку (но тянул недолго). Сам Черниговский сошел со сцены и исчез во мраке исторических времен: имя его больше не повторялось. Что сталось с ним, с этим первым поляком в Сибири, — покрыто мраком неизвестности. Точно так же и последующие военнопленные литовцы, вместе с московскими стрельцами, присылаемые из Москвы, с самых древних сибирских времен, поступали в казаки и в этом сословии исчезали бесследно. Из них на сибирские письменные памяти удалось выделиться одному: Юрию Крыжановскому, оказавшемуся в 1677 году ясачным сборщиком у тунгусов. Сборщик этот так притеснял этих мирных инородцев, что они вышли из терпения, стали мстить: перебили казаков и в количестве тысячи человек осадили Охотск и пошли валом на приступ острога. Крыжановский не успел спрятаться в остроге и был осажден в собственном доме. Тунгусы выломали окно у избы, под стену наклали огня, засев в казачьих домах слободы, стреляли по острогу. Приказный Ярышкин не мог помочь Крыжановскому, напрасно вопившему о помощи. Приступ, однако не повторился. Явились следователи, начался суд. Оказалось, что Крыжановский лучших соболей отбирал себе; в казну складывал поплоше, брал у инородцев жен и детей на блудное дело и проч. Его с Ярышкиным нещадно били кнутом и сослали в даурские остроги, с тем чтобы там обоих ни к каким делам не определять[1].

[1] При царе Алексее сослан в Сибирь известный Крижанич, родом хорват, латинский поп, за неправославие, за выходки против греков и русских. Там написал он сочинение, драгоценное по изображению в нем

Выходя из мрака XVII в. в ближайшие к нам времена прошедшего (XVIII) столетия, мы встречаем в конце его следующих группами поляков: сначала, как мы сказали, в виде барских конфедератов — выселенцев генерала Кречетникова и прусского полковника Сюлли (1769 г.), потом приверженцев Костюшко (1794 г.). По указу 20 июня 1795 г. присланы были поляки «обитатели древних российских областей, к Империи возвращенных» по одному человеку в Пелым, Якутск, Тобольск, Нерчинск, Селенгинск и Березов и 9 человек в другие отдаленные города[2]. Первых из них (конфедератов) предание приводит из Польши измученными на родине различными варварскими истязаниями: с отрубленными носами и ушами[3]; сибирский губернатор Шеншин встретил их, судя по народному же преданию, с чувством затаенной злобы и непонятного мщения. Он, говорят, привязывал их к длинным и толстым деревянным круглым колодам по нескольку человек вместе и приказывал, таким образом, спихивать с высокой горы тобольского кремля. «Обрубок, катясь с крутой горы, разбивал несчастным головы и на лучший конец сокрушал кости». Несомненно одно, что Сибирь не только в прошлом, но и в первой половине нынешнего века представляла страну, страдающую от произвола властей, от их жестокого корыстолюбивого нрава и ди-

---

состояния Московского государства («Русское государство в половине XVII века»; другое сочинение его «О промысле»). Не был ли этот хорват Юрий Крижанич одним и тем же Юрием Крыжановским — решить не беремся за неимением положительных данных.

[2] Одного шляхтича «за убийство русского драгуна» сослали вечно на каторгу; на житье в отдаленные города между прочим — известного ксендза Булгака и бывшего поручика пинской бригады Иосифа Копца, оставившего записки о своем пребывании в Сибири. В следующем году Павел I всех освободил указом 29 ноября.

[3] Барским конфедератам, подполковнику Реку и майору Древичу, за нарушение реверса, т. е. продолжавшим после отречения участвовать в конфедерации, но снова попавшимся в плен с оружием, обрубливали руки и ноги. Замечательно сцепление случайных обстоятельств: в Сибирь барских конфедератов вел (молодым человеком) тот самый Лепарский, который впоследствии и уже дряхлым стариком был комендантом декабристов.

ких черт характера в такой степени, что с трудом верится жалобам очевидцев и сказаниям современников. Еще Генниг писал Петру I из Екатеринбурга: «А ты государь, пожалуйста, не слушай, что тебе говорят о Сибири. Все они там мошенники и взяточники, верь так! С чего мне тебя обманывать?» И не обманывал: князя Гагарина, властителя Сибири, Петр принужден был вызвать в Петербург и повесить в 1721 году «за его неслыханное воровство». Кому не известен сибирский герой Пестель, одиннадцать лет управлявший Сибирью из Петербурга, с клевретом своим, иркутским губернатором Трескиным, — люди начала прошлого столетия? Пестель управлявшего тобольскою провиантскою комиссиею, генерал-майора Куткина, за то, что тот на званом обеде позволил себе в чем-то не согласиться с ним, всемогущим генерал-губернатором, гнал до конца жизни: отдав под военный суд, девять лет томил под строжайшим присмотром в его собственном доме и, разлучив с семейством, не позволял свиданий: дочь от слез ослепла; сам отец умер под стражею и оправдан Сенатом уже после смерти. Семейство Куткина (жена с несколькими дочерьми) доведено было до крайней степени нищеты; какой-то добрый человек, женившийся на одной из дочерей больше из сострадания, вывез несчастное семейство в Россию уже после смерти страдальца. В то же время Трескин те же 11 лет из Иркутска управлял Пестелем в Петербурге, а на месте был жестоким тираном и деспотом, министерских предписаний не слушался, частных прав не уважал. Зашалившийся на выходках произвола, он заставлял не только старших чиновников, но и самого вице-губернатора снимать и подавать себе шубу и, замечая неловкость, бранил их тут же на чем свет стоит. При помощи жены своей, ему неверной и жадной взяточницы, он сумел поставить дела управления на ту ногу, что они стали всем ненавистны и невыносимы. Вместе с Пестелем он был на своем месте крепок, и оба вместе они были едва победимы. Трескин отставил от службы одного советника казенной палаты и выслал его из Иркутской губернии с требованием ко властям не позволять ему жить в одном месте больше десяти дней. Пестель прибавил к этому то, чтобы не выпускать гонимого из пределов Сибири; несчастный чиновник с семейством на цыганских и бродяжьих правах, всю жизнь свою принужден был странствовать по Сибири. «Народ стенал от несправедливостей и

поборов, но его стенания заглушались тою же силою, которая их возбуждала». Жаловаться было невозможно: на сибиряков наложена была Екатериною епитимия, сибиряки признаны были кляузниками, людьми беспокойными, ябедниками. В одном указе ее было выговорено следующее: «Читано перед нами несколько тысяч листов под названием сибирского Якобиевского дела, из которого мы ничего иного не усмотрели, кроме ябеды, сплетен и кляуз», и проч. Якобий был известен сибирякам как безжалостный тиран. Положенное на Сибирь клеймо делало последующих тиранов безопасными, способствуя им расширять произвол и встать не только вне закона, но и здравого смысла. За жителей Иркутской губернии счел обязанностью заступиться даже и тогдашний архиерей Михаил. Можно судить, насколько было тяжело ссыльным уже из одного того, что судьба их была вверена такому человеку, как Лоскутов (нижнеудинский исправник), которому поручено было устройство дороги между Красноярском и Иркутском. Дорогу он проложил превосходную; селения выстроил огромные; из бродяг сделал хлебопашцев и устроил дела так, что, по преданию, выроненного проезжим по дороге кошелька никто не смел утаить. Каковы были прикладные средства и в чем состоял их секрет, можно понять из того, что слух об его жестокостях проник даже до Петербурга. На месте одно имя Лоскутова обдавало всех ужасом. Суровый и самовластный, как и его начальник Трескин, Лоскутов иначе не въезжал в селение, как с казаками, которые везли воз розог и прутьев. Осматривая избы, заглядывая в печи, в чуланы, впутываясь насильно во всякую подробность домашнего быта, он безжалостно наказывал за всякое уклонение от предписанных им правил. Если хлеб был дурно выпечен, он немедленно сек хозяйку розгами; если квас был кисел или в летнее время тепел, сек и хозяина. Ботфорты его, которых он не снимал с себя и ночью, хорошо помнят до сих пор. Когда он узнал о приближении ревизоров, то по всему уезду отобрал бумагу, перья и чернила; однако два старика осмелились написать прошение и вручить его Сперанскому. Когда Сперанский, в присутствии самого Лоскутова, велел читать секретарю своему это прошение вслух, старики упали ниц и не вставали, выжидая, что громовые силы разобьют их на месте. Когда Сперанский тут же отрешил исправника от должности и арестовал и когда приведенным

в чувство просителям объявил это решение, они, трясясь всем телом и схватив ревизора за полу, умоляли его шепотом не губить себя: «Что ты делаешь? не было бы тебе самому чего худого. Ведь это Лоскутов, верно, ты его не знаешь». Тем не менее имущество исправника, доходившее ценою до 80 тыс. руб. (в деньгах, серебре и мехах) было арестовано и сам он отправлен с передовым в Иркутск. Союз друзей, трех исправников, всех столько же злых и отважных, как и первый из них, Лоскутов, был, таким образом, разрушен.

Сибирь в это время была свободна от политических изгнанников. На их долю выпали тиранические порывы и деспотические выходки людей предшествовавшего века, столь же жестоких и несправедливых от недостатка образования и нравственного развития. Иркутский губернатор Немцов, или, как он сам подписывался, «со властью губернаторскою бригадирского ранга Немцов», учреждает какую-то глухую команду, ездит с нею по городу и наводит страх на мирных жителей; находится в дружбе с известным разбойником Гондюхиным; раз зазывает гостей на пикник за город, где нападает на них этот разбойник с шайкою и грабит до последней нитки. Мелких подчиненных Немцов бьет своими руками. Одного из чиновников покрупнее велит привязать к столбу и держит на привязи долго в страх и поучение прочим. Объезды охотского коменданта Козлова-Угреина по его области долго вспоминались на Камчатке под именем «собачьей оспы». Другой охотский начальник оставил о себе память в известной поговорке: «На небе Бог, а в Охотске — Кох». Народ так был уверен в несокрушимой истине подобных поговорок и той, что «до Бога высоко, а до Царя далеко», что охотно поступал по примеру той сибирской горожанки, у которой воеводша отняла кур с цыплятам, и обиженная утешалась тем, что поставила в церкви к иконам свечу за обидевших ее. Купцы и порядочные посадские, удостоенные чести приглашения к столу начальников в большие праздники и именины, уходя домой, считали обязанностью своею оставлять хозяину за угощение по полтине и по рублю. За одних утесняемых граждан попробовал заступиться городской голова, пожаловался министру и был за то ближайшим начальством выслан в Нерчинск (брат его в Жиганск), где оба скоро умерли. Другого именитого купца довели до сумасшествия, посадили в дом умалишенных, откуда он пропал без

вести. В Иркутске не остановились даже пред самим архиереем: вызвали его на суд, судили его судом священников, заставляли ездить в маскарад и любоваться фарсами масок, скакавших и плясавших перед ним. И так далее до бесконечности.

Переходя от высших к низшим, мы видим целый полк, расположенный в Западной Сибири, превратившийся в организованную огромную шайку грабителей: за притеснения, грабежи и бесчинства над обывателями сибиряки прозывают этот полк — Ширванским-Уширванским[4]. «Сибирь, — по выражению Соликамского летописца, — была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для коих украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын считалось ни во что». Горные начальники, будучи независимыми от губернатора, за темными лесами, за высокими горами, в нескольких тысячах верст от России, пользовались такою обширною властью, что охотно употребляли ее во зло. Они могли производить в чины до капитана, могли награждать и наказывать чиновников, и вот, один из таких, приехавший в

[4] Кстати, несколько слов о нем: полк становился на квартирах в наилучших деревнях широко и прихотливо, отъедался до отвалу; шагу не делал пешком — всегда на крестьянских подводах, с изобилием съестной провизии, доставление которой лежало тяжестью на крестьянах. Шествие полка в лагерь нескончаемыми обозами уподоблялось походу двух целых армий или целой губернии, идущей на переселение в обетованные места. В лагере солдаты в палатках не жили, пристраиваясь в деревнях, и только видны были офицеры, перебегавшие по лагерю в шлафроках. Нижние чины казались исполинами-красавцами; старика ни одного; рост начинался с 2 арш. 6 вершк. и оканчивался 2 арш. 13 вершк. Сбруя блестящая с набором, называемая галантерейною лавкою; лошади все одной масти. Щегольство в одежде было замечательное: перевязи, портупеи, ратровые ремни и сапоги чистились под лак; пуговицы и пряжки были полированы. Все это на счет сибиряков-крестьян, все это ради наружного блеска. На самом деле вот как характеризовал это воинство в 1883 году генерал с опытный строевым глазом. «Выправка и стройка неправильны и некрасивы; маршировка на каблуках (все толстяки) со вздернутыми носками, шаг короток и потому качки и стуку много, ружейные приемы сильны, но ловкости и развязки в руках нет; стрельба залпами хороша, но рядами слаба и шумят во фронте, суетятся, толкаются».

нерчинские заводы в 1775 году, Вас. Вас. Нарышкин, человек древнего боярского рода, крестный сын Екатерины II, произвел в офицерские чины, на место исключенных им прежних чиновников, новых из каторжных. Произвел из таковых 120 человек и, в том числе, в офицеры двух барских конфедератов, которые сосланы были сюда в солдаты рабочего горного батальона (Перхуровича и Викентия Касаковского). Этот Нарышкин с самого приезда одиннадцать месяцев просидел дома с закрытыми ставнями, никуда не выходя, никому не показываясь. Решившись покончить с затворничеством и выйдя на свет Божий в Светлое Воскресение, начал целый ряд чудачеств и сумасбродных выходок: вместо заутрени на Пасху велит служить прежде обедню, в церковь ведут его две толстые женщины, он идет, приплясывая и припевая свою любимую песенку («Батюшко богат, черевички купил»); идущие сзади чиновники ему подпевают. Принявшись за дела, он приблизил к себе пятерых секретных арестантов, из которых двух сделал секретарями; за вины бил батожьем и не сказывал за что: «известно-де мне единому»; в растрате казенных денег не стеснялся, отчета об них и самих денег в Петербург не посылал. Когда не хватило казны, он взял деньги у богатого купца Сибирякова, имевшего некоторые заводы на аренде. Когда в другой раз Сибиряков отказал, Нарышкин явился перед его домом с пушками и угрозою стрелять, если купец не выдаст потребного; Сибиряков вышел на крыльцо с серебряным подносом, на котором положены были затребованные пять тысяч. Учредил какой-то новый праздник («Открытие новой благодати»), приказывал всем каяться во грехах, исстрелял много пороху, того самого, который так необходим при горных работах. Набрал войско, присоединил к нему вновь организованный гусарский полк из тунгусов и двинулся с пушками и колоколами походом из Нерчинского завода через город Нерчинск, Братскую степь и Верхнеудинск на Иркутск. По дороге останавливал купеческие обозы, отбирал товары, выдавая расписки. Хотел завладеть Иркутском, но это предприятие ему не удалось. Самодур, названный в указе шалуном, успел натворить много бед, оставил на следах своих много всяких глупостей, чудачеств и приключений. В Верхнеудинске его арестовали хитростью, увезли в Иркутск, где он снова еще долгое время чудачил, пока не увезен был в Петербург (см. ниже «Историю каторги»). Последовавшие за ним

(исключая Барбота-де-Марни) горные начальники были немногим лучше его. Рычков хотя и был образованным и умнейшим человеком, но в то же время суровым до того, что забивал людей палками до смерти, хотя смертная казнь и уничтожена была еще Елизаветою. Начальник Кутомарского завода Милекин жестоким обращением своим навел на всех такой страх, что во время прогулок его по улицам дети убегали прочь и старики прятались за углами домов, а когда ходил по селению, живой души не было видно, всякий боялся встречи с ним. Другой из приставников, еще меньше званием и мельче знанием (урядник Кулаков), походил на решительного зверя: всякий раз, когда он шел на место работ, за ним несли пуки розог. Если он бывал в неприятном расположении духа и кто-нибудь не понравился ему на первых шагах, приказывал сечь розгами, одного за другим, всю громаду работников; некоторых уносили прямо в лазарет. Поднимаясь по чинам обратно выше, мы наталкиваемся на одного из таких, который из дозорщиков уральских за то, что забил палками одного работника за криво вкопанный в землю столб, был прислан в начальники Нерчинского рудника. Горный начальник Теодор Фриш, которого жена водила за нос, попускал слабостью своею настолько, что злая женщина дозволяла себе наказывать подчиненных и любила сама присутствовать при наказании. Другой горный начальник, кривой Черницын, был настолько жесток, что не ходил и не ездил без плети. В дороге требовал, чтоб его везли не иначе, как вскачь, и если ямщик останавливался, он сам выходил из экипажа и производил собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало под ним; много страху и всяких обид натерпелись от него все, над кем ему доводила судьба начальствовать; раз вскинулся на крестьянина за то, что тот во время разговора с его помощником оборотился к самому Черницыну спиною, и избил его так, что невинный крестьянин через два дня умер.

Но эти последние деятели увели нас из восемнадцатого столетия в девятнадцатое (Черницын начальствовал в двадцатых годах прошлого); возвращаемся назад, в прошлое, чтобы досказать о судьбе первых польских ссыльных в Сибири.

Народная почва, к довершению несчастий первых политических ссыльных, была еще не готова. Им на первых же порах приве-

лось столкнуться с самым крупным народным предрассудком, основанным на религиозном предубеждении, а потому вдвойне опасным. Для православных сибиряков поляки были поганые «обливанцы». Когда появились в Сибири первые иноверцы в виде пленных шведов из войск Карла XII, ни одна сибирячка не решалась выходить за них замуж. В 1714 году в Тобольске их гнали с квартир, выбрасывали на улицу их пожитки, осыпали бранью. У начальства они не находили защиты, получали даже пощечины. Русские считали их нехристями, священники не венчали. Хотя некоторым шведам и удалось жениться на православных, но жен у них отнимали и выдавали за других мужей. В. Н. Татищев, известный устроитель уральских заводов, принужден был выговорить себе право дозволять на р. Исети (где теперь Екатеринбург и где он полагал основать завод) селиться желающим из шведских пленников, с тем чтобы им позволено было жениться на русских девушках без перемены религии. Это требование вызвало указ Синода, разъяснивший, что брак с иноверцами безгрешен[5]. Браки установились, но не было такого высшего правительственного места, которое владело бы силою разъяснять и ослаблять другие общественные предрассудки. Положение первых политических ссыльных было весьма не блестящим. Из группы первых ссыльных поляков ярче других выступает одна замечательная личность, сумевшая своими похождениями значительно оживить вообще однообразную историю

[5] Татищев объявил этот указ на заводах священникам и пленным и тех, которые женятся, не велел считать невольниками. Много шведов жило, кроме Тобольска и Соликамска, на казенных уральских заводах Уктусском и Алапаевском и на Демидовских (Невьянском, Верхне-Тагильском, Шуралинском и друг.). Иные из них занимались ремеслами, другие мелочною торговлею, многие заводскими работами. Татищев нашел Шенстрема, который имел в Швеции свои собственные железные заводы и, будучи знатоком в металлургии, во многом помог своими советами первому устроителю уральских заводов. Артиллерист Шульц составил ему карту заводских земель и приписных к ним слобод и деревень (и получил за то 25 рублей, сверх прогон, и 5 руб. подъемных). Мир со Швециею освободил всех, кроме добровольно пожелавших остаться; таких на заводах оказалось двое: Берглин и Щедарь (первый в Кунгурском уезде заведовал рудничными работами, второй был смотрителем Уткинской пристани).

политических ссыльных и наполнить рассказами о себе не только Сибирь и Россию, но и Европу. Имя его стало для Сибири настолько историческим, что и до сих пор там жива о нем память, несмотря на то, что место действия — один из самых глухих и отдаленных углов Сибири. Это Мориц-Август Беневский, именовавший себя в Камчатке венгерцем Бейноксом и называвшийся тамошним народом «Август-Поляк». Судьба его так интересна, что мы решаемся остановиться здесь, чтобы восстановить правду события по сказаниям сибиряков-свидетелей дела в сопоставлении с рассказом самого героя, неумеренно лживого и не безрасчетно хвастливого[6].

Беневский с прочими конфедератами, в силу правила, обрекавшего в ссылку только тех поляков, которые не сдержали данного слова и, будучи выпущены из плена, вновь пойманы с оружием, был приговорен к ссылке в один из отдаленных городов русских[7]. На его долю выпала Казань, куда он был послан на житье вместе с пленным шведом и тоже конфедератом Адольфом Винбладом. Здесь — по свидетельству генпрокурора Вяземского — «он делал разными ухищрениями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущение, от чего и был удержан»; но на этом не остановился. С подложным паспортом он ушел из Казани в Калугу, где на то время также содержались некоторые «из знатнейших польских арестантов». Из Калуги, тщательно скрывая свое имя, Беневский отправился в Петербург вместе с Винбладом. «В сем столичном городе переменял свое имя и вид, до тех пор скрываясь по трактирам, пока, по уведомлении из Казани, узнан и взят был полициею под караул» в то время, когда готов был сесть на корабль и плыть за границу. «А как из его расспросов нынешнего его странного вида усмотрен он человек не только злонамеренный, но и отчаянный», то и приговорен был к ссылке в Сибири.

В Сибири для опасных преступников, каковыми считались в те времена политические и государственные, полагались самые отда-

---

[6] Кроме следственного дела о Беневском сохранилась, между прочим, записка канцеляриста Рюмина, ходившего с ним до Китая и представившего ее русскому резиденту в Париже Хотинскому.

[7] Взят он в плен в 1768 году и выпущен на честное слово, что в эту кампанию не станет драться, но в мае 1769 г. снова попался в плен к полковнику Бринкину.

ленные крепости, а самым модным местом (с половины прошлого столетия до начала нынешнего) считалась Камчатка, а потому Беневскому и указана была эта местность.

Спутниками ему в дороге и товарищами в ссылке оказались государственные преступники: майор (из шведов) Винблад, гвардии поручик Василий Панов, армии капитан Ипполит Степанов, бывший артиллерии полковник Батурин и сенатский секретарь Иван Сольманов. Панов и Степанов, кажется, сосланы за сопротивление наказу о сочинении Уложения при Екатерине II. С ними и повезли Беневского, в декабре 1769 г., вдоль Сибири, за 13 тысяч верст от Петербурга, через Тобольск (где знаменитый сибирский администратор, Денис Иванович Чичерин, хорошо принял их и обласкал) на Охотск. Здесь начальник порта, полковник Пленис-нер, также обошелся ласково, а купцы снабдили разными вещами и припасами. На частном судне тотемского купца Холодилова ссыльные в июле 1770 года отплыли в Камчатку и 1440 верст успели проплыть в девять дней, совершив весь путь в полтора года. На пути по морю до Камчатки Беневский думал запереть стражу внизу, завладеть судном и направиться в испанские владения. Но было поздно, и намерение отложено. Судно пристало в Большерецке — столице тогдашней Камчатки, уступившем впоследствии старейшинство свое Нижнекамчатску, а потом Аваче или Петропавловску.

Устьем широкой реки, называемой Большою и давшею свое имя крепостце, мимо небольшого селения, стоящего у самого устья реки со складочными амбарами для казенного провианта, подошли новые ссыльные к самому городку Большерецку, расположенному на краю света в отдаленном и, можно сказать, диком месте. На берегу их встретил сам начальник Камчатки, армии капитан Нилов. Опросив прибывших ссыльных, он с теми же расспросами обратился и к Беневскому.

— Кто ты таков? — спросил он его.

— Солдат, бывший некогда генералом, а теперь невольник, — отвечал Беневский[8].

---

[8] Граф Мориц-Август Беневский — магнат королевств польского и венгерского, сын кавалерийского генерала имперской службы, род. в 1741 г. в венгерском комитате Нейтра и начал службу австрийским лейтенантом

Ответ капитану понравился. Задичалый на безлюдье Нилов бойко выделившегося из толпы Беневского приблизил к себе и, под впечатлениями самобытной и богатой натуры образованного, смелого и бывалого человека, очутился вскоре в том положении, когда простое сближение переходит в дружбу и привязанность. Начальник с ссыльным конфедератом стали неразлучны: Беневский обучал начальнического сына иностранным языкам и математике. Насколько был искренен в своих отношениях к ссыльному простодушный и доверчивый армейский капитан, настолько была сомнительна к нему привязанность бывшего генерала, прошедшего сквозь огонь и воду. Самую тесную и нелицемерную дружбу завязал Беневский с Петром Хрущевым, капитаном гвардии, сосланным по указу 6 декабря 1763 года — человеком отличного ума и больших познаний. К нему Беневский быле помещен на квартиру. Взаимная привязанность с этой стороны была прочнее, так как основывалась она, при одинаковом уровне образования, на обоюдной симпатии, порождаемой сходством участи, страданиями и лишениями ссылки. Друзья занимались обучением детей, собирались даже завести школу русского языка для камчадалов, читали книги и, между прочим, прочли путешествие лорда Ансона. Дочитавшись до описания Марианских островов, они увлеклись до того,

---

во время Семилетней войны, причем участвовал в боях под Прагою и Щвейдницем. В 1758 г. его вызвали в Литву, где ему приходилось получить значительное наследство; выйдя в отставку, Беневский отправился путешествовать, побывал в Гамбурге, Амстердаме и Плимуте, где ознакомился с морским делом. Возвратясь в Польшу, принял участье в краковской и барской конфедерациях, произведен в кавалерийские полковники и назначен генерал-квартирмейстером. В 1765 г, получил значительное наследство от дяди, но узнав, что имением этим завладели его двоюродные братья, уехал в Венгрию, вооружил людей, с огнем и мечом завладел землями (суда не искал). Братья счастливо ускользнули из плена и пожаловались правительству. Поступок Беневского сочли за бунт, приказали отнять имение и предать его суду. Беневский бежал из Австрии и окончательно поселился в Польше; в 1767 г. думал отплыть в Индию, но, снова получив приглашение от польских магнатов, вступил в конфедерацию с прежним чином полковника, а 6 июля 1768 г. за храбрость получил чин генерала.

что стали задумываться над возможностью бегства в ту соблазнительную страну, не боясь всякого рода приключений, на которые столь охотно ходили в то время отважные люди всех наций. В том же Большерецке, пятью-шестью годами позднее, майор Бем угощал спутников знаменитого Кука (Гора и Кинга) так, что заставил их перед лицом всего света превозносить русских похвалами за их гостеприимство и пособия. Через десять лет позднее, и сюда же, приходил Лаперуз. Пример европейцев, между которыми Ансон был не первым, укрепил европейца Беневского в мысли на возможности кругосветного плавания, а Хрущева на возможности заговора в среде людей недовольных и озлобленных ссылкою. Хрущев стал во главе, как человек, успевший присмотреться к камчатским делам и возбудивший к себе общую любовь и доверие. Опытным и осторожным камчатским заговорщикам все благоприятствовало: Большерецк только носил имя города. На самом деле это было маленькое селение с деревянною церковью, худшею, чем обыкновенная сельская, с казенным домиком коменданта, казармою, амбарами и десятками кое-где разбросанных избушек. В них жили семейства казаков, старых и малых, 70 человек, но из этого числа некоторая часть находилась в раскомандировке по полуострову за разными казенными делами. Крепость защищалась только ветхими стенами самих строений, но Беневский, оставивший описание своих похождений в книге, изданной в Париже в 1791 году[9], хвастливо представлял место своих камчатских похождений в самом ложном виде, называя капитана Нилова — губернатором, казацкого офицера — гетманом, гнилой палисад — крепостью, канавку, через которую мог перепрыгнуть ребенок, — рвом, несколько человек престарелых казаков — сильным гарнизоном и проч. Заговорщикам

---

[9] Voyages et mémoires de Maurice Auguste comte de Benjowsky. Коцебу сделал из этого романа драму, которая переведена на русский язык, три раза напечатана и некоторое время давалась на петербургском немецком театре (но потом запрещена). Самое путешествие переведено было на английский, немецкий и другие языки и пользовалось в Европе огромною известностью. Между прочим, Беневский вплел целый роман о своих отношениях к Афанасии Ниловой, дочери капитана, который их обручил; девушка не захотела расставаться со своим возлюбленным и приняла участье в его бегстве, но в Макао умерла на руках Беневского.

удалось склонить на свою сторону недовольных из ссыльных до 65 человек (по другим, 70, по Беневскому — 96) и, кроме того, казенных штурманов и подштурманов. Заговор и намерения свои сумели удержать они в величайшей тайне; ждали только случая привести его в исполнение. Обстоятельства, между тем, продолжали слагаться благоприятно.

Из Охотска вышел купец Чулошников на судне в 150 тонн для звериного промысла на Алеутских островах, но плыл неудачно; едва дошел он до камчатского берега, как судно его было выброшено на прибрежные отмели. Пешком кое-как добрался промышленник до Большерецка и остановился тут на зиму. Команда тем временем пришла в уныние, упала духом и, наконец, вышла из повиновения. Чулошников обратился к начальству, прося помощи и содействия; недовольство возросло. Беневский успел в этой мутной воде выследить рыбу: заявив о своих намерениях, подобрал партию для весьма заманчивого предприятия. Недовольные обратились к нему депутациею, прося покровительства. Он отделался оракульским ответом, но таким, который всю команду расположил в его пользу.

Для возбуждения сочувствия в простых людях заговорщики внушали им, что Беневский и привезенные с ним арестанты страждут невинно за государя, великого князя Павла Петровича. На этот случай у Беневского имелся зеленый конверт, каковой он неоднократно показывал, выдавая печать за царскую и уверяя, что под нею письмо к римскому императору о желании Павла вступить в брак с его дочерью, с каковым Мориц и ехал, но был схвачен по дороге и сослан; драгоценный залог высочайшего доверия сохранит он до конца жизни и доставит.

В январе, в квартире Беневского, начались частые сходбища. Новый приказчик, сменивший Чулошникова (Ст. Торговкин), пришел к Нилову с жалобою на команду и с указанием на поляка как на главного виновника смут. Беневский сделался осторожным. Когда Нилов собрался осматривать Авачу, он пришел к нему с просьбою принять план колоний на южной оконечности Камчатки, на мысе Лопатке; обеспечивал вероятие успеха, при хорошем, благоприятном климате, на заведение хлебопашества и говорил:

— Мы уже сделали между собою все нужные приготовления и осмелились наименовать новое селение наше в честь вашу Нилов-

кою. Теперь остается нам испросить последнюю милость: пожаловать какое-нибудь судно для отвоза вещей.

Простой, добродушный, доверчивый и нетрезвый Нилов пленился предложением и согласился отпустить Беневского для предварительного осмотра местности. Беневский с шестью товарищами уехал. Возвратившись через 11 дней, он получил радостное известие, что Хрущев успел подговорить штурмана Гурина (командира пакетбота), готового идти в начале мая в море.

Согласие Гурина — бесповоротно и надежно в том отношении, что другого выхода ему не представлялось: идти в Охотск он не мог, без стыда и опасностей, по случаю неоплатных долгов своих; согласие же свое он дал под впечатлениями недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновение и развратное поведение.

В ожидании ледохода заговорщики принялись обеспечивать возможность предприятия с других сторон. Между прочим, сочинили и распространили басню о каком-то острове вблизи Камчатки, до того богатом золотом, что им легко нагрузить целый корабль. Говорили:

— Мы придем туда скоро, нагребем на галиот золота. Кто не захочет идти с нами в Европу, того высадим на камчатский берег.

Нилов ничего не подозревает, обойденный предложением устройства Ниловки; доносам не верит, не верит даже и старику Петру Ивашкину, сосланному Елизаветою в 1742 г. за дерзкие слова, сказанные им в трактире[10]. Ивашкин много раз предупреждал командира о грозившей ему опасности и существовании заговора, советуя содержать Беневского и Батурина под крепким караулом. Нилов предостережениям не поверил и советов не послушался. Не поверил и одному из чиновников, когда тот явился к нему уже весной (25 апреля) вместе с казачьим сотником и говорил, что число бунтовщиков увеличивается с каждым днем, что они могут завладеть Камчаткою, что надо принять скорые и крутые меры и проч. Беневский же к этому времени успел разбить свою партию на три части: одну поручил шведу Винбладу, другую — Хрущеву, третью

---

[10] Об Ивашкине и Батурине и других государственных преступниках — в следующей главе.

часть оставил за собою. Едва он успел распорядиться, как пришел к нему сержант Нилова с приказанием явиться. Беневский, оправдавшись болезнью, не пошел. Явился за ним казачий сотник, опять звал к начальнику, но и этот получил тот же ответ. Сотник вздумал пристращать:

— Если не пойдешь добровольно, прикажу казакам тащить тебя.

Два казака уже и вошли было исполнить приказание, но товарищи Беневского, выскочив из-за перегородки, всех троих связали. Вечером Нилов прислал приказ выпустить сотника и прийти Беневскому. Получив в ответ обещание прийти завтра, Нилов ждет терпеливо до 11 часов утра. Заговорщики всю ночь не спали, опасаясь внезапного нападения, и в эту ночь успели обдумать все.

Нилов, не дождавшись, велит собраться солдатам и идти схватить ослушника. Приходит капрал с шестью человеками, требует сдаться; Беневский зовет его выпить чашку чая; капрал соглашается — входит. Беневский приставляет к груди его пистолет и заставляет вызывать людей с улицы в избу поодиночке. Вызвав их, связали товарищи его веревками и всех потом посадили в погреб. К тому времени собираются остальные товарищи, Беневский разбивает их на две партии: одну посылает овладеть канцелярией, с другою идет сам в крепость.

Квартиру Нилова оберегают 8 человек, но они все спят. Заговорщики стучат и не достучатся. Проснувшийся сын Нилова дает знать отцу о приходе многих людей, но в это время крюк от дверей был сорван, пришедшие ворвались с неистовыми криками. Нилов успел было схватить Беневского за галстук, но сам пал с разбитым пулею черепом, с порезанною левою рукою и глубокою раною в ноге. Труп его вытащили в сени и бросили. Подчиненные Нилова, не участвовавшие в заговоре, поспешили броситься вон из крепости. Один казак пролежал все время под столом. Наибольшее сопротивление оказал сын сотника Черного, который из собственного дома стрелял в мятежников из ружья. Его обезоружили и посадили под караул в крепости. В крепость приходит Хрущев с известием, что канцелярия взята без всякого сопротивления. Решено: Панову с 22 человеками идти собрать детей и женщин в церковь, обложить ее кругом соломою и объявить остальным жителям, что, при малейшем противодействии с их стороны, жены и дети их будут со-

жжены. Буйные промышленники купца Холодилова бросились было грабить и хотели убить приказчика, но Беневский дал ему случай спастись бегством и укротил буйных. Затем отправился в канцелярию, сел за судейский стол и приводил народ к присяге новому императору.

Панов и Батурин делают опись деньгам в казначействе и всем казенным вещам, отбирают из последних те, которые намерены взять с собою[11]. Когда сосчитаны были деньги, Беневский стал раздавать их единомышленникам и разным купцам, находившимся в Болыперецке: одному Кузнецову (которого назначил своим адъютантом) дал три тысячи. В 9-м часу вечера велел принести привезенное из Охотска казенное хлебное вино. Винблад принес две фляги, которые тут же и были роспиты; остальным вином Беневский поил как своих, так и всех жителей, находившихся под караулом. Выйдя из канцелярии, поставили около нее заряженные ядрами и картечами пушки и мортиру и значительное число вооруженных людей на всю ночь.

На другой день (27 апреля) Беневский похоронил Нилова сам, подле Успенской церкви. Затем тотчас же велел готовиться к походу: к 28-му числу были изготовлены паромы и для того собраны боты и лодки (числом 11), принадлежавшие тамошним казакам и жителям; погружены порох и артиллерийские снаряды, казенное остаточное вино, провиант и рухлядь (кроме соболей и лисиц); посажены все люди, как аманаты (кроме малолетних). Сообщники его, между тем, грабили кого хотели, отчего многие жители бежали и некоторое время скрывались в тундрах. 30 апреля Беневский был уже в Чекавинской гавани, вблизи устьев Большой реки, и занялся приготовлением галиота «Св. Петр», бывшего еще во льду. На немто он и ушел крутом света через 12 дней (12 мая 1771 г.). Доносчиков-канцеляристов он взял с собою и одному из них, более других виновному, велел исправлять тяжелую работу кока. На галиоте водружено было знамя императора; вся пустившаяся в плавание

---

[11] В цейхгаузе, вместе с пороховою казною, артиллерийскими припасами и другими военными снарядами, нашли ясачную казну, собранную с ясачных камчадалов. Беневский говорит, что одних бобров было 748, лисиц 268 и 1900 соболей.

шайка назвалась «собранною компаниею для имени его императорского величества Павла Петровича». Все дали присягу защищать знамя до последней капли крови. Затем они составили объявление для отсылки через Болыперецк в правительствующий Сенат и подписались все заговорщики, кроме Хрущева. В объявлении кратко излагалось, что законный государь Павел Петрович незаконно лишен престола, что разорительная война с Польшею ведется для одного Понятовского, что народная собственность, вино и соль, отданы на откуп немногим; что от монастырей взяты крестьяне на воспитание незаконных подкидышей; что у депутации для составления законов отнято право свободного обсуждения; что подати необычайны и оброк безразлично собирается с калек и младенцев, как бы со здоровых; что несправедливые, криводушные судьи наказываются только денежным штрафом; что добытым золотом пользуются только одни царские любимцы; что народ коснеет в невежестве и страждет; что Камчатка разорена своевольными начальниками.

Как до сих пор помогал Беневскому ум, удержавший в толпе ненадежных людей тайну заговора в течение нескольких месяцев и постигнувший возможность достичь из Камчатки Китая, так теперь начинает действовать отвага, рассчитывающая совершить опасное морское плавание при помощи кое-какой карты, приложенной к путешествию Ансона. Тем не менее, придерживаясь берегов, на шестой день плавания искатели приключений завидели первый остров (остров оказался четвертым из Курильских — Парамушир). На нем беглецы пекли хлебы, сушили сухари, исправляли судно, шили флаги и вымпелы и творили суд над теми, которые решились «всех тех злодеев на судне погубить и, овладев судном, идти обратно в Болыперецк». Троих из них Беневский высек нещадно кошками, но оставил на судне. Трое других (штурманский ученик Измайлов и камчадал Парончин с женою), высеченные кошками, оставлены были на пустом острове с некоторым запасом ржаной муки. Как они потом ни кричали, сколько ни плакали, Беневский оставался в своем решении непоколебимым[12]. Под английским вымпелом га-

[12] Судьба сжалилась над этими нашими Робинзонами тем, что во время одного из обходов ими острова привела на четвертый день к судну

лиот «Св. Петр» пошел в море дальше. Свежею водою при следующей стоянке наливался галиот уже на одном из японских островов, несмотря на то, что жители, стоя на берегу, отмахивали их лодку от берега. Сухари пекли и снова наливались водою, под защитою артиллерии, на берегу нового японского острова Танао-Сима. Следующая стоянка не посчастливила: жители не только не пустили на берег, но еще затеяли перестрелку. Остров этот был уже Формоза. На нем из прибывших за свежею водою туземцы троих убили (и, между прочим, Василия Панова), троих ранили стрелами. Беневский жестоко отомстил им за то тем, что из первых попавшихся плывшими мимо на лодке троих застрелил, за двумя другими послал погоню, которая и изрубила их в куски. Трупы товарищей похоронили, шалаши и лодки сожгли и, выбросив на остров 21 ядро, поплыли дальше. Пять дней бродили, не зная своего места. Пристали к китайским берегам и здесь, в городе Макао, при содействии португальцев, Беневскому удалось продать галиот губернатору за 4500 пиастров. О приставании корабля в Макао пограничное сибирское начальство узнало от миссионера Августина, дало знать в Иркутск уже в то время, когда императрица частным образом узнала о камчатском событии и о возвращении Беневского в Европу. В Макао русские узнали обман, до которого себя допустили. Беневский, живя у губернатора острова и продав галиот как свою собственность, объявил ему, что его отечество Венгрия, почему и всем русским велел также называться венграми, запретил им креститься и молиться образам. Винблад и Степанов с ним рассорились, но Беневский успел оклеветать всех в намерении произвести бунт и завладеть городом. Их рассадили по тюрьмам, все принуждены были смириться, кроме Степанова, не хотевшего дать подписки на подданство римскому императору; он предпочел за лучшее остаться в заточении. Беневский его с собою не взял. На дальнейшем плавании его умер Батурин и оставлено больными еще семь человек. Часть команды (15 человек из 70) умерла от лихорадки и горячки, другая часть поместилась на двух французских фрегатах и немедленно отправилась из Кантона в море. В марте 1772 г. бежавшие из

русских промышленников купца Протодьяконова. Измайлов во все это время питался одними ракушками, морскою капустою и кореньями.

Камчатки русские пристали к французскому острову Иль-де-Франс. В конце марта следующего года пробирались они пешком в Париж и явились там к резиденту Хотинскому, который обласкал их и снабдил довольствием. 30 сентября того же 1773 года кругосветные плаватели приплыли в Кронштадт; 3 октября их отправили в Сибирь, в сопровождении двух сенаткиx курьеров и с извещением новому камчатскому коменданту о том, что «по дошедшим ко двору известиям, Беневский (известный в Камчатке под именем венгерца Бейснокса) явился во Франции и нашел покровительство, как у державы, к Российской империи не доброхотствующей». «Французский двор (пишет далее генерал-прокурор Вяземский), вооружа для него фрегат и малую флотилию, отправляет его с 1500 человек войска якобы в Ост-Индию для завоевания там нового у варваров селения, в самом же деле, по примечаниям, прямое намерение его экспедиции укрывается. Данное отчаянному оружие в руки, сколько ни кажется смеха и презрения достойным, благоразумие однако ж заставляет и против безумного стремления остерегаться, тем паче, когда оно отчаянною головою в действо производится. Но как притом помянутого Бе-невского во время арестования в Петербурге сам я видел человеком, которому жить или умереть все едино, то из сего не без основания и подозревать можно, что он, зная свободный проезд до Камчатки и имея о берегах и о жителях ее сведения, не покусился бы когда сделать и на нее какие-либо поиски».

Опасения были напрасны: Беневский предлагал французскому правительству завести колонию на Формозе, но двору хотелось занять Мадагаскар. Туда он и отправился на счет правительства. Полтора года провел он там в борьбе с жителями и с начальником острова Иль-де-Франс, но борьбы и интриг не выдержал и бежал в Лондон. Здесь написал мемуары свои, наполненные всякого рода заманчивыми баснями; издатель Магеллан познакомил его с богатым торговым американским домом в Балтиморе. В 1784 году Беневский был там и успел склонить их к завоеванию Мадагаскара. Две пушки приветствовали его, как старого знакомого на этом острове с крепости Луисбург 20 сентября 1784 года. Вступив на берег, он вскоре начал усиливаться до того, что версальский кабинет, при содействии англичан, решился вытеснить его оттуда и отправил фрегат с ротою солдат; солдаты Беневского затеяли с французами

схватку. Беневский не хотел сдаваться, засел в замке, им же самим достроенном. Боясь засады, французы четыре дня не решались идти; войдя, увидели три трупа и между ними труп красавца Беневского с орденами св. Духа и Людовика на груди; в кармане — полпиастра, в сердце — пуля, пущенная, говорят, 23 мая 1786 г. одним из туземцев, не хотевшим бороться с французами.

Возвращаемся в Камчатку по горячим следам беглецов. 83 человека приказных, военных и купцов выбрали начальником, до прибытия командира, штурманского ученика Софьина и приняли присягу на верность императрице. Оставшись безоружными, поспешили выпросить помощь из Верхнекамчатска, состоящую в двух орудиях и 12-ти солдатах. Последние не должны были входить в Большерецк до тех пор, пока не узнают, что неприятеля там нет. Двух недель достаточно было для того, чтобы вся Камчатка пришла в тревогу. В большерецкой канцелярии ежедневно производились допросы. С ними, с запечатанным конвертом Беневского на имя Сената, с окровавленною постелью Нилова, с ведомостями о расхищенном и уцелевшем казенном имуществе отправился Софьин на галиоте в Охотск. Командир порта, старик Плениснер, счел за нужное дополнить следствие и упустил время: рапорт, сберегая казенный интерес, отправил с попутчиком, который, вдобавок, долго промедлил в Якутске. В Петербурге известие о камчатской катастрофе получено через 8 месяцев, по сухому пути, когда сведения, облетевшие кругом света, успели уже вызвать различные меры: назначено было за каждого из пойманных бунтовщиков по сто рублей тому, кто их приведет живыми или мертвыми; приказано промышленным людям стараться перевязать беглецов и проч. Плениснер отрешен от должности за слабость надзора за государственными преступниками во время их пребывания в Охотске и за медленное донесение начальству о произведенном ими бунте.

Из спутников Беневского не вернулись назад, кроме умерших в пути, четверо: швед Винблад остался в порте Людовика и потом возвратился в Швецию; Хрущев вступил во французскую службу капитаном, Кузнецов — поручиком, Майдер — лекарем. Из возвратившихся: канцеляристу Судейкину и Рюмину с женою определено быть в Тобольске, штурманскому ученику Бочарову — в Иркутске на свободе, матросам Ляпину и Бересневу служить в Охотском порту,

матросу Сафронову дать отставку и иметь ему пребывание там же, равно как и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочим 8-ми работникам купца Холодилова поступить в иркутское купечество. Священнику Симеону, приводившему к изменнической присяге, и прочим 27, не соблюдшим своего долга, вменено в наказание двухлетнее их заключение (они снова были приведены к присяге). «Хотя, — объявлял генерал-прокурор 31 марта 1774 года, — священник Уфтюжанинов и навлек на себя подозрение дружескою связью с изменниками, но, как он сделал сие по примеру большерецкого командира, сына же отдал им в научение по родительской любви и уже наказан вечною разлукою с ним и тюремным заключением, то объявить ему прощение[13]. Розданных злодееми казенных денег ни с кого не взыскивать и все дело предать забвению». Милостивое прощение возвратившимся выдано было с приведением всех вновь к присяге на верность на том основании, что они «довольно за свои грехи наказаны были, претерпев долгое время и получив свой живот на море и на сухом пути; но видно, что русак любит свою Русь, а надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна». Так писала Екатерина генерал-прокурору, препровождая ему письмо резидента Хотинского. Узнав, что сосланный в 1762 году Семен Гурьев не только не пристал к злодеям, но даже потерпел от них побои, императрица возвратила его в калужские деревни братьев его под присмотр. Ту же милость она оказала двум братьям его, поселенным в Якутске.

Глава II. Ссыльные поляки

Обрусение ссыльных поляков. — Три эпохи ссылки. — Судьба последующих ссыльных. — Польские восстания и заговоры в Сибири, России и Польше. — Участье русских людей в польском деле. — Влияние поляков на страну изгнания. — Четыре разряда ссыльных поляков. — Встреча прибылых и обращение с оставшимися.— Влияние декабристов.— Польский огул. — Венжик. — Набожность. — Касса поляков. — Товарищество. — Кедровое масло. — Пчелы. — Савичевский. — Братья Далевские. — Обучение детей. — Несчастная судьба полковника Высоцкого, ксендза Синонин-

[13] Сын священника Уфтюжанинов остался с Беневским и ходил о ним в морскую экспедицию по поручению французского правительства.

ского и доктора Шокальского. — Громадный заговор. — Самоубийства. — Подделка фальшивых ассигнаций и способы этого производства. — Побег в гробу. — Альбина Мигурская. — Побег и похождения Руфима Пиотровского от Тары и Тобольска до Парижа

Деяния Беневского произвели на Петербург такое сильное впечатление, что Камчатку с тех пор перестали считать хорошим ссыльным местом; не только государственных, но и никаких преступников не стали посылать туда. Слух об его подвигах и, особенно, об удаче, быстро облетевший всю Сибирь и с особенным участием и вниманием принятый в ссыльных местах, произвел на его товарищей по польским войнам такое впечатление, что те из барских конфедератов, которые находились в нерчинских рудниках, решились последовать его примеру. Сорок человек согласились попытать подобного счастья уплыть по Амуру до океана, с надеждою встретиться там с европейскими мореплавателями. Несмотря на смелость замысла, на сомнительный успех предприятия, они, с величайшими предосторожностями, успели выстроить на Шилке судно и заготовить съестные припасы. Беглецы готовы были уже отплыть, как в Даурию пришла весть о смерти Екатерины и вступлении на престол Павла. Время побега было отложено; поляки стали рассчитывать на помилование и в нем они не ошиблись; вскоре пришло всем польским политическим ссыльным дозволение возвратиться из Сибири на родину в Польшу.

Возвратились не все. До сих пор между фамилиями коренных сибиряков-старожилов сплошь и рядом попадаются фамилии польские и при них семейные предания, указывающие прямо на происхождение от ссыльных поляков. При этом предания не восходят дальше дедов и в редких случаях нисходят ближе к нам от времен Екатерины II, богатых высылкою шляхты из Заднепровья и Польши, из Литвы и Белоруссии и из губ. Смоленской. Не только на отдельные личности, но и на целые группы влияла ссылка в те времена с таким успехом, что обрусение ссыльных поляков представляется в Сибири явлением осязательным и бесспорным. В Западной Сибири, около Семипалатинска, в красивой и богатой местности на плодородной земле, укрепились две деревни, образованные из польских потомков, до сих пор умеющих говорить по-польски и существующих любимым белорусским промыслом — пчеловодством. В 20 верстах от

Тары (Тоб. губ.), недалеко от Екатерининского завода, волостной голова (Пановский), сохраняя польский тип лица и молодцеватую осанку, имел дедом конфедерата. В самой Таре у двух братьев, торгующих мещан (Грабианских), отец был поляком, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе не умели говорить по-польски; в Березове — Новицкий, Шенявский; в казаках Западной Сибири: Костылецкие, Яновские, Хлыновские и проч. В Восточной Сибири, за Байкалом, на Ингоде, где так цельно сохранили свою национальность малороссы, во многих деревнях с польскими фамилиями живут коренные сибиряки, а на Ононе (между прочим в Усть-Илимском селении) целые семейства (например, Барановские) происходят от барских конфедератов. Иосиф Копец, барский конфедерат, ехавший в ссылку в Камчатку в 1794 г., в Иркутской губ. нашел целую колонию, составленную из ссыльных поляков и русских (наз. Кирьюга). Между чиновниками-туземцами попадаются даже с такими знаменитыми фамилиями, как Ходкевичи (по всему вероятию, потомки тоже какого-нибудь конфедерата). Внук конфедерата Хилковский, кроме фамилии и памяти, что дед его был поляком, ничего польского в себе не имеет[14]. Примеров такого рода настолько много, что наблюдавшие за подобными превращениями могли прийти к тому выводу, что дети, рожденные от отца-поляка и матери-сибирячки, употребляя язык матери, только в чертах лица либо в характере успевают сохранять следы польского происхождения. Но стоит этому метису жениться на сибирячке, чтобы во внуках самый пристрастный и увлекающийся поляк не нашел уже ни малейших признаков польской крови. Как бы то ни было, но все поляки, следившие за такими превращениями на месте, твердо убеждены в том, что главная причина такого явления заключается в этих смешанных браках, обусловленных правительственным узаконением, чтобы дети исповедовали православную веру, а через то «обрекались на одно из главных и самых действительных средств к утрате собственной народности, — средств постепенного и медлен-

[14] Следующие фамилии также совершенно обрусели: Юдицкие, Тарновские и Казановские — потомки барских конфедератов; Зелинские, Войцеховские, Зенкевичи, Бржозовские (Березовские) и Домашевские — потомки сосланных за участие в восстание Тадеуша Костюшко.

ного обрусения людей, над которыми владычествует Россия». «Знали мы (говорит один из поляков, долго проживший в Сибири) очень много детей супружеств, в которых одна особа была православной веры; за малыми исключениями, все те дети не обладали польскою народностью и часто в душе были русскими».

Доказанная опытом сила влияния брачных союзов на обрусение поляков в Сибири, действительная для холостых и вдовых из желающих, отразилась на судьбе других ссыльных времен Екатерины с подспорьем и при участьи других местных причин, которые были одинаково сильны и не менее очевидны. Обрусение производилось над людьми, не имевшими надежд к возвращению на родину при отсутствии примеров подобного рода в предшествовавшие времена. Судьба их находилась в руках людей, видевших в системе ссылки одну только сторону карательную, убежденных прежними опытами в том, что мятежников и политических ссыльных следует считать, по преимуществу, людьми опасными и вредными, и убеждаемых при всякой новой присылке их в том, что они преступники «великоважные», что и самая Сибирь с трудом может быть принимаема для них за страну полного возмездия и кары. Миних томился в Пельше, Меншиков и Остерман умерли в Березове. Фика, закованного в тяжелые ручные и ножные кандалы, сослали в самый отдаленный якутский острог, но вскоре перевезли еще дальше на север, за полторы тысячи верст — в Зашиверск. Но и это место показалось слишком слабым для полного мщения: его перевезли в Средневилюйское зимовье, имевшее три бревенчатых юрты якутов и лежавшее в страшной глуши болотистой тундры. Князя Черкасского, смоленского губернатора, заточили на вечное житье в Жиганском зимовье и выпускали на воздух только днем, но и то за присмотром двух солдат. Вице-канцлер Головкин очутился в Собачьем остроге на отдаленной Колыме под 67° с. ш., в бревенчатой хате, оберегаемой ночью часовыми. Менгден поселен еще дальше его, на самой окраине тундры, всего в 76 верстах от Ледовитого океана, на самых устьях Колымы; Ивашов попал в Камчатку в Большерецкий острог. Самые отдаленные трущобы с трудом удовлетворяли мщению, самые тяжелые страдания там едва успевали успокаивать мстителей. Приказывали всемерно опасаться их, не допускать ни до каких разговоров. Людей, оказавших им какие-либо услуги, жестоко

наказывали кнутом и засылали еще дальше; предписывали кормить, только в таких размерах питья и пищи, чтобы ссыльные не умерли с голоду; приказывали стараться забывать даже их имена и, содержа в вечном темном и сыром заточении, считали и называли их нумерами.

Под такими-то впечатлениями воспитывались дозорщики, укрепляемые и руководимые в своих понятиях и воззрениях на политических ссыльных теми предписаниями, которые шли от Бирона, Шишковского, Вяземского и других! Под влиянием и надзором таких-то людей направлялась жизнь первых ссыльных поляков, убеждаемых в том, что Сибирь для них новая родина, что тем и другим путем следует в ней укрепиться, в единственных надеждах на нее одну. Средств много, большого труда для умелых и сильных рук не представляется! В молодой стране почти ничего нет, кроме естественных скрытых богатств, и жизнь подчиняется законам случайностей, более и чаще образцам дикарей-туземцев и меньше и реже рутинным приемам, полученным прежними пришельцами на родине; они либо сделались промышленниками и звероловами, либо, придержавшись рек, исключительно землепашцами. Ремесла, оставаясь в пренебрежении, так и не возрождались в Сибири, и в наши времена представляются в прежнем жалком, отчаянном состоянии[15]; и без них богатая страна кормила пришельцев здоровою пищею. Предметы ремесел России в обмен на сырые произведения Сибири развили в новой стране огромное количество торгового люда; торговля расплодила богатые города на русской окраине, у самых ворот Сибири, и породила тут ярмарку, немногим уступающую крупнейшим ярмаркам метрополии. Пришельцы из польских городов и местечек, организовавшихся по образцам европейских городов, при замечательном развитии ремесленных занятий, в удовлетворении насущных и настоятельных потребностей земледельческого промыслового сибирского люда, нашли и первое дело и надежное обеспечение на будущую жизнь. То и другое выразилось в таких размерах, что большую часть потолков бар-

---

[15] В описываемые нами времена не только у сибирских инородцев, но у казаков (на большую часть русских пришельцев) не было например, портных и солдатское платье шили киргизские бабы.

ских конфедератов и костюшковцев мы находим в хорошо обеспеченном бытовом состоянии. Все вышеупомянутые нами лица — люди зажиточные, богатые, пользующиеся почетом и уважением соседей настолько, что служат выборными не ниже звания волостных голов. Не меньшая часть успела проникнуть и укрепиться в слое туземного служилого, чиновничьего сословия, несмотря на всю трудность долговременного прохождения всех разрядов ссыльных сословий от звания ссыльно-каторжного до того свободного состояния, в котором предоставляется возможность обучить сына в казенном учебном заведении и затем видеть во внуке полковника. Длинная перспектива к улучшению положения для поляков, назначенных на каторгу, кончалась только на детях. Короче, был путь для поселенцев имевших право и возможность поселиться вблизи и внутри сибирских городов, сильно нуждающихся в ремесленниках и людях, владеющих иными полезными и прикладными знаниями. Значительному числу из трудолюбивых, находчивых и умелых удалось настолько воспользоваться своими знаниями к обеспечению собственного быта, что, по объявлении им права к возврату на родину, весьма многие остались в Сибири жить навсегда. Указ Павла на значительное число ссыльных поляков первого периода ссылки не произвел никаких впечатлений. То же самое случилось и через 15 лет после того с весьма многими поляками, из числа военнопленных, после войн с Наполеоном, присланных в Сибирь на службу: из 900 человек, служивших в кавалерии и поступивших в сибирские казаки по объявлении в 1815 году им Высочайшего разрешения возвратиться в отечество, остались добровольно навсегда в казаках 160 человек. Значительным соблазном для многих из этих поляков послужил город Омск, а добрым приютом для них оказался организованный в то время генералом Броневским оркестр казачьей музыки. Чехи, немцы и поляки удивили Омск, от сотворения мира не слыхавшего музыки. В 1815 году некоторые поляки возвратились на родину, но значительную часть удалось уговорить остаться навсегда за некоторую прибавку к содержанию. Так же поступили многие за Байкалом[16].

[16] Одни из таковых сделались впоследствии офицерами; между ними Квятковский установил школу трубачей, так что все казачьи полки в Сибири

Конечно, времена изменились; люди Александровского времени являлись в Сибирь с гуманным образованием, с более умягченным нравственным настроением; самая система правления отличалась терпимостью, желаниями и стремлениями уничтожить неправду и злоупотребления. Дошла очередь и до Сибири: Сперанский прислан был карать сибирских притеснителей и истреблять многочисленные и крупные следы произвола, насилий и жестокостей. Появление его считается тою эпохою, когда совершился первый перелом в бибирской жизни и крутой поворот на новую стезю от дикой жизни прежних времен и суровых отношений ко всякого рода ссыльным, Сибирь в администрации испытала коренные преобразования, им задан был другой тон, а если временами слышались диссонансы, то уже как исключения из общего строя. Люди административные стали не те; и как бы сурово ни высказывались взгляды на политических ссыльных впоследствии, какие строгие меры ни предписывались, и в новых приставниках и самом сибирском населении организовалась противодействующая сила. Если политическим ссыльным не сделалось хорошо, то, во всяком случае, стало несравненно легче. Между первыми временами, когда сибиряки не хотели принимать в семейства и отдавать дочерей за пленных шведов, присланных Петром I из-под Полтавы, но и пускать к себе в избы, — между этими временами и последними годами царствования Александра лежала уже огромная про-

---

стали получать приготовленных трубачей. Известный русский композитор, сосланный в Сибирь из Москвы, Алекс. Алекс. Алябьев, автор пьес, ушедших в народ (Соловей, Вечерком румяну зорю и Вечерний звон), довел омский оркестр до замечательной степени совершенства. Поляк Волицкий, бывший офицер польской армии, образовавший себя в Парижской Академии музыки в превосходного учителя и дирижера, в значительной степени поддержал в омском оркестре алябьевскую славу, так что до сих пор дух этих талантливых людей не перестает жить в омском оркестре.

Вот имена первых замечательных артистов в начале омского оркестра: Радбольский, Гиденский, Голомбетский, Флек, Ган. За Байкалом один солдат войск польских 1812 г. находился в Кяхте; это был выслужившийся солдат, носивший знаменитую фамилию Понятовского, человек, умевший делиться последним черствым куском своего хлеба со всяким неимущим и нуждающимся.

пасть. Польским людям политической ссылки следующего второго периода досталась несравненно лучшая доля. Пленные из войск Понятовского уже не жили в изгнании больше двух лет, политическая ссылка перестала быть бессрочною и возымела характер временной меры, стала питать и подкреплять страдальцев надеждами, сделалась привилегированным исключением в системе всех других видов ссылки. Такими свойствами выразились годы Александровского царствования, благоприятного для политической самостоятельности Польши. Даже члены «товарищества патриотов», организованного в последние годы жизни Александра I при деятельном участии Лукасинского и в согласии с целью и намерениями Пестеля, были осуждены и сосланы уже после смерти любимого Польшею императора[17]. При Александре I значительное большинство поляков, сосланных в Сибирь, принадлежало обыкновенным преступникам, осужденным за уголовные преступления.

Ссылкою членов патриотическаго общества начался новый, второй период польской ссылки.

17-го ноября 1830 года началась польская революция, кончившаяся в следующем году штурмом Варшавы (6-го и 7-го сентября); в 1832 г. стали появляться в пределах Сибири польские изгнанники, передние ряды ссыльных меньшей степени виновности, рядовые люди, из царства и трех уездов Виленской губернии. В 1833 году прибыл в Восточную Сибирь и Петр Высоцкий, начавший восстание, один из деятельных начальников его, на 20 лет каторги. Все осуждены были военным судом по полевому уголовному положению. Людей низшего звания, взятых с оружием, следом за ушедшими на каторгу и в крепостные работы, прислали на службу в сибирские линейные батальоны. В 1834 г. начали прибывать эмиссары за дело 1833 г., силившееся организовать новое восстание, а вместе с ними и в большом количестве и те, которые оказывали этим эмиссарам

---

[17] В том числе, между прочими, граф Мошинский (в 1827 г.), один из организаторов «общества соединенных славян», отличавшийся в Сибири своею благотворительностью. Поляки успели так ловко повести дело и скрыть действия польского революционного общества, что отправлены в Сибирь только немногие: кроме Мошинского — Крыжановский и Янушкевич.

сочувствие и содействие, выразившиеся в том, что одни давали приют, другие носили в лес пищу и проч. За эмиссарами прибыли в Сибирь поляки из дела Симона Конарского, расстрелянного в Вильне в 1838 году. В 1839 г. вместе с руководителями своими (Венжиком и Эренбергом) явились в Сибири чины «товарищеской организации польского народа» (Stowarzyszenie ludu polskiego), представлявшей в Варшаве отдел большого заговора Конарского. Вместе с ними пришли в Сибирь и те, которые вели систематическую пропаганду демократической науки и собирались для бесед в соборе св. Креста (почему и назывались swietokrzyzcami). В 1840 году присланы эмиссары, бежавшие в 1831 году за границу и явившиеся, между прочим, из Англии и из Турции; за ними участники заговора Каспера Машковского, организовавшего так называемый «союз Волынский»; потом сообщники «союза пропаганды» ксендза Сцегенного (1843 г.)[18]; в 1844 году члены варшавского «союза соединения польского народа», затеянного Гзовским[19], в 1846 — члены варшавского демократического союза; за ними седлецкие и галицкие повстанцы. В 1848 г. дело известного автора Коменского; в том же году высылаются в Сибирь из Варшавы студенты гимназии, предложившие убийство Паскевича и знавшие об имеющем совершиться в 1846 г. восстании. Тогда же Австрия выдает эмигрантов из Галиции, затеявших там пропаганду освобождения Польши; выдает и Пруссия, высылают эмиссаров из Литвы. В 1846 году восстание в уезде Седлецком под начальством Потоцкого и восстание в уезде Меховском. В 1847 году пойманы, суждены и сосланы повстанцы 1831 года, эмигрировавшие за границу и явившиеся в роли эмиссаров в Польшу перед революциями 1848 года. В 1848 году вспыхивает восстание великопольское, основанное в надеждах на Венгрию, и, в то же время, независимо от варшавского, в Вильне организовался союз литовской молодежи (Zwiazek mlodziezy litewskej), питавший надежды, что венгерцы и поляки из Венгрии придут в Польшу со знаменем восстания, — союз, превратившийся вскоре в заговор. Заговор приготовлял восстание на Великий чет-

---

[18] Заговор имел целью основать восстание на освобождение крестьян.

[19] Этих за разговоры о политических планах всех обратили в солдаты сибирских линейных батальонов.

верг под руководством братьев Далевских, но был открыт в 1850 году. Во множестве солдат, принявших участие в мятежах, приходили в Сибирь и такие, которые осуждены были вместе с тем и за побеги из русских войск в повстанческие, и за отбитие рекрутов в дороге; попадались во второй раз и такие (как Розанский), которые уже побывали в сибирской ссылке и в первый раз в Сибирь являлись из тех, которым предстояла иная участь (например, солдатская служба на Кавказе), но которые с дороги бежали и были пойманы; приходили и такие, которые увлеклись европейскими смутами 1848 года и бежали за границу. Присылали и за оставление отечества, и за оборону себя оружием при аресте, и за покровительство эмиссарам, а в 1855 году тех, которые отбили рекрутов и намеревались вместе с ними бежать к французам в Крым. Некоторые явились в Сибири просто за политические замыслы; другие за перевоз корреспонденций заговорщикам. Последней преступности люди были большею частью (но сравнительно в ничтожном количестве) из еврейского населения Царства Польского и западного края России[20]. Вместе с ними за польское дело ушел один только русский — прапорщик Караваев (через несколько лет пересланный из Сибири на Кавказ, где ему снова позволено было поступить на военную службу), один француз Шарль де Люсенэ, так же как и Караваев, участвовавший в заговоре Конарского в Вильне, и один латыш (Янис Реке), сосланный за восстание 1831 года также в нерчинские рудники. За участие в заговоре Михаила Воловича из Слонима (намеревавшегося поднять народ, напасть на Слоним, отбить арестантов и начать восстание) присланы в Сибирь, между прочим, несколько крестьян-белорусов. Малороссы юго-западного края явились в Сибири за восстание в виде дворовых холопов и иных чинов панских экономий; были даже торбанисты и песенники.

---

[20] Из числа ссыльных в Сибирь евреев только один был сослан за политическое дело — Роберт Файнберг, родом из Митавы, доктор. За деятельное участие в берлинской революции 1848 года выдан был пруссаками и выслан на работы в Екатерининский завод под Тарою. Когда его товарищи были уволены на родину, а он нет, Файнберг от тоски впал в сумасшествие и, перевезенный из Тары в Тобольск, умер там в 1860 году в лазарете. Из небольшого числа евреев, замешанных в последнем восстании, все уличены в тайном провозе оружия из-за границы.

Прапорщик Кузьмин-Караваев служил в Новоингерманландском полку, квартировавшем в Вильне. В заговоре был замешан он из любви к польке (девице, графине Олизар), требовавшей этой жертвы с его стороны. Руководился он теми же желаниями и планами, которые внушены ему были последователем Конарского, Гильдебрантом. Вместе с собою увлек Караваев офицеров Эстляндского полка, вступившего в караул, когда уже Караваев сидел под арестом: прапорщика Герасимова и де Люсенэ. Все они помогали Гильдебранту и Мошинскому, арестованным в имении Базилианов, выходить но ночам в город, давали им свои мундиры, сами одеваясь в арестантское платье; допускали к ним дам и, между прочими, Снядецкую — одну из пламенных патриоток, последовательницу пропаганды Конарского. Де Люсенэ искал даже бумаг для побега Гильдебранта с Мошинским. Караваев, содержась на арсенальной гауптвахте, в одной тесной комнате вместе с караульными офицерами, деятельно вел свою пропаганду и вызвал участие к своей судьбе: прапорщик Герасимов несколько раз выпускал его ночью в город; Барнвиц вел по-польски переписку. Суд решил смотреть на все это вмешательство в дела польские русских людей — вмешательство, выразившееся, главным образом, в покровительстве арестованным последователям Конарского, — как на затею сумасшедших. По этой причине положено было заключить их в дом умалишенных, имение отобрать в казну, пока выздоровеют, а потом для испытания послать их в Сибирь на поселение. Так и был поступлено с Караваевым и де Люсенэ. Остальных офицеров решено было послать на покаяние на Кавказ и не повышать их чином, пока не образумятся (поручик Огонь-Догановский, прапорщики Варнвиц и Герасимов, потворствовавшие арестованным и прислушивавшиеся к урокам их пропаганды).

Во всяком случае, громадное большинство политических ссыльных принадлежало к кровным полякам, наибольшею частью уроженцам Царства Польского, преимущественно — шляхетского роду и исключительно римско-католического вероисповедания[21].

---

[21] Для примера отношений царства к другим шляхетским окраинам его приводим несколько цифр. Из 59 случаев ссылки за бунт и государственную измену в 1839 г.: 31 принадлежит Киевской, 11 — Виленской, 1 — Гродн., 16 — городу Варшаве; в 1846 году из 28 случаев:

Почти $^{2}/_{3}$ всего числа сосланных за политические преступления принадлежат дворянству; на их долю приходится 10% изо всего числа ссыльных этого сословия и большинство всегда остается за шляхтою западных губерний (смешанною в сибирских табелях под общею и неопределенною рубрикою дворян-неслужащих). После дворян сильнейшая наклонность к преступлениям этого рода замечается у солдат, но и здесь процент ссыльных почти в 20 раз меньше процента дворян. Так говорят цифры в течение 20-ти лет (с 1827 по 1846 г.).

Те же двадцатилетние цифры уверяют и в том, что сильная наклонность к преступлениям против власти и, в особенности, политическим составляет отличительную черту католиков, для которых вероятие ссылки несравненно сильнее, чем для лиц всех других вероисповеданий (в этом случае католики к православным, например, относятся как 29,5:1).

---

23 принадлежат г. Варшаве; в 1847 по 24–23 г. Варшаве (т. е. Царству Польскому) и т. д. Точно так же за эмиграцию эмиссаров («за оставление отечества», как сказано тобольскими табелями) наибольшее число сослано из Варшавы (26 на 9 лет с 1838 по 1846; 12 из Бессарабии, 7 из губ. Виленской, 6 из Волынской, 3 из Подольской, по 1 из Ковенск., Гродн., Витебск.). Наибольшее число эмиссаров пришло в Сибирь в 1834 г. (34 чел.), в 1839 (18), в 1840 (115), в 1838 (8), в 1841 только один, в 1845 и 1846 ни одного. Двадцатилетняя цифра убеждает в том же, что, кроме Царства Польского, наибольшее число эмигрантов оказалось в Бессарабии и губ.: Волынск., Виленск. и Подол. Соображения цифр за 20 лет в тех же семи губерниях западных: Вил., Гродн., Могил., Киевск., Волынск., Подольск, и Белостокск. обл. убеждают в том, что число сосланных отсюда в Сибирь за государственные преступления составляет почти ⅔ всего числа остальных 39 губ. русских; что из числа последних 16 губ. не дали ни одного подобного сорта преступника; что после западных губ. наибольшим числом ссыльных отличались две губернии столичные (и в особенности Петербургская) и что из западных шляхетских губерний всего больше прислано в Сибирь из губ.: Виленск., Гродн., Киевск. и Белостокск. обл. Наивысшая наклонность к государственным преступлениям по возрастам обнаруживалась в первом периоде возмужалости, т. е. после 30-летнего возраста. В числе других Грузия выслала 1 в 1842 г., 1 в 1845 и 3 в 1846 г. По губерниям политические преступления и эмиграция в сибирских цифрах выразилась такою таблицею.

В подчинении различным степеням наказания и разрядам ссылки политические изгнанники второго периода размещались в Сибири в таких категориях: одни сосланы были на два, на пять и более лет под надзор полиции без потери достоинств и имущества, притом с надеждою на возвращение под родной кров или, по крайней мере, в его соседство. Таких было очень мало; из таковых некоторым приводилось выезжать из Сибири, до возврата на родину, в русские губернии менее отдаленные (Владимирская, Калужская, Рязанская и другие).

Вторая категория изгнанников, сосланных на поселение, сравнительно больше первой, но не представляла собою наибольшей количественной величины и могла питать наименьшие надежды на возврат (хотя некоторому числу удалось дослужиться до чинов и поступить на государственную службу); эта вторая категория находилась в самом худшем житейском положении. Политические поселенцы, происходившие из шляхты и приговоренные к конфискации имуществ, получали помощь от правительства в размере 57 руб. в год; старикам и калекам доставалось ежегодно 114 руб. Те, которые происходили из класса мещан либо крестьян и также приговорены были к конфискации имуществ, не имели права на правительственное вспоможение. В Западной Сибири им не позволяли, в силу закона, выезжать за предел 10 верст от деревни или города, в которых указано их водворить. В Восточной Сибири им предоставлена была большая свобода: там политические поселенцы, с дозволения властей, могли разъезжать по всей Восточной Сибири. Само собою, тут и там дети поселенцев принадлежали к сословию крестьянскому, до 17 лет освобождены от податей и не отбывали рекрутской повинности. Сами отцы в первые два года не платили подушного, и если в течение 10 лет не нарушили ничем благонамеренности, не провинились перед начальством, не были оштрафованы, то они могли через 10 лет записываться в крестьяне или купцы. Само собою разумеется, более счастливый поселенец — из людей простых и самый несчастный — из высших слоев общества.

Третья категория поляков была назначена в арестантские роты и работала (тоже не в большом количестве) в крепостях сибирских, чаще всего по границам Западной Сибири. Положение их немногим разнилось от каторжного, хотя по степени взыскания между

крепостным и каторжным состоянием закон устанавливал разницу; кое-кому удавалось освобождаться и поступать либо в писцы при канцеляриях, либо в домашние учителя на условиях вольного и весьма дешевого найма.

Четвертый разряд ссыльных предназначен был в полковую службу, т. е. в сибирские батальоны простыми солдатами либо на всю жизнь, либо на 15 и 20 лет без выслуги, но с надеждою возврата на родину, не иначе как на такую же солдатскую службу до самой смерти. Несмотря на то, что солдатский разряд полагался слабейшею мерою взыскания изо всех видов сибирской ссылки, он на практике оказался одним из тягчайших. Наибольшим количеством побегов (и притом большими шайками, скопом и заговорами) отличился перед другими этот разряд; наибольшую тяжесть наказания выдержали поляки в этом разряде. При бесцельной жизни, без будущего и надежд, солдаты-поляки предавались в Сибири безграничному пьянству. Многие из них казались до такой степени деморализованными и потерянными, что утратили как чувствования и впечатления сердца, так благородство вида и игру физиономии. Некоторым удалось опиваться до смертельных апоплексических ударов, несмотря даже на то, что товарищество поляков умело внимательно следить за таковыми и считало своею обязанностью удерживать их от окончательного падения. На беду, товарищество не всегда доводило свое участие до конца: трудно исправимых оно исключало из своей среды и предоставляло самим себе и полному влиянию надломленной испорченной воли[22].

Самая строгая категория каторжных, сосланных на 2, 3, 5, 15 лет либо на целую жизнь, самым учреждением своим показывает всю тяжесть взысканий, невыносимую для людей развитых и образованных (каковыми оказалась наибольшая часть присужденных к самым тяжким каторжным работам). До Тобольска таких везли еще в кибитках с жандармами[23]. По Сибири ссыльные уже шли в партиях со всеми другими преступниками и в кандалах.

---

[22] Так, между прочими, за Байкалом поступили с Марциевским, человеком весьма независимого характера и образа мыслей.

[23] Жандармы обязаны были не давать ссыльным в руки ни ножа, ни другой какой-либо острой вещи, а потому они на станциях разрезали мясо и отбирали даже кости, обязаны были не отходить от ссыльного ни на шаг,

Когда ссыльные 1831 года в 33-м году пришли на нерчинские рудники, тогдашний горный начальник велел представить их к себе. Приняв строгий вид, сильным, отрывистым и повелительным голосом он сказал им:

— Ежели и здесь будете мыслить против правительства, то ожидает вас не веревка, не пуля, но палки, которыми прикажу вас заколотить.

Слова эти были произнесены таким тоном, что один из прибывших поляков, не удержавшись от смеха, улыбнулся. Начальник это заметил, пришел в еще больший гнев, топал ногами, брызгал слюною и кричал:

— Знайте раз навсегда, что вы пришли в страну, где смеяться на позволено.

Затем, быстро возобладав над собою и не дав в соответствии тону своему хорошенько размыслить пришельцам о тяжести будущей жизни в рудниках, горячий начальник перешел в тон мягкий и спокойный. Он кротко расспрашивал каждого о занятиях и летах, о

не позволять никому из посторонних подходить и разговаривать; обязаны были смотреть, чтобы не убежал, и стараться живым доставить на место назначения. Бели ссыльный заболеет в дороге, жандармы обязаны стараться всякими средствами довезти до ближайшего губернского города, а если болезнь острая и сильная, то до ближайшего уездного города. Если болезнь продолжается дольше месяца, тогда жандармы отдают арестанта под надзор местных властей, от которых берут письменное свидетельство и возвращаются к месту служения. На паромах, на мостах, при переездах через реки не позволялось вылезать из телеги и даже сами жандармы должны были сидеть в это время по бокам. Одно из этих правил нарушалось в Сибири, в некоторых местах, где для разговоров, утешений и напутственного успокоения собирались бывалые изгнанники с советами и наставлениями вновь прибывающим. Судьба сближает людей у почтовых станций: навстречу политическим ссыльным из поляков собирались не одни только поляки. По приходе в Иркутск польские солдаты, повстанцы 1831 г., приняты были дружески теми из гвардейских солдат-семеновцев, которые за бунт 1825 года сосланы были в Сибирь и рассортированы по тамошним батальонам. Семеновцы и поляки составили две дружеские группы: защищали друг друга, не позволяли, без своей воли, ни одного солдата наказывать; негодяев исключали из своей среды. На первых шагах поляков в солдатской неволе семеновцы были истинными благодетелями.

ремесле и знаниях. Узнав в Подгородзинском богатого человека и опросив уже ученого Бопрэ, говорил первому, указывая на второго, в таком смысле:

— Если бы ты был ученым, как этот, я бы не удивился, что ты принадлежал к союзу. Но чего же ты хотел? Конечно, при богатстве твоем тебе было и без этого хорошо. Вот-то глупость, настоящая глупость!

И начальник качал головою и долго не мог совместить обе мысли в одну; после различных вопросов, снова возвращался к тому же недоумению и удивлению своему.

Между прочим, обратил он внимание на европейский, городской костюм ссыльных, приказал некоторым обрить бороды, как не присвоенные людям каторжного состояния; велел оголить бакенбарды и подбородки, заметив, что такое украшение принадлежит людям честного звания. Долго потом муштровал, осматривал, ласкал и бранился в одно время и на одном и том же месте; наконец отпустил.

Разослав ссыльных поляков по различным нерчинским рудникам, начальник потом объезжал их. В одном месте кричал на чиновников за то, что посылают поляков на работы, застав многих из них при разбивании руды, и дивился, что его подчиненные не умеют уважать людей с образованием и отделять их от остальных преступников. Ревизуя рудники во второй раз, призывал горных чиновников и сердился на них за то, что послабляют столь опасным людям, что не назначают их на рудниковые работы и проч.

Но этот начальник был последним из могикан. В нем уже боролись два направления, два противоположных взгляда на ссыльных в таком разногласии, что делали из него чудака. В последующих начальниках гуманный взгляд и мягкие отношения взяли перевес. Подобному чуду превращения гнева на милость все ссыльные обязаны влиянию декабристов на их коменданта Лепарского, который к тому же сам был поляком. Когда поляки начали прибывать за Байкал, влияние декабристов на комендантское управление было уже настолько сильно, что поляки встретили самый мягкий прием, и комендант не препятствовал декабристам подать им помощь значительными деньгами, вещами и книгами. Таким образом, первое пособие поляки получили не от своих и не из Польши, а из каземата

декабристов. Не забудем, что заводы в отношении ко всем ссыльным, а тем более относительно «политических», были подчинены ведению Лепарского — коменданта нерчинских рудников. «После стало легче» (свидетельствует один из поляков, живших на каторге, вообще недружелюбный к России и озлобленный против Сибири, сохранивший приведеное нами предание о первой встрече поляков за Байкалом)[24]. «Более человечными сделались отношения (говорит он дальше); тирания и варварство в тех рудниках стали уменьшаться. Старики, помнящие старые времена, говорят о тогдашних начальниках, как о грубых тиранах, поступавших с людьми зверски. Нынешнее обращение — терпеливое, отношение к польским ссыльным — милостивое, деликатное и мягкое. По закону ни одна категория поселенцев, даже политических, не освобождена от телесного наказания, но не было ни одного примера, чтобы наказали политического поселенца без суда (как это делается с прочими) и чтобы которого-нибудь из них записали в цех слуг».

Другой поляк в Западной Сибири знал и также за границею писал, что «сосланных в Нерчинск обыкновенно в рудниках не заставляли работать, т. е. их не опускали во внутрь шахты, но в рабочие часы должны они выходить с тачками и возить в них землю, либо добытую руду; однако, труд им был не через силу... Поляков охотно принимали в избранные общества, им дозволялись сходки для увеселений. Совершенно нельзя верить тому, что в нерчинских заводах политических ссыльных называют только нумерами и что они носят только арестантскую форму. В самом деле называют их настоящими именами и они носят такое платье, какое могут»[25].

«С ссыльными обходятся снисходительно и готовы разделить с ними последнюю копейку и кусок (пишет бывший генерал-губернатор Восточной Сибири Броневский, в 1836 г., служивший до того долгое время и в Западной)[26]. Ссыльные и живут, так сказать, на счет обитателей Сибири; никто не хочет доискиваться, кто был

---

[24] Агатон Гиллер, написавший за границею три тома: «Описание Забайкальской украйны в Сибири» (Лейпциг, 1807, Opisanie Zabajkalskej Krainy w Syberyi).

[25] Руфим Пиотровский: «Pamictniki z pobytu na Syberyi». Poznan, 1860.

[26] В неизданных рукописных записках о службе.

ссыльный и что он за преступник, знают все его под общим именем "несчастный". Ни происхождение, ни религия, ни нация не имеют различия в обхождении с ними, хотя и часто видимы были разительные доказательства неблагодарности некоторых».

«С сосланными из дворян (говорит другой свидетель нерчинских порядков, высланный по делу Петрашевского) и, вообще, с политическими преступниками обращались по большей части хорохорошо. Их почти никогда не посылали на работу и, если не было особого предписания, не содержали и в тюрьмах (а на гауптвахтах). Начальство было с ними вежливо, приветливо. Наши дворяне далеко не все пользовались благоволением начальства (да и того и сами не заслуживали)». В Култуме, например, поляки жили в особом большом доме, нарочно для них построенном. «Большею частью они ссылались на короткие сроки на каторгу и, выходя на поселение, занимались мелкою торговлею, подрядами и хозяйством; большая часть — небогатая шляхта, все набожные католики, все мало сближались с русскими, кроме подрядчиков. В последнее время (перед освобождением по манифесту покойного Государя) некоторые поляки по подрядам несколько зарисковались, но у народа пользовались доверием. Для всех политических преступников было общее название поляков и главною особенностью для распознавания полагалось не наречие, а образование. Многие серьезно занялись своим развитием и успели образовать себя замечательно».

В Большом Нерчинском заводе, на денежную складчину всех ссыльных поляков, составлена была замечательная по составу сочинений и по количеству томов (три тысячи) библиотека, часть которой временами отделялась для пользования ссыльных других рудников (между прочим, один из таких отделов библиотеки существовал в Култуме). Основание библиотеке положили четыре поляка (Бопрэ, Машковский, Боровский и Чапский), сосланные по делу Конарского; они составили между собою за Байкалом товарищество, прозванное Ogol. Впоследствии под этим именем долгое время существовала община забайкальских изгнанников, которая владела библиотекою, выписывала газеты, выдавала письма и была хранительницею кассы, составлявшеюся из добровольных взносов имущими. Сессия для поверки отчетов и происшедших трат и для

соображения будущих расходов происходила обыкновенно в Большом заводе на праздник Рождества Христова. Власти знали о сессиях и об «Огуле», но не преследовали. Товарищеское согласие и взаимная помощь, развиваясь под самыми благоприятными условиями, сложились в нечто такое, что достойно уважения и подражания. В участниках дела и в деятелях по товариществу успели выясниться замечательные люди, стоявшие к товарищам самыми заветными сторонами прекрасной души и в делах помощи и благотворения в нередких случаях изъявившие энергию до самопожертвования и самоотвержения. В особенности замечателен был в этом отношении Александр Венжик, бывший основатель варшавского товарищества Св. Креста. Вот что говорит о нем хорошо знавший его Гиллер:

«Венжик был сослан на легкие работы в рудниках. Посылаемый на луга для уборки сена, он, сидя в шалаше со своим товарищем, зачитывался произведениями Гельвеция и других философов XVIII века. В них, однако, он не нашел материалов для себя в достаточной мере, а между тем праздность не переставала мучить этого человека, нравственный организм которого требовал труда и искал целей, каковые бы изменили все его существо. Он создан был для деятельности, для высоких целей и для крупных предприятий, а не для полумер. Без высших занятий, в недеятельности, он не мог быть покойным и прийти в себя. В таком положении люди либо падают, либо крепнут больше прежного. Венжик также находился на пути к падению. Во время внутренней борьбы и душевных тревог он узнал красивую крестьянскую девушку и, всей душой полюбивши ее, привязался к ней. Если бы она не была русскою, он женился бы на ней, но ее вера стала преградою. Долго он боролся с собою, долго колебался в выборе средств, но в конце превозмог любовь и пожертвовал ею для товарищей... Мысли и начала свои он оторвал от исключительной, эксцентричной почвы и утвердил их на твердом основании сильных и широких убеждений: не сделавшись фанатиком, он стал человеком религиозным». С этой поры всю свою жизнь Венжик посвятил товарищам по ссылке, не отделяя политических от присланных за гражданские и уголовные преступления, лишь бы только то были поляки. Он разыскивал крайних бедняков между ними, поддерживал колебавшихся, поднимал упавших и

потерявшихся. «Не было селения самого отдаленного, где бы не являлся он, неся материальную помощь деньгами и нравственную в слове Христовом. Чтобы соединить всех с Богом, возбудить в нераскаявшихся раскаяние и исправление, он в главнейших селениях Даурии устроил общие молитвы между католиками. Перед алтариком, устроенным в квартире кого-либо из товарищей для произнесения молитв и литании, собирались под предводительством политического ссыльного все католики из рудника[27]. На Пасху и Рождество собирал он всех каторжных поляков и делился с каждым узником освященным яйцом либо облаткою, расспрашивал о нуждах и всегда помогал, неизбежно имея на устах слово Божие, подкрепляющее в несчастьях и несущее надежду упавшим. Образ его в рудниках представляется нам образом миссионера!». Этот вид богослужения (особая набожность), эти молитвы устояли за Байкалом и после смерти Венжика в 1853 году. На могилу его товарищи положили доломитовый камень и, найдя в имуществе 1 тыс. золотых, постановили увеличить эту сумму добровольными взносами для того, чтобы возможно было в околице его родины купить землю, основать колонию и отдать ее во владение родственнику какого-либо заслуженного в бою или отличившегося в мятеже крестьянина. Прожил Венжик, отказывая себе во многом и ничего не жалея для других; держал себя скромно, не хвастливо, бегал в убогой одежде, писать не любил; деятельная жизнь совершенно оторвала его от пера. Временами, в веселом настроении духа, в куче приятелей, импровизировал либо писал стишок, куплетик, который потом, пропетый товарищами, служил приправою бесед и поводом к веселым шуткам товарищеских собраний.

---

[27] Для уставщиков такого «набоженьства» Венжик написал инструкцию под названием «Uwagi o potrzebah nabozenstwa bajkalskiej parafii». Впрочем, и само правительство строго требовало исповеди у ксендзов, обязанных составлять списки исповедникам. Кто не попадал в них, о тех наводились справки; кто не хотел идти, тех строго наказывали. Забайкальский католический приход заключал в себе в 1860 году 1635 прихожан; за пять лет до того их было 758 и в том числе 150 политических преступников. Приход этот устроен в 1840 году по желанию и просьбам ссыльных этого периода; до тех пор Забайкалье принадлежало к иркутскому приходу.

Большой Нерчинский завод в два великих праздника (в Рождество и на Пасху) служил местом обширного собрания всех поляков и, вообще, этот завод можно было считать важнейшим и главным пунктом польского изгнания в Сибири; его называли «столицею забайкальских польских изгнанников». Из дальних мест спешили к этим дням все ссыльные для свидания с товарищами и для исполнения на великие дни богослужебных и праздничных обрядов, указанных религиею и народными обычаями. Это были и времена заявлений каждого о личных нуждах, планах и намерениях. Тогда начинала свои действия общественная касса.

Касса польская, образуемая из взносов самих ссыльных и от присылок из Польши, всегда владела несколькими тысячами рублей[28]. Наблюдалась она особым кассиром, ежегодно избираемым на эту должность (Венжик бессменно состоял таковым в течение нескольких лет). Из кассы брали помощь старики, больные либо оставшиеся без занятий; она же давала и займы для устройства быта и различных торговых и промышленных предприятий. На вспомоществование ее имел право каждый член ссыльной колонии, этой польской общины за Байкалом; не пользовались же этим правом только поляки, сосланные не за политические преступления, как не признанные в составе общины, не пользовались не платившие процентов (не вносившие денег) и те из политических, которые успели жениться на сибирячках, как добровольно исключившие себя из нее через нарушение одного из коренных правил колонии. «Община была и есть утехою жизни поляков в ссылке. Взаимная помощь и взаимный контроль уладили ссыльных, облегчили им жизнь, спасли их достоинство, возвысили помыслы и сделали то, что поляки имели здесь неограниченный кредит, доверие и уважение, как выразились по отношению к ним мягким и снисходительным обращением властей, исканием торговых, товарищеских и иных сношений со стороны тамошнего народа». Кроме

[28] Сооружению в заводе каплички с малым органом и снабжению ее всем необходимым способствовала много Грохольская, из Подольской губернии, высланная за то в Ярославль. Впоследствии на деньги, собранные с прихожан и на Волыни и У крайне Раковскою, предположено было выстроить костел в Чите, с тем чтобы упразднить существовавший в Нерчинском заводе иркутский костел, построенный гр. Литтою.

того, в Большом заводе, через браки поляков между своими, образовалось несколько польских семейных домов, где изгнанники немало встречали утешений и помощи. Гостеприимство, искренность и прелесть приема, какими всегда отличаются польки, умели не одного изгнанника перенести воспоминаниями на далекую родину, тем более что и народные обычаи в этих семействах свято соблюдались.

Таким же пунктом для сходок товарищеских и для обмена мыслей служил некоторое время Акатуйский рудник, где ссыльные поляки группировались около Высоцкого. Под влиянием этого замечательнаго человека умела также уберегаться польская национальность, склонная не дружиться с русскою, несмотря на благоприятные условия, предлагаемые добровольно и без принуждения и даже известного рода необходимые. В Акатуй к Высоцкому, во время житья его на поселении, из ближних стран нерчинской ссылки собирались товарищи изгнания и здесь, в его скромном жилище, торжественно справляли памятную годовщину 29 ноября. Высоцкий гостеприимно встречал всех званых и незваных, знакомых и незнакомых; временами кто-нибудь запевал веселые народные песни, всегда в день св. Сатурнина раздававшиеся в жилище общего любимца всех польских изгнанников[29].

Этою тесною дружбою, этою готовностью ко взаимной помощи и поддержке прославились поляки между сибиряками в виде поразительного исключения и замечательного образца. В Тобольске встречала их помощь Петра Мошинского, сосланного туда на житье, и князя-богача Романа Сангушки, наделявшего деньгами каждого из проходивших в этапной партии, и проч.[30]. Всякий вновь

---

[29] Некоторые поляки, как Петр Сцегенный с братьями (в Александровском заводе), пробовали жить товариществом на равных, коммунистических правах, но попытка их не удержалась на практике.

[30] Роман Сангушко числился солдатом в тобольском батальоне и жил на воле. Впоследствии, по ходатайству родственников, переведен в кавказские войска с дозволением выслуги. Когда дослужился, он уже очень мало видел и оглох. Глухим он встретил и глухим остался к последнему польскому восстанию, живя в своих имениях в Волынской губ. С ним вместе жил в Тобольске полковник Крыжановский, отличавшийся в наполеоновских войсках в Испании, друг генерала Хлопицкого, человек высокообразованный.

прибывший в рудники ссыльный находил у старых приют, обязательную помощь и необходимые советы на предстоящую жизнь, как бы от родных братьев, кровных друзей. Редкий из ссыльных поляков не знал или не имел понятия об остальных товарищах по изгнанию: Высоцкий знал положительно каждого и ни одному из своих соотечественников не отказывал в гостеприимстве и советах. В обязательствах такого всеведения предполагалась та возможность влияния на упавших духом, которая выражалась, между прочим, в стремлениях не давать смешиваться польской крови с русскою. Браки с сибирячками считались изменою отчизне, и незримый контроль и наблюдение всегда являлись с отговорами, мольбами и запрещениями везде и тотчас там, где житейские обстоятельства и сердечные стремления завязывали узы Гименея. «Таких общественное мнение сурово карало, однако старания товарищей не всегда были успешны». Сохранение национального чувства и патриотических верований, с самыми крайними и странными проявлениями, низведенными до тонких мелочей, было одною из характеристических особенностей и одним из главнейших сознательных стремлений всех политических ссыльных этого второго периода ссылки. Успех задался в такой степени, что изо всего множества политических ссыльных Восточной Сибири, говорят, только 26 остались доживать здесь свой век после всемилостивого прощения. «Община (огуд) так устроила дела изгнанников Восточной Сибири, что они вернулись на родину, не сломивши духа и не уронивши характера представителей Польши», — свидетельствует Аг. Гиллер.

Жили поляки, под влиянием товарищества и при содействии общественной кассы, различными способами труда, приспособляемого на большую часть по образцам и требованиям местным: по заказам, подрядам и при содействии купцов, по наймам и под руководством чиновников; поляки искали либо частной службы, либо казенной. Наибольшее число их Сибирь видела мелкими торговцами, купеческими приказчиками либо станционными смотрителями и писарями; охотнее всего искали они выгодных мест волостных писарей. Привилегия грамотности и уменье писать составляли основную причину польских успехов во всех последних случаях: близкие взаимные связи, вследствие одноплеменности и союзничества всегда (как и везде на свете) выражались тем, что там,

где удалось укрепиться одному, находилась возможность к обеспечению и другого поляка. Исключения являлись только в силу неодолимых препятствий, предусмотренных законами физики или запрещениями начальств, временами налагаемыми. В заводских конторах писали обыкновенно трое, но и такому числу бумажных работ приходилось по горло: писали с 8 до 12-ти, потом обедали, в два часа опять садились писать и снова писали часов до 10 и 11-ти. Не было работы — ходили в конторы сидеть и снова писали уже от безделья и сверх сыта. В некоторых случаях опытные и образованные люди умели вызнавать и приспособлять такие новые способы производств, о которых в тех местах до того времени мало разумели или не догадывались знатоки различных технических производств, распространенных в Польше, а наибольшую пользу сибирской стране оказали те, которые, занявшись земледелием, приспособляли различные способы рационального сельского хозяйства.

Между первыми особенными выгодами в материальном отношении воспользовались те, которые обратили внимание на превосходное дерево сибирского кедра, редко растущего сплошным лесом, но замечательно распространенного по целой Сибири. Плоды его, шишки с орехами, составляли только любимый корм белок и любимое лакомство сибирячек, превративших щелканье кедровых орехов в обязательное и ежедневное препровождение времени. В некоторых случаях, в пределах Западной Сибири, орехи-меледа составляли предмет торговли и в сыром виде вывозились за Уральский хребет, продавались на Ирбитской ярмарке. За Байкалом масло кедровых орехов составляло продукт русского приготовления. Масло было лучше, потому что орехи чистились лучше, но зато не могло быть предметом серьезной торговли. Грызли орехи обыкновенно девочки-подростки, но грызли они так искусно, что, раскалывая скорлупу, не касались зубами орехов. За Байкалом некоторые поляки основали небольшой завод для добывания из орехов масла, для очистки скорлупы и выжимки из мякоти продукта; один из них (Савичевский) занялся усерднее других, устроил даже и мыльный завод[31]. Кедровое масло из этой маслобойни тотчас

[31] Савичевского поддержал кяхтинский купец Ив. Як. Спешилов. Предприятие было, однако, не совсем удачно. Масло стало горько от того,

обратило на себя внимание не столько как вещество новое, сколько как добротный продукт. Когда такой же опыт произведен был Морачевским в Западной Сибири и масло дошло до Москвы, то по свежести, цвету и другим качествам оно найдено было соответствующим тому, на которое существует в православной России такое огромное и повсеместное требование и громадный расход. Издавна, как известно, в этом случае спрос неизмеримо превышает фабрикацию привозного продукта и деревянное или оливковое масло издавна направляется всякими примесями других масел, между которыми сурепному принадлежит первое место. При всегдашних замешательствах, по недостатку суррогатов, кедровое масло, светлое и сладкое и близко подходящее к привозному оливковому, показалось московским оптовым торговцам решительно кладом. Замеченный недостаток смолистого вкуса от доставки его в сосновых бочках вскоре устранен был сибирскими заводчиками-поляками тем простым способом, что кедровое масло стали доставлять в кедровых бочках. Дела заводчиков быстро поднялись: продукт их продолжал сдабривать деревянное масло вопреки православному обычаю зажигать в лампадах елей чистый и беспримесный. Успех увенчал начинания с большою выгодою для поляков Западной Сибири, хотя с наименьшею для заводчиков Забайкалья, но уже до причинам географическим.

В Сибири, как известно, нет вовсе в лесах вяза, клена и ясени; за Байкалом в озерах и болотах — пиявок, в лугах и лесах — пчел. На мед как на продукт весьма дорогостоящий в православной Сибири, которая соблюдает посты и сильно потребляет чай и пряники, также обращено было внимание в Западной Сибири. Разведению пчел содействовали также ссыльные поляки, исконные знатоки и любители этого промысла, сильно развитого в белорусских и литовских лесах, содействовали по инициативе начальника алтайских

что у крупных орехов скорлупа вдавливалась в мякоть, а мелкие проскакивали с целою скорлупою между жерновами. Грохоты и жернов придуманы в каземате декабристами, отсюда и взяты И. Я. Спешиловым. Цена на масло не уменьшалась, однако; масло ручного производства было так дешево, как никогда не бывало при машинном производстве, потому что избоина шла в кушанье.

заводов, полковника Аршеневского, богатого человека и любителя сельского хозяйства. В 1790 году он выписал из России два улья в свой полковой штаб. С легкой его руки воспитаны были пчелы около Семипалатинска, в Устькаменогорском и Бухтарминском краях при содействии поляков и литовцев, поселенных деревнями или определенных в казачьи войска. Теперь пчеловодство сильно развилось и ворочает сотнями тысяч рублей на всем юге Томской губернии, преимущественно в Бийском округе (мед отсюда везут даже в Иркутск); начинают также разводить пчел и в богатых липовых лесах по р. Тартасу в Тарском округе Тобольской губернии[32].

На сибирское огородничество, вообще находящееся в зачаточном состоянии, поляки влияли главным образом тем, что, выписывая из Польши семена, ознакомили с некоторыми неизвестными и распространили лучшие сорта овощей и плодов. В маленьких щеголеватых огородах даже у самых бедных изгнанников сибиряки увидели мак, петрушку, сельдерей, порей, цветную капусту, фасоль, арбузы и дыни и имели возможность, через подражание и при указаниях, распространить возрастание их в более широких размерах (мак, например, хотя и хорошо родится на сибирской земле, но весьма мало культивировался). Сибиряки, между прочим, глубоко убеждены были в том, что арбузы и дыни, кроме парников и оранжерей, нигде родиться не могут. Воспитанные там плоды эти продавались в Иркутске от 5 до 10 р. асс. Но Вл. Фед. Раевский (декабрист) стал разводить арбузы в 80 вер. от Иркутска, в Олонках, на особых грядах и без особенных хитростей. Тамошние бабы выучились, стали подражать, их примеру последовали бабы в Александровском заводе, и теперь на иркутский рынок натаскивают арбузов целые воза, так что арбуз стоит уже от 10 до 50 копеек[33].

---

[32] Между прочим, сибирский мед — такого качества, что подобного ему трудно найти в России.

[33] Огородничество процветало задолго до поляков у раскольников Забайкалья и на Алтае и распространено в лучших видах у декабристов задолго до прибытия поляков, которые вначале даже и семенами пользовались из каземата. В Иркутске задолго до поляков были у губернатора Цейдлера, а особенно у купца И. И. Баскина образцовые оранжереи, которые были бы замечательны и везде. В Минусинске разводились арбузы издавна, а в Западной Сибири славились ташкентские

Как ссыльные на мысе Доброй Надежды развели виноград, эмигранты-французы основали в восточных пределах Лондона шелковые фабрики и научили саксонцев выделывать сукна и шляпы (изделия, составлявшие до того времени монополию Франции), так, между прочим, пленные шведы в Орловской губернии выучили косить пшеницу, а в Сибири основали первые школы[34]. Поляки кое-где за Байкалом и во многих местах обеих Сибирей познакомили с плугом. В остальной Сибири с плугом и литовками ознакомили туземцев добровольные переселенцы Малороссии, казаки. Поселенцы косили косою и горбушею, смотря кто из какого места был. Самая лучшая за Байкалом пшеница называется полька, а у семейских староверов — кубанка, выписанная впервые из Польши и присланная через почту. Под Большим нерчинским заводом у изгнанников был образцовый фольварк (хозяин его Бульдескуль). Некоторые разводили лошадей, каковых сибиряки охотно покупали, уверенные в том, что лошади, выхоленные по европейским образцам, крепки, красивы и быстры, и до сих пор помнят, что между поляками Валецкий искусно способствовал улучшению породы туземных лошадей. Шведы и финны в том же Забайкалье, как и в остальной Сибири, познакомили крестьян с приготовлением финского масла, и те же поляки основали фабрики сыров польских и швейцарских[35]. Была даже маленькая фабрика, приготовлявшая сигары из монгольского и нерчинского табаку.

огурцы, как в Восточной — китайские, имеющие ту выгоду, что можно было их выращивать на окнах, на трельяжах и т. д.

[34] В Тобольске, между прочим, жили Дитмар, секретарь Карла XII, и полковник Страленберг, успевший объездить с ученою целью многие места Сибири. По возвращении из плена в Стокгольм он написал книгу (на нем. яз.): «Северо-восточная часть Европы и Азии, содержащая в себе географические, этнографические и исторические сведения о Сибири и отчасти об европейской России, с картою Сибири». Татищев написал на эту книгу замечания.

[35] На Никое, в деревне Шембелик, поляк Савичевский имел два завода: мыльный и масляный (из кедровых орехов). В 1859 г. выработано им было масла на 12 тыс. руб. Савичевский имел также чайную торговлю в Кяхте. Швейцарские сыры варили в Петровском заводе братья Карпинские. По возвращении их в 1857 году на родину сыроварня эта исчезла без следа. Сыр,

С выездом поляков из Сибири упала добротность кедрового масла, вызвавшая теперь в Москве сожаление, к тому же вывоз масла уменьшился, сверх того, вследствие вздорожания за Байкалом и в Сибири всех работ, в том числе и добывания орехов, а особенно вследствие вздорожания в пять раз и более провоза. Исчезло без следа сыроварение[36]. Не укрепился секрет Валецкого воспитывать лошадей, не пустила глубоких корней выделка березовых трубок, на которые особенно охочи и искусны были забайкальские поляки; не распространились по городам ремесла, несмотря на то, что сапожников и башмачников прислано было из Польши много, несмотря на то, что между слесарями и кузнецами-поляками находились истинные артисты своего дела и, вообще, технические производства и ремесла на городскую и дворянскую руку имели в поляках замечательно хороших представителей. Первая в том краю ветряная мельница, построенная в Нерчинском Большом заводе, тоже недолго похлопала крыльями и не нашла покровителей: ветры некрепки. Крупного влияния и сильного впечатления дела и затеи ремесленников из поляков не произвели на ссыльные страны; не произвели и потому, что ни один из них не имел желания и целей приспособлять свои ремесленные знания в широких размерах к мастерству и школе, и по тому, что всякий работал из-за насущного куска хлеба. Воспользоваться их знаниями и обратить их на пользу туземцев никому и в голову не приходило: омская весьма успешная и иркутская не совсем удачная попытка поляков образовать полковых музыкантов, вместе с разведением пчел под Семипалатинском, стоят одиноко и остались без подражателей[37]. Всякий работал

как известно, возят за Байкал из Москвы за 6 тысяч верст; порядочное мыло, пригодное для стирки белья, за 4½—5 тыс. верст из Казани; даже простые сальные свечи идут в Иркутск и далее из Томска за 1½. 2, 2 ½ тыс. верст. Приготовление обыкновенного польского сыра составляло необходимую принадлежность всякого хозяйства польских поселенцев. В Александровском заводе Пасербский и Вокульский имели свечной завод. Мыло варили задолго до поляков. Казанское привозили от того, что оно славилось и его провоз за Байкал был необычайно дешев (напр., от Байкала до Читы 45 коп. асе. с пуда).

[36] Впрочем, польский сыр был очень плохого качества.

[37] В состав иркутского оркестра вместе с поляками поступили, между прочим, ссыльные дворовые гр. Аракчеева, сосланные по делу убийства известной графской любовницы Настасьи.

сам для себя и сам по себе. И Высоцкий варил в Акатуе мыло, но изделия его, в маленьких квадратных выпуклых печатках (с надписью P. W. Akatuja), не употреблялись по назначению, а раскупались для хранения на память обожавшими его земляками. Мыло поляка Хлопицкого приманило было сначала своим белым видом, но когда оказалось не мылко, то и потеряло скоро кредит. И братья Далевские лили сальные свечи, и на р. Аргуни двое поляков основали кожевню, но изделия первых вовсе не расходились дальше хат Газимурского селения, а изделия вторых удовлетворяли только местным нуждам контрабандистов. Цезиковские же глиняные статуэтки, вазы и трубочки весьма мало нашли себе подражателей и продолжателей. С большею охотою пускались поляки на мелкие работы: шили башмаки, делали деревянные чашки, ложки, ведра, кадушки, глиняные горшки; на Шилке и Аргуни занимались рыбною ловлею, охотою; у купцов жили в поварах, в приказчиках, бухгалтерами, учителями при детях (особенно большую помощь нашли поляки у богатых купцов Кандинских). Между прочим, поляки любили разносную торговлю коробейным товаром; некоторым при этом приходилось, по вызову и требованиям туземного населения (как в Западной Сибири), гадать за яйца для пущего успеха на царе Соломоне, колдовать, ворожить и лечить всякими ведомыми и неведомыми снадобьями. Некоторым удалось от торговли и различных подрядов разбогатеть до забвения о родине, а некоторым после того и разор[38]иться (как случилось в Восточной Сибири — именно за Байкалом, когда переименовали крестьян в казаков и в вознаграждение за пожертвования при этом воспретили последним платить купцам долги)[52].

Несомненно прочнее и плодотворнее было влияние тех из поляков, которые посвятили себя обучению детей грамоте, тем более что это занятие принадлежало значительному числу, а притом в

---

[38] Богатый дом Кандинских с этого времени пошел быстро к падению и банкротству. Пострадали от этой меры и два известных поляка: Гжовский и Грушевский. Последний жил в Култуме и вел обширную торговлю, имея большое хозяйство; на р. Газимуре не было человека, который не состоял бы у него в долгах. Самыми выгодными предприятиями и спекуляциями считали поляки те, которым приводилось иметь с казною, по причинам, всем хорошо известным и не требующим объяснений.

таких далеких местах и глухих захолустьях, где без этих случайных гостей дело грамотности коснело бы при старых порядках. Недоверчивость и упорство, высказавшиеся навстречу полякам на первых шагах их, им удалось победить терпением и настойчивостью и, во всяком случае, при обстоятельствах, более благоприятных (в городах, мещанских и купеческих семействах), ссыльным полякам удалось значительно предотвратить и восполнить недостаток воспитателей. С точностью определить их услугу и найти ее границы невозможно только потому, что параллельно с их деятельностью на поприще обучения шла таковая же готовная, неустанная, правильная и честная деятельность декабристов[39]. Влияние этих общих усилий очевидно: количество грамотных в казачьем сословии, между заводскими крестьянами и городскими мещанами несравненно выше соответствующих им сословий России. Сибирское купечество, вообще, отличается наибольшей развитостью в политических взглядах, наибольшим так называемым энциклопедическим образованием, чем, напр., то же купечество, которое покупает у них чай и меха и отпускает им ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготовляемые Москвою. Гостеприимно отворяя двери изгнанникам, в нравственном отношении сибиряки много выиграли, судя по личным нашим наблюдениям и по свидетельству всех, имевших с ними дела и встречи. Снисходительность и терпимость сибиряков, развитые опытом и вызванные необходимостью, даже сильнее в

---

[39] Яснее выражалось влияние поляков в передаче знаний французского языка и других иностранных, на преподавание которых они охотливее соглашались, чем на преподавание русского языка. Точно так же сибиряки много обязаны полякам в обучении музыке. Музыке они учили также с замечательною охотою. В Кяхте они сильно распространили игру на фортепиано. Уже в 1836 году в Иркутске молодые купцы танцевали французскую кадриль и принимали самое живое участие на балах, входивших в моду, и на музыкальных вечерах, начинавших интересовать общество. У весьма многих купцов, в то же время, существовали уже значительные библиотеки с хорошими книгами и имелись кабинеты с редкими и изящными вещами. «Жены и купеческие дочери, по свидетельству очевидца, блистали богатыми нарядами, выходцами Кузнецкого Моста». В Кяхте поляки весьма нередко давали музыкальные концерты; один из таких артистов остался директиром оркестра в иркутском театре.

этом случае, чем в долготерпеливой и незлопамятной России. Этим-то свойством обязаны сибиряки сближением с политическими ссыльными и приобретением от них возможных услуг и помощи. Во всяком случае, политические изгнанники оставили в Сибири следы глубокие и приметные.

Полякам привелось, вслед за другими, будить мысль, поднимать самосознание и направлять самодеятельность. Общими усилиями все политические ссыльные, главным образом, достигли того уважения у туземцев и той сибирской терпимости, которая им же самим послужила на пользу, пойдет вооруженная готовностью и на будущие времена. Мы не говорим уже о той пользе стране, которую принесли, между прочим, поляки, явившиеся с врачебными знаниями, с каковыми многие (как Шокальский), несмотря на запрещение им практики, шли на безвозмездную и готовную помощь сибирским людям, предоставленным судьбою в пользование лам и шаманов[40].

Несомненно, почувствовала бы Сибирь еще большую помощь и пользу от изгнанников и сами они устремились бы в эту сторону с большей энергией и готовностью, если бы не стояли на пути предвзятые сепаративные национальные стремления соблюсти и сохранить себя последовательными своим идеям. Поляки уронили себя в общественном мнении тем, что сделались участниками всех злоупотреблений администрации. Несомненно, поляки принесли бы большую пользу стране, если бы не замыкались в свои товарищества, искали, а не сторонились бы сибирского общества, если бы в чужой стране между поляками (преимущественно высших слоев и образованными) не развивалась жестокая болезнь тоски по родине. Немало сил, немало людей утратили политические ссыльные в своей среде на борьбу с частыми и сердитыми припадками этой болезни, особенно чувствительной в промысловой и земледельческой Сибири для горожан и особенно опасной для людей высшего образования, показавших столько любви к родине и пожертвовавших

---

[40] Между прочим, некоторые поляки по примеру Литвы и Жмуди, пробовали заводить на Лене, в окрестностях Киренска, общества трезвости. Попытка кое-где привилась. В Иркутске подобная же попытка не имела успеха, по несочувствию властей и духовенства; за Байкалом таких приспособлений никто не пробовал делать.

для нее своею свободою. Искание этой свободы, стремление достичь того положения, при котором вероятна помощь и служба отчизне, составляют одну из ярких и существенных особенностей в ссылке второго периода, предшествовавшего настоящему, современному нам. Несмотря на громадные географические препятствия, несмотря на неудачные попытки прежних времен, могущие служить уроком, новые попытки побегов повторились с замечательною настойчивостью, но с тою же непрактичностью приемов, однако с тем же единодушием и в расчете надежд на ту же Францию.

Очутившись в положении сказочного богатыря, перед которым протянулись четыре дороги: «прямо ехать — головы не снесть, направо ехать — коня сгубить», ссыльные поляки советов бывалых не спрашивались, указаний туземцев не доискивались; по воде личной фантазии и по указаниям кое-каких учебных географических карт рисовали самые смелые планы, врачевали свою острую болезнь многоразличными призраками. Так, одному из таких богатырей, руководившихся картою, представлялись различные средства врачевания. Перед глазами лежит пять дорог, ведущих из пределов Западной Сибири:

Одна — на восток, в глубь Сибири, к Охотску; там — море и корабли, на кораблях — путь к берегам Америки в Калифорнию и Соединенные Штаты, оттуда — в Европу и во Францию!

Другая дорога на Киргизскую степь, в Бухару; через Персию и Кабул до английских поселений в Индии, либо через Персию в Турцию, в Европу — во Францию!

Третья дорога на юго-запад; дойдя до гор Уральских, взять налево, дойти до истоков реки Урал и плыть по ней до Каспийского моря (?!). Дойдя до черкесов, остаться у них, либо через Персию и Турцию опять в Европу, — во Францию!

Либо, перейдя Уральские горы, не брать налево, а, став на высоте губернского города Уфы, доплыть до Волги рекою, в нее впадающею, потом Волгою доплыть до канала, соединяющего ее с Доном (?), и через Новочеркасск до Таганрога, где сесть на корабль и Черным морем в Европу до Франции. Либо, если это не удастся, из Таганрога через донских казаков, через губернии: Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую, Молдавию и Валахию до Турции, и оттуда — во Францию!

Наконец — прямо на запад до Уральских гор; с высоты Тобольска взять вправо на север, реками Печорою и Вычегдою доплыть до Двины, а этою рекою до Архангельска. Там, сев на какой-нибудь европейский корабль, достигнуть Швеции либо Англии, а оттуда — во Францию!

Все эти пути одинаково смелы до дерзости, одинаково неверны и не безопасны.

Руфиму Пиотровскому удалось бежать последним путем, самым кривым и окольным, и рассказать изумительные подробности на любопытство посторонних и холодных слушателей, на страх и сомнение желающим подражать. От бегавших в южную сторону на монгольские и киргизские степи, из Восточной и Западной Сибири, рассказы все одни и те же: кочевники, заметив идущего в степи вооруженного человека, не нападают на него прямо и вовсе не имеют намерений его убивать. Монголы или киргизы в таком случае, из боязни потерять кого-либо из товарищей во время стычки с беглым, обыкновенно собирают облаву и издали замыкают бродягу в подвижную колонну. Отряд этот ни на минуту не спускает глаз с идущего и подвигается следом за ним в ту же сторону, в которую направится он. В то же время они свой грозный круг стягивают все более и более. Несколько дней такая облава имеет терпение мучить беглого, наблюдая за тем, чтобы он не мог укрепиться. Уже совсем измученного и страшно оголодавшего берут кочевники без боя и непременно в ближайшем пограничном карауле выдают живьем военному русскому начальству. Начальство при этом обременяете значительными хлопотами и большою перепискою с пограничными китайскими властями, иногда обязывается значительными платежами за все украденное вдесятеро, согласно мирному трактату.

На Киргизскую степь, на вторую невероятную дорогу, бросились поляки Западной Сибири по проекту ксендза Сироцинского и жестоко поплатились за попытку. Она имела сильное и неблагоприятное влияние на судьбу всех сибирских поляков, уже успевшую подчиниться большому хладнокровию и обычному равнодушию присяжных приставников и блюстителей. Вот что известно об этой попытке.

Кзендз Сироцинский, бывший приор базилианов в Овруче (на Волыни), за участие в ноябрьском восстании лишен был капеллан-

ского звания и, сделавшись из приора простым казаком, очутился в Омске. Когда образовалось здесь казачье училище и понадобился учитель, вспомнили, что Сироцинский был профессором и наблюдателем за школами. Ему дали место, а с ним и наибольшую свободу. На свободе он сдружился с ссыльным доктором Шокальским и составил большое тайное общество в среде поляков, сосланных в линейные и казачьи войска. Цель заговора: постараться оторвать Сибирь от России, освободить всех несчастных от тяжких каторжных работ и поднять поселенцев на местах водворения. Омск с артиллерийскими запасами, амунициею, оружием, денежною казною и прочим возбуждал сильный соблазн. К этому обществу успели примкнуть и татары и русские, свободные и невольники. Положено было, в случае неудачи большого бунта, бежать всем, вооруженною рукою, через Киргизскую степь в Ташкент, где предполагалось много католиков, и в Бухару. Отсюда, если бы того потребовала окончательная необходимость, направиться в английскую Индию. В Омске и его окрестностях собралось поляков тысяч до двух; Киргизская степь, тотчас по ту сторону Иртыша, манила неодолимым соблазном искателей сильных ощущений и приключений.

В назначенный день вечером должна была начаться революция. Но нашлось трое поляков, солдаты восстания 1830 года (Енак из Варшавы и Гаевские из конгрессовой Польши), которые, явившись к полковнику Деграве, рассказали все: что заговор распространился по самым отдаленным местам Сибири, что в самых глухих местах он встретил сочувствие, что, если не принять быстрых и решительных мер, он охватит всю страну и непременно удастся. Они указали на Сироцинского, как на вождя, и на многих других сообщников, как на имевших наибольшую власть, влияние и значение. Все таковые, как жившие либо в Омске, либо в ближайших его окрестностях, были тотчас арестованы. Изданы были строжайшие приказания и разосланы распоряжения по самым отдаленным местам Западной Сибири, с тем чтобы наискорейшим образом арестовать всех подозрительных и влиятельных лиц: русских, поляков, сибиряков, поселенцев и крестьян. Нахватано было сначала до тысячи человек. Доктору Шокальскому с поляком Зубчевским и русским Мелодиным удалось ускользнуть на первый день арестов и бежать на почтовых по тракту в Оренбургскую губернию. Шокальский играл в

дороге роль войскового доктора, Зубчевский — фельдшера, Мелодии — лакея. В Пресновской станице беглецы были узнаны и, под сильным конвоем, возвращены были в Омск, где на то время следствие было в полном разгаре. Аресты производились и в конце 1834 и в начале 1835 г. Дано было знать в Петербург. Две следственные комиссии, одна за другой, распутывали дело и разошлись, не постановивши никакого решения. Третья комиссия была прислана из Петербурга: она работала три года и довела-таки следствие до конца. Некоторых, по невинности их, выпустили на волю, признанных виновными предали суду. В ожидании суда главный виновник не упадал духом: в тюрьме писал стихи, перед судом ничего не поведал, на следствии также ничего не могли от него узнать. «Раз родила мати — раз пропадати», говорил Сироцинский всем свою украинскую поговорку. Стихи его были распространены между сибирскими поляками: ими он оживлял энергию, возбуждал надежды и укреплял патриотический дух невольников. Дело было начато в широких размерах и наполнило страхом целую Сибирь. Под влиянием этого страха и по окончании дела поляков подозревали, преследовали. Между прочим, в Пресновской станице заподозрили поляков в поджогах и в умыслах на продолжение замыслов Сироцинского: четверых наказали ссылкою в Устькаме-ногорскую крепость, где пять лет заставляли работать в кандалах, а в 1845 г. послали солдатами в Нерчинск. По окончании омского дела с заводов Западной Сибири стали переводить на заводы Восточной. В Иркутске до такой степени боялись поджогов, что польские солдаты в тамошнем гарнизоне окружены были самыми строгими наблюдениями. Их товарищам-солдатам приказано было иметь заряженные ружья и вязать всех поляков в казарме, лишь только послышится звон набатного колокола. Многих поляков, по подозрению, успели запереть на гауптвахты; многих разослали по забайкальским городам: в Верхнеудинск и Кяхту. Пирофобия в Сибири никогда не была так повсеместна и столь опасна, как в это время. Всякий пожар приписывался поджогам поляков; страх из Сибири успел даже перейти за Уральский хребет и распространиться по России. Положение политических преступников ухудшилось. В 1848 году особенно сильное движение между всеми ссыльными произвело запрещение иметь собственность. Если при

увольнении некоторых произошла неформальность, велено снова возвращать на каторгу. Так все, пробывшие 10 лет, но сосланные на 20, успевшие жениться и обзавестись хозяйством, обязаны были вернуться снова на каторгу дорабатывать 10 лет.

Приговор по омскому делу был утвержден в таком смысле: шестерых присудили к 7 тыс. палок, и затем велено на всю жизнь сослать на тяжкие работы в нерчинские рудники. Остальных присудили к 3-м, 2-м и 1-й тысячам палок либо розог, а потом первых на всю жизнь в тяжкие работы, либо на ограниченное число лет, либо прямо на поселение. Последних велено разослать в разные отдаленные сибирские батальоны и отряды. День, назначенный для экзекуции, 7 марта 1837 г., был морозный: на площади, засыпанной снегом, поставлены были два тысячных батальона солдат, вооруженных палками такой толщины, чтобы три могли войти в дуло ружья.

Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки уставу, в широко расставленные шеренги; солдаты должны были стоять вольно в тесных рядах; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть от боку и не выставлять своих ног из рядов. Первым повели Шокальского с обнаженною по пояс спиною, с привязанными к прикладу ружья руками, за которые держались два унтер-офицера. Находившийся при экзекуции доктор заступился за собрата и, идя сзади него, шептал солдатам бить легче, иметь сострадание: «бессилен и хвор, не выдержит». Когда после 5 тысяч палок Шокальский упал и когда на совет коллеги отходить последнюю тысячу и разом кончить экзекуцию не согласился, доктор настоял на том, чтобы прекратили наказание и отправили больного в лазарет. Последним водили Сироцинского. Подходя к рядам, крепительных капель он не принял. Когда услышал приказ начинать, — стал говорить нараспев покаянный псалом: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изглादь беззакония мои...» Слабый, исхудалый в заточении, Сироцинский наказания не выдержал; не выдержали и другие товарищи. Отдохнувший в лазарете Шокальский отходил потом последнюю тысячу и на другой же день увезен был в нерчинские рудники.

Здесь его не употребляли в работы. Жил он на Каре, занимался торговлею и от нее кормился; лечил безвозмездно. Его коричневый

самодельный сюртук с воротником, опушенным собольим мехом, до сих пор помнят там, помнят по тому, что видели его и в норах каторжных жилищ, и на самом промысле, и в семи верстах от него (насколько позволял закон). Днем и ночью шел Шокальский на помощь и избавление к каторжным и богатым и особенно счастлив был исцелять раны всякого рода. Рад он был, если за практику получал от бедняков в награду чай с белым хлебом, но и получая подарки от богатых на улучшение костюма — никаких изменений в нем не делал; любя простоту, жил самым скромным образом[41].

«Это была натура крепкая (говорит Гиллер со слов знавших его), праздность была для него смертью. Ничем не сокрушенный, и на Каре он еще успел составить целый новый план общего поголовного спасения рекою Амуром до берегов Великого океана. Всю свою душу он отдал на выработку этого плана, но, когда план оказался невозможным и рухнули все надежды, доктор впал в тихую меланхолию. Сначала он заперся в своей комнате и ходил по ней быстрыми шагами, развивая в мыслях какие-то намерения. Один из его товарищей, возвращавшийся домой и подошедший к окну доктора, заметил его возбужденное состояние, но, увидавши в углу ружье, понял, в чем дело. Просил доктора отпереть двери, но получил отказ: решившись приподнять окно, слышал угрозы; когда побежал за помощью — доктор выстрелил себе в грудь.

Ружье заряжено было изломанным гвоздем. Когда через несколько минут вошла полиция, выломавши двери, то нашла Шокальского растянувшимся на полу: из груди ручьем била кровь, а собака его, Филяр, положивши морду на грудь, в предчувствии смерти благодетеля, жалобно выла. Полиция хотела оттащить собаку, но пришедший в себя Шокальский сказал: “Не трогайте, прошу вас, пусть простится со мною мой наивернейший товарищ и друг!”

После выстрела он жил еще с неделю. На вопросы о поводах к самоубийству отвечал одно: “Я стрелял в себя от любви”, и ничего

---

[41] Кроме Шокальскаго, пользовались уважением и известностью и оказывали врачебную помощь за Байкалом Левицкий и Бопре, сосланный по делу Конарского. По рецептам последнего, аптеки выдавали лекарства без подписи (на каковую ссыльный не имел права); больных возили в нему из самых отдаленных мест.

больше не хотел говорить полиции. Товарищам же своим сообщил, что выстрелил в себя от тоски по родине»[42].

Та же тоска неволи вызвала новое происшествие уже в пределах Восточной Сибири. Двумя годами позднее омского дела (в 1836 г.), когда еще не был произнесен приговор над товарищами Сироцинского и еще не началось поголовное перемещение поляков из одной части Сибири в другую — задуман был поголовный побег тех поляков, которые находились на заводах Восточной Сибири.

Началось движение на Александровском винокуренном заводе под Иркутском. Начинал его бывший полковник польского восстания 29 ноября 1830 года Петр Высоцкий, составивший исполинский план бегства через Сибирь, Саянские горы, Джунгарию и Туркестан до Индии, откуда надеялся он на английских кораблях достигнуть Европы. Он предварительно нарисовал карту целой Азии, проложил по ней дороги через лес, горы и степи между дикими народами, и решился скорее умереть, чем отказаться от несбыточного плана и дольше оставаться в неволе. Сделав запас съестных припасов, насколько можно было запастись, Высоцкий всемером выбрал для побега тот момент, когда запирали тюрьму. Побег удался: они выскользнули из завода и когда один из них захворал, товарищи вели его под руки несколько верст до Ангары. За нею, в Иркутском солеваренном заводе, они намеревались соединиться с тамошними земляками. Дойдя до реки, для переправы на другую ее сторону, они соорудили плот из лиственницы, но переехать не могли, потому что плот, сколоченный из свежего дерева, тонул в воде. Тогда они одного из товарищей послали за лодкою. Явился крестьянин, спустил лодку на воду и управил ее в самую середину облавы, которая уже успела на погибель их, по указаниям изменившего им и намеренно вызвавшегося за лодкою товарища. Быстрое течение Ангары давало беглецам некоторую возможность на спасение, но облава из команды и каторжных, засевшая в кустах на берегу Усольского острова, начала стрелять. Пули свистали над головами, и одна из

---

[42] Кроме Шокальскаго, пользовались уважением и известностью и оказывали врачебную помощь за Байкалом Левицкий и Бопре, сосланный по делу Конарского. По рецептам последнего, аптеки выдавали лекарства без подписи (на каковую ссыльный не имел права); больных возили в нему из самых отдаленных мест.

них попала Высоцкому в руку; лодки от берега придвинулись к ним и вблизи острова кругом их оцепили. «Поляки кроме оружия, имели другое действительное оружие, то есть деньги, но ничто не помогло. Каторжные первыми их связали и представили полковнику Злобину, обобрав их, что называется, как липку». В Иркутске приковали их к тачкам и судили целый год. Высоцкий получил одну тысячу палок (не плакал, не стонал); Багунский — 500; остальные были наказаны розгами, и все переведены в нерчинские рудники — в Акатуй.

В Акатуе Высоцкий прикован был к тачке, ходил с товарищами в течение двух лет на работу в горы копать руду и жил сначала в одиночном заключении. Выпущенный из тюрьмы, он жил при руднике на поселении, из Акатуя никогда не уезжал. К концу изгнания и его сильную натуру постигла болезнь меланхолии: он часто хворал до того, что нерчинское начальство принуждено было ходатайствовать в Петербурге об освобождении его из тюрьмы, но разрешения не получило. Высоцкий стал задумчив, избегал товарищества, не хотел никого знать, ни с кем не говорил. Недоверие к людям овладело его душою до того, что он запирался в квартире и казалось, что все чувства в нем окаменели. Один из товарищей его (Хлопицкий) предан был ему до самоотвержения, о себе не думал, думал только о Высоцком, его славою и добродетелями жил, его страданиями и несчастиями болел. В то время, когда еще Высоцкий содержался в тюрьме и был прикован к тачке, этот Хлопицкий с четырьмя товарищами сговорились отбить Высоцкого из каземата и вместе с ним бежать через Монгольскую степь и Китай на английские корабли. Так как все заговорщики были самые бедные люди (шили женские башмаки чиновничьим женам; кое-кто, запасшись лошадкою, возил дрова в казну), а предприятие требовало денег, то и решились они предварительно наделать фальшивых бумажных ассигнаций, на них накупить мунгальских товаров, запасаемую на монгольскую руку нерчинскими купцами, закупить лошадей, наменять серебра и по возможности золота, и подкупить сторожей. Затем, когда все будет заготовлено «и денег в массе до ста тысяч рублей, ночным временем надобно подкрасться к часовому во фронте, схватить его за горло и отдать нашим прочим товарищам на руки, а самим взять с фронта ружья и подойти тихими ша-

гами к дверям, сбить замок и выпустить арестантов, а вместе схватить Высоцкого, посадить на почтовых и отправиться»[43]. При обысках найдено и поличное: пресс, фланелевые лоскутья, вымытая бумага, обтянутые кожею колодки, мяльная машина, квашня с мятою бумагою, отпечатки на коже и бумаге ассигнации 25 руб. достоинства. При допросах были очевидны доносы одного из заговорщиков (Бирона) и беспощадные взаимные оговоры остальных участников. Показания делались обширные, разноречивые. Очные ставки показывали боязливые и усердные стремления одной стороны с целью выгородить себя, не щадя прочих товарищей. Выдавались самые сокровенные тайны, обусловленные страхом смерти на случай измены; но во время самого преступления замечательное терпение и единодушие и при этом изумительная осторожность с настойчивостью дойти до конца, несмотря на громадные затруднения. Показания участников и взаимные оговоры накопили огромный том запутанного дела, в трущобах которого с большою ясностью выясняются следующие обстоятельства (на пунктах единогласных показаний, подтвержденных и очными ставками и следствием).

Задуманная цель настойчиво преследовалась в течение целых восьми месяцев, несмотря на все препятствия, зависевшие и от административного надзора и от географических причин: один жил на Благо датском руднике, другой — на Кадаинском, третий — в Акатуйском. Для свидания и действий отпрашивались то за покупкою хлеба в Аргунский острог (на 15 дней), то за покупкою товаров в Нерчинск (на целый месяц), то под видом исполнения казенного подряда на покупку дров. Двое признались в том, что вступили в брак с сибирячками для того, чтобы «отклонить подозрение начальства от обдуманного заранее побега на родину». Один, узнавший во время следования в Сибирь по этапам, что сетка для ассигнаций делается из самой тонкой проволоки, каковая бывает на канительных струнах или офицерских эполетах, жертвует для покупки эполет собственным кафтаном, полученным сукном от купца, для которого сделал план мельницы. Другой составляет фальшивое письмо от имени польского магната, жившего в Тобольске — письмо с обещанием высылки 400 рублей денег, и на это

[43] Дело 1839 года, хранящееся в архиве Нерчинского Большого завода.

письмо берет у имущих товарищей в долг деньги; «и все высосал, у них теперь ни копейки не осталось». Третий пользуется лошадью товарища, приехавшего повидаться, и закладывает ее целовальнику. Сделав денежный запас на покупку необходимых предметов и уговорившись, что «хотя и попадемся трое или четверо, прочие останутся лишить жизни доказчика» — принялись за работу. Александрийскую бумагу купили в Нерчинском заводе в кабаке за простую. Железный винт для пресса приобрели в числе прочего железного лома; дерево к прессу, гайки и пунсон сделали сами; резцом и пилою запаслись еще раньше; лайку (каковая долго задерживала работы) купили у татарина, сосланного за подделку фальшивых ассигнаций. На покупку лайки употребили даже такую драгоценность, как компас, приобретенный для того, чтобы во время побега не блуждать дорогою. Прежде лайки пускали в дело (хотя и неудачно) лоскутки от брюк и белого сукна; для приобретения фланели изрезали собственную фуфайку; винт «достали с великою опасностью». Производилась фабрикация в Кадаинском руднике, в доме Хлопицкого, женившегося перед тем на сибирячке. Вещи от нее прятали под половицу в чулане, а когда она увидала раз ручной пресс и спросила: «Для чего это?», муж отвечал: «Для того чтобы любопытным отвертывать головы». Работа шла неудачно: изменили гитарные баски — потребовались эполеты; печатные формы несколько раз принуждены были переделывать: «орел хорош, но имел возвышенные крылья; по отпечатании другой ассигнации маленький орлик под большим орлом на конце скипетра оказался неправильным». А резал опытный и умелый резчик Броновский; и герб у штемпеля, и украшения небольшими резцами, а сетку с обеих сторон чеканил стальным пудом. Пробовал сначала на свинце, но «как оный по мягкости оказался негодным, то после сделали форму из меди, вырезанной из старого медняка: наложенный свинцовый штемпель под прессом испортился и никакого оттиска не дал». Наконец, наладились. Для приготовлении бумаги поступали так: не найдя почтовой, пустили в ход случайную александрийскую, разбирая ее очень мелко и размачивая в горшке, из которого выливали потом в приготовленный бочонок. В нем «стоячим валиком с пальцами размешивали бумажную мякоть до жидкости, похожей на сливки; потом раствор наливали на четвероугольные

фланелевые лоскутья так, чтобы бумажки выходили величиною в ассигнацию, для чего по краям фланели прикладывали медную четвероугольную рамку. Когда же вода сквозь фланель процеживалась, то медную рамку накладывали на другой лоскут фланели, а тот, который с раствором назначался для ассигнации, накрывали простою бумагою. Сделав 5 или 6 листов, сжимали их прессом, потом сушили и отделяли от простой бумаги, между которой эти листы были прослоены. Бумага выходила грубою и толстою. В пресс сначала клали штемпель, намазав краскою из сажи, тщательно растертой на олифе, потом клалась бумага, на нее лайка, наконец, кожаная подушка, которая нажималась. Не могли мы никаким образом подписать руку кассира, хотя на справедливой ассигнации по чертам подписи проводили чернилами и на чистую бумагу накладывали, где и оставалась, хотя не правильная, но похожая на подпись кассира. Поправив пером, прикладывали на фальшивую и увидели, что довольно хорошо. Брали трех сортов чернила, но еще оказались слишком черны и делают большое подозрение. Теперь приготовлено к другому отпечатанию 10 тыс. руб., в которых постараемся наблюдать всю правильность при печатании». «Хороши ли эти?» — спрашивал один у другого. «Довольно хороши и искусно сделаны». При этом он вынул из ящика на 6 тыс. руб. бумажек 25-рублевого достоинства. «Я, увидевши их, начал присматриваться, хвалил их искусство, не подавая никакого виду и оказывая большую радость».

Единодушие их выручало. «Для товарищей тысячи рублей не пожалею», — только и слышалось ото всех. Донос и на этот раз сгубил их всех (жене Хлопицкого удалось, однако, припрятать самые главные и опасные из вещественных доказательств). Виновные, по суду, были приговорены к наказанию, которое и приведено в исполнение в Большом Нерчинском заводе: двое наказаны кнутом, один плетьми. Впрочем, положение Высоцкого вскоре было облегчено: он был выпущен на свободу и мог заняться хозяйством и мыльным заводом. Некоторые из его товарищей умерли, не дождавшись освобождения. Высоцкий возвратился на родину в 1857 г., где вскоре и умер.

Неудачная попытка друзей Высоцкого к освобождению себя и товарищей из неволи далеко не была врачующим средством для поляков, мучившихся тоскою по родине. В том же Акатуе далеко после зародился новый план бегства, имевший целью воспользоваться

временем Крымской войны 1854 и 1855 годов и крейсерством англо-французских кораблей на водах Тихого океана. Беглецы, руководимые одним из братьев Далевских, предполагали в солдатских шинелях добраться до Аргуни, чтобы на лодках выплыть по ней на Амур до его устьев, сжечь там все магазины и казенные сооружения, приготовленные против неприятеля, а потом на тех же лодках дойти до английских и французских кораблей. Старые и бывалые ссыльные старались противодействовать планам и отклонить от исполнения проекта увлекавшихся молодых авантюристов, но напрасно. Приготовления производились самым деятельным образом: припасена была лодка, сплетены рыболовные сети, закуплено довольное число солдатских шинелей и заготовлены ружья. Но в это время пришло известие о мирном парижском трактате, разрушившем планы ссыльных поляков на соединение с англичанами.

Эта попытка была последнею по времени в большом скопище ссыльных, но одиночные побеги были беспрерывны (и так же неудачны), а побеги партиями не останавливались ни перед какими препятствиями, не упускалось из виду ни малейших поводов и случаев к тому, даже без предварительной оглядки и подготовки. Так, известен случай побега (еще из первых лет этого второго периода польской ссылки) с этапной дороги из Томской губернии. Достаточно было надежд на успех предприятия, выраженного хлебосольными татарами, довольно было уверения со стороны их в том, что Бухара примет беглецов гостеприимно, чтобы 240 поляков из польских войск 1831 года, шедших в Якутск, поверили и серьезно принялись вырабатывать план побега. Все дело остановилось только за тем, что не нашлось достаточного количества оружия.

Не только урочища и разные местности передают предания о неудачных попытках поляков, даже подробные памятники на польских кладбищах в Сибири красноречиво и настойчиво говорят о том, что побегами испещрена история польских изгнанников, что на них истрачено понапрасну немало сил и времени не только в Сибири, но и в России. В Нерчинском Большом заводе один такой надгробный камень прикрывает могилу Альбины Мигурской — истинной героини во всей истории польской неволи. Эта молодая женщина презрела все общественные связи, богатство, родителей и не обратила внимания на советы родных и друзей, на невзгоды дальнего

пути, на грустную будущность — и поехала в город Уральск к своему жениху, сосланному в тамошний линейный батальон солдатом. Здесь она вступила с ним в брак и сделалась для него действительною усладою и путеводною звездою в сумрачной ночи неволи. Она родила двух детей, но дети вскоре умерли, оставив матери старую тоску на сердце и усиленное желание освобождения себя и мужа от неволи. Однажды казаки принесли к ней с берега Урала платье мужа и письмо его, в котором он просит у нее прощения за то несчастье, которому подверг ее, бросившись в воду от тоски по отчизне и оставив ее на чужой стороне в неизвестности положения. Печаль и слезы несчастной женщины были столь искренни и сильны, что в Мигурской приняли самое сердечное участие все уральские дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны и в конце начали уже мучить ее, потому что муж, спрятанный в соседней комнате, мог ежеминутно выдать ее чиханием, кашлем, каким-либо непроизвольным движением. Адские пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволении ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена, даже служанка, привезенная из Польши, сумела свято соблюсти ее. Когда было получено разрешение на отъезд, Мигурская заявила желание вырыть из казачьей земли трупы детей и увезти их кости в польскую землю. Сложила она эти кости в один гроб и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали в проводники казака. Гроб с живым Мигурским поставлен был под козлы и, таким образом, благополучно выехал из пределов уральского войска. В Саратовской губернии казаку удалось подслушать разговор супругов и донести по начальству. В Саратов супруги явились уже пленными, и там еще до сих пор помнят тот потрясающий момент, когда супруги Мигурские вошли в костел и пали на колени перед гробом своих детей: она — в трауре, он — в кандалах. Мигурская сделалась предметом разговоров; тамошние поляки смотрели на нее, как на святую, на коленях испрашивая у нее благословения. Манифест в связи с бракосочетанием Императора Александра II освободил Мигурского от наказания; его отправили не в работу, а только в сибирские войска, и поместили в Нерчинском заводе. Здесь Мигурская заболела чахоткой и умерла[44].

[44] Уральский побег подробно описан В. И. Далем в рассказе: «Небывалое в былом и былое в небывалом» («Отеч. Зап.» 1846 т. XXVI).

Большими удачами воспользовался Пиотровский, бежавший из-под Тары с Екатерининского винокуренного завода[45]. После многих неудачных попыток ему удалось ускользнуть из завода переодетым, в парике и в местном наряде. Пешком по льду Иртыша, глубокими снегами и в сильные морозы, добрался он до г. Тары. Здесь в первом доме нанял лошадей по тракту на Ирбит, сказываясь купеческим приказчиком из Томска, нагоняющим своего хозяина. На дороге, в одном кабаке его обокрали; в другом месте заблудившийся ямщик вывез его обратно туда же, где он его нанял. После многих страхов вблизи завода и опасностей в его окрестностях Пиотровскому удалось добраться через Ишим и Тюмень до Ирбита на бойких сибирских лошадках; в трое суток сделал тысячу верст. В Ирбите солдат у заставы первым делом потребовал паспорт, но удовольствовался вместо бумаги двугривенным. Из Ирбита он вышел пешим, с мешком за плечами. В попутных деревнях паспорта, разумеется, не спрашивали; в крайних избах он старался расспрашивать о дороге. На ночь уходил он с дороги в лес и там, по обычаю остяков, выгребая в снегу яму, делал постель и ложился спать. Укрывался полушубком, обращая шерсть его наружу; просыпался с тяжелым чувством, на ходу согревался и становился снова веселым. Еловые лапки указывали дорогу прямо на Верхотурье. В деревнях сказывался рабочим, идущим на казенные Богословские заводы. Имея на теле три рубашки: две белых и одну красную, и снимая их на ночь, в одной деревне возбудил подозрение. Мужики потребовали паспорт и, получив фальшивый, успокоились. Пошел снова пешком и воспользовался на ночь тем улучшением, что придумал ложиться спать не в снежную яму, а в те, которые образуются около древесных пней; в снег зарывался совсем и только палкою пробивал отдушину. Ноги, которые всего скорее зябли, стал также зарывать в снег; стало тепло и удобно. Чуя в теле озноб, вскакивал и шел, не разбирая ночи. Встречая извозчиков, возвращавшихся из Ирбита с ярмарки, подсаживался к ним на облучок или, идя сто-

---

[45] Зато Розанский, несчастливо бежавший с дороги в Минск и сосланный в нерчинские заводы, снова бежал оттуда; счастливо прошел половину Сибири, но в Таре был узнан и схвачен. Его снова возвратили в рудники, но, кроме ареста, других наказаний не налагали, и Розанский, никому не ведомый, скромно исполнял обязанности сторожа кухни каторжных.

ронкою, расспросами добирался до необходимых ему сведений: о дороге, о местных обычаях, о городах. За Верхотурьем встретил коновалов-мезенцев, шедших на заработки в Сибирь. Встреча эта решила ему дорогу на Архангельск. В одной деревне ночью узнал он, что находится уже в заводе Правдинском, и сказывался, что и идет в Соликамск в работу на солеварню по письму приятеля. Перешел Урал. Подсел к ямщикам, ехавшим из Ирбита в Чердынь. Отсюда через Соликамск, Кай и Лальск, узенькими лесными дорогами, где двоим саням нельзя разъехаться, добрался до Великого Устюга, в качестве богомольца, идущего в Соловки. От Кая шел он уже в толпе настоящих богомольцев. По лесам лесные избушки, где всегда оставляют много огня, выручали от бед голодовки и замерзания. Под Устюгом нашел реки покрытыми льдом, но уже веяло весною. В Устюге толпа богомольцев увеличилась, наняли лодку до Архангельска и поплыли Двиною. Приказчик отобрал паспорты и, взглянув на фальшивый и увидев печать, смешал его с сотнею других.

Побывал Пиотровский в Соловецком, переплыл в город Онегу и по берегу Онеги пошел пешком на Каргополь, рекомендуясь соловецким богомольцем, возвращающимся через Петербург в Новгород, с тем чтобы оттуда добраться до Киева. Плыл по Вытегре, Онежскому озеру, Свирью, Ладожским каналом, Невою. Пошел в Петербурге, с коробком и в сопровождении двух карелок, прямо на Невский проспект. Над карелками проходящие посмеивались; Пиотровский погулял дня четыре по Петербургу, поглядел на него, кое с чем ознакомился. На Сенной приняли без паспорта, а когда показал, сказали, что не надо ходить в полицию: «Все равно, через три дня уедешь!» Доискался он судна, уходившего в Ригу; опять сунулся предъявить паспорт и начал доставать, развязывая платок, в который, по крестьянскому обычаю, паспорт был спрятан. Паспорта не смотрели, велели приходить завтра получать билет на пароход. Тогда явился на помощь ментор, взял деньги, паспорт, купил билет и после третьего звонка пихнул на палубу. Поплыли 3-го июля 1846 года. В Риге купил бритву, обрился, продал полушубок, обзавелся одеждою ливонского крестьянина и разменял деньги на иностранные. Через Митаву и Поланген добрался до прусской границы, стал выбирать место для прохода. Купаясь с таможенным солдатом, узнал о контрабандистах, о слабых местах границы,

о слабостях солдат. Зная прусский обычай везде в домах и корчмах первым вопросом спрашивать паспорт, — решился нигде в домах не ночевать; ночевал, по-сибирски, на полях и в лесах. В Кролевце (Кенигсберге), выдавая себя за француза, попался. За скверный немецкий выговор посадили под арест, допрашивали: «Где паспорт?» — «Потерял». — «Чем занимаетесь?» — «Рабочий с бумагопрядильной фабрики». Послали во Францию за справками, а самого посадили в тюрьму; упорно отстаивая свое французское происхождение, он не хотел указывать на Россию; но, объявившись поляком, получил совет поскорее выбираться из Пруссии. Случайной снисходительности немецких властей Пиотровский обязан был тем, что 22 октября 1846 года он был уже, через четыре года снова в Париже, в том городе, из которого выезжал в Польшу эмиссаром, затем, побывав в Сибири, стал учителем, живя где-то эмигрантом.

Вступление Императора Александра II на престол ознаменовано было в 1855 и 1856 годах прощением и освобождением всех политических ссыльных второго периода ссылки поляков. Кроме тех, которые новыми преступлениями увеличили для себя сроки ссылки, кроме тех, которые поступили на государственную службу или, увлекшись потоком сибирской жизни, обзавелись семействами, хозяйством, коммерческими делами и проч., — все остальные поляки возвратились на родину. Немногие вернулись в Сибирь за участие в новом восстании. Некоторые, побывав на родине, возвратились в Сибирь, увлеченные соблазнами промышленных и коммерческих предприятий.

Глава III. Времена Александра II

Ссылка поляков с 1863 года. — Степень участия различных сословий в восстании. — Участие иностранцев. — Сосланные на житье и для водворения. — Причины замкнутости ссыльных и необеспеченность их водворения. — Отношения к ним туземцев. — Нравственное состояние ссыльных поляков. — Мастерские в Тобольске. — Импровизированные земледельцы. — Благоприятные данные. — Обрусение шведов. — Запорожцы. — Шляхта

С весны 1863 года стали направляться в Сибирь и прибывать в Тобольск передовые значительные партии ссыльных поляков. С того времени по 20 декабря 1866 года всего поступило в Сибирь, со

включением и добровольно пришедших за ссыльными жен и детей, 18623 обоего пола.

В	1863	году	…………………	524	чел.
-"-	1864	-"-	…………………	10649	-"-
-"-	1865	-"-	…………………	4671	-"-
-"-	1866	-"-	…………………	2829	-"-

Из этого числа ушло на каторгу 3894, на поселение 2153, прислано на житье 2254 и для водворения 8491 (добровольно пришедших 1830 чел.[46].

Стало быть, присужденные к тяжким наказаниям составляют почти ¼ ч.; присужденные к легким (на житье и водворение), более ½.

Из них всего больше распределено в Западной Сибири (10407), чем в Восточной (8199), с той разницею, что в первую пришли с легчайшею виновностью, во вторую ушли приговоренные к самым тяжким наказаниям (на каторгу и поселение)[47].

Сосланные на каторгу, поселение и житье распределились по сословиям в таких цифровых отношениях:

Дворян……………………...	4252	чел.
Духовенства………………….	226	-"-
Горожан………………………	1148	-"-
Крестьян………………………	849	-"-
Солдат…………………………	245	-"-
Иностранцев…………………	385	-"-

---

[46] За пять лет с 1854 по 1859 г. за государственные преступления всего из целой России было 83 муж.

[47] В таком числовом отношении: по Тобол. 4101, Томск. 6306, Енис. 3719, Иркутск. 4424, по Якутск, обл. 56. При этом надо заметить, что все это люди, приговоренные военно-судными комиссиями прямо в Сибирь. Между ними нет тех, которые первоначально водворены были в России, а потом переведены в Сибирь. Эти последние присылались в тобольский приказ без всяких документов. Наводить же справки о нескольких тысячах подобного люда в горячее время ссылки не было никакой возможности. И без того приказ едва успевал принимать, распределять и снаряжать ссыльных.

Из водворенных почти все принадлежат к низшим сословиям; дворянство составляет ¼ ч. (около 25%), несмотря на то, что в общей массе народонаселения дворяне составляют не более 1/20 ч., т. е. 5%. Таким образом, ссылка лишила Царство Польское и западные губернии (за вычетом детей и женщин) в дворянском сословии 1/50 ч., в рабочих силах 1/20 ч. и в духовенстве 1/20[48]. Распределяя уменьшение дворянства по губерниям, мы увидим, что всего больше (почти 3%) своих сил потеряли литовские губернии и на 2% уменьшилось дворянство из Юго-Западного края в Волынской губернии. Произошло это уменьшение, стало быть, выразилось и участие в мятеже лиц дворянского сословия в таком виде:

В	Ковенской	губер.	на	1/36	ч.
-"-	Виленской	-"-	-"-	1/30	-"-
-"-	Гродненской	-"-	-"-	1/40	-"-
-"-	Витебской	-"-	-"-	1/60	-"-
-"-	Минской	-"-	-"-	1/50	-"-
-"-	Могилевской	-"-	-"-	1/65	-"-
-"-	Волынской	-"-	-"-	1/45	-"-
-"-	Киевской	-"-	-"-	1/50	-"-
-"-	Подольской	-"-	-"-	1/44	-"-

На каторгу из всего числа сосланных дворян (4252) ушло — 1,699 чел., т. е. ⅓ или 40 проц. Пропорция эта по местностям распределяется таким образом:

Из	Цар. Польск.	сосл.	1244;	на кат.	506,	или	40	%
-"-	Сев.-З. края	-"-	2092;	-"-	590,	-"-	28	-"-
-"-	Юго-З. края	-"-	916;	-"-	603,	-"-	66	-"-

Стало быть, несмотря на то, что в Юго-Западном крае мятеж не развился шире польского и Северо-Западного края и при меньшей численности дворянства, сослано лиц этого сословия в каторжную работу не только не менее, но даже больше.

Из каждых ста дворян Сев.-Западн. края ушло только 28 проц.

---

[48] Принимая все население в 15½ милл. и считая количество духовных римско-католич. испов. в 9 запади, губ. в 3952 чел.

Из каждых же ста Юго-Зап. края на ту же каторгу ушло 66 проц.

Следовательно, одно из трех: либо на юге приговоры делались строже, либо на севере местные средства возмездия умели парализовать число присужденных к тяжким наказаниям в сибирской каторге, либо, наконец, содействие сельского населения к арестованию и представлению по начальству своих взбунтовавшихся панов в среде малороссийского народа выразилось фактически сильнее и ярче, чем таковое же народное участие к подавлению мятежа в среде белорусского народа. Само собою разумеется, сибирские данные окончательного определения каждой причины и разграничения всех трех между собою дать нам не могут.

Из 3399 человек, присужденных к тяжким работам на каторге, сословия встали в таких отношениях по абсолютным цифрам и по пропорциям:

Дворян	169	чел.	или	50	проц.
Духовных	98	-"-	-"-	3	-"-
Мещан	676	-"-	-"-	20	-"-
Крестьян	705	-"-	-"-	21	-"-
Солдат	212	-"-	-"-	6	-"-

Стало быть, городские сословия приняли участие в мятеже гораздо сильнее обывателей сельских; мещанам и крестьянам принадлежит почти равная степень участия, несмотря на громадное числовое превосходство последних перед первыми. Дворянству между всеми принадлежит половинное число.

По вероисповеданиям из сосланных на каторгу, поселение и житье, кроме католического, всем остальным принадлежит только около 3 проц., или 221 чел. в таких отношениях: православных 124, униатов 17, протестантов 37, евреев 43. В 124 православных замешалось 47 дворян белорусских юго-западных губерний, 4 лица духовного сословия, 6 мещан, 10 крестьян и 57 солдат (преимущественно из дезертиров).

Всего сослано на каторгу:

Из 1,785 ч. Царства Польск.: высших сословий 565 ч., т. е. 32%, низших сословий 1220 ч. т. е. 68%; из 927 ч. Северо-Зап. края: высших сословий 625 ч., т. е. 67%, низших сословий 302 ч., т. е. 33%; из

687 ч. Юго-Западн. края: высших сословий 607 ч., т. е. 88%, низших сословий 80 ч., т. е. 12%.

Таким образом, низшие сословия увлеклись сильнее в Царстве Польском, чем в Северо-Западном крае, а здесь гораздо сильнее Юго-Западного, указывая на разницу литовского племени жмудяков-католиков от православных малоросов, помнящих угнетения за свою веру от того же католичества. Ничтожное количество евреев (всего 43 человека) достаточно свидетельствует о той холодности и равнодушии, с какими отнеслось к делам Польши это многочисленное племя, облепившее все деревни, местечки и города всего края, поднявшего восстание. Большая часть из всего числа 43 евреев, судя по статейным спискам их, высланы были в Сибирь за содействие мятежу посредством провоза оружия из-за границы и другие подобные преступления, т. е. скорее за увлечения коммерческими расчетами, чем политическими планами.

Иностранные подданные, угодившие в Сибирь, в общем числе 385-ти, распределились в таких размерах:

Австрийских (преимущественно из Галиции) поляков ……..	259
Итальянцев (гарибальдийцев) …………………………………	102
Прусских (преимущественно из Познани) поляков …………	10
Французских подданных (коренных французов) ……………..	10
Английских подданных …………………………………………	2
Гессен-дармштадтских немцев ………………………………..	1
Саксонских немцев ………………………………………………	1

История России не представляет другого примера административной и судебной высылки по политическим преступлениям в таких размерах, как теперь. Поэтому, само собою разумеется, и в законодательстве остались не предусмотренными и достаточно не разрешенными те условия, в какие должны встать сосланные и переселенные лица в новых местах их жительства. Ряд административных распоряжений, последовавших в разное время, казался удовлетворительным и не представлял особых затруднений тогда, когда число лиц определялось десятками и едва доходило до сотни. Теперь, когда высланных считают тысячами, прежние распоряжения являются далеко неполными и недостаточными. Это, естественным образом, влечет за собою

целый ряд затруднений и стеснений как для местной администрации, так и для самих ссыльных.

Не останавливаемся далее на сосланных в тяжкие работы, отношения которых к ссыльным неизбежно должны были выражаться в старых нисколько неизмененных рамках, до подробностей тех же поголовных стремлений к свободе (вроде истории на Круго-Байкальской дороге), хорошо известных всем по сообщениям газет. Обратимся к тем, которые высланы на житье и для водворения. Для примера берем Тобольскую губернию, как такую, где в рассматриваемые нами годы лишенных всех прав состояния только 50 человек, все же остальные лишены только некоторых прав.

Вот чем выразилось в этой губернии положение новых ссыльных.

В Тобольской губернии лишенных некоторых прав и преимуществ оказалось 591; лиц, находящихся под надзором, — 1175 чел. В числе последних более 35 проц. (419 чел.) принадлежало молодым людям от 16 до 25 лет; между ними оказались сосланными даже такие, которые в Тобольске с увлечением пускали бумажного змея, играли мячиком и, однако, считались и называли себя политическими преступниками. В Тобольской губернии таких оказалось 27 человек (сверх 61 детей при родителях)[49]. В числе первых 591 чел., присланных для водворения на казенных землях, оказались большею частью горожане; между ними находились хорошие музыканты, живописцы и танцоры. Всем им предстояла одинаковая участь с польскими крестьянами: взять клочок земли и заниматься хозяйством.

Общие черты сходства для людей обоих этих разрядов выразились в том, что в большинстве своем они пришли не только без приличного, но даже и достаточного одеяния (чаще в том самом, в каком были взяты к суду); нищета в самых крайних ее пределах возбуждала всеобщее сострадание. Не имея возможности достать хлеба на предстоящий день, без дневного приюта, без языка, не зная, за что приняться, — люди эти, выпущенные из тюрьмы, представлялись на первых порах брошенными решительно на произвол судьбы с семью копейками суточного пособия, рассчитывающего на квартиру, пищу, одежду и удовольствия.

---

[49] Между прочим, 110-летний старик ксендз.

Общие черты различия для обоих разрядов выразились, при практическом применении, тем, что судьба слабее наказуемых оказалась худшею, чем судьба лиц, обреченных на сильнейшие меры взыскания; положение сосланных для водворения на свободных казенных землях сделалось сравнительно лучшим, чем положение сосланных собственно под надзор. Этот «надзор», при возможности наблюдения только внешнего, хлопочет лишь о том, чтобы такой-то не выезжал из пределов указанного района, не производил наружных беспорядков; полицейский надзор имеет право быть довольным собою, если ему удается достигнуть только одних этих целей. В практическом применении к судьбам политических ссыльных этот надзор в Сибири выразился таким явлением: запрещение отлучек уничтожило почти всякую возможность к прочному устройству жизни и к приисканию какого-либо рода деятельности, при 2 р.10 к. ежемесячного казенного содержания. Чтобы сделаться промышленником, нужно кое-какие права состояния, чтобы стать торговцем — необходимо, чтобы разъездам не полагались границы одною местностью; службе у частных лиц суровый контроль мешает тем, что поселяет и поддерживает в последних недоверие и затрудняет им входить с ссыльными в какие-либо соглашения или приглашать их для каких-либо торговых занятий. Письменные занятия по вольному найму, разрешенные впоследствии, при множестве политических ссыльных оказались мерою паллиативною. Занятия же ремесленные и земледельческие не обеспечены никакими средствами. Отсюда механическая связь пришельцев с туземцами и безнадежность полного органического слияния. Между тем, общество готово, без предрассудков, отделять их от остальных ссыльных и обеспечивать работами. Временные пособия со стороны правительства (безвозвратные), дробясь между сотнями лиц, для каждого в отдельности настолько ничтожны, что не достигают никакой цели. И современные ссыльные поляки принуждены делать складчины, не только добровольные, но и обязательные, т. е. для богатых взносы имели значение подати. Та же замкнутость и обособленность от общей жизни, беспомощное положение и невозможность существования единичными средствами, наконец, простое человеческое сочувствие естественно выразили это благотворительное дело, направленное для поддержки крайне бедных товарищей. Эти товарищества составляли продолжение тех,

которые устанавливались между ссыльными самими начальствами по всей России, во время пути следования поляков в Сибирь. Начальства избирали старост и отдавали партии в полную их зависимость, внутренно сознавая, при недостатке воинских команд, невозможность двигать в порядке эти громадные толпы. На этапах и в тюрьмах были сотни примеров наказания товарищей самими старостами и выборными за малейшие проступки. Этот самосуд или собственно контроль удержался и на местах водворения, помогая ссыльным сдерживать преступные наклонности и устранять, ослабляя те подозрения туземцев, которые, между прочим, и на этот раз выразились подозрениями в поджогах. Общинный надзор во многом сослужил службу полицейскому.

Вот как характеризует один из местных администраторов положение ссыльного, воспитавшегося под надзором и не освобожденного от него по требованиям местных условий быта:

«Политический ссыльный приносит убеждение, что весь итог прожитой жизни утрачен безвозвратно, и потому или кажется совершенно равнодушным ко всему окружающему, или является раздражительным, беспокойно-нервным. Если он еще лелеет надежду возврата, то, тем не менее, эта надежда, оживляя его, мешает труду, прочной оседлости: Сибирь — почтовая станция, минутная остановка жизни, не стоит и браться ни за что серьезное. Это время для политических ссыльных — время утопий, несбыточных надежд и идеалов; все уроки, все ошибки прошлого забыты, утратили свое поучительное значение. С постепенною потерею практического смысла, всякий жизненный вопрос обобщается до чего-то безусловного: примирения с настоящим нет, оттого или всегдашняя болезненная раздражительность, или невозмутимое равнодушие. Но, по мере того как года идут вперед, ослабляя надежду и силу, эти люди становятся сумрачнее: раздражительность, при бездействии, усиливается, недовольство внедряется еще глубже и переходит в злобу. Продолжительный надзор, ежеминутный страх контроля не прошли даром, они выучили удивительному уменью владеть собою: ни одно слово не пропадает даром, ни один мускул своим движением не изменяет внутреннему сердитому настроению духа. Сдержанность и замкнутость остаются навсегда характерными чертами этих людей во всех их сношениях с остальными.

Кому из политических ссыльных не удалось столкнуться с практической жизнью, те казались наблюдателю изношенными, обнаруживали страшную нравственную пустоту, которая, при узких взглядах и понимании, характерна была лишь одним упорством в отстаиваньи своих утопий, мелким самолюбием и болезненною раздражительностью. Те же, которые вталкивались в промышленную и торговую деятельность, отрезвлялись сразу: теряли свой исключительный оттенок, понятия постепенно космополитизировались, жизнь со всею мелочностью охватывала их всецело. Искавшие утешения в прошедшем доживали до консервативного упорства, выход из замкнутого круга считался у них слабостью и даже изменою. В силу таких соображений, главною задачею правительства должна быть забота о том, чтобы дать ссыльным занятия, облегчить возможность труда и приспособления способностей».

В Тобольске с 1864 по 67 г. сделаны были[50] опыты учреждения мастерских. Несмотря на недоброжелательство и происки рутины или невежества, устроены были прачечная, столярная, сапожная, слесарная, котельное производство, кузницы, швейная, булочная, открыт пивоваренный завод, заведены мелочные лавки, общая столовая для стариков и хворых на 140 чел. (между ними на 70 поляков). В этих заведениях, вполне соответствующих местным требованиям, занято было большинство ссыльных. Городское население приветливо встретило их; сосланные начали мало-помалу заручаться надеждами на будущее, привыкать к настоящему своему положению, примиряться с ним и даже выписывать оставленные на родине семейства. В результате из числа 220 человек 35 человек пользовались казенным пособием, всем остальным доставлена возможность работать и честным трудом приобретать себе средства для жизни. Из Тобольской губернии во все это время бежал только один, из Томской бежали десятками. Конечно, на всю губернию такое влияние не могло распространиться; конечно, оно подвержено таким же случайностям, как и самая человеческая личность и, стало быть, непрочно.

Эти начинания в особенности замечательны тем, что они сдержали бесполезный наплыв на сибирские деревни польских горожан — принужденных, импровизированных земледельцев; в то же

[50] Губернатором А. И. Деспот-Зеновичем.

время эти начинания служили единственным радикальным средством при безвыходном положении; некоторая бестактность репрессивных мер обнаруживалась, вне этих условий и приемов, во всей своей наготе. Все опыты насильного водворения горожан на земле, вне доброй воли и правильных экономических комбинаций, всегда приводили к отрицательным результатам. В той же Западной Сибири земледельцами сделались люди, пришедшие добровольно, а за Байкалом — порочные нижние воинские чины, приписанные в крестьяне, указали на полную безнадежность мер подобного рода. Бродяжничество, наймы по городам, на суда, на золотые прииски — вот результаты подобных начинаний. К тому же, и сами польские ссыльные наотрез отказались в последнее время принять участки земли, категорически заявив, что таким путем они решительно не в состоянии обеспечивать своего существования. Конечно, вместе с безнадежностью совладать с землею много мешала, в данном случае, и боязнь закрепостить себя на земле и потерять, таким образом, надежду возвратиться на родину. Понудительные меры тут бессильны; польские крестьяне и без того заняли в более или менее удовлетворительное положение: они почти все нашли заработки у крестьян, несмотря на то, что в Сибири спрос на личную услугу, во время полевых работ, невелик, наем рабочей силы невыгоден и заменяется искони усиленным семейным трудом. Для желающих заняться сельским хозяйством Сибирь представляет богатый и неисчерпаемый родник. Страна эта замечательна тою своею оригинальностью, что в ней нет частной поземельной собственности, и общинные начала сохранились в целости. Огромные, пустынные и незаселенные пространства земель дают возможность каждому крестьянину пахать землю там, где он захочет и найдет более удобным; 15 десятин земли — в правах каждого, даже из ссыльных. Пастбища при селениях для всех общие, и лежат обширные огороженные пространства (поскотина), специально предназначенные для пастьбы скота. В отдаленных местностях каждый, без всякого дозволения, может накосить столько травы, сколько захочет. Леса — также общинная либо казенная собственность, не делятся и никому не принадлежат: каждый может рубить деревья без контроля, когда ему понадобится (в казенных только платят попенные). Позволения на торговлю и промысел, производимые местно, никто не спрашивает,

за патенты никто не платит; в этом отношении по Сибири больше свободы, чем где-либо в Европе. Человек имеет тут больше свободы, чем в России (в труде и его применениях). Поземельных податей никто не платит, кроме мещан, обязанных земскими повинностями, которые, к тому же, общинная свобода значительно ограничила. К сожалению, рядом с этими правами уживаются права бюрократии, чиновничий произвол, и нападения на слабые места сопровождаются нередкими и губительными притеснениями. Если недостаток средств и незнакомство с местными условиями на первых порах затрудняют польских крестьян и замедляют улучшение их быта, то, тем не менее, положение их в сибирских деревнях гораздо выгоднее положения горожан, назначаемых не в города, а в селения[51].

Боязнь опасных последствий от изменения существующих форм напрасна и исторически не оправдывается примерами той же самой Сибири (в России подобные примеры бесчисленны). Не только поляки и малороссы, но и шведы из войск Карла XII слились со славянскою народностью Сибири до тождества с нею и поглощены без следа. На память о шведах остались в Тобольске только так называемый «Прямский взвоз» с каменною аркою и стеною над ним; стена же кремля, построенная пленными, давно уже рассыпалась и разобрана, да по дороге в Якутск станция Усть-Ордынская сохранила прозвание «Швед», может быть, по имени одного, может быть, от имени многих поселенных тут шведов. В Сибири евреи, в особенности молодые, изменяются настолько, что можно их смело назвать сибирскими, как особенный тип, значительно не похожий на тот, который господствует в западной половине империи и весьма близко подходящий к настоящим сибирякам: тот же язык, костюм, обычаи и даже иногда вера.

Там, где исчезли без следа и те 138 запорожских казаков, которые присланы были в 1770 году за причиненные в Польше разорения, свободно и скоро превратились в сибиряков те из поляков, которым

[51] В Томской губ. горожан-поляков старались селить в деревнях, ближайших к городам, чтобы ремесленники и вообще люди, неспособные к земледелию, не сделавшись настоящими деревенскими пролетариями, могли сбывать в городах произведения своих трудов. Там им были дозволены и отлучки в эти города для обеспечения себя заработками.

удалось личными интересами согласно соединиться с требованиями страны и ее интересами. Особенно счастливых результатов обрусения достигали с того времени, когда поляков стали приселять к казачьим войскам большими группами и одиночками. Та же участь ожидает и новых пришельцев, если успеют благоразумно устранить все то, что до сих пор мешало сближению вследствие стремлений видеть в ссылке одну только карательную сторону. В Сибири становится деятелем только тот, кто перестал чувствовать себя наказуемым. Закон этот неизменно выразился для всех национальностей. Сначала, пленившись сходством родного языка с русским, забывают отечественную речь; потом, увлекшись девицею-сибирячкою, женятся и под влиянием среды и обаянием жены отстают и от обычая; в итоге — сын поляка уже человек православной веры и коренной сибиряк, а сам отец на склоне дней человек национально обезличенный. В особенности искусно действовала на обрусение поляков государственная служба.

Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превращать в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев. Так, например, на пространстве между Усть-Каменогорскою крепостью и Змеевским рудником — одним из старинных на Алтае — в настоящее время живут выселенцы времен Екатерины, потомки шляхты из Северо-Западнаго края, помещичьи люди и крестьяне, выведенные из Польши в 1764 году и определенные в сибирские войска; они уже не сберегли никаких воспоминаний о прошлом, и потомки их только сумели сохранить наряд, резко отличающийся от обычного сибирского. В особенности замечателен наряд женщин, умеющих щеголевато и искусно вышивать бумагой и шелком полотенца, нагрудники, оплечья на рубахах; девушки до сих пор сберегают в косах старинные пятачки чеканки времен Екатерины — последние остатки их национальных особенностей.

На подобную участь слиться с местным населением впоследствии, во втором или третьем поколении, обречены были, во время ближайшего к нам польского восстания, те более десяти тысяч обитателей западной части империи, которые присланы в Сибирь.

Пойманные с оружием и за то приговоренные по суду, о которых раньше была речь наша, составляют отдельный контингент от тех, которые присланы не на каторгу и поселение, а на так называемое

водворение. Сюда впоследствии поступили многие из тех, которые были судимы и приговорены к арестантским ротам на сроки. По окончании сроков арестантских рот и они включены в число водворяемых, если только не принадлежали к привилегированным сословиям. Это — большею частью земледельцы, обыватели деревень и шляхта западных губерний, обыватели так называемых застенков и околиц. Вместе с шляхтичами пришли и воспитавшиеся в значительно одинаковых с ними условиях экономического и общественного быта: мещане — исключительно обыватели городов и местечек, отставные солдаты, однодворцы и так называемые панцирные бояре — потомки родов, в древности принадлежавших России и занятых службою по крепостям, взысканием податей и развозкою писем, тот класс, из которого свободно выделялись в шляхетство, мещанство, в класс свободных крестьян и, при особенных подвигах, во дворянство. Причина высылки их заключалась безразлично: либо в косвенном участии в мятеже посредством укрывательства бежавших и спасавшихся при разгроме банд, либо в том (как случалось нередко), что в деревнях этих останавливались банды, мимо околиц этих случайно проходили они в лес и из лесу, либо около них скрывались эти банды и искали здесь средств для временной вещественной поддержки своей на стоянках. Система переселения на правах водворенцев, вне прав свободного и добровольного выбора мест и способов передвижения и оседлости, сумела уравнять эти толпы высланных из родины, несмотря на несходство проступков. Административный способ ссылки на этот раз успел достигнуть более крупных (суробых) последствий, в противоположность требованиям суда и более или менее доказанного обвинения в виновности. В то время как присужденным на каторгу и поселение с определением сроков и с правами на милостивое прощение представлялась и осуществлялась возможность возврата из Сибири, — для этих, так называемых водворенцев, через прикрепление к земле, навсегда отнималось это право. Поселение, со всеми его нравственными условиями и задачами на вечную утрату родины, приняло, таким образом, значение наивысшей меры наказания для людей наименьшей виновности. Разница на этот раз заключалась, может быть, лишь только в том, что одни из шляхты водворены были в пределах России, но зато другие уведены за

Уральский хребет. Для шляхетских околиц Могилевской губернии Рогачевского уезда (Антуши, Сеножатки, Тертеж), снятых с места в целом составе[52], новою родиною оказалась Оренбургская губерния; для других губерний — ближайшие к Сибири со свободными казенными землями; для околиц более глубоких местностей западной окраины места для водворения выбраны в Сибири: сначала губернии Енисейская и Томская, а потом, когда кончено в ней водворение и места, назначенные здесь, были заняты, и губерния Тобольская. И сюда, в Сибирь, явился этот живой народ шляхетской природы, немного беззаботный, разгульный, задорный до сварливости и хвастливый, но в то же время словоохотливый и хлебосольный. Пришел он на свободные земли, к обязательствам усидчивого тяжелого земледельческого труда на первобытной нетронутой почве, и, надо сознаться, пришел не туда, куда влечет людей призвание, где находят люди свое место и прилагают свои способности. Он даже по внешнему виду не похож на того, от которого можно требовать исполнения подневольных заказных трудов. В сибирских деревнях был водворен в лице их не земледелец, а скорее горожанин, обривший бороду и отпустивший классические усы, одетый в городской черный камзол, вроде однобортного длинного сюртука, в широкие шаровары, в неизменный черный картуз во свидетельство своих наклонностей белоручки, успевшего отшатнуться от роли земледельца и, лишь с сохранением звания земледельца, сумевшего и в деревне жить с городскими привычками и обстановкою. На родине он успел отвоевать родовитость и гонор и оставить за собою стремление в противоположную сторону от работ, которые награждают мозолями на руках. На родине они бросались на государственную службу, учились грамоте, кончали гимназический курс, искали мест управляющих, поступали в чиновники, иные богатели и делались панами; из этой шляхты образовалось почти все местное православное и католическое духовенство. Рассчитывать на

---

[52] На месте этих трех околиц — как известно — выстроено новое селение, под названием Царской слободы, из отставных солдат. Правильно распланированное, по нормальным чертежам, с форменным видом, слободка заменила собою прежние неправильно раскиданные околицы, всегда имеющие вид отдельных хозяйств с кривыми улицами, закоулками и переулками.

таких сельских хозяев у Сибири мало прав, дожидаться от них верного и твердого земледельческого населения нет никаких оснований. Шляхтич, и на родине очень часто не владевший собственными угодьями, век кочевал, переходя с земли одного владельца к другому. Ему некогда было привыкнуть к усидчивому труду, сделаться земледельцем; он стоял на перепутье между деревенским и городским жителем и возымел наклонность более к городскому быту. Он только потому не дворянин, что не доказал своих прав, утеряв документы или, прогоняемый поднятою платою с возделанного им участка земли, предпочел записаться в крепостные. Есть много достаточных оснований предполагать, что эта шляхта, жившая на наемных землях, в городах — элемент наиболее безопасный при облегченном надзоре и заработках. И прожив в деревне, он не утратил характера горожанина. Земледельцы они были плохие и на родине, где приходилось им переменять место, хозяйство их было скудно, неряшливо. Вместо обыкновенных шляхетских горенок они жили в Сибири в клетушках с земляным полом, без окон, если только можно считать за окна узенькие, продолговатые щели с осколками стекол; крыша прорвалась, забор рассыпался, ворота покосились; нагорожено-наляпано. В деревне на родине он живет (что в том краю величайшая редкость) на деревянных полах с красными окнами, уставленными бальзаминами, геранью и гортензиями. Настоящие городские горенки служили обыкновенным жилищем шляхты. Шляхтянки наряжаются в белые как снег юбки, щеголяют в перчатках, в праздничное время распускают зонтики; оне не поют народных песен и употребляют все силы, чтобы, как масло от воды, отделяться от крестьянок всем и во всем. Шляхтичи, в сношениях с соседями-крестьянами, оказывались всегда людьми высшей породы. Шляхтич в корчме требует почета, говорит громко, не прочь и подраться (белорус ему уступает, старовер спорит), но зато шляхтич владеет всем тем искусством выиграть перед высшим городским обществом, искусством, в котором у него мало соперников. Для сибирских городов у него все блестящие задатки. Но не то судила ему безрасчетная и слепая судьба. Для Сибири обстоятельств этих не взвесили и, несмотря на указания и предостережения сведущих и опытных людей, поступили иначе.

Сибирские города, находящиеся на низком промышленном уровне, которым представлялась возможность при помощи этих людей подняться в вопросе промышленности обрабатывающей, сибирские города не были наделены этим полезным классом водворенцев, стоящих на ступени высшего развития. В то время, когда эти люди, в массе которых преобладают ремесленники, могли бы найти средства в два-три года сделаться полезными гражданами, — их бесполезно и бесследно прикрепили к деревням. Между ними оказались получившие образование в средних учебных заведениях и даже воспитавшиеся в высших и, стало быть, поставленные в обидную, чуждую и безнадежную среду крестьянской обстановки и деревенского быта. Шляхтич, сидевший на приготовленной земле, очутился, таким образом, в Сибири на новых участках, требующих — как известно — долговременного опыта, громадного терпения и необычайных трудов, при расчистке вековых залежей, так называемых новей. Только такие места, поросшие мелким березняком и осинником, сибирские общества приняли за обычай выделять прибылым и готовых земель для них не отрезывают. «Новый пришелец должен занимать и новый участок» — таково старожилое правило, с которым в Сибири нет никакой возможности спорить. Два года тяжелых усилий для того, чтобы воспользоваться только первым плодом своих трудов, представляются обязательными даже для того замечательного меньшинства, которое владеет привычкою и уменьем возделывать землю. Плодоносная земля лежит в Сибири под лиственным лесом; его надо срубить, оставить пни сохнуть, чтобы на будущий год иметь силы и возможность их выкорчевать, пройтись сохою, посеять и лишь на третий год получить жатву. Таким образом, для польских водворенцев ссудный хлеб на три года (и лишь по малой мере на два) стал для казны обязательным. Прибавилась лишняя тягость.

Переселенцев, для успеха водворения, казна сочла нужным снабдить пособиями. Эти пособия состояли: в выдаче 55 руб. на семейство, — суммы, обыкновенно определяемой переселенцам из государственных крестьян, 35 руб. на обзаведение домов и 20 на приобретение земледельческих орудий, в снабжении одеждою (в случае надобности) и подводами до самых мест водворения. В дороге взрослые получали по 16 коп. в день, малолетние 8 (все эти расходы

отнесены на 10-проц., сбор в западных губерниях и на суммы Царства Польского). Для водворения указаны волости со свободными казенными землями, и в них положено водворить либо образованием из переселенцев отдельных деревень, либо припискою к существующим уже. В том и другом случае сделано обязательным избегать соседства городов и больших трактов, но принято водворять в местностях, изобилующих свободными и удобными угодьями, годною для пользования водою, не ощущающими недостатка в лесе для строений. Таковы были распоряжения общие.

Частные распоряжения по водворению, каковые сделаны были по Тобольской губернии (судя по напечатанной инструкции), заключались, между прочим, в заблаговременном обеспечении продовольствия, в заготовлении подвод, в стараниях и хлопотах установить мирные и короткие отношения между пришельцами и старожилами, в домах которых размещались на первое время прибывшие водворенцы. По водворении уступлено было гуманное право отлучек на рынки и торжки, а в другие округа губернии — для сбыта ремесленных изделий или сельских произведений. Одиночкам дозволено соединиться по двое на первое время[53], признанные неспособными к устройству самостоятельного хозяйства (старики и малолетки) назначены для призрения в семейства самих переселенцев или к старожилам, с выдачею за взрослого 10 руб., за малолетнего до десятилетнего возраста 5 руб. в год, с правом заниматься посильными работами. Из ближайших запасных сельских магазинов выдавался хлеб и для продовольствия и для обсеменения полей; в первом случае на каждые три месяца вперед. Тот и другой хлеб выдавался заимообразно. Частные распоряжения сумели облегчить уплату займа на более продолжительные сроки (в четыре года после первых шести необходимых для знакомства с требованиями новой страны). Переселенцы-домохозяева, наравне с прочими крестьянами, приобретали право участия в мирских угодьях и оброчных статьях, и проч.

Но не все волости и угодья, назначенные для водворения, оказались удобными и соответствующими требованиям Западного ко-

---

[53] Потом по устройству хозяйства они обязаны были разделаться и жить отдельными хозяйствами.

митета. Томская комиссия, водворявшая этих переселенцев, нашла, что пособие, вообще недостаточное и для переселенцев из государственных крестьян, — для польских выходцев еще сильнее и безвыходнее усиливало затруднения. Переселенцы внутренних губерний приходили совершенно обеспеченными, приводили скот (лошадей) или приносили деньги, вырученные от продаж его и назначенные для той же цели на новых местах; польские водворенцы ничего этого не имели. Рабочую лошадь — основное подспорье земледелия — должны они покупать, истрачивая не менее 25 руб. из 55, а на оставшиеся 30 руб. приобрести топор, заступ, пилу; телегу, саней и для земледелия соху и борону (непременно с железными зубьями по требованиям первобытной сибирской земли), а также и сбрую нет никакой воможности. Увеличение денежного пособия, по крайней мере на цену непредусмотренной лошади, должно было сделаться, при практическом осуществлении проекта, неизбежным и настоятельным. Затем осуществление в Сибири правил о попенных деньгах и, вследствие того, приметное уменьшение лесной промышленности и высокие цены на лес делают невозможною покупку готового сруба за 15 руб., а через это укрепляют необходимость увеличения пособий еще на лишние прибавки денег до ста рублей на лесистые местности и свыше ста — на южные безлесныя.

Под такими-то крупными и неблагоприятными условиями приводилось селить польских водворенцев по целой Сибири и в восточных губерниях России. В Сибири достигнута только одна цель: переселенцы водворены в округах, дающих наиболее благоприятные данные для земледельческого труда, если не принимать в рас счет того, что на этот благородный, но тяжелый труд приглашены люди, не владеющие достаточными способностями, на большую часть без призвания, без охоты, что называется, без рук. Приведены они в Сибирь или отдельными партиями, или в общих арестантских партиях на устройство быта по случайным законам, которые обыкновенно на практике говорят всегда надвое. Размещались они, до распределения, или в особых казармах, или на правах обыкновенных ссыльных, при тесноте и по невозможности в самых тюремных замках в соединении с прочими преступниками. На места водворения их переправляли также на правах пересыльных арестантов: под багаж 12 человек полагалась одна одноконная подвода,

под слабых и дряхлых одна на двух, одна же для пяти малолетков и по одной подводе для двух женщин с грудными детьми. Пришли они, большею частью, без семейств, оставшихся на родине в расчете, что высылка их — только временная мера наказания. Несмотря на все внушения начальств, они сначала ни под каким видом не хотели выписывать своих семей, говоря, что не желают подвергать их тому же неизвестному будущему, какому они сами подвергнуты. У всех твердо укреплена была вера, что со временем возвратятся на родину и трудиться считали здесь лишним. Когда ослабела подобная вера и исчезла надежда, они стали выписывать семьи; более других упорные и заленившиеся высланы в Восточную Сибирь. Однако на местах они получили категорическое заявление о том, что приведены сюда для водворения на казенных землях и для занятий земледелием, что они зачислены в сословие государственных крестьян, что им не только воспрещена приписка к городским состояниям и житье в городах, но даже отлучки далее черты той волости, в которой водворены. Все это внушало им земское начальство с предварением, что нерадивые и пренебрегающие земледелием будут без всякого послабления подвергаться наказаниям, как-то: назначениям в общественные работы, арестам, телесному наказанию и, наконец, удалению из обществ для неисправимых в отдаленные места Сибири. Для того чтобы во-дворенцы не имели возможности распространять здесь какие-либо вредные идеи и затевать опасные замыслы, над ними установлен надзор. Насколько последний затруднителен и мало ведет к цели, мы уже имели случай объяснить выше по поводу сосланных на поселение. Насколько затруднительна система принудительного земледельческого труда, доказывают сами водворенцы стремлениями своими в ту среду городской жизни, где не без точного основания мелькают для них надежды на верное и практическое применение их ремесленных и научных знаний. В городах — наибольшая сумма врачующих средств против той болезни, которую на этот раз предположено лечить ссылкою и водворением, но которую то и другое еще более раздражают.

Во всяком случае, высланные водворенцы в Тобольской губернии поселены в семи многоземельных волостях Ишимского округа, в Тарском, как не представляющем также особенных неудобств, в

Омском и Тобольском; в последнем на тех немногих удобных землях, которые остались свободными.

Теперь опыт указал на подобные неудобства, и они мало-помалу устраняются.

К числу благотворных мероприятий, каковые привелось испытать новейшей системе политической ссылки, должно отнести прежде всего многочисленные случаи прощения, имевшего последствием значительную сумму облегчений и не остановившегося перед дарованием полной свободы там, где это имело возможность.

Прежде всего освобождены все те молодые люди, не достигшие 20-летнего возраста, для которых облегчение участи нашло оправдание в уступках неопытной молодости, склонной к увлечениям, но далекой от закоренелой и опасной преступности. Во-вторых, получили свободу все иностранные подданные, замешанные в мятеже, все эти искатели приключений, большею частью люди без крова и определенных профессий, ненужные и бесполезные в ссылке; за исключением тех, которые успели закрепить связи, в одно время, посредством браков и при обеспечении себя каким-либо ремеслом и занятием. Таковых приметное число осталось по доброй их воле, в Сибири. Более двух тысяч иностранцев (считая в том числе по тяжкой преступности попавших в Сибирь) освободили Россию, возвратясь на попечение своих правительств.

Все число приговоренных к каторжным работам, начиная с 1866 г., постоянно ослабевало через уменьшение сроков, которым облегчалась участь их сначала наполовину, потом на У3 до значительно ускоренного права выхода на поселение. Те же неоднократные распоряжения в то же время сокращали сроки для приговоренных на поселение к выходу их на житье и к поступлению в сословие государственных крестьян. Для других категорий, сосланных с меньшею виновностью, льготные послабления простирались до дозволений приписки к городам из селений, к выезду из Сибири в Россию и, наконец, к праву житья в Царстве Польском. Из таковых ссыльных в Сибирь или отдаленные города России около двух тысяч получило свободу из арестантских рот и до пяти тысяч из сосланных административным порядком под надзор полиции. В последнем случае можно рассчитывать еще на большие льготы и ожидать новых прощений, когда кончит свои работы особая комиссия для лиц,

находящихся под полицейским надзором, о назначении которой было своевременно сообщено в «Правительственном Вестнике».

Глава IV. Государственные преступники

Древние способы искания правды. — История ссылки государственных преступников. — В. Н. Романов и его страдания. — Матвеев. — Распоп Лазарь. — Расстрига Федос (Феодосий Яновский). — Ссыльный колокол. — Тюрьмы для великоважных преступников. — Остроги. — Монастырские каюты. — Ссылка во время междуцарствия, при царях Михаиле и Алексее. — Ссылка малороссов.— Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрешный. — Самойлович. — Серко. — Войнаровский. — Железняк. — Диятьев. — Самозванцы XVII и XVIII вв. — Громадная ссылка стрельцов. — Враги Петра I. — Сообщники Талицкого, царевича Алексея. — Ссылка при наследниках Петра. — Враги Феофана Прокоповича в ссылке. — Бироновщина. — Слово и дело. — Радищев. — Уральский казак пугачевец Марушка. — Слово и дело в Сибири и на каторге. — Старец Никон. — Каурый. — Тверской крестьянин Ермолаев. — Ссыльный Артамонов.— Грузинские дворяне. — Семеновцы. — Экспедитор Степанов. — Коцебу. — Изменник отечеству

Древняя Русь, для удовлетворения законов справедливости, считала неизбежным: разбойников и татей бить кнутом, а пущих заводчиков поднимать на виселицы по одному человеку в городе; зажигателей также вешала; делателям фальшивой монеты отсекала обе ноги и левую руку; жен, за убийство мужей, закапывала живыми в землю; бунтовщиков, на страх прочим, вешала на плотах и спускала вниз по реке; отступников от веры, религиозных мыслителей, наряду с колдунами, ставили в деревянные срубы и сожига ли живьем; государственных преступников колесовали, четвертовали или клали их буйны головы на плахи липовые (по словам песен), «отрубали буйны головы по могутные плечи, или брали лопаты железные, копали две ямы глубокие, становили два столба дубовых, забивали два крюка железных, клали жердочку кленовую, накладывали две петельки шелковые; выводили добра-молодца, очи ясные черной тафтой ему завешивали, резвы ноженьки в тяжелые железы заковывали» и проч.[54]. В большинстве же

[54] Во время пребывания нашего в Архангельске мы имели случай найти свидетельство о следующем образчике старинного судопроизводства и наказаний. Елисеев, солдат гайдукского полка, пущенный на ночь соседом

случаев к ним применяли ссылку в самые глухие и скудные места, в расчете на медленные муки нравственной тоски и одиночного заключения и на вероятие мучительной смерти от голода. «Здесь копали погребы глубокие, — по словам народных песен, — задергивали решетками железными, желтым песком призасыпывали, серым хрящем-каменем призаваливали». Досиживались же в земляных тюрьмах до того, что прорастали тельные кресты во белы груди.

Такими путями гонялись за правдою и полагали ее удовлетворенною во все время, пока неизвестна была Сибирь и местами ссылки и заточений могли служить северные монастыри и пограничные остроги, но к мерам короткой расправы прибегал еще и тот московский царь, который впервые стал титуловаться сибирским.

Потухающими глазами одряхлевшего старика, измучивший всех и самого себя до острой и смертельной болезни, взглянул Иван Грозный на соболей, привезенных атаманом Кольцо от Ермака; успел выговорить казнь завоевателям целого татарского царства за разбои и грабежи на Волге, за своеволия на Каме, но за приращение Московской земли новым громадным косяком плодородных земель на Иртыше и Тоболе усталый и изнеможенный царь послал Ермаку со своих надломленных плеч бархатную шубу и охотливо выговорил прощение на этот раз, во всю жизнь не терпя никаких своеволий. Затем, едва успел он послать в Сибирь своих воевод, год один повеличался в московских соборах сибирским царем, в начале марта 1584 года тяжело занемог и, едва успев уже полумертвым

своим и сослуживцем Костогоровым, ночью ножом колол хозяина и то же сделал с его женою, прибежавшею на помощь. Оправдывал себя тем, что будто бы жена Костогорова изурочила сына его, 13-недельного младенца; сверх того, надеялся найти деньги, а самого хозяина не застать дома. Убоясь криков израненного Костогорова: «Царев (т. е. караул), что ты вздумал, за что режешь?» — Елисеев засунул раненому руку в рот, а когда тот выхватил у него из рук нож, выскочил в окно и побежал в город, а Костогоровы «резанные от него остались еще живы». Убийца был пойман в одной рубашке, окровавленный, без сапог. За это произвели пытку (дали 42 удара кнутом), да 12 стрясок, семикратно жгли калеными клещами и обливали водою горячею, ставили в пристенок и, наконец, по царскому Петрову указу 28 окт. 1712 г., четвертовали, т. е. попеременно отрубили: руки, ноги и, наконец, голову. Вины его всенародно читаны и был прибит к столбу лист.

постричься в монахи, скончался. Сыну его досталась готовою страна во всех соблазнительных условиях лучшего ссыльного места в целом свете: в 1592 г. основан один из первых сибирских острогов Пелым и для заселения его употреблены огулом первые ссыльные люди за государские вины — угличане, сосланные по делу царевича Дмитрия. Через десять лет в городе этом сидел уже новый сибирский ссыльный — В. Н. Романов, сосланный за государственное преступление «за намерение отравить ядом царя Бориса». С тех пор возмездие за государственные преступления стало считаться удовлетворенным с удалением виновных людей в самые глухие места Сибири в стороне от больших трактов. Оставляя преступников за приставами в тяжелых железах, возмездие находило предел собственному успокоению в лишении ссыльных общения с людьми, облегченного урезываньем языков. Виновные стали получать патенты на ссыльное право с вырезанными ноздрями, ушами и при иных способах искалечения. Справедливость считалась отысканною и месть удовлетворенною, если ссылка умела подвергнутых ей измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, как непременная принадлежность ссылки, на том же основании, как обязательно было до сих пор это голодное право для всех, подвергавшихся монастырскому и острожному заточению еще до пределов Уральского хребта.

Молодой юноша Василий Никитич Романов, сосланный в 1607 году по доносу холопа, к утешению тосковавших «об московском вине и табаке» приставов, истаял от голоду в один год и умер в душной землянке в оковах, несмотря на то, что — по преданию — пелымские жители научили детей своих, играя возле тюрьмы, носить узнику в дудочках квас, молоко и подобные припасы. Пристав поступал с ним круто: держал скованным в избе, мимо которой прохожей дороги не было. Василий был болен все время, чуть живой на цепи, ноги опухли. «Я цепь снял (пишет пристав). Сидел у него брат Иван и детина (слуга) Сенька. И я ходил, и попа пускал». Когда умер, — похоронил, дал по нем трем попам да дьячку да пономарю 20 рублей. Иван болен старою болезнью, рукою не владеет, на ногу немного прихрамывает (Ивана Никитича перевели потом в Уфу и поверстали на службу в Нижний). Старший брат его, любимец московского народа, посаженный в земляную тюрьму в селе

Ныробе (в 70 верстах от г. Чердыни, Пермской губернии), не прожил в заточении и одного года, несмотря на то, что обладал громадною физическою силою, о которой слава ушла в предание, обладал высоким ростом и весьма плотным телосложением. Пока копали яму для тюрьмы и ссыльный стоял у саней, на которых привезли его (говорит народное предание) и когда завалило его снегом, М. Н. Романов схватил обеими руками сани и отбросил их шагов на десять в сторону, а сани едва трогали с места пять человек. До сих пор в ныробской церкви показывают одних желез его на два пуда весом: так называемый стул или плечные железа в 39 фун., ручные железа в 12 фун., кандалы или ножные в 19 и замок в 10 фунтов. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными съестными припасами, пристав не замедлил шесть человек отослать в Москву за крепким караулом; при царе Шуйском из них вернулись домой только двое, остальные, после жестоких пыток, умерли в московском заточении.

«Не постыдился бы я (пишет позднейший заключенный вблизи устьев Печоры в Пустозерске, Артамон Сергеевич Матвеев), не постыдился бы я — свидетель мне Господь Бог — именем Его ходить и просить милостыню, да никто не подаст и не может подать ради нужды. Жители гладом тают и умирают. Избенка дана мне, а другая червю моему сынишку, ей-ей! — обе без печи и во всю зиму рук и ног не отогрели, а иные дни мало что не замерзнем, а от угару беспрестанно умирали. А в подклетишке запасенко мой и рухлядишка, а в другом сироты мои да караульщики стерегут меня, чтобы не убежал. Таем гладом, а хлеб привезли: мука, что отруби, и той не продают». Сын страдальца, подкрепляя слова отца, свидетельствует, что бывали времена, когда у них оставалось только три сухаря; пристав (Тухачевский) уделил им из своего запаса половину, сам получая всего шесть пудов ржаной муки, и тем спас их от смерти.

«А хлеба дают нам по полутору фунту в сутки (пишет в послании царю Алексею другой пустозерский заточник, товарищ Аввакума, распоп Лазарь), да квасу нужное дают. Ей-ей, и псом больше сего пометают, а соли не дают, а одежишки нет же, ходим срамно и наго». Впрочем, четыре товарища по ссылке за государственные и религиозные преступления от голодной смерти избегли смерти в срубе и огне, уже в царствование Алексеева сына — Федора.

«Мучаем живот свой (пишет В. В. Голицын, любимец Софьи, из ссылки с Пинеги) и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. И помереть будет нам темною и голодною смертью».

Уходя из XVII века в начало XVIII столетия, мы видим, что на той же окраине (на устьях Двины в Никольском Карельском монастыре) над одним ссыльным (новгородским архиепископом Феодосием Яновским), разыгрывается продолжение древней русской драмы, окончившейся в последнем акте тою же голодною смертъю. Этому сопернику и врагу Феофана Прокоповича, сосланному за дерзость против Екатерины I и за бранные слова на дворцовый караул, удалось прожить в заточении всего 7 месяцев и 11 дней. Получал он только хлеб и воду. Архангельский губернатор (Измайлов), навестивший «расстригу Федоса» через некоторое время, отписывал в Петербург, что он еще жив. Ему отвечали: «Когда придет крайняя нужда к смерти чернецу Федосу», губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тут же в тюремной келье, двери которой после того «по-прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить накрепко», а придет смерть, похоронить в том же монастыре. Когда велено было перевести его из-под церкви в новую тюрьму и последняя была готова, Федос уже не имел силы перейти в нее, его перенесли на руках. Старец успел проговорить на переносе: «Ни я чернец, ни я мертвец, где суд и милость?» Губернатор сказал ему «с сердцем, дабы он лишнего не говорил, а просил бы у Бога душе своей милости». Измайлов спросил: не желает ли он духовника? «И на этот вопрос ничего он, Федос, не сказал и глаз своих, как они у него закрыты были камилавкою, не открыл». С тем губернатор и уехал. 3-го февраля получил он от фендрика рапорт, что «оный Федос, по многому клику для подания пищи, ответу не отдает и пищи не принимает». Ведено фендрику «еще покричать в окно, как возможно громко, и ежели по многому крику ответу он не даст, то на другой день тюрьму, распечатав, отпереть и его, Федоса, осмотреть». Фендрик покричал, отпер тюрьму, осмотрел и 5-го февраля с нарочным солдатом прислал губернатору объявление, что «оный Федос умер». Не удалось применить первое столичное предписание (предусмотреть близость смерти и причастить узника, попро-

бовали исполнить второе: похоронили тело при деревянной больничной церкви, где хоронят монахов; но петербургская тайная канцелярия этим не удовольствовалась! Велено «учинить анатомию, из Федосова тела внутренности вынуть», а если искусных людей не обретается (в Архангельске), то, «положа тело в гроб, засмолить и отправить в Петербург на почтовых лошадях от гвардии с урядником и с двумя солдатами с подтверждением, якобы едут с некоторыми вещами». Указ о том последовал 20-го февраля; 2-го марта писано: «мертвое тело не возить», но было поздно. Кабинетский курьер встретил тело Федоса в 60 верстах от Каргополя, осмотрел его в деревне тайно, «не явится ли на том теле каких язв, а того не явилось», 12-го марта 1726 г. тело похоронено в Кирилло-Белозерском монастыре.

Таким образом, новый век выступал только с тем новым прогрессом, что перестали ссылать колокола[55] и земляные тюрьмы стали сменяться надземными. В ныробской каменной часовне, подле иконостаса, показывают в каменном полу четыреухгольное отверстие, служившее окном для света и местом, через которое подавали узнику Романову пищу. Налево от входа в часовню по спуску, устроенному позднее, и по каменным ступеням вводят в яму глубиною в 2 ½ аршина. И теперь в подземелье так мало света, что глаз с трудом успевает разглядеть мокрые и мрачные стены, выведенные

---

[55] До 3 июня 1892 г. в тобольском кремле, подле архиерейского дома, в особенном, огороженном месте, висел ссыльный угличский колокол, в который били в набат после убиения царевича Дмитрия. Ссыльный колокол висел в товариществе других четырех, подобранных под тон, но отличался от них урезанными (отломанными) ушами, хотя с целым языком, за то с обрызганными краями. Уши его надломлены и края обиты, — по русскому народному преданию, — в наказание за преступление: бил в набат, звук давал, народ собирал, народ возмутился и злодейство учинил — кровь пролил в самосуде. На колоколе надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку во град Тобольск, в церковь Всемилостивого Спаса, что на Торгу (теперь на Яру, на берегу Иртыша), а потом на Софийской (соборной) колокольне был часобитный». На вопрос наш встречных туземцев: за что колокол сослан? — мы получили в ответ: «Пожар где-то был, так гулку он не давал, за то и сослали». Теперь колокол возвращен в Углич и помещен в музее.

сводом в один кирпич, на фундаменте из дикого камня, и налево чуть приметные остатки печи. Печь эту сложили — поясняет предание — вскоре, как привезли узника, когда морозы стали крепнуть. Народ чтит железные оковы за святые и над землянкою мученика выстроил каменную часовню, на место деревянной и древней, в 1793 году, по указу Екатерины II. В теплой церкви, на месте сгоревшей вместе с деревянною гробницею, хранится сделанная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума с товарищами, при благодушном царе Алексее, велено было рубить лес на Ижме и сплавлять вниз по Печоре в Пустозерск; там срубили четыре избы, пригодные для человеческого жилья (судя по прописанным в указе размерам). Однако и после Петра, при заточении Феодосия Яновского, еще хлопотали Борисовым обычаем о том, чтобы и надземная тюрьма походила на подземную. Борис выдерживал Филарета Никитича Романова в Антониев-Сийском монастыре в подцерковной келье в $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $1\frac{1}{2}$ аршина шиширины. Посланный при Екатерине I ревизор из Петербурга нашел, что у Федосовой кельи окно велико. Ревизор этот велел окошко заложить кирпичом, так что новое имело У4 аршина в вышину и $\frac{1}{2}$ аршина в ширину. Мост (т. е. половицы) из той кельи был выбран, узник покинут на сыром и холодном полу. Платья при нем оставлено только что на нем да постель; денег ему ничего не дано. Приобщать его заказано раз в год в Великий пост, не в церкви, а в темнице. В темнице сидел он «за тремя дверьми и замками и за печатями и у последних дверей поставлен караул — один часовой из гвардии, а другой из гарнизонных с ружьем». Показалось, что и тут близко люди ходят, велели поискать такое место, чтобы не ходили мимо люди и тут построить другую тюрьму, где сделать печи и настлать деревянный пол, и печь топить с надворья «и устье печное, чтоб близ караула было».

В этом же веке, и именно в начале его (в 1724 году), в Березове был выстроен из здания Воскресенского монастыря острог, специально предназначенный для государственных преступников: в 1727 году вошел в него А. Д. Меншиков с семейством, а тотчас по выходе его и следом за ним (в 1730 году) князья Долгорукие, потом (в 1743 г.) граф Остерман. После него острог был заброшен и снесен на другое место под присутственные места; вместо Березова полюби-

лась Камчатка. Уже Петр не придерживался окраин Западной Сибири и, радея о портах приморских, сделавший из Рогервика (Балтийского порта) и Петербурга каторжные места, посылал государственных преступников в Охотский порт.

До Петра тюрьмами для государственных лиходеев служили еще остроги и острожки, один за другим, как грибы, выраставшие в лесных местностях дикой и новой Сибири. В остроги эти явились государственные преступники в числе первых обновлять тюрьмы и справлять новоселье. В 1666 г. основан был за Байкалом Селенгинский острог и, пока укрепляли его дубовым частоколом, пока внутри ограды успели построить церковь и деревянные избы с застенками — по московским образцам — для пыток простых ссыльных, поспешили срубить и избу с «темными каютами» для великоважных преступников. В селенгинской секретной избе в 1673 г. сидел уже малороссийский гетман Демьян Многогрешный. Около 1630 года отстроен был Кузнецкий острог и долго подвергался опасностям от нападения татар и киргизов, но лишь смирились последние и стало безопасно, в Кузнецкий острог привезли нежинского полковника Матвея Гвинтовку, и т. д. В начале XVII века таких острогов в Сибири было уже много: на «великой реке Лене» стоял острог Якутский; в дальних Даурах — Нерчинский и Селенгинский и даже «на великой реке Амуре» — Албазинский, где пел первый молебен государственный ссыльный — протопоп Аввакум Петрович. Сверх того, такие же сырые и темные тюрьмы стояли готовыми и в монастырях: туруханском (Троицком), киренском (Троицком), иркутском (Вознесенскомъ), селенгинском (Троицком, близ Байкала), Нерчинском (Успенском) и даже в якутском (Спасском). Для женщин выстроены были особые тюрьмы с железными решетками в монастырях женских Богородицких (тобольском и енисейском Рождественских, далматовском Успенском и иркутском Знаменском).

Семнадцатый век, кончившийся вспышками неудовольствий по поводу присоединения Малороссии, распрями с раскольниками, нашедшими опору в своевольных стрельцах, передал новому веку много нерешенных споров государственной важности. Восемнадцатый век, к тому же, начинался для России громадною ломкою всего стараго отечественного и народного, распадавшегося под ударами тяжелой руки, направляемой и воспособляемой иноземцами.

Сильно хлынувшая волна схватывала отсталых и, изуродовав их тела, выкидывала на пустынных далеких берегах Сибири. В числе отсталых и погибших первыми и на большую часть оказались лица духовного звания, но больше монахов, чем людей из белого духо

Следом за угличанами и Романовыми — ссыльными Бориса Годунова — в молодую страну изгнания и пущих страданий стали прибывать те, которых милости царевы избавляли от смертной казни. Борис прислал Богдана Бельского, предварительно выщипав ему по волоску густую длинную бороду. С главными заводчиками все-таки продолжали еще рассчитываться в России. Болотникова с атаманом Нагибою Шуйский утопил в Каргополе; лже-Петра повесили; Заруцкого посадили на кол в Москве; Марина умерла в тюрьме, но сына Марины повесили; Шаховского, «всей крови заводчика», заточили на Кубенском озере в пустыне. Если Дмитрий Самозванец и вызвал из ссылки всех Романовых, тела умерших в Сибири перевез в Москву и с почестями похоронил в Новоспасском монастыре, то он же отправил в Сибирь из Галича дядю Отрепьева, гласно объявлявшего о настоящем происхождении царя; дворянина Петра Тургенева и калашника Федора, толковавших народу, что царь — обманщик и орудие сатаны, Дмитрий казнил в Москве на той же площади, где они все это рассказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимофеева, дерзнувшего уличить царя с глазу на глаз.

При царе Михаиле отправили в Сибирь из Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшего войску, что не надо признавать нового царя, так как он избран без совета с Казанским царством. Сослали Салтыковых за то, что государевой радости (женитьбе) причинили помеху изменою, когда царь хотел жениться на Марье Хлоповой и она занемогла, и несмотря на то, что дядя невесты Гаврила приписывал болезнь племянницы неумеренному употреблению сладких яств на радостях. В 1634 году услали в Сибирь остальцев от казненных смоленских воевод, позволивших в городе укрепиться полякам и говоривших о смерти Филарета Никитича много непригожих воровских слов, «чего и написать нельзя»: Семена Прозоновского и Михайлу Бельского без жен и детей. Одного сына Измайлова (Василья) простили, другого били кнутом и сослали в сибирскую тюрьму за то, что будучи под Смоленском, воровал с литовскими людьми, съезжался и говорил многие непригожие

слова и литовских людей дарил. За то же самое и туда же пошли Гаврила Бакин и Любим Ананьев (последний жил во дворе у Шеина в шишах, подслуживался и ссорил воеводу). В конце царствования Михаила появление двух новых претендентов, оспаривавших у царя московский престол, вызвало толпу доверчивых людей, из которых часть поплатилась за свою простоту ссылкою в Сибирь, хотя и на этот раз с главными заводчиками успели разделаться домашними средствами — казнью, и Сибири им не судили.

При сыне Михаила, Алексее, злое дело против государя обрекало на смертную казнь по прямому смыслу законов, собранных в Уложении. Сам царь принял на себя право судебного приговора и в том случае, когда «кто учнет извещати великое государево дело, а свидетелей никого не поставит и ничем не уличить и сыскивати будет нечем», и в том случае, когда «кто сведает или услышит на царское величество, в каких людях скоп и заговор или иной какой злоя умысел». Обо всех таких велено извещать государя, или его бояр, или ближних людей, а в городах — воевод и приказных людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажут за собою государево дело) не верить и пытать за татьбу, а после пытки уже расспрашивать.

При царе Алексее сибирские остроги, следом за гилевщиками (ходившими к царю в Коломенское смутою и толпою с жалобою на упадок медных денег), увидели новых доверчивых людей, поверивших новым самозванцам: Стеньке Разину на Волге и самозванцу царевичу Симеону Алексеевичу в Запорожье. Анкудинова (Тимошку), выдававшего себя за сына Василия Шуйского в Швеции и не успевшаго найти сообщников в России, четвертовали в Москве, но товарищей донского казака Федьки Шелудяка сослали в Сибирь. Сибирские остроги в это царствование стали мало-помалу приобретать значение государственных теорем и в конце царствования этого государя обладали большим запасом политических ссыльных. На последнее обстоятельство в значительной степени повлияло присоединение Малороссии и те замешательства, какими сопровождались непривычные и неопределившиеся отношения добровольно присоединившегося края по смерти Богдана Хмельницкого. В 1671 году малороссийского гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрешного за то, что писал хульные речи на государя и государство и

обещал отдаться турецкому султану и служить ему, привезли в Москву с сообщниками: протопопом Симеоном Адамовичем, Грибовичем и есаулом Гвинтовкою. Бояре присудили им смертную казнь, привезли на Болото за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислал гонца: пожаловал по упрощению детей своих, велел Демку да Ваську (брата его), Грибовича и Гвинтовку сослать в дальние сибирские города на вечное житье. На другой день велел дать им в милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвинтовке по пяти и отдать гетману всю его рухлядь. Бояре приговорили отпустить с ними их жен и детей; с Демьяном отправились жена его Настасья, сыновья Петр и Иван, дочь Елена, племянник Михайло Зиновьев и две работницы. С Гвинтовкою жена и двое сыновей (Ефим и Федор). В Тобольске указано их держать за крепким караулом скованными, но сибирские крепости не сдержали Василья Грибовича, он из Сибири бежал, схоронился от ссылки в Запорожье, но усугубил тем муки неволи для товарищей. Велено было разослать их по дальним острогам в пешую казачью службу и держать скованными в тюрьмах: Демьяна Многогрешнаго с женою и одним сыном — в Якутске (где он потом жил на свободе и оттуда, по просьбе, переведен в Селенгинский острог); брата гетмана, черниговского полковника — в Красноярском остроге, нежинского полковника Матвея Гвинтовку с семейством — в Кузнецком остроге. В том же году и по тем же городам разосланы из боярских детей пять человек с женами и детьми, каковые все, после бегства Павла Грибовича, в Туринске рассажены были по тюрьмам, а когда из них успели некоторые также бежать, пойманных беглецов велено бить кнутом в Тобольске и отослать в дальние сибирские города. В Якутск, на место Многогрешного, прислан был в ссылку другой малороссийский гетман Иван Самуйлович Самойлович с сыном Яковом, где оба и умерли (один в 1692, другой в 1695 г.). К ним не допускали людей, не давали ни чернил, ни бумаги; невестка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была в енисейском Рождественском монастыре, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращен из Сибири и знаменитый запорожец Серко, страшный Крыму, но показавшийся опасным тем, что казаки хотели его выбрать на место Многогрешного. Впоследствии в Якутский острог, после разных казачьих смут, присланы были: полковник Конюхов-

ский, андрусовский полковник Децен, киевский Семен Третьяк, ирклеевский Маляш, много казачьих голов, сотников, пятидесятников, войсковых писарей и других лиц. При Петре в Енисейский острог был посажен полковник Семен Палей, как изменник, обвиненный в сношениях с Карлом XII и загубленный Мазепою[56]. В 1708 году он был возвращен из Сибири, но следом за ним отправлен был в Якутский острог племянник Мазепы Андрей Войнаровский, расплатившийся этою ссылкою за бежавшего за границу дядю.

Таким образом, передовыми выборными людьми от народа и его любимцами проторен был путь в Сибирь из Малороссии, начатый при царе Алексее, не заброшенный и при его трех преемниках до времени самого меньшего из его сыновей — Петра. Этими ссылками Великая Россия заявила свои владельческие права; в них Малая Россия получила первые уроки подданнической верности и крупными жертвами искренних и устойчивых патриотов низведена была до того уровня, где ее права очутились в зависимости и подчинении правам и стремлениям централизующей Москвы. Сибирь, посреди этих расчетов двух главных и основных племен, нашла для себя несомненную выгоду в том, что сторожевая казачья служба в молодой стране выиграла приобретением людей опытных и способных, встала в наилучшие условия боевой жизни. Черкасские люди, приуроченные к сибирской стране навечно и принужденные слить интересы личной безопасности с государственными выгодами страны, не помня зла, пособили коренным сибирским казакам

---

[56] В 1708 г. при Петре ушли в Сибирь избавленные от виселицы сообщники Булавина (успевшего застрелиться). Пострадали казаки; казачеству нанесен был сильный удар. В 1709 году разгромлена была Запорожская Сечь и некоторые из запорожцев примкнули к составу служилых людей сибирских острогов. В Селенгинскем в старом городе, хранится под навесом деревянный крест с выпуклым изображением Спасителя и с надписью назади тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста замечается надпись: «строил ятман (гетман) Диятьев (1690)», вероятно, один из множества запорожских казаков, поселенных за Байкалом. Крест вырыт в песчаных буграх старого города, где был старинный острог и где теперь ветер насыпал высокие бугры и заставил перенести город на новое место. Народное предание называет Диятьева анахарем, лечившим народ от болезней; крест почитается чудотворным.

отбить набеги враждебных инородческих племен. Тот же Демьян Многогрешный, на долю которого выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальнего заточения, сумел отстоять забайкальские страны от набегов самого воинственного из сибирских народов монгольского племени — бурятов. Под тем же Селенгинском, где он нашел конец своим мучениям, до сих пор сохраняется в памяти народа гора *Убиенная*, названная так по тому, что здесь на посла Е. А. Головина, ехавшего в 1689 году в Нерчинск для переговоров с китайцами, напали буряты, били его людей, теснили войска; самому послу грозили великою опасностью, но из селенгинской крепости вышел тамошний гарнизон под начальством Многогрешного. Умелый гетман разбил бурят наголову; впоследствии отразил набеги монголов и табунгутских сойотов и, исполняя такие дворянские службы, успел сделать то, что с тех пор буряты — мирные соседи русского города. За службу отца сына Сергея, родившегося уже в Сибири, пожаловали в сыны боярские. 180 человек запорожских черкас, выселенных при царе Михаиле на Лену за Киренск вместе с Чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основание Подкаменской волости, состоящей из 145 деревень, носящих старые названия, завещанные на память о родине: Чугуевка, Гребенская и проч. Жители поражают всех наивною простотою, патриархальностью и теперь в новом поколении представляют смесь русских, тунгусов и запорожцев. То же явление и на сибирской линии, населенной 138 запорожцами, присланными за участие в набегах Максима Железняка с Гонтою и Швачкою. Гонту поляки четвертовали, Железняка судила Россия: по наказании кнутом его сослали в Сибирь. За ними ушли все те, которые уцелели от ужасного польского суда в Конде, рубившего руки и ноги, вешавшего, четвертовавшего и пускавшего ползать по миру и внушать тем народу страх и повиновение.

Насколько малороссийскому казачьему элементу удавалось оживлять, освежать и усиливать старожилое сибирское казачество и, вместе с ним, служить всякие службы, настолько (если даже не больше) тому же старожилому населению сибирских острогов послужили новые выселенцы из России — московские стрельцы в тех остатках, которые уцелели от многочисленных казней и многообразных расселений по отдаленным пунктам России. При Алексее

началось и при Екатерине II, разрушившей Сечь, на 138-ми запорожских казаках в 1775 году кончилось влияние малороссов, высылаемых за государственные преступления; при Петре Сибирь начала заручаться стрельцами и увидела их в таком множестве, подобного которому ни до того, ни после Сибирь не видала. Петром же, положившим конец крамольному войску, кончена была и стрелецкая высылка, ознаменовавшаяся тем, что не стало без ссыльных стрельцов ни одной крепости, ни одного острога, даже таких неудобных и далеких, как Удский, Анадырский, Колымский, Охотский, Братский, Илимский, Балаганский, Тункинский. Стрельцами положено было основание первым из них и на стрельцах в прошлом веке завершились крупные высылки ссыльных огромными толпами за государственные преступления.

Первые 30 стрельцов, замешанных в деле Феодора Шакловитого, после его казни, явились в различных сибирских острогах на вечное житье «за злодейское покушение на жизнь малолетнего царя Петра», после того как в Москве клали их головы на плахи, отрезали языки и били кнутом. Следом за этими (в 1690 г.) 13 менее виновных сообщников с женами и детьми прибыли в Сибирь на службу и поступили, в какую пригодились. Некоторым удалось бежать из Москвы и о них по разным городам посланы были памятки о сыске: трех человек Стремянного полка, двух Жукова полка, одного Сухарева, одного Циклерова полка. Все замышляли мать-царицу, святейшего отца Иоакима, бояр и близких людей побить до смерти. В 1697 г. объявлена вместо казни политическая смерть и после нещадного битья на козле кнутом и подрезанья языков — ссылка на вечное житье в сибирские города с женами и детьми сообщникам Ивана Цикл ера, составившего второй заговор на жизнь Петра вместе с окольничим Соковниным и стольником Феодором Пушкиным. Главные злоумышленники четвертованы, второстепенные приговорены в ссылку; между прочим, ушел туда ни в чем неповинный отец казненного Матвей Степанович Пушкин со всем семейством. Старика лишили в Москве боярской чести, в Сибири — заключили в тюрьму в Енисейске, жену и детей его в тамошнем Рождественском женском монастыре. По праздникам дозволялось им свидание; впоследствии Пушкина назначили в городовую службу.

В 1698 году начались в Москве казни, направленные к наказанию возмутившихся стрелецких полков во время пребывания царя за границею; одновременно с ними производилась высылка стрельцов в отдаленные сибирские остроги, имевшая целью в корень истребить мятежное старорусское войско. До приезда царя бояре успели сослать главных застрельщиков: одного в Даурию, а двух в Западную Сибирь. По розыску Шеина 74 человека были в июле 1698 г. повешены, 140 чел. наказаны кнутом и сосланы в ссылку, 26 малолеток оставлены без наказания, 1965 чел. разосланы по русским городам с провожатыми в тюрьмы. Осенью этого года началась расправа и начались новые казни в присутствии самого царя. 19 сентября из 341 приговоренных к смерти приговор исполнен над 201 человеком; сто малолеток (от 15 до 20 лет) наказали кнутом, заклеймили правую щеку и погнали в сибирские города. С 3 по 18 октября из приговоренных к смертной казни только 93 несовершеннолетним дарована пощада. Трупы казненных 5 месяцев валялись неприбранными. В начале 1699 г. начались новые казни: из 508, оставленных для розыска, 137 колесованы, четвертованы и повешены, 285 малолеток, по наказании кнутом, сосланы на каторгу, 86 опять оставлены для новых розысков. 9 февраля 1700 года из этого числа отобраны 40 человек для казней, 25 частью отправлены на каторгу, частью в Сибирь (9 оправданы). В 1701 г. произошла расправа с последними: Маслова, за вероятное сокрытие царевнина письма, казнили; Жукова и Михляева сослали в Сибирь на пашню с женами и детьми. В 1705 году пошли в Сибирь астраханские стрельцы вместе с тамошними казаками за бунт, поднятый ими за русскую старину против государя. Сибирь стрельцов не смирила, затеивались попытки соединиться всем ссылочным в полки и идти на Москву; их угомонили тем, что, размельчив стрелецкие группы, разослали одиночками их в самые неудобные и дальние места, носившие названия зимовьев: Колымское, Анадырское, Удское. Поселенные здесь от крайних лишений голодовки сбивались в шайки и изыскивали пропитание грабежами караванов и обозов торговых людей и разбоями по рекам и дорогам. Много урочищ сохранило память об этих подвигах. Грабежи и разбои прекратились с тех пор, когда стрельцы переселены были южнее и когда острожную службу сменили на пашенную, как сделали это со стрельцами

Братского и Балаганского острогов, водворенными на р. Ангаре (в нынешней Яндинской волости). При лучших условиях климата и почвы стрельцам удалось выродиться в здоровое, рослое и даровитое племя коренных сибиряков; при данных, менее благоприятных, привелось переродиться в племя вялое, мелкое, глуповатое и беспечное, наподобие жителей Орленской волости, отличающихся зобами иногда так, что один зоб нарастает на другом (особенно в деревнях Дядиной, Голой и Шамановой). Зато в начале течения Лены и особенно ниже Витимской волости) народ боек, сметлив, богат; до сих пор носит московскую шапку, коротенький армяк до колен и, называя его свысока шемедью (шинелью), до сих пор отличается мягким говором, особенно резко выдающимся среди крутого новгородского говора — коренного для целой Сибири. В дальней Даурии стрелецкие следы замело налетом ссыльных, а в Западной Сибири пробиваются они так редко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствование Петра, ослабившего ссылку в Сибирь обычных преступников и восполнившего этот недостаток высылкою целых сотен государственных преступников в виде стрельцов, осталось памятным для Сибири, между прочим, и тем, что следом за стрельцами и вместе с ними ссылались за государственные вины различные отдельные лица разных служилых сословий.

В 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы в Сибирь единомышленники типографщика Григория Талицкого, печатавшего воровские письма и называвшего в них Петра антихристом, 7 человек (и вместе с ними 5 вдов, оставшихся после смертной казни мужей их), в дальние города, выбитые кнутом и запятнанные. В 1715 г. оказались виновными в таких же делах Левин, керженецкие раскольники и многие другие. В 1718 г., за подобные же писания, колесовали на смерть подьячего Лариона Докукина и сослали тех, которые прислушивались и верили его разговорам и подметным письмам, вызывавшим против царя возмущение в народе. Этими десятками ссыльных, сделавшихся известными благодаря усердной разработке материалов той эпохи, определяются сотни таких лиц, которые поплатились Сибирью за недовольство нововведениями и история которых обретается еще под спудом в архивных грудах. Крутая расправа со стрельцами в

начале Петрова царствования не предотвратила недовольства народного, и ссылка, вместо прежних масс располагавшая единицами, в конце Петрова царствования стала карать безразлично людей всех сословий — от монахов самых глухих и отдаленных монастырей до приверженцев заточенной царицы Евдокии и казненного царевича Алексея[57]. В той же мере, в какой укреплялись нововведения, изменявшие старый порядок, возрастало число недовольных, распространялись в народе подметные тетрадки, сочиняемые и староверами и монахами. Самая подозрительность в конце Петрова царствования возрастала прогрессивно, свидетельствуя о великих опасностях, мнимых и действительных. «Слово и дело» до Петра проявлялось весьма редко и всегда по убеждению, из ревности к царю, государству, вере. С Петра, при усилившемся требовании на «слово и дело», с увеличением важности значения слов и дел, начались злоупотребления, стали объявлять их за собою из личной мести, вражды, спьяну и по другим личным видам. Главнейшим же образом в народе воспиталась страсть к доносам, и от этой страсти увеличилось количество ссыльных, как новое и неожиданное явление в народной жизни. В 1713 году царский указ предписывал смертную казнь всем преступникам и повредителям государственных интересов; в 1714 году Петр принужден был ограничить значение «слова и дела», определяя их делами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и измены. Сказавших или написавших государево «слово и дело», помимо этих причин, застращивали великим наказанием, разорением и ссылкою на каторгу. В 1715 году указ облегчал доносчикам подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а этот уже представлял челобитную самому царю; но доносчики продолжали во множестве докучать царю, «не давая покою везде, во всех местах», несмотря на страх жестоких наказаний. Дела о «слове и деле» из Судного приказа переведены были в Пре-

[57] По делу царевича Алексея сослано было в Сибирь много и, между прочими, в Соликамск фельдмаршал Вас. Влад. Долгорукий за слишком вольные осуждения действий царя; дальше за Камень: псаломищик Семен Иванов, битый батогами вместо кнута «по малолетству»; подъячий Анфимов, зять царевичева духовника Якова Игнатьева, с женою и детьми, и проч.

ображенский приказ, поручены были ведению крутого и немилосердного князя-папы Ромодановского, решались им без апелляции, но страсть к доносам была уже так глубока в народе, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать в возможно доступных пределах. Страхи Преображенского приказа никого не смущали; с тех же пор, как доносчику в Пензе в 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать беспошлинно и велено его охранять от всяких обид, доносчики стали появляться в великом множестве. В том же году священников обязали объявлять об открытых им на исповедях преднамеренных злодействах, а челобитчиков с государственными великими делами дозволено принимать и во время божественного пения и чтения. Значение «слова и дела» стало возрастать с годами до тех пределов, в каких оно явилось при Анне Ивановне и Бироне, и возрастало соответственно вызову различных обстоятельств. При Петре, в 1722 году, «некоторый человек, пришед в г. Пензу, кричал всенародно многие злые слова, касающиеся до превысокой чести царя, на которой крик сошлось людей не малое число». После Петра, при Екатерине, в 1726 году «явились противники устава о престолонаследии, избравшие наследника и мечтавшие выслать государыню за границу: Антоний Девиер, Толстой с сыном, Бутурлин, Григорий Скорняков-Писарев». В сущности же, все пятеро разговаривали о воспрепятствовании браку молодого императора с дочерью Меншикова. Последний поторопился судом и приговором и доклад о мнимых преступниках поднес к подписи в самый день кончины императрицы Екатерины. Доклад говорил, что эти лица осмелились по своему желанию определить наследника престола и замышляли противиться преднамеренному по воле ее величества супружеству великого князя. Обвиненных услали в Сибирь: зятя Меншикова, Девиера, со Скорняковым — в Охотск (Елизавета их возвратила), Девиера, освобожденного от смертной казни, Писарева, высеченного кнутом (Толстой заточен в Соловках с сыном; велено их пускать только в церковь и довольствовать братскою пищею), Бутурлина послали в дальнюю деревню, Долгорукого записали в полевые полки и проч. В 1728 г. (17 июня) велели сибирскому губернатору возвратить араба Ибрагима — крестника Петра. Тогда же и тем же Меншиковым отправлен был в Сибирь бывший обер-церемониймейстер граф де Санти, «явившийся в

тайном деле весьма подозрительным». В следующем году, за пять месяцев до смерти государыни, «объявились в разных городах, уездах, селах и деревнях многие злодеи в непристойных и противных словах против персон покойного царя и владеющей императрицы». В 1728 г., при Петре Втором, за непристойные слова послали в Сибирь морского капитан-поручика Казанцева, гренадера Алексеева, солдата Кротского, прядильщика Лобанова и матроса Чапынского. В то же время боярская партия Долгоруких низвергла временщика князя Меншикова и вместе с дочерью, невестою молодого императора, сослала в Березов. При Анне, в свою очередь, пострадала партия верховников, особенно князья Долгорукие, когда Бирон стал временщиком и свирепо сокрушал противников. В 1731 году Анна услала в ссылку Долгоруких, Барятинского, Столетова за то, что «не только полезные государству учреждения непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли». Следом за ними и вскоре (в том же 1731 г.) схватили Алексея Алексеевича Шубина, сержанта Семеновского полка, первое лицо при дворе цесаревны Елизаветы, за то, что он, любя царевну, хотел тайно освободить Долгоруких и, с помощью их, возвести на престол Елизавету. Его пытали, заключили в каменный мешок, потом наказали кнутом, вырезали язык и сослали в Камчатку, где принудили жениться на камчадалке. В следующем году (1732) привезен был в Якутск бывший любимец Петра I, президент камер-коллегии, ст. сов. Фик, названный в бумаге великоважным преступником, замешанным по делу о призвании на престол курляндской герцогини Анны Ивановны. В 1735 г. привезли смоленского губернатора князя Алек. Анд. Черкасскоаго за «зело тяжкие и наиважнейшие изменнические и возмутительные против государыни умыслы» в Джигайское зимовье. С ним вместе высланы были управитель Алек. Пребышевский, поручик Ив. Аршеневский и шляхтич (шурин Чечерского) Семен Корсак с женою (в Гижигу). Десятилетнее царствование Анны Ивановны, таким образом, является (по отношениям к истории русской ссылки за государственные вины) одним из обильных количеством жертв. Оно соперничает со временем Петра и не уступает своего значения ни одному из последующих царствований всего XVIII столетия. Не только Бирон, но и Феофан Прокопович, содействовавший низложению и гибели верховников,

присоединил свое деятельное участье к населению Сибири государственными преступниками. Личных врагов своих он, по увлечению духом времени, умел обвинять в государственных делах и всеми правдами и неправдами, в силу своего громадного влияния на церковные дела, успевал обвинять до ссылки в отдаленные сибирские монастыри духовных лиц, а друзей и приверженцев их до ссылки в самые далекие каторжные места. Архиерея Георгия Дашкова, заподозренного в косвенном участьи в устранении Анны от престола (затеянном Родышевским), Феофан сослал в Нерчинский монастырь и не велел слушать никаких от него объявлений, хотя бы о государевом «слове и деле». Следом за ними отправил Феофан распопа Родиона в Охотский монастырь на вечные и неисходные труды, братьев Никитиных с женами и детьми туда же на житье вечно за караулом; Яковлева с теми же правами в Охотский порт; печерского старца Исаию, распопа Васильева, Морозова — туда же, Горбунова на серебряные заводы; всех за какие-то недоказанные и неопределенные подметные письма, некоторых за действительные пасквили на государыню и Феофана. Между прочими подвернулся заезжий грек Серафим Арион — шпион, продававший себя всякому правительству и явившийся в Россию для спекуляций во имя угнетенных турками греков; его сослали в Охотский острог. Вся деятельность Феофана, таким образом, при Анне была поглощена тайною канцеляриею. Ему оставалось выбирать одно из двух: или погибнуть самому, или обороняться тем же оружием, с которым стояли наготове его противники. Он выбрал последнее и, на этом основании, неустанно запугивал государыню бунтами и революциями, указывал на своих врагов и держал в страхе и под своею властью всех министров. Болтин так рисует бироновское время: «В городах бряцание кандалов, жалобные гласы колодников, просящих милостыню от проходящих, воздух наполняли. Из порубежных провинций многие тысячи крестьян, не менее 250 тысяч., бежав с женами и детьми, поселились в Польше, Молдавии и Валахии, и даже за Дунаем в Болгарии». Тобольский летописец уверяет, что в течение 10 лет, по 9 ноября 1740 г. в Сибирь сослано дворян и чиновников 20 тысяч. В это страшное время для несчастного народа, пожертвовавшего сотнями сосланных в Сибирь — кабинет-министр Артемий Волынский, дерзнувший восстать на временщика, поплатился за свою

попытку головою, дочь и сын его были сосланы в Сибирь; туда же сосланы сенатор Мусин-Пушкин с вырезанным языком, кабинет-секретарь Эйлер и Соймонов, наказанные кнутом, и секретарь Волынского, Зуда (в Камчатку), битый плетьми за перевод исторических книг для Волынского. Когда фельдмаршал Миних, по смерти Анны Ивановны, провозгласил принцессу брауншвейгскую Анну Леопольдовну правительницею, Эрнст Бирон был арестован вместе с братьями, Густавом и Карлом, и генералом Бисмарком, и все сосланы в Пелым с женами и детьми. За приверженность к Елизавет, Анна Леопольдовна успела еще сослать в Камчатку Петра Калачева, капитана Азовского полка. Когда, в свою очередь, провозглашена была императрицей дочь Петра Елизавета, Миних, Остерман, Головкин, Менгден и Тимирязев, устранившие от престола Елизавету, были сосланы в Сибирь. В 1742 году прапорщика Преображенского полка, Ивашкина, Елизавета сослала в Камчатку, в Большерецкий острог; товарищей его, сержанта Сновидова и камер-лакея, бывшего камердинера правительницы, Ал. Дм. Турчанинова — первого в Нижнекамчатск, второго в Охотск; всех троих за дерзкие речи против Елизаветы, выговоренные в трактире. Всех троих наказали кнутом, всем вырвали ноздри, а камер-лакею, сверх того, за произнесенные им великоважные, непристойные слова, отрезали язык. Ивашкин повинился в том, что намеревался ночью умертвить императрицу Елизавету, по восшествии ее на престол, а с нею вместе и великого князя Петра Феодоровича, а лейб-компанию заарестовать. Турчанинов сознался, что, слыша о том, не донес, а сам советовался, как бы принца Иоанна сделать императором, а принцессу Анну правительницею, и склонял к тому двух гвардии унтер-офицеров, говоря, что сделали-де Елизавету государынею лейб-компанцы за винную чарку, да и Екатерине I быть государынею не надлежало, а сделал ее тем генерал Ушаков, которого министры устрашились. Сновидов оказался участником обоих. В 1743 году, за злые умыслы на особу императрицы, туда же отправлены были: Степан Лопухин с женою и сыном, графиня Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошков, кн. Ив. Путятин, Александр Зыбин, София Лилиенфельд — желавшие избрать императором принца Ивана Антоновича. За ними приговорен был к лишению чинов и ссылке в деревню канцлер Бестужев «за оскорбление величества». В 1749 го-

ду поручик Бутырского полка, Иосафат Батурин, послан был в Камчатку за то, что предложил свои услуги великому князю Петру Феодоровичу возвести его на престол при жизни тетки.

Екатерина II, в самый год вступления своего на престол, сослала в Сибирь оскорбителей величества, совершивших умысел к общему возмущению: Петра Хрущова и трех Гурьевых; затем сообщников различных самозванцев, начиная с казака Пугачева (18 человек[58]), казака Ханина, крестьянина Иова Мосягина да солдата Кремнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышева, из которых три последних сами, вместе с сообщниками, отправились в вечную работу в Нерчинск (Пугачев четвертован, Мосягина указано повесить, если он производил убийства, или, наказав кнутом, содержать в заточении, если он убийства не совершил). Казак Богомолов, наказанный кнутом, умер по дороге в Сибирь. Во время путешествия Екатерины по России разыгралось в Шлиссельбурге известное дело Мировича, желавшего воспользоваться удобным

[58] Двоих пугачевских друзей четвертовали, одному отсекли голову, восьмерым вырвали ноздри и сослали на каторгу, десятерых, после кнута, на поселение. Но и после того ссылка не прекращалась; по свидетельству одного указа, «подозрительные люди продолжали обнаруживать те же наклонности». В нерчинских рудниках осталось в памяти предание о пугачевском приверженце уральском Марушке. Он жил еще в 40-х годах XIX столетия, в Култуме имел собственный домик, жил холостым, давал под заклады деньги и в целой окрестности слыл за богатого человека. Марушка, несмотря на почти столетний возраст, отличался необыкновенною физическою силою. Когда слух о богатствах привлек в его дом разбойника, и он, спускавшийся с чердака по лестнице, упал, оглушенный ударом косы в голову, то злодею не удалось его задушить. Под тяжелым кулаком убийцы Марушка успел очнуться и, почуяв свою силу, сбил с себя разбойника, повалил наземь, связал и представил в полицию. Богатый скряга Марушка сохранил и ревность к старой вере и веру в старые убеждения, послужившие причиною несчастий. Он любил рассказывать о бунте Пугачева, о котором так толковал: «Не пытали мы, кто был Пугачев, и знать того не хотели. Бунтовали же потому, что хотели победить, а тогда заняли бы место тех, которые нас утесняли. Мы были бы господами, а вера свободною. Проиграли мы, что ж делать? Их счастье. Выиграй мы, имели бы своего царя, произошли бы всякие ранги, заняли всякие должности. Господа теперь были бы в таком же угнетении, в каком и нас держали».

временем, чтобы возвести на престол Ивана Антоновича, сидевшего в крепости. Мирович кончил жизнь на эшафоте; ему отсекли голову и, «оставя тело его народу на позорище до вечера, сожгли оное потом купно с эшафотом». Сообщников его сослали в Сибирь в вечные солдаты (около 50-ти человек) и на вечные работы (3 солдата и три капрала, прогнанные сквозь строй через тысячу человек десять раз, а один, более виновный, двенадцать). Екатерина же сослала в Сибирь, в Илимский острог, на десятилетнее безысходное пребывание, по лишении орденов и дворянства, Александра Радищева, за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» (в 1790 г.). А. Н. Радищев, проживший в Тобольске 7 месяцев в ожидании семейства (свояченицы с тремя детьми), принятый во всех лучших домах города и обласканный губернатором Алябьевым, в Илимском остроге помещен был в обширном воеводском доме, со службами и садом. Когда дом оказался холодным, он был исправлен плотниками, прибывшими из Иркутска, и Радищев на полном просторе имел возможность заняться науками, обучением детей и гончарным ремеслом и начал опыты оспопрививания. Опыт Радищева, если верить сибирскому преданию, был не только первым в Сибири и России, но несколькими годами предупредил даже изобретение знаменитого Дженнера, начавшего привитие оспы в 1799 году (Радищев возвращен из Сибири императором Павлом и в 1797 г. был уже в России; известно также, что Дженнер начал свои исследования над оспою еще в 1776 году). В Сибири к Радищеву приезжали сибиряки для лечения из самых отдаленных мест. В свободные часы от занятий со своими и чужими детьми. А. Н. Радищев успел написать в Сибири: «Рассуждения о человеке и смертности его и о бессмертии души», «Письмо о китайском торге»; начал «Историю покорения Сибири» и историческую повесть «Ермак». Сочинения эти, написанные в Сибири и конченные по возвращении в Россию, в деревне, изданы Бекетовым в Москве в 1807–1811 гг. В Сибири он женился на свояченице своей. В 1794 г. ушел в вечную каторжную работу черноморский капитан-лейтенант Монтагю за государственную измену («за шпионство»).

Екатерина Вторая, в указе 19-го октября 1762 г., поспешила высказаться так: «Ненавистное выражение, а именно “слово и дело”, не долженствует значит отныне ничего и мы запрещаем употреблять

оное кому-нибудь. А если кто употребит отныне в пьянстве или избегая побоев и наказания, таковых тот час наказывать так, как от полиции наказываются озорники и бесчинники».

Если до сих пор «слово и дело» в России представлялось желанным для усердствовавших и выгодным для охотников к доносам, то «слово и дело» на местах ссылки в Сибири явилось соблазном для каторжных в том отношении, что выговоренное где бы то ни было освобождало на время от тяжести каторжных работ. Объявившего за собою государево слово немедленно отдавали сержанту и приказывали вести пешком в Иркутск, из других каторжных мест — в ближайшие большие города, держать крепко и только в случае изнеможения сажать на подводу. Там допрашивали доносчика, потом оговоренных им; в случае разногласия, давали очную ставку, затем пытали доносчика, если объявляемый не сознавался, пытали обвиняемых, если доносчик продолжал обвинение. Обыкновенно каторжные сознавались в том, что клепали напрасно, или со зла или спьяну; чаще признавались в том, что поступали так, отбывая наказания прочих штрафов, желая получить награду и, во всяком случае, воспользоваться предварительным отдыхом и возможною утечкою с дороги. «Слово и дело» государевы ссыльные сумели превратить в особого рода спекуляцию. Спекулировали этим с тех пор, когда заводились на Руси первые и настоящие каторги. Так, в указе Петра слышатся жалобы на то, что, при основании Петербурга, каторжные этого города то и дело сказывают за собою «слово и дело» и объявляют до тайной канцелярии нужду. Те же жалобы на то же самое, на неуспех в работах, на воровство и побеги осужденных слышатся на петербургскую каторгу и гораздо позднее, при Елизавете (как видно по указу ее 1756 года 12 апреля[59]). По сенатскому указу

[59] Указ этот, составляющий характерную черту из истории Петербурга как каторжного места, говорит, между прочим: «Будучи на работах, за слабостью караульных солдат, ссыльные у прохожих и проезжающих просят милостыню, чем немалое бесславие здешнему резидирующему городу наносят, ибо между тем нередко случается, что и чужестранные персоны мимо их проезжают. Имея же при сем на работах ломы и железные пешни и другие вредные инструменты, они даже разбойничают на улицах: в 1751 году у одного каторжного Никиты Алексеева найдено в мешке ядро чугунное, которым он бил за Синим мостом в переулке по

20 сентября 1723 г. видно, что в Тобольске каторжные непрестанно кричат на командиров государево слово, «коих командиров и выслано в Москву скованных немало». По архивным делам Западной Сибири видно, что в «слово и дело» входили и такие заявления, которые прямо свидетельствовали о невинных целях отдыха и ничего другого не искали. Ссыльная девка Петрова объявляет «слово и дело» на крестьянку Иванову, а на допросе в Усть-Каменогорске оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промысел развратом, сказала ей: «У вас-де, у ссыльных, деньги дешевы — вы-де монетами их... подтираете». После очных ставок Петрова объявила, что по злобе на Иванову хотела обвинить ее в оскорблении монеты и герба. В 1731 году Нотебургского полка солдат Пермяков выкричал такое «слово и дело»: «В бытность мою за акияном-морем нашел я места рождения крупного жемчуга и три места тумпасные». В Якутском монастыре старец Никон говорит за собою такое великих государей и святительское дело: «Поставлена церковь без святительского благословения и в ней убился человек; промышленный человек привез с моря руду серебряную и ту руду плавил и из той руды родилось серебро». На суде оказалось, что руда, взятая в Индигирке реке, у бору, на камне, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, «чтобы впредь не повадно было иным такие затейные слова говорить и никаких великих государей дел не заводить» и проч. Некоторым «слово и дело» помогло: проходимцу Козыревскому, которого взбунтовавшиеся в 1711 году камчатские казаки выбрали атаманом и под его руководством натворили много бед. Лихой удалец этот выстроил на грабежные деньги судно, проведал Курильские острова, награбил новую добычу; но и ясак не спас: он сел в тюрьму, а ясак соблазнил самого воеводу. В 1717 году он с горя сделался монахом, а для этого сам и монастырь основал в Камчатке (Успенский). Пожил не долго, монастырь ограбил и с

головам трех купцов, с двух сорвал шапки, у третьего отнял шапку и рукавицы, хотел также убить майора Тютчева, смотревшего за работами. В 1752 г. тот же Алексеев, у Адмиралтейской крепости, близ Невского проспекта, вынул из палисадника балясину и другую от Зимнего дворца, иноземку ударил в лоб и содрал с нее атласную голубую юбку с серебряною сеткою». С этого года каторжных стали отправлять в Рогервик, а полиция стала производить свои работы вольнонаемными людьми.

вкладами ушел в Якутск, где подрядился выстроить железоделательный завод. Завода не построил и в 1724 году опять сел в тюрьму. Из тюрьмы ушел, попал в закадычные друзья к якутскому воеводе; опять нашалил и опять сел в тюрьму, пойманный с фальшивым паспортом на пути в Тобольск. Но Козыревский сказал государево слово на якутского архимандрита и дело об островах, будто бы открытых им против устьев Лены. Островов поискали, никаких не нашли, однако Козыревский, вместо виселицы, очутился в Москве и там начал новый ряд разнообразных приключений. В нерчинских заводах тянулся нескончаемый ряд секретных дел о «слове и деле» Анны Ивановой, и в них указания на такие измышления каторжных: «неприятель идет на Россию; у китайцев войска собираются; мунгалы ружья приготовляют» (оказалось, что монголы делали облаву на лосей).

Вчинялись в Нерчинске дела и такого рода: сгоряча и с сердцов бранят ссыльные каторжную работу. Например, один забыл в руднике лопату, товарищ стал помогать ее отыскивать, а приставник заметил: «Ты исправь прежде государеву работу, а потом ищи мужичью лопату». У оговоренного сорвалась с языка брань — и начались допросы, пытки, суд и осуждение. На фабрике Дучарского завода канатный подмастерье Лоншаков рассказывает прочим ссыльно-каторжным следующее (24-го ноября 1805 г.): «Поднимается на нашего государя иноземец, у того иноземца силы до 600 тысяч, а у нашего императора до 250-ти тысяч». Тем дело и кончилось. Кандальники были посажены за решетки в тюрьму, но вечером продолжали толковать о выслушанном. Один из них (ссыльный в оковах), Иван Коурый, говорил: «Дай Бог, чтоб иноземец своею силою завоевал наше государство для того, что черным людям никакой милости не предвидится». — «Что ты, дурак, ранишь (sic), чтоб бусурман завоевал нашу землю, и не дай Бог!» — заметил на это ссыльный Афанасий Анцыферов. Но Коурый от ругательных речей не отстал. Двое служителей «показали во всем сходственно»; показания, сверх того, утвердили один ссыльный и один канатный подмастерье, но Коурый заперся как в личном своем одиночном показании, так и на очной ставке. На третьем спросе обозвал он Анцыферова вором за то, что утаивал подаваемую в тюрьму милостыню, «за что-де и имел он, Коурый, с ним ругательства». Начальник

нерчинских заводов, Эллере, велел, во время производства следствия, держать Коурого в особенном месте в оковах и под строгим караулом, без употребления в работы. 7-го июля 1807 года сибирский губернатор Пестель дал знать, что министр юстиции (князь Лопухин) сообщил ему, что на доклад его, по донесению правительствующего Сената, его императорское величество повелеть соизволил: Коурого освободить от законного наказания, подтвердя ему, чтобы впредь постарался исправиться, в противном же случае не избегнет он строгого наказания по законам.

Взгляды на дела о «слове и деле» в девятнадцатом веке изменились. В 1817 г. крестьянин Тверской губернии Ермолаев, за непристойные речи про государя, приговорен был палатою к наказанию кнутом 40 ударами, решено было вырвать ему ноздри, поставить повеленные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернатор Всеволожский, извиняя крестьянина пьянством, присудил побить виновного на миру батогами и оставить в деревне под крепким надзором. Сенат сделал губернатору выговор и утвердил решение палаты, исключая только вырезания ноздрей, так как указом 25-го декабря 1817 г. такое наказание было отменено. Государь в 1819 году соизволил положить следующую резолюцию: «Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявя ему приговор, простить». 9-го апреля 1818 г. ссыльный Семен Артамонов, бывший в работе при Уровском казенном зимовье у разбивки конопли, придя в зимовье, бросил топор, рукавицы и шапку и изругался. Будучи спрошен, кого ругает, отвечал: «Тех, кто безвинных ссылает». Государь решил: оставить Артамонова в нынешнем положении, но без наказания. Вообще, должно сказать, что уже при восшествии на престол Александра I заметно сильное движение в делах нерчинских заводов: многие были возвращены, о многих наводились справки к возвращению, выдавались подорожные и паспорты.

В царствование Александра I за государственные преступления сосланы были (в 1819 г.) грузинские дворяне, изобличенные в измене, и размещены на поселении, большею частью, в окрестностях г. Селенгинска. В 1820 г., в октябре, солдаты лейб-гвардии Семеновского полка забыли долг присяги и дерзнули самовольно собраться в позднее вечернее время для принесения жалоб на своего командира (полковника Шварца), а когда за это буйство рота отведена

была под стражу, то и прочие роты вышли из повиновения. Восемь рядовых, как зачинщиков всех беспорядков, в пример другим, указано было прогнать шпицрутенами сквозь батальон по шести раз, с отсылкою в рудники. 3-ю роту назначили в полки кавказского корпуса; 172 человека в оренбургский корпус, 164 человека 1-й фузелерной роты и 52 человека 2-й, виновных в явном возмущении против начальства и в продолжение неповиновения до отвода их в крепость, — указано распределить без наказания в полки и батальоны сибирского корпуса. В списках нерчинских заводов за государственное преступление в 1807 году числился всего один: коллежский асессор Степанов, бывший экспедитор военно-походной канцелярии. «Он выдал еврею Мейровичу некоторые важного содержания документы для списания с них копий. Он подлежал смертной казни, но, как в пожалованной дворянству грамоте сказано: телесное наказание да не подлежит до благородного, то лишен чинов и дворянства и сослан в Нерчинск в каторжную работу»[60].

Печальное происшествие 14 декабря 1825 г., омрачившее день обнародования манифеста о восшествии на престол императора Николая Павловича, вызвало следственную комиссию. Пять месяцев с лишком комиссия ежедневно занималась вверенным ей делом, поверяла каждое обстоятельство, каждое показание, каждое происшествие. Оказавшиеся виновными в тяжких государственных преступлениях, «в замыслах долголетних, обдуманных и упорных, постоянно непреклонно к одной пагубной их цели устремленных» — преданы были верховному уголовному суду, составленному из Государственного Совета, правительствующего сената и Святейшего

---

[60] Государственная измена при Павле (1799 г.) служившего при Тосканском дворе колл. асс. Дрозда-Боначевского, предавшегося французам и служившего им, наказана была тем, что имя и деяния изменника прибиты были к виселице. При Павле же заподозрен был в измене плодовитый драматург Август Коцебу. Арестованный на границе, на возвратном пути из Вены в Петербург, он сослан в Курган. Отсюда его вскоре возвратили в Петербург, где Коцебу несколько времени управлял немецким театром. Прощен он был, как известно, за драму «Der Leibkutscher Peters des Grossen», которую Павел I получил в русском переводе. Пребывание свое в ссылке Коцебу описал в 2 томах (1801 г.) под заглавием: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

Синода с присоединением нескольких особ из высших воинских и гражданских чиновников. 13 июля 1826 г. объявлен был именной указ о государственных преступниках, осужденных к различным казням и наказаниям «за умысел на потрясение империи, на ниспровержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка». 15 июля издан манифест о совершении приговора над государственными преступниками. 9 августа объявлен сенатский указ об офицерах Черниговского полка, осужденных в Киеве за участье в мятеже; сто с лишком человек отправлено было в Сибирь на каторгу и на поселение.

Этими ссыльными завершается для нас ряд государственных преступников, отдавших свою судьбу сибирской стране и, в свою очередь, поставленных в обязательство уделять ей свою долю влияния. В семнадцатом веке влиянию этому противодействовал самый способ ссылки, предполагавший темную келью, ограниченные дачи провианта, строгий надзор, хлопотливо стремившийся к тому, чтобы ссыльные не имели никакого сношения с посторонними. Для этих ссыльных Сибирь предлагала те же тюрьмы, по подобию монастырских и городских русских тюрем, и оставалась вне всякого влияния пришлых людей до тех пор, пока царская милость не отворяла тюрем, не снимала желез. Демьян Многогрешный, при таких льготах, показал наилучший пример незлобивых отношений к стране собственных несчастий и является едва ли не единственным лицом, которому удалось принести свою долю участья там, где этого требовали. Да и какую пользу могли приносить стране изгнания те люди, которые побывали на правеже под кнутом, повисели на дыбах; чем могли послужить те руки, которые связывались близ ладоней длинною веревкою, подтягивались посредством ворота к самому потолку застенков и при быстром опускании вниз ручные кости выскакивали из чашек, потому что, падая, тела испытуемых висели на воздухе, не доставая ногами до полу? Некоторым доставалось таких встрясок и различных пыток целые десятки. Наибольшая часть непроизводительно исчезла без следа в сырых тюрьмах, на железных стенных цепях, служивших неизбежною принадлежностью не только колдунов, находящихся «в тайном богомерзком общении с нечистою силою», но и для преступников государственных, располагавших иными тайными, невидимыми

силами[61]. Восемнадцатый век располагал небольшими знаниями и не отличался мягкостью отношений к преступникам. В этом смысле цивилизующий государственный переворот сопровождался даже небольшими жестокостями, и вся первая половина прошлого века представляет такие образцы крутого обращения с ссыльными, какие с трудом можно находить в деяниях предшествовавшего ему столетия. Несмотря на то, что в середине XVIII века уничтожена была указами смертная казнь, несмотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному рассуждению — и смертная казнь и пытки продолжали существовать с тем же значением. Заботы об уменьшении кровопролития при пытке, начатые еще в 1751 году, не привели ни к чему. Счастливая доля уничтожения их принадлежит уже к начальному году девятнадцатого столетия: в 1801 году император Александр I уничтожил пытки.

Глава V. Участь ссыльных

Бесправие ссыльных. — Кормовая дача. — Меншиков с семейством. — Долгорукие. — Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерман. — Миних. — Головкин. — Ужасная участь ссыльных: де Санти, Менгдена, Фика, Ивашкина. — Стряпчий Копытов. — Левшутин.— Соймонов. — Самозванец Петр III за Байкалом (солдат Чернышев).— Секретные арестанты. — Анадырский изгнанник Афанасий Петрович. — Дети Волынского. — Великоважность преступников. — Сердечность отношений сибиряков к этим ссыльным

Во все продолжение прошлого века несчастные продолжали выплакивать свои глаза до неизлечимой слепоты и вдумываться в свою несчастную участь до острых припадков сильного сумасшествия. Определенных правил и приемов для ссыльных в те времена не существовало: не столько степени личной виновности, сколько произвольные измышления казней обвинителями полагали пределы возмездию ссыльных за государственные вины. Кормовая дача наиболее испытывала на себе влияние подобного произвола. Как в XVII веке А. С. Матвеев жаловался на то, что ему дали на день по три деньги в то время, когда Аввакуму, сосланному с семейством в

---

[61] Известно, наприм., что сосланному в Якутск колдуну на вечное заточение не велено было давать воды, ибо-де он, Максим Мельник, многажды уходил в воду.

Мезень, дали по грошу на человека, а на малых по три денежки («плачу, что ветхий сединою, древен работами — сверстан кормом с единолетним»), так и в XVIII веке кормовые дачи не подчинялись никакому правильно выработанному и установившемуся закону. Войнаровскому положено было в сутки 1½ копейки, Петру Шафирову — 33 коп. на день, Меншикову 2 рубля с женою — сумма уже довольно значительная по тому времени, по рублю каждому из детей и по 10 коп. на каждого слугу (а таких отпущено с ним 10 человек). Долгорукие стали сначала получать по 25 коп. в день на человека, потом только по две и по два пуда муки в месяц. Сыну Волынского, Петру, давали в день по 10 коп., зато канцлеру Бестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысяч рублей в год пенсиону. Миних получал 3 руб.; Биронов и Бисмарка велено было довольствовать в день без оскудения (как сказано в указе). Декабристы оставлены были в кормовом довольствии на общем положении: 6 коп. медью в сутки и 2 пуда муки в месяц. Некоторых отправляли даже и без кормовых, так, например, Ивашкина и Турчанинова, говоривших дерзкие речи против императрицы Елизаветы.

В самом способе содержания и надзора была та же непоследовательность, замечалось произвольное неравенство. Князь Меншиков, сделавшись временщиком при Екатерине, сумел сослать графа де Санти без суда и ордера, так что ссыльный даже не сразу нашел себе место заточения. Его привезли сначала в Якутск и семью солдатами стерегли от побега под крепким караулом, никого к нему не пускали, чернил и бумаги не давали; но для большего успокоения сильного, мстительного и жестоко сердитого герцога Ижорского, сочли за нужное перевести де Санти в Верхоленский острог. Отсюда какими-то судьбами стал появляться он в Иркутске, пользоваться некоторою свободою по снисхождению вице-губернатора и даже успел жениться на дочери тамошнего подьячего; но в Петербурге узнали про это, и в 1734 году де-Санти перевели в Усть-Вилюйское зимовье. Жена за ним не поехала, участь его разделял по-прежнему старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать с господином, не позволяли ходить за покупками для него на базар, какового, как известно, в пустынных зимовьях не бывало и в помине, и при этом запрещали также и слуге с кем-либо разговаривать. Ужасное положение жертвы слепого и безграничного мщения в

подлинных красках описал его пристав таким образом: «Живем мы, он, Сантий, я и караульные солдаты, в самом пустынном краю, а жилья и строения никакого там нет, кроме одной холодной юрты, да и та ветхая. А находимся с ним, Сантием, во всеконечной нужде: печки у нас нет и в зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. От жестокого холода хлебов негде испечь, а без печеного хлеба претерпеваем великий голод и кормим мы Сантия и сами едим болтушку, разводим муку на воде, отчего все солдаты больны и содержать караул некем. А колодник Сантий весьма дряхл и всегда в болезни находится, так что с места не встает и ходить не может»[62].

Судьба же самого Меншикова в ссылке обставлена была наибольшими льготами. Главные и тяжелые удары он перенес еще в России: тщеславию его, допустившему золотые кареты, сто подвод и множество экипажей при проезде в ссылку, нанесен был первый удар тем, что его пересадили в простые повозки и, вместо Раненбурга, велели ехать в Сибирь, в Березов. На дороге, около Казани, в Услоне, он потерял жену, но в Березов привез необходимые вещи и все деньги и остался под надзором офицера, которому дана была самая снисходительная инструкция[63]. Живя на свободе, он мог на собственные деньги выстроить деревянную церковь Рождества Богородицы, с приделом Илии Пророка, подле острога, вмещавшего в себе окруженное тыном невысокое, но длинное деревянное здание с закругленными окнами, оставшееся от упраздненного Воскресенского монастыря. Меншикова смирили несчастья до того, что он ежедневно с детьми ходил молиться в собственную церковь, при сооружении которой сам брал в руки топор и пилу. Он настолько пользовался свободою, что, выходя летом из острога, задолго до начала обедни, садился на крутом берегу Сосьвы и беседовал со стариками березовскими о тщете мира и о подвигах различных святых мучеников. За обеднею в собственной церкви исправлял должность дьячка, первым входил, последним уходил. Время проводил в посте и молитве. Это обстоятельство дало повод народу, не знавшему об его

---

[62] Елизавета Петровна его, однако, освободила вместе с другими ссыльными предыдущих царствований.

[63] У Меншикова, как известно, было во владении 91 тысяча душ крестьян и 7 миллионов тогдашними деньгами, бриллиантами и банковыми билетами.

прежней тяжкой греховности, считать его праведникам. Таковым же в понятии березовцев он считается до настоящего времени, когда открыли его гроб и нашли останки его (в 1821 г.) нетленными через 92 года. Смирение свое он довел до того, что надел армяк, отпустил бороду и отличался от прочих крестьян только бархатною на вате шапочкою. Религиозное смирение и покорность судьбе успел он завещать и детям, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершего в 1729 г.) и впоследствии устроили из своей церкви богадельню. Жили они уже в собственном доме вне острога: старшей дочери удалось выйти замуж за Федора Долгорукого, явившегося в Березов тайно под чужим именем с заграничным паспортом, но вскоре она умерла от родов. Другая дочь, Александра, и сын Александр в 1731 году возвращены были в Россию. Могилу отца их подмыла Сосьва, оборвавшая берег, и давно сгладила следы ее. В 1825 г. нашли лишь могилу Марии Александровны Долгоруковой в кедровом гробу, в шелковом атласном платье и с теми атрибутами, которые свидетельствовали о весьма безбедном существовании изгнанников на местах дальней ссылки.

Далеко не такая же участь в том же Березове, в том же самом остроге, ожидала семейство князей Долгоруких, свергнувших Меншикова и, в свою очередь, поплатившихся ссылкою при новом государственном перевороте и в тот же самый год, когда семейство Меншикова возвращено было в Россию. Престарелый князь Алексей Григорьевич с женою (Прасковьею Юрьевною) не вынесли тяжести ссылки и умерли через три года по приезде. Молодые силы четырех сыновей и трех дочерей и невесты старшего брата Ивана (воспетой поэтом Козловым Натальи Борисовны, урожденной Шереметевой) устояли от невзгод сурового климата и с успехом боролись против суровых невзгод, исходивших от злого временщика Бирона. Преследования его не знали устали и меры. На худом, продырявленном судне, которое едва не потопило узников, привезли их в Березов, кормили их таким хлебом, что «часто зубы не брали, и давали щи, которые, пока ешь, мерзли». Пищу подавали всегда в один раз на несколько дней. Когда княжна Елена вздумала в день своего ангела заказать обедню, протопопа (Авдея Михайлова) сослали за то под Иркутск, в Илимский острог. Когда подьячий Тишин донес, что Долгорукие говорят нескромные речи про Анну

и Бирона, Долгоруких разлучили: Ивана посадили в холодном амбаре (жена его Наталья Борисовна с трудом выплакала позволение видеться тайно ночью сквозь оконце и носить ему пищу). Князя Алексея с его крепостным дядькою заключили в тесном холодном хлеве. Здесь нельзя было сделать больше двух шагов, и узники, в темноте потеряли счет дням и ночам. Выпросив горсть гороху за последний бриллиантовый перстень, князь Алексей придумал с дядькою особую игру. Раз, во время этой игры в горох, они оба, словно сговорившись, в голос запели «Христос Воскресе», а так как пение было строго запрещено, то на Фоминой неделе в среду обоим дали по 15 розог и записали в штрафной журнал колдунами: по гороху-де узнали о времени Пасхи. На этом мучения Долгоруких не кончились, их увезли в Тобольск, здесь судили и приговорили к новой ссылке. Князя Алексея услали в Камчатку матросом; Николая, выбив кнутом и урезав язык, угнали в Охотск; Александра, после таких же истязаний — в Камчатку; трех девиц-княжон заточили в женских монастырях[64]; князя Ивана увезли в Новгород и там колесовали и отсекли голову в одно время с двумя его дядьями (Васильем Лукичем и Сергеем Григорьевичем). Елизавета простила Долгоруких: княжон освободила от монашеских обетов и выдала замуж. Не так легко было простить и возвратить братьев. По обычаю того времени, начальства постарались забыть об их именах и местах нахождения. Сами они, увлеченные и поглощенные потоком ссыльной жизни, скрылись бесследно между местными и считались мертвыми. Алексей, только через два года по воцарении Елизаветы, случайно узнал в Камчатке о своем прощении. С купцом Спиридоновым он явился в Иркутск. Одетый в армяк и

---

[64] Екатерину в томском Рождественском, Елену в тюменском Успенском, Анну в верхотурском Покровском. Всех трех постригли в монахини, пищею и одеждою велено содержать без всякой отмены. «Имеющихся при оных князь Алексеевых дочерях в услужении вдов тако ж и девок освободить и разослать в разные сибирские города на вечное житье. Имеющуюся медную и оловянную посуду и платье, оставя потребное число, без всякого излишества, прочую всю отобрать. Содержать их под крепчайшим присмотром и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ничем писать ни давать и посторонних никого ни для какого сообщения к ним не пускать и чтоб никаких шалостей и непотребств от них не происходило».

обросший бородою, он не был признан губернатором и сам уже своевольно отправился пешком в Москву. Точно так же один из его братьев, вывезенный в Иркутск и забытый в остроге, был выпущен на волю для пропитания. Когда прислано было предписание разыскивать политических секретных арестантов, к губернатору явился старик, сторож церкви св. Харлампия, выдававший себя за князя Долгорукого (Николая).

Освободив Долгоруких, Елизавета, как известно, прислала в Березов государственного канцлера, графа Андрея Ивановича Остермана, и выслала в Пелым фельдмаршала графа Миниха, в Собачий острог кабинет-министра Михаила Гавр. Головкина, в Нижнеколымск (еще севернее) президента коммерц-коллегии барона Менгдена.

Старик Остерман, измученный жестокою подагрою, привезен в Березов с женою и остался там в памяти жителей своими бархатными сапогами и костылем; из бархата его сапог местные жители надолго потом сохраняли головные шамшуры и детские подвязки. Остерман прожил все время отшельником в своей комнате, не выходя в другие, наполненные сторожами. Говорят, что березовский климат ослабил припадки подагры к концу его жизни. В 1747 году, через три года, он умер здесь и лег в дубовый гроб, обитый тафтою внутри, шелковою материею с позументами снаружи. Иной памяти по себе не оставил. Жена, после его смерти, возвратилась в Москву, где и умерла в глубокой старости.

Миних поселился в Пелыме вместе с женою и пастором Мартенсом в двухэтажном доме с балконом; из дому не выходил, казался нелюдимым, но на балконе нередко видали старика сухого, крепкого и бодрого. Днем он писал, чертил планы, ночной огонек доказывал, что старик молился или продолжал еще заниматься военными и историческими науками (между прочим, писал гимны). Летом заводил он небольшой огород, зимою обучал детей грамоте, всегда казался веселым и затосковал лишь тогда, когда потерял верного друга, пастора Мартенса, пробуждавшего в его душе чувства набожности и охоту к мирным трудам шисателя. Воеводы, говорит предание, боялись Миниха, боялись его доносов ко двору и давали ему некоторую свободу, меньшую, однако, той, которою

пользовался до него и в том же Пельше Бирон[65] (сосланный при Анне Леопольдовне регентом Минихом). Перед Бироном воевода стоял без шапки; герцог имел верховых лошадей, часто ездил на охоту, держал многочисленную прислугу, ходил в бархатном зеленом полукафтане, подбитом и опушенном соболями. Народ помнит, что он был высокого роста и очень красив. Миних выжил в Пельше 20 лет и в 1762 был возвращен из ссылки императором Петром III.

В Собачьем остроге — несчастном зимовье, послужившем впоследствии основанием Среднеколымску, не более счастливому селению, Головкин с женою понес более тяжкую участь, чем остальные его товарищи, несмотря на меньшую степень виновности и, вероятно, впоследствие его наименьшего ранга. И в пустынном месте его выпускали из дому не иначе, как под конвоем солдат с ружьями, а ночью небольшой домик его всегда оцепляли часовыми. По праздничным дням этого старого и больного человека заставляли ходить в церковь и слушать, как священник после обедни произносил над ним анафему[66]. В своем изгнании он прожил почти 25 лет, слушая чтение разных книг из уст жены, и впоследствии, когда устал дозор, занимался рыбною ловлею в р. Колыме. В 1766 году он умер на месте изгнания, и жена, получившая дозволение возвратиться, увезла его труп с собою, залив его, по народному преданию, воском.

---

[65] Бирон, как известно, жил в Пельше в особенном доме, выстроенном по чертежу Миниха. Бирон жил здесь не долго (пять недель), успел оставить в народной памяти предание о своем гордом и неприступном поведении; в 1742 г. его перевела Елизавета в Ярославль вместе с братом Густавом (последний даже не доехал до Пелыма и возвращен назад из Тобольска). В Сибири не осталось об них предания, осталось таковое в Москве; когда везли регента с братом и свояком в трех закрытых каретах через этот город, чернь кинулась на них и хотела растерзать; да в Казани сохранилось всем известное предание, что на мосту через Булак встретились два врага и молча раскланялись: Бирон, возвращавшийся из Сибири, и Миних, ехавший туда на обогретое место. Третье предание сибирское утешает себя тем уроком в превратностях судьбы, что Миних зажил в том же доме, план которого он сочинил для Бирона.

[66] По другому местному преданию, ему однажды в год читали какую-то бумагу, которую он обязан был слушать, скрестив на груди руки, к каковой в то же время солдаты приставляли ружейные штыки.

Менгден привезен был в Нижний Колымск с женою, дочерью, свояченицею, со служанкою и служителем. Сын с теткою и слуги вернулись в Россию, но барон умер с женою на месте ссылки, пользуясь некоторою свободою. Ему удалось послужить краю тремя службами, из которых одна состояла в отражении набега диких чукчей, другая — в разведении рогатого скота и лошадей в подспорье собакам и оленям, и третья — в торговле, которою занимался Менгден, выписывая товары из Якутска для ограниченных потребностей бедного и неподвижного местного населения.

То же странное распределение ссыльных жребиев отразилось как на судьбе этих четырех товарищей по изгнанию, так и на судьбе пятого их товарища, невестки канцлера, Анны Бестужевой. В то время, когда брат ее, Мих. Гавр. Головкин, испытывал многообразные стеснения в Собачьем остроге, она, живя в Якутске на полной свободе, ездила по гостям, играла в карты, обворожая всех приятностью в обхождении, жила роскошно, одевалась богато[67]. Хотя ей был отрезан язык, но, по народному преданию, в такой степени, что разговор Бестужевой могли понимать слушатели.

В то же время для других та же ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика — любимца Петра — целую жизнь таскали из одного места в другое, намеренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его в тобольской тюрьме несколько месяцев, а потом перевезли в Иркутск опять на несколько месяцев, из Иркутска в прежних тяжелых цепях в Якутск. Якутск показался слишком удобным и веселым городом, отослали Фика за две тысячи верст в Зашиверск, и эта крайняя глушь и отчаянная даль оказались в Петербурге слишком видными и людными: Фика перетащили в Среднее зимовье на Вилюе, в такое место, которое злому врагу и супостату могло бы показаться вполне удовлетворительным и безопасным: убежать можно было только до первой трясины в тундре, говорить только с приставниками; якуты, кроме своего языка, другого не понимали, кроме своих узких звероловных интересов, других не признавали. И действительно, Фик прожил здесь десять лет, но лишен был свободы, выдерживался в одиночном заточении без поддержки жены, родных и привычных

[67] В Петербурге она пользовалась славою лучшей танцовщицы.

слуг, окруженный приставниками, озлобленными его несчастьем и живучестью. В 1742 г. нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, к довершению его несчастий, не вдруг; тобольская канцелярия не знала о месте его жительства, наводила справки; узнав, отписывала в Петербург о своей находке, спрашивала, что делать и как теперь поступить: несчастный Фик принужден был сидеть и даже лишен был удовольствия товарищества с де Санти, когда последнему назначено было помещение в том же зимовье. «Понеже там находится великоважный преступник Фик, то будет крайне опасно держать этих двух преступников в одном месте», — отвечали безжалостные люди.

Смирялись государственные ссыльные: Скорняков-Писарев, следом за Меншиковым, занимался хозяйством, ловил рыбу, охотился за медведями и сохатыми. Головкин дал 50 рублей казаку, отобравшему верши изгнанника, поставленные в рукаве реки Колымы, и оговорил, что, если бы казак поступил таким образом в Петербурге, он затравил бы его собаками. Князя Долгорукого смирила ссылка до пономарской должности, Меншикова до работ плотничьих с топором и проч. Не смирились крутые нравом, как Девиер (напускавший страх на целый Охотск), как Миних (напускавший страх на воеводу); не смирялись располагавшие надеждами на остатки сил своих в Петербурге, как Бирон, перед которым воевода стоял без шапки, как Прасковья Федоровна Салтыкова — невеста царя Ивана Алексеевича, заставлявшая в Енисейском монастыре своего дядю воеводу стоять у косяка дверей, и проч. Не смирился Батурин в Камчатке, увлекшись планами бунта и побега, составленными конфедератом Беневским. Не смиряла духом ссылка людей молодых и, в особенности, не оказала она предполагаемой пользы исцеления над теми пациентами, которые вышли из простого народа. Доказательств много, приводим наиболее крупные и характерные, на первый раз два: одно из начала прошлого века, другое из конца его; одно по великому государеву «слову и делу», другое по самозванству — по этим двум основным главным государственным преступлениям, за которые преимущественно ссылались в Сибирь в прошлом веке доверчивые простые люди — сообщники людей «предерзостных» и «самозванцев».

При царе Феодоре прислан был в Сибирь по царственному делу, по приказу бояр, стряпчий из дворцовых волостей Терентий Васильевич Копытов. В 1712 году его отправляли из Тобольска по назначению в Нерчинск на судах. В Нарыме колодники зазимовали. Здесь Копытов рассказал товарищам, что он уже побывал в Нерчинске, узнал там многие царственные дела и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкричал там «слово и дело», был потребован в Тобольск, просил отправить его в Петербург к царскому величеству, но губернатор, все то утая, продержал его в тюрьме два года и вот теперь обратно шлет на старое место. «Хотя-де мы (говорил бывший стряпчий) и в Москву писали, да там все воля боярская! что они, бояре, хотят, то и делают. Нынешний царь не печется о народе, а печется о немцах, потому что он и сам ихней породы, а не царского кореня. Истинно я это ведаю. Жил я в Москве, и нас было человек 12, и мы ночи сиживали над святыми книгами, а с нами беседовал верховой священник и сказывал мне и товарищам моим: "Как-де воцарился государь-царь и великий князь Алексей Михайлович и совокупился с царицею Натальею Кирилловною, и она-де, государыня, рожала царевен. И близ рождения он, государь, изволил ей, царице, говорить: "ежели-де будет царевна, я-де тебя постригу". И она, государыня-царица, призвав Артамона Сергеевича (Матвеева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гневен. И когда родила царевну, Артамон Сергеевич учинил сокровенно — взял из немецкой слободы младенца и подменил вместо того младенца, и поныне она в Немецкой слободе жива; и по тому делу ему, Артамону Сергеевичу, великое время стало от нее, царицы, за такое умышление"». Слепой старик Копытов рассказал эту сплетню сначала одному (дозорщику Левшутину), потом и другим колодникам, приглашенным Левшутиным в свидетели тайно. Левшутин объявил нарымскому воеводе за Копытовым «слово и дело», но, получив в ответ: «Пожалуйста помолчи здесь немного, мне таких дел ведать не дано», — стал искать случая отправиться в Москву. Съехал он из Тобольска с государевым железом: после сдачи его в Сибирском приказе получил пропуск, но остался ожидать государя. Не дождавшись, пошел он в низовые города для свидания с родными, а по пути зашел в керженецкие леса к раскольникам. Здесь он натолкнулся на новых недовольных: гово-

рили ученые керженецкие старцы, что царь — антихрист, архиереи — еретики, а все господа по милости государевой — антихристовы слуги и грабители. Для подкрепления своих слов показывали и тетрадки разные и книжки. На пытках и допросах не отреклись от своих слов, когда Левшутин снова выкричал на них и в Нижнем и в Москве государево великое слово. Левшутин также устоял на доносе и при муках четырех пыток, и в хомуте на подъеме, и на дыбе под кнутом; двое оговоренных на пытках померли; третий устоял и был сослан на каторгу. Левшутина отпустили на волю шататься по лицу родной земли и только теперь, может быть, выучили заграждать уста и не сказывать князю-папе Ромодановскому про те тайные дела, которые слышали уши. Может быть, в Левшутине и пропала страсть к сплетням на государево имя и угомонилась в нем пытливость в сомнениях насчет заслуг Петра перед народом, но не угомонила каторга других убежденных. Не в них была сила, не в их личном характере поддержка, смелость и устойчивость, но в общем предубеждении, в народной доверчивости, воспитанной духом времени и поддерживаемой стоустою молвою.

Самозванца солдата Кремнева, выдававшего себя за Петра III, поддерживал местный священник Лев Евдокимов и не только (как сказано в указе) сам тому верил, «но и всех вообще со всеми вероятия недостойными и развращенными доказательствами подкреплял и уверял». За такую доверчивость его наказывали кнутом во всех тех селах, где он чинил уверения и подписи; возили его с привязанною на груди доскою, гласившею: «помощник самозванцу и народного спокойствия нарушитель и свидетель»; выжгли ему на лбу знаки двух букв, означавших «ложный свидетель», и сослали в Нерчинск на вечную работу. В Нерчинске Евдокимов пристал к новому самозванцу и снова доверчиво ему покорился, во всем помогал и всем о его ложном уверении рассказывал. В свою очередь, и этот самозванец сделался на каторге таковым не впервые и также не был вразумлен дальнею ссылкою и тяжелыми работами.

Этот самозванец (ускользнувший от внимания исследователей замечательного явления в русской жизни, представляемого самозванством) был солдатом Брянского пехотного полка и назывался Петром Чернышевым. В Изюмском уезде, в доме попа Иванецкого, при нем, при попадье и дьячке называл себя императором Петром

Федоровичем и потом уверял в том же крестьян и при этом плакал. Чернышев избавлен был от смертной казни, но жестоко наказан кнутом и сослан в Нерчинск в тяжкую работу вечно. За ним отправился туда же и распоп Иванецкий. В 1763 году Чернышев, с именем секретного арестанта, заключен был в тюрьму при Дучарском руднике. Днем его выпускали на работу вместе с прочими колодниками, а на ночь запирали в секретный каземат одного. На работах с ним видались многие, но говорили не все. Ссыльный поп Лев Евдокимов пришел с осьминой водки, подпоил вином сторожа и от секретного арестанта узнал, что он — бывший император Петр III. Двое других ссыльных (Карпов и Фирсов) подтверждали то же самое: один рассказывал, что в бытность его в услужении в Москве у грузинского царевича Георгия Петра III видал и что секретный арестант имеет с ним поразительное сходство; другой ссыльный сказывал, что Петра III видал в 1763 году в Петербурге в тайной канцелярии и что Чернышев на лицо таков же, как и император. Сам же Чернышев рассказывал всем, что «бывши в Воронежской губернии для осмотра состоявших в оной полков, под видом солдата был пойман и послан в здешние нерчинские заводы в ссылку, не поверя тому, что я такой великий человек». Успех рассказов превзошел всякие ожидания: не только поверили все на заводе, но и из дальних мест стали приходить крестьяне взглянуть на царя и принести ему всякие подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины, наконец, лошадей с наказом, чтобы «как можно старался бежать, а хлебом не оставят». Подал о себе голос и распоп Иванецкий, живший в Уровской деревне, приславший Чернышеву письмо такого содержания: «Премилосердый мой государь, Петр Федорович! желаю вам здравствовать на многия лета... Чрез сего письмоподателя прошу ко мне написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нет? долго ли нам здесь будет мучиться?..» Евдокимов за Чернышева написал такой ответ: «О чем вы изволите писать и слышать хочете о благополучии, приезжал генерала комисенской адъютант, ходил в тюрьму, осмотрел Петра Федорыча и поехал с тем в Петербург к государыне, и писал к Петру Федорычу, что будь надежен и так буду старание прилагать...» Действительно, адъютант Панов навещал Чернышева и опознал его императором. Сам генерал Ивашов ходил в тюрьму ночью в халате

и осматривал Чернышева. Молва неслась все дальше и выше и успела поднять сильных войсками тунгусских князей Гантимуровых. Один из братьев наказывал передать Чернышеву о своей готовности собрать тунгусов и взять его из тюрьмы разбоем: «Приедем в завод, у меня ни один человек и в окно выглянуть не смеет». Чернышев, заручившийся обещаниями помощи, гвоздем отпер замок цепи, на которую был посажен, увил платком ножные кандалы, чтобы не бряцали, и по кушаку, с помощью друзей, вышел на волю. Бродил он по окрестностям долго, заблудился, 11 дней шел голодом, пришел в бессилие и на 12-й день, выйдя из всякого терпения, добровольно отдался в руки судей. В Нерчинском заводе началось следствие, собрали всех причастных к делу, делали допросы и очные ставки, путались в трущобах разноречивых показаний и уловок, но не могли приступить к суду за недостатком твердых убеждений. К тому же и князь Гантимуров сдержал свое слово: привел в завод свою команду, более ста вооруженных тунгусов; в комиссию он не пошел, ссылаясь на то, что не принадлежит к горной команде, ответов никаких не давал и продолжал свободно гостить у генерал-майора Ивашова. Однако дело кое-как довели до конца. В 1770 г. из Петербурга было написано оставить сообщников без внимания, кроме Фирсова, которого велено наказать плетьми, но из-под караула освободить. Чернышева же указано наказать кнутом публично при заводских жителях, поверивших его разглашению, потом заклеймить, как человека дерзкого и злого, и сослать в Мангазею вечно, где велеть употреблять его в тяжких работах. В 1771 г. приговор был приведен в исполнение, но Чернышев до Мангазеи не доехал; он умер по дороге в Енисейске, оставив после себя собственные пожитки: войлок, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одеяло без покрышки, «а и еще имелась при оном арестанте данная казенная шуба, коя, будучи в болезни этого арестанта под него подстилана, и что он гнил и с места не вставал, оттого и сгнила и затем брошена»[68].

Это событие, со включением участия ссыльного в Камчатку Батурина в смелом побеге Беневского, сделавшегося известным по

---

[68] Подробный рассказ об этом событии см. ниже: в статье «История каторги. Нерчинские рудники и промыслы».

всей Европе, служит дополнением весьма немногих других, оживляя однообразную жизнь изгнанников за государственные преступления и освещая мрачную ночь. Остальные изгнанники остались для страны неведомыми, бесполезными и лишними. С одинаковым удобством их могли бы довести до ускоренной смерти в монастырях и тюрьмах русских и, конечно, старинному воззрению на этих людей вовсе не нужно было таких героев, как Ивашкин, проживший в Камчатке (в Большерецке) тридцать пять лет, и когда ему разрешена была свобода, не только не принявший права, но и не имевший никакого интереса в возврате. Он как милости просил дозволения остаться в стране, где выучился ловить себе рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обучением детей грамоте и исправлением должности дьячка. В 1780 г., за 15 лет до того, его еще интересовало возращение и он писал о том просьбу к губернатору; когда же ему перевалило за 60 лет — он мог отвечать на милость такими словами: «Куда мне ехать при такой дряхлости! Я чувствую, что не переживу моего переселения и умру на дороге». Таких героев жестокосердый до утонченности век не желал; симпатии его обращались в другую сторону, из которой доносились рапорты комендантов и отписки монастырских настоятелей, что такой-то нумер (такой-то безыменный секретный арестант) умер. Ради этого известия утеснителям приятно было назначать для жительства самые голодные места (зимовья), самые глухие остроги, которые до настоящего времени представляют крайнее бесхлебье и безлюдье. Старым вершителям человеческих судеб приятно было забыть не только о событиях, но и о лицах, по примеру того, как 35 лет был забыт Ивашкин, сказавший по увлечению молодости и в пьяном виде про Елизавету. Также забыт был некто Родион Ковалев, 25 лет просидевший на цепи в Селенгинском монастыре до того времени, когда, по уничтожении тайной канцелярии, отворили монастырские тюрьмы и выпустили заточников. Ковалев, конечно, оказался сумасшедшим, как и все другие, оставшиеся в живых, но он, сверх того, разучился уже говорить до немоты. Одна бумага сохранила его прежнее звание и объявила, что он был подпоручиком Сибирского пехотного полка, но не было другой, которая сказала бы об его винах, а в жизни настоящей не было, конечно, ни единого штриха, который мог бы свидетельствовать о степени его вредного

влияния и великой важности преступления. Многие погибли безвестно: так, между сотнями таковых, сосланных при Анне Бироном, одному усердному исследователю ссыльной старины Сибири (*Л. С. Сельскому*) известен один из таких зачинщиков, сосланный в Анадырский острог без означения имени и виновности. «Когда возникла переписка о всех, находящихся в Камчатке и Охотской области (говорит г. Сельский[69]), то анадырский изгнанник отмечен умершим». Какая-то секретная арестантка (без означения имени) числилась в 1753 г. в Селенгинске и осталась неизвестною в описи дел, виденных нами в архиве бывшей ратуши этого города. Генерал-прокурор Вяземский принужден был прибегать к строжайшим настояниям, чтобы отыскивали заключенных и оказывали им милость, но на большую часть предписаний получал в ответ, что узнать имена ссыльных и места заточения нет никакой возможности. Иные являлись с переменным именем из России, других переименовывали на местах ссылки. «Иногда (свидетельствует Манштейн в своих мемуарах) приказывали делать такую перемену, не уведомляя о том и тайную канцелярию». Исчезли всякие следы к народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветою, о Толстых, Бутурлине и проч. Объявились неизвестные, вроде бывшего флигель-адъютанта делла Тосоньера и проч., и оставались неизвестными ссыльные вроде Афанасия Петровича, известного в Сибири в начале настоящего столетия. Помнят, что он был стар и бодр и отличался хорошим платьем. В народе ходили различные толки[70]. Как в прошлом, так и в предшествовавшем ему веке отнимали у ссыльных всякую возможность свободного употребления своих сил и способности в пользу страны и в исполнение основной и существенной идеи всякой колонизации. Лишь только там, где, по случайным привилегиям, предоставлялась какая-либо свобода и оставался хотя малейший простор для малейшей самодеятельности ссыльных, полезное влияние их не медлило обнаруживаться. Впрочем, разведение

---

[69] В статье своей «Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц».

[70] Считали его бояриным, сосланным Павлом. Говорили, что когда везли его в Петербург обратно и на день остановились в Тобольске, он, при виде губернатора Канцевича, стоявшего у полуотворенной двери, сказал ему: «Ну, Канцевич, гатчинский любимец! Ты еще не узнал меня?»

Меншиковым огорода в холодном и бесплодном Березове, учреждение богадельни его осиротелым семейством там же, заведение школы Минихом в пустынном Пелыме, школа Ивашкина в Камчатке, опыты разведения лошадей и рогатого скота в тундрах Нижнеколымска — единственные памятные следы ссыльной жизни государственных преступников прошлого века[71]. Обеспечение границ с Китаем услугами гетмана Демьяна Многогрешного за Байкалом — единственное крупное явление в исторической жизни ссыльных, но и оно принадлежит ко временам более глубоким, к событиям XVII века. В XVIII веке на «секретных» преступников смотрели как на людей, преисполненных презельного яда, боялись допускать их до сношения с людьми даже в случаях необходимости, при недостатке кормовых, ходить по миру и просить подаяния, «чтобы колодники не рассказали в народе тех слов, за что они были сосланы».

«Великоважность» преступников понималась приставниками или так, что поступали с ними круто и бессердечно, или опасливостью, великими затруднениями на крайние случаи болезни и при необходимости подать какую-либо помощь и оказать содействие. Долгорукие в Березове получили 15 розог за игру в горох и видали своего пристава, ходившего на беседу со ссыльными дамами в солдатской епанче, накинутой на рубашку, и в туфлях на босу ногу. «Дай Бог (говорит Наталья Борисовна Долгорукая в своих записках), дай Бог горе терпеть да с умным человеком. Какой этот глупый офицер был! Ему казалось подло с нами говорить; однако со всею спесью ходил к нам обедать. Я была всех моложе и невоздержна, не могла терпеть, чтобы не смеяться, глядя на его смешную позитуру. Он, это видя, что я ему смеюсь, как-то раз ему пришлось приметить, говорит: “Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорели, а то бы я с тобою сговорил”. Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? Ему ли смотреть? Нас не караул их держал, а держала невинность наша». Когда пересылаемый в Сибирь Ивашкин на до-

[71] Опыт Менгдена не был удачен: лошадей развести ему не удалось в неудобных колымских тундрах. В этом отношении был счастлив другой ссыльный в архангельскую тундру, В. В. Голицын, положивший основание крепкой породе мезенок, долгое время пользовавшихся большой известностью на всем Севере России.

роге заболел так, что сопровождавший сержант донес рапортом, что он не перенесет дороги из Иркутска и умрет, — врач Ваксман не решился ему помочь, хотя и нашел что Ивашкин весь распух от внутренней болезни и имеет от кандалов язвы на руках и на ногах.

Более счастливы были те узники, которые, с переменою правления, считались оправданными и успевали дожить до воцарения своих благодетелей. В таких случаях некоторые милости не ограничивали себя тесными пределами; возвращенные (как Долгорукие) приглашались снова на поприще государственной деятельности; ссыльные женщины, обрекавшиеся на монастырское заточение и монашеское пострижение, расстригались. Так, с постриженных дочерей Артемия Волынского (Анны в иркутском Знаменском монастыре и Марии в енисейском Рождественском) сняли монашеский чин и отпустили на житье в Москву[72]. Фед. Ив. Соймонов, любимец Петра I, успевший однажды спасти ему жизнь, один из образованнейших людей своего времени, первый, составивший карту Белого моря и описавший впервые берега Каспийского, из вице-президентов Адмиралтейств-коллегии в 1740 г. попал в Сибирь за участие в деле Волынского, наказан кнутом и сослан был Бироном в каторжную работу на Охотский солеваренный завод. Сослан он был с вырванными ноздрями, которые, однако — по преданию — искусный лекарь в Сибири зарастил куском мяса, вырезанным из левой руки невинного страдальца. Елизавета Петровна, тотчас по восшествии на престол, признала его невинным, возвратила шпагу и позволила жить где пожелает. Соймонов, однако же, все-таки еще 16 лет после того жил в Сибири без всякого звания, но не бесплодно воспользовался свободою: в 1753 году он измерял фарватер Шилки и разведывал первым пути по Амуру. В 1757 году, именным указом, он из ссыльного, жившего на пропитании, сделался сибирским губернатором. Шесть лет, проведенных в этой должности, оставили глубокие следы признательности в преданиях старожилов и крупные доказательства его знаний и службы стране.

В миллеровом журнале «Ежемесячные сочинения» сохранились замечательные ученые труды бывшего изгнанника («Сибирь — золотое дно. Известие о торгах сибирских и письмо российскаго

---

[72] Анна вышла замуж за Нарышкина, Мария осталась в одном из киевских монастырей.

навигатора к молодому Зейману»). В Охотске устроена была им морская школа, при Посольском монастыре на Байкале — маяк и гавань; им же уничтожен Анадырский острог для облегчения несчастных коряков и камчадалов, обязанных непосильною перевозкою туда провианта и разных припасов. Им положено начало устройству главного сибирского тракта через Барабу, разделявшую обе Сибири и оживленную Соймоновым населением по этому пути ямщиков. В 1759 г. при нем Омская линия была устроена так, что с этого времени набеги киргизов сделались реже и южные окрути края могли идти вперед по пути развития. В 1763 г. Соймонов, сделанный сенатором, уступил свое место знаменитому и памятному сибирскому народу «батюшке Денису» (Д. Ив. Чичерину). После бесполезного для края Салтыкова, сосланного в Сибирь воеводою вместе с племянницею (впоследствии женою царя Ивана Алексеевича[73]), ссыльный Соймонов был единственным административным лицом в месте изгнания и после Многогрешного — вторым по времени, оказавшим несомненные услуги ссыльному краю.

Для всех других ссыльных государственных преступников, нам известных, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участием и помощью простых сердец, видевших мучения жертв и спешивших на помощь, насколько это было возможно. Многих из далеких зимовьев губернаторы брали на себя смелость переводить на житье в губернские города. Камчатский губернатор Козлов уважал Ивашкина за отца и обязан был ему многими полезными советами по делам управления, в чем лично убедился и о чем свидетельствует знаменитый Лаперуз. Впрочем, и здесь мщение издалека не медлило налагать свою тяжелую руку: один из провожатых казаков, доставивший письмо от Турчанинова кому-то в Якутске, высечен нещадно кнутом, «дабы для других было неповадно». Один из жиганских жителей, передавший князю Черкасскому (сосланному в 1834 г.) пластырь, также наказан был кнутом и пере-

---

[73] Салтыковой изо всех ссыльных женщин жилось лучше и свободнее: она приехала со штатом девиц, уехала с великою честью. Могла держать себя гордо: не допускала к себе никого, удостоивала честью посещения только игуменью и не позволяла перед собою садиться даже дяде-воеводе. Содержалась она в Енисейском монастыре.

селен на дальнее зимовье. 31 человек из жителей Березова и Обдорска, приверженных к Долгоруким, темною и дождливою ночью были схвачены, посажены на судно и сплавлены в Тобольск. Несмотря на личное ходатайство сибирского митрополита Антония Стаховского, священнику Кузнецову вырвали ноздри, лишили сана и наказали кнутом; священников Прохорова и двух Васильевых и дьякона Кокоулина выбили плетьми и, без лишения сана, сослали на каторгу в Охотский порт. Елизавета их возвратила; Долгорукие пригласили их с собою, только березовские священники не согласились, решившись дожить век в Березове, но обдорский священник и дьякон выехали в Москву, в домовую церковь Долгоруких.

Во всяком случае, молва о страданиях, о набожности, о смиренной покорности ссыльных ушла в предание. Разрыхлилась почва, предназначенная для будущих несчастных этого рода в такой мере, что в туземном населении приготовились иные воззрения на этих людей, известных в Сибири под именем «секретных». При неусыпном надзоре они исторгли уважение даже среди унижений и страданий. Туземное население, вопреки уверениям противной стороны и при виде частых перемен судьбы этих ссыльных к лучшему и к полному прощению, воспиталось в наибольшей готовности содействия и помощи и укрепилось в этом обязательстве в виду несомненных достоинств и крупных добродетелей многих из ссыльных. Настоящий век, хвастливый своими гуманными доблестями, увидел это явление в характере сибиряков в самых ярких чертах и убедился в его существовании многочисленными ясными и бесспорными доказательствами. «Мы видели, — говорит один из государственных преступников 1825 года, — сибирских мужиков, стоявших на дороге на холоде (в зиму 1826 г.), под открытым небом. Это был обычай жителей собираться из окрестных деревень на большую дорогу и дожидаться «несчастных», чтобы продать им съестные припасы, теплые чулки и т. п. Беднейшие получали эти предметы даром. Это бывает по два раза в неделю. Я узнал после, что это христианское обыкновение существует с древнейших времен». Между петровским временем, когда за пленных шведов сибиряки гнушались выдавать своих дочерей и вызвали насильственные меры, и настоящим веком, обильным ссылкою поляков, лежит уже целая бездна. Томские жители, не принимавшие

к себе на квартиру декабриста Батенкова, представляют единственный пример, обладающий всеми свойствами исключительного и странного явления.

Глава VI. Декабристы

Ссылка декабристов. — Путь их по России и Сибири. — Фельдъегери. — Встречные. — Губернаторы. — Каинский городничий. — Судьба первых восьми. — Жизнь до Читы. — Волконский. — Трубецкой. — Оболенский. — Братья Борисовы. — Якубович. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Броневский. — Благодатский рудник. — Свидания. — Столкновения. — Прапорщик Рик. — Пристав Лепарский. — Прибытие остальных декабристов. — Встреча. — Пребывание в Чите. — Помещение. — Казематы. — Поэт Одоевский. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Болезнь неволи. — История Сухинова. — Бунт в Кличкинском руднике. — Суд и казни. — Новые правила. — Строгости. — Дубининская история. — Инструкция караульным. — Смольянинов и его жена. — Штаб Лепарского. — Клуб. — Переписка с родными. — Ослабление строгостей. — Общий стол. — Домашние занятия и самовоспитание. — Корнилович. — Муханов. — Никита Муравьев. — Пушкин. — Д. И. Завалишин. — Доктор Вольф. — Арт. Зах. Муравьев. — Кюхельбекер. — Лунин. — Юшневский. — Музыка. — Бороды. — Недекабристы. — Религиозность. — Женщины-героини. — Трубецкая. — Губернатор. — Цейдлер. — Волконская. — Правила для жен. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонвизина. — Давыдова. — Анненкова. — Янтальцева. — Розен. — Дети

Представляемые здесь сведения собраны на местах, в самом источнике, как и все те, которые вошли в состав этого сочинения и которые проверены подлинными документами, как это очевидно для внимательного читателя. На этот раз возможность поверки материалов, по счастливому стечению обстоятельств, обеспечивалась наибольшим успехом. Автору этой статьи привелось ознакомиться с записками и сказаниями десяти узников, по большей части говорящих в одно и то же время об одних и тех же предметах; стало быть, при столь частых противоречиях, когда многим изменяла память или индивидуальные воззрения, можно было доискиваться истины в сопоставлении различных мнений и придерживались мнения большинства. Сверх лично добытых сведений, через расспросы и справки в архивах, автор дополнил сведения по запискам следующих декабристов: по печатным — А. П. Оболенского,

М. А. Бестужева, И. Д. Якушкина, автора книги «Мемуары декабриста»; по рукописным запискам: Н. В. Басаргина, барона Соловьева, Д. И. Завалишина, барона Штейнгеля; по рассказам И. И. Горбачевского и по собственноручным письмам Н. А. Бестужева. Сверх того, в руках автора этой статьи были рукописные записки ген.-губ. Восточной Сибири С. Б. Броневского, многие печатные сведения (напр., Е. П. Ковалевского «Граф Блудов и его время», мелкие заметки, разбросанные по журналам) и, а также, многочисленные рассказы современников, собранные во время двухгодичной поездки автора по Сибири в 1859–1861 гг. Наиболее других в этом исправленном издании автор пользовался материалами и данными, готовно и радушно переданными Дм. Ирин. Завалишиным.

То же страдание к участи обреченных в ссылку, исходящее из непосредственных чувств богатого русского сердца, то же беззаветное участие всех случайных свидетелей встретило и провожало до крайних пределов изгнания и этих новых ссыльных 1826 года, получивших по дороге в Сибирь и в самой стране изгнания прозвание «князей». На сей раз это сострадание и участие, составляющие привилегию русского народа, выразились с большею полнотою и в наиболее широких размерах. Если обыкновенным «несчастным» успевают пособлять только встречные, и «милостивцы» являются в виде крестьян, мещан и купцов, то на этот исключительный раз те же чувства готовно высказывались и со стороны высших сословий, людей большого образования, способных сознавать и давать отчет в собственных поступках. На этот раз христианские чувства успели обнаружиться даже в самых первых шагах в неволе. Петр Николаевич Мысловский, протоиерей Казанского собора, избранный в духовные отцы заключенным и в видах содействия следственной комиссии, стал единственным и беззаветным их другом. Из постоянного собеседника и утешителя он превратился для них в комиссионера, умевшего среди опасностей риска, с осторожностью, находившей силы в искренности чувств христианской любви, быть посредником между заключенными и их родными. Его содействию, между прочим, обязаны были жены ссыльных тем, что за день узнавали о тщательно скрываемых сроках отправления своих мужей и имели возможность видеться с ними на дороге. Ему, в благодарность за благодеяния, завещал Рылеев одну из своих золотых табакерок.

Коменданты объявляли приговор о ссылке со слезами на глазах, обращались учтиво, так что некоторым из них приходилось выслушивать самую искреннюю и сердечную благодарность. Плац-адъютант крепости, адъютанты военного министра (Татищева), посланные быть свидетелями отправления приговоренных в Сибирь и обязанные следить, чтобы ссыльные не имели при себе денег, передают в руки деньги свои собственные и доверенные им родными приговоренных и отобранные при аресте. Передавая деньги, эти люди усердно просили дать им новую комиссию, предлагали услуги передать какое-либо поручение родным. Прощаясь, они обнимались и плакали. Солдаты и все приставники сильно мирволили; один офицер, водивший арестованных гулять на берег Невы у крепости, рекомендовал даже иностранное судно для побега за границу и обязывался устроить побег за 2 тысячи рублей для всех заключенных.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытия поезда (с четырьмя тройками позади, на которых сидели ссыльные по одному в экипаже, с одним жандармом на каждого), гнали во всю прыть только по Петербургу, за заставою же ехали обычно рысью; на станциях намеренно медлили во всех тех случаях, когда для свидания встречались с путешественниками их жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цепи на ночь позволяли снимать с ног; служили поварами, завозили к помещикам в гости, когда заехали в глушь Вятской и Пермской губернии; были покорными слугами. Жандармы также прислуживали с готовностью и радением, оправдываясь тем, что приказано-де обходиться вежливее и беречь здоровье. Смотрители на станциях старались угодить, чем могли, накормить и напоить всем, что имели.

Одну партию (4-х человек) на станции за Шлиссельбургом встретила со слезами кучка женщин, предлагавших деньги, белье, платье: это была случайно проезжавшая помещица, ехавшая из имения с дочерьми в Петербург. Другая партия (также из 4-х человек) на почтовой станции в Рыбинске, получившая позволение отдохнуть, нашла одну из двух комнат, с диваном и кроватью, занятою проезжими, и потому разместилась на полу первой. Но лишь только они успели лечь, отворилась дверь соседней комнаты и проезжий вышел оттуда с двумя мальчиками, из которых один нес подушку, другой — узел. На извинение о беспокойстве, причи-

ненном бряцанием кандалов, проезжий учтиво отвечал: «Прошу вас, господа, в мое помещение, оно теплее, а вы там лучше отдохнете. Ваш путь велик, а мой только до Петербурга». Незнакомец этот был адмирал с Георгиевским крестом, ехавший отдавать своих сыновей в кадетский корпус. Пока эта партия собиралась обедать в гостинице, в городе Ярославле, на площади собрался народ. В У4часа площадь переполнилась народом так, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло меры предосторожности: у ворот извне поставлены были с обнаженными саблями жандармы; на тройки в сани усаживались при запертых воротах и, едва лишь последние были отперты, с быстротою птицы-тройки полетели через площадь. Один из ехавших едва успел поднять руку, чтобы снять шапку, как уже вся толпа обнажила головы и все кланялись с чувством самого искреннего участия. «О народной мести, — замечает один из свидетелей этой сцены, — и речи быть не могло». Следовавшую за этою партию народ продолжал убеждать в противном; толпясь около телег и повозок, он бросал свои медные гроши. Одну копеечку, полученную от нищей старухи, Николай Васильевич Басаргин хранил как драгоценность. В Ярославле одной партии разрешено было пробыть 6 часов и все время провести в свидании с родными; фельдъегерь не противился проводам родных этих до следующей станции и не мешал сделать книжные запасы. Когда случайно съезжались две партии, некоторые фельдъегери не задумывались согласиться ехать вместе и не мешали обмену мыслей долго не видавшихся друг с другом товарищей в течение не одного дня (в Иркутске давалось прожить в тесном кружке товарищей более недели). В городах чиновники, на станциях этапные офицеры — все относились с участием; во всех это участие было неподдельно. Ямщики привязывали к саням кибитки, бережно обкладывали ноги сеном. В одном городе Вятской губернии одной партии проезжих сделали обед и бал; другая партия сама воспользовалась последним уже в Сибири. Видя освещенные окна и соблазнившись долетавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегерей нарядиться «ряжеными», в виде медведя с козою, и проводниками пришли на вечеринку, потанцевали, поужинали и, оставив хозяев в недоумении об отличных пришлых танцорах, опять надели кандалы и поехали дальше на каторгу.

Дорогою путешественники избегали говорить по-французски, зная, что фельдъегерям дано право, в случае нарушения этого приказания, оставить без обеда. Тобольский гражданский губернатор, Бантыш-Каменский (издатель известного в литературе «Словаря»), дарил двухдневным отдыхом, заботливо расспрашивал о нуждах, о здоровье; полицейместер отлично угощал, предлагая до 12 сортов всяких рыб, живущих в сибирских реках. От Тобольска в проводники уже выдавались чиновники, и Бантыш, прощаясь с проводниками, говорил последним: «Примите арестантов, но помните, что вы имеете дело с благовоспитанными людьми». В Таре тем же гостеприимством встречал полицеймейстер Степанов, кавказский воин времен Ермолова, который, будучи привлечен к ответу, умел отвечать коротко, что руководился заповедью христианской любви. В Красноярске жители спорили за право чести принять у себя проезжих и угостить их; угощал сам губернатор, Алек. Петров. Степанов (автор «Постоялого двора» и «Описания Енисейской губернии»). Купцы, добившиеся чести накормить «несчастных», принимали в лучших комнатах, угощали по-русски всем, что было в печи, топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. В Иркутске самую первую партию приняли с тою ласкою, которою пользовались остальные. Исправляющий должность губернатора поговорил с каждым с участием, но особенное внимание оказал чиновник, бывший свидетелем разговора. Когда старшие удалились, он остался: со слезами на глазах, едва внятным голосом от душевного волнения, молил каждого из четырех не отказаться принять от него по 25 руб., не сдаваясь на убеждения, что в деньгах путники не нуждаются. Одну из позднейших партий в Каинске городничий, бывший фельдъегерь, встретил в сопровождении двух человек, несших огромную корзинку с винами и съестными припасами всякого рода, и так же убедительно приглашал принять деньги, говоря: «Ради Бога, примите! Нажил не совсем чисто — взятками. Возьмите, на совести легче станет... Семейства у меня нет, беречь некому: избавите меня, сделаете доброе дело». Прочие чиновники и купечество, по возможности, старались успокоить и доставить развлечения во время короткого пребывания в городе и «никаким словом, никаким поступком не оскорбили в нас того чувства собственного достоинства, которое неизменно нами сохранялось».

Первую партию обвиненных из государственных преступников 1825 года, первых восемь, отправили в Сибирь через 11 дней после исполнения приговора верховного суда над пятью приговоренными к лишению жизни. Сначала повезли четырех: Евгения Петровича Оболенского, Александра Ивановича Якубовича, Артамона Захаровича Муравьева, Василия Львовича Давыдова, потом остальных четырех: Сергея Петровича Трубецкого, Сергея Григорьевича Волконского и двух братьев Борисовых (Петра Ивановича и Андрея Ивановича). По приезде двух первых (Оболенского и Якубовича) отправили в Иркутское-Усолье, на солеваренный казенный завод (за 68 верст от города), двух вторых (Муравьева и Давыдова) в Александровский винокуренный (также вблизи Иркутска). К этим присоединили потом братьев Борисовых, а Трубецкого и Волконского отправили в Николаевский винокуренный завод. Поселили на заводах Иркутского округа потому, что не было предписания отправить непременно в нерчинские рудники. Тюремщики, насколько было возможно, старались облегчать их участь: не запирая в тюрьму и не смешивая с преступниками, они позволили им жить на вольных квартирах, но невидимый полицейский надзор наблюдал за ними. Надзор этот давал себя чувствовать в видимых знаках осторожных шагов, приближавшихся к дому, двух глаз, которые можно было замечать сквозь щели в ставнях. Глаза эти видели немногое: либо обед и ужин, довольно, впрочем, сытные, хотя и не роскошные, иногда видели шашечную доску и шахматы; уши слышали: либо рассказы о прежней жизни, либо горячие споры по поводу последних событий, послуживших причиною несчастий. Начальники старались быть не только ласковыми, но и внимательными, уступчивыми, снисходительными. Обязанные употреблять ссыльных в работу, старались заказывать ее только для формы; никаких притеснений не делали. С казенными топорами ссыльные обычно отправлялись как дровосеки. Вслух приказывалось нарубить дров по заводскому положению, а вслед затем на ухо и шепотом объявлялось, что должны ходить туда для прогулки и что урок, вместо них, исполнен будет другими. Особенно отрадны были эти утешения для тех, которые попали на солеваренный завод и перед их глазами проходили настоящие рабочие, с ног до головы покрытые солеными кристаллами, засохшими на бороде на висках и на

платье. Солеварщики работали без рубашек, по причине необычайной жары, наполнявшей варницу с накаленным докрасна чреном (сковородою), и подвергались всем опасностям ревматизмов, отсутствия аппетита и проч. и всем тяжестям труда, требовавшего выливать из соленого источника большое число ушатов рассола в варницу ежедневно, без праздничных дней. Перед поселенными на винокуренных заводах старого допотопного дела такие же живые люди целые дни стояли в удушливом жару в жиганах около печей или в затворщиках у квашни, когда намоченные руки зябнут едким, невыносимым ознобом, а вся одежда покрывается инеем, куржавеет, показывая в перспективе лихорадки постоянную дрожь во всем теле и то же отсутствие аппетита. Эта чаша прошла мимо. Особенно искусно отстранял ее Крючков — начальник Усолья, сумевший вызвать благодарность слова на память потомству от обоих лиц, доверенных его дозору и воспользовавшихся его вполне гуманным обращением. Таким льготам суждено было продолжаться недолго; срок первого назначения тянулся лишь один месяц с несколькими днями, вскоре всех восьмерых свезли снова в Иркутск и порадовали только взаимным свиданием. Успели их угостить чаем, завтраком — и на свежих тройках немедленно отправили в нерчинские рудники, через Байкал. Одних успели перевести на двухмачтовом низеньком судне, других — по так называемой «кругоморской дороге» сухопутьем и под дозором тех же добрых людей, казаков, «готовых оказать всякую помощь и всякую услугу», привезли всех в Благодатский рудник. На дороге ссыльные успели воспользоваться еще кое-какими знаками участия: в одном месте, за Верхнеудинском, на перевозке и на ночлеге получили хлеб-соль от одного старика старожила; в другом месте (в селе Бянкине) тамошний богач (знаменитый в Сибири Кандинский) угостил роскошно с полным радушием, и только опасение не ввести проводников (казачьих офицеров) в ответственность помешало проезжим воспользоваться радушием богатых хозяев вполне.

В Благодатском руднике оказалась для приезжих новая казарма, нарочно для них приготовленная. Здесь ожидало их грубее обращение начальника нерчинских заводов, сожалевшего о том, что ему приказано было заботиться о здоровье государственных преступников; однако три дня дали отдохнуть и оглядеться. Казарма оказа-

лась строением, состоящим из двух изб: передняя — для караульных, задняя — тюрьма с огромною русскою печью налево и с тремя чуланами направо, отделенными друг от друга дощатыми перегородками. В чуланы вели две ступеньки, каждый был снабжен дверью. Двери не запирались; обедали, пили чай и ужинали все вместе; в чуланах разместились так, как дозволяла теснота и неудобства. В этих своих конурах они с трудом могли двигаться и испытывали те муки, какие доставляют тюремные насекомые, буквально покрывавшие их в новом здании с ног до головы. По рассказам этих страдальцев, они доставали скипидару, натирали им все тело и лишь добивались новых мук, когда все тело горело и кожа лоскутьями сходила прочь. Внутренний караул из горного унтер-офицера с тремя рядовыми назначен был для бессменного наблюдения. На работах были разделены: всех распределили по разным шахтам тотчас, как кончился срок трехдневного отдыха. Дали каждому по каторжному в товарищи и руководители, на каждую такую пару по сальной свечке в фонаре, одному — кирку, другому товарищу — молот. «Работа предлагалась нехитрая и была не тягостна, — уверял один из восьми; — под землею, вообще, довольно тепло, но когда нужно было согреться, я брал молот и скоро согревался». Руководители и наставники превратились в помощников и за глазами дозорщиков не раз, в порыве усердия, исполняли за них урочную работу; и все это делали без надежды возмездия. Знаменитый разбойник, красивый богатырь Орлов, всякий раз при приближении «князей», запевал с товарищами звучным и серебристым голосом заунывную песню, предугадывая мысли и перенося слушателей в далекую покинутую родину[74]. «В одиннадцать часов звонок возвещал окончание работы, и мы возвращались в казарму (выходя из нее в 5 часов утра). Начинались приготовления к обеду, артельщиком был нами выбран Якубович, как самый опытный по военно-кухонной части». Из отобранных денег выдавали часть на нужды и требовали отчет. «Денег осталось весьма мало, всякий

[74] Салтыковой изо всех ссыльных женщин жилось лучше и свободнее: она приехала со штатом девиц, уехала с великою честью. Могла держать себя гордо: не допускала к себе никого, удостоивала честью посещения только игуменью и не позволяла перед собою садиться даже дяде-воеводе. Содержалась она в Енисейском монастыре.

отдавал из своих, что хотел, и никто не требовал большего против того, что было нами показано... Большое утешение для нас было то, что мы были вместе; тот же круг, в котором мы привыкли, в продолжение стольких лет, меняться мыслями и чувствами, перенесен был из петербургских палат в нашу убогую казарму. Все более и более мы сближались, и общее горе скрепило еще более узы дружбы, нас соединявшей». Весь вечер для заключенных был свободен.

Сюда же, вслед за мужьями, прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытие их благодетельно подействовало на всех: с ними образовалась семья. При их участии началась и укрепилась связь с покинутыми родными и близкими сердцу посредством известий и тайной переписки; своими руками они шили все, что находили необходимым для каждого из шести чужих; они же выдумали и приносили в тюрьму импровизированные блюда (когда и «недопеченный хлеб казался вкуснее лучшего произведения первого петербургского булочника»); они же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищам. «Но как исчислить все то, что мы им обязаны в продолжение стольких лет, которые ими посвящены были попечениям о своих мужьях, а вместе с ними и об нас». Словом, здесь, в Благодатском руднике, эти первые («высокие по сердцу и по характеру») русские женщины начали первые шаги к той великой миссии служения, которая, в лице их, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы, способной на человеколюбие и помощь до жертвы, на любовь до самоотвержения. В лице их русские женщины имеют наилучших представительниц, душевные качества достигли в них апогея. В дни и часы, дозволенные для свиданий, они своим присутствием оживляли тесные и душные клетки; в другие свободные часы им выносили два стула на улицу: они садились против единственного окна и проводили час и более в немой беседе с мужьями. Однажды одна из них (Екат. Иван. Трубецкая) пришла на свидание с мужем в изношенных, истертых ботинках и, в трескучий мороз, застудила ноги; все это оттого, что из новых и теплых ботинок она сшила одному из товарищей мужа шапочку для головы, снабдив уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы от руды, которая сыпалась при каждом сотрясении горы ударами молотом.

Оба эти явления поучительны в жизни наших ссыльных; и высокая миссия женщин, поднявшая нравственные силы изгнанников,

и организация внутренней общины с артельным началом, вполне обеспечившая материальный быт, — с наибольшею полнотою и в совершенной законченности обнаружились позднее на все то время, когда все товарищи соединены были вместе, сначала в Чите, потом в Петровском заводе. До этого соединения участь первых восьми, до известной степени облегченная вначале, к концу времени пребывания в Благодатском руднике, вопреки законам, укрепления и возрастания гарантий, сделалась более тягостною; произвол одного из горных офицеров, Рика, назначенного для ближайшего надзора, прекратил сношения товарищей тем, что он запер чуланы и запретил общий стол и ужин. Отчаяние одиночества в душных клетках (по 3 аршина длины и по 2 ширины) вынудило решительную меру: заключенные решились не принимать пищи. Это решение принято было за бунт; горячий приставник велел уже солдатам пустить в дело штыки и приклады. В глазах горного начальника (Бурнашева) представлялась целая опасная бездна ответственности, но находчивость и благоразумие взяли верх. Горный начальник поспешил показаться грозным в виду свидетелей, но чуланы отпер, а вскоре поспешил удалить и виновника неприятности, дав ему другую командировку. Мужьям облегчено свидание с женами в их собственной квартире, весною дано позволение всем на прогулки в окрестностях завода, даже на 9 верст до берегов Аргуни, но работа изменена и сделалась более тягостною и трудною. На место подземной назначена новая на поверхности горы в рудораздельной светлице; вечер перестал быть свободным. Ссыльные обязаны были носить в уродливых и тяжелых носилках руду с места раздела на складочное. Надо было проходить шагов 200, перетаскивать до 30 носилок и, считая по пяти пудов в каждой, полтораста пудов могли казаться возможными только для привычных и сильных. Не все были в состоянии исполнить урок: в 11 часов работа кончалась, но в час звонок призывал на новую до 5 или 6 часов вечера. Прогулки на Аргунь прекратились, на их место стал обязателен необходимый отдых. Когда назначен был для всех государственных преступников новый комендант Лепарский, их свели в кузницу и заковали в ножные кандалы. Военный караул был усилен: из трех казаков стало 12; горный начальник и чиновники стали бояться оказывать снисхождение; казаки почувствовали ту же

самую необходимость. Между военными и горными властями установился, таким образом, взаимный контроль, отразившийся на узниках наибольшими стеснениями, хотя Лепарский, посетивший Благодатский рудник, был учтив и ласков и дал надежду на улучшение участи. Так текли дни за днями, пока строился новый острог в Чите и наполнялся товарищами, свозимыми туда из разных крепостей России. В то время, когда этих восьмерых препроводили в Сибирь, некоторых других из переполненной Петропавловской крепости перевезли в крепостные тюрьмы в Шлиссельбург, в Роченсальм, Свеаборг, Нейшлот, Свартгольм, Выборг и на Аландские острова[75]. Оставлены были в крепостях, в виде милости, пятеро: Батенков, Вильгельм Кюхельбекер — поэт, Иосиф Поджио, В. Норов и Дивов (последний в крепости и умер). Первый пробыл в одиночном заточении 20 лет, трое других около 10-ти[76]. Они свиделись с товарищами уже в Сибири. В Чите им жить не привелось.

После коронации Николая I учрежден был особенный комитет (Чернышев, Дибич, Бенкендорф и др.) для составления устава относительно заключения и содержания государственных преступников. Местом для заключения был избран Акатуйский серебряный рудник, в нем был уже заложен фундамент острога, но так как постройка тюрьмы должна была продолжаться года два или три, то поэтому и назначили на время Читу. Мыслью поместиться всем вместе обязаны были товарищи, как думают они, генерал-губернатору Лавинскому, случайно бывшему в Петербурге. Лавинский умел объяснить необходимость сосредоточения всех в одном каземате для лучшего надзора. Разъединенные по заводам, как первые 8, при недостатке и трудности наблюдения, они, по мнению Лавинского, могли быть не безопасными для всего края. Та же комиссия выработала правила для содержания государственных преступников, каковые и переданы были вызванному в Москву Лепарскому, только что произведенному в генерал-майоры.

[75] Князьми называли потому, что во многих партиях были князья: Оболенский, Барятинский, Щепин-Ростовский, Трубецкой, Волконский, Шаховской, Одоевский, еще Оболенский.

[76] Г. С. Батенков не отправлен в Сибирь, потому что имел там связи, как сибиряк и как служивший там.

Станислав Романович Лепарский был назначен комендантом с большими уполномочиями. До того времени он был командиром конно-егерского Северского полка, которого шефом был император Николай Павлович, будучи великим князем. Он лично знал Лепарского за человека, отличавшегося образованностью и теплым сердцем; если в каком-либо полку случались неприятности, вынуждавшие перевод офицеров, то всегда так называемых беспокойных голов переводили к нему в полк, он со всеми умел ладить, никого не оскорбляя, и не имел врагов. Лепарский был уже очень стар: при Кагуле он был в ординарцах у Румянцева, в конфедератскую войну был уже майором. Поляк по происхождению, человек знатной фамилии по рождению, он воспитывался в полоцкой иезуитской школе и был человеком ловким и образованным; знал латынь, свободно выражался по-французски и по-немецки. Еще в молодости ему поручено было вести в Сибирь польских конфедератов, и он так ловко исполнил это поручение, что известность его в этом отношении была именно такова, что не приводилось делать выбора помимо его. «В Северском полку он был известен, как кроткий, снисходительный начальник и, вообще, был любим и сослуживцами, и подчиненными... «Несмотря на то, что всю жизнь провел в отдаленных гарнизонах, он все-таки шел вперед благодаря своему хорошему образованию... «Несмотря на преклонность лет и на странность приемов, он был человек очень неглупый, и ум у него был еще свеж, а что и того лучше — сердце у него было совершенно на месте, нисколько не стариковское». Излишнюю, иногда мелочную придирчивость ему прощали; прощали и грубость, которую нередко позволял он в отношениях с беднейшими из товарищей. Это многим дало повод находить, что он мало заботился о материальном положении массы и был лицеприятен лишь к избранным, сильным в том или другом отношении. Сам он не имел никакой корысти, будучи 80 лет, не имея семьи и получая содержание больше генерал-губернаторского, но не умел преграждать злоупотреблений своих приближенных. При постройке Петровского каземата на его глазах произведено самое бесцеремонное воровство. В России его узнали за такого исполнителя, который не отступит ни перед чем, не задумается привести в исполнение никакое предписание. Так было он пробовал делать сначала, осуществляя правило:

как можно меньше делать для массы, чтобы тем свободнее делать исключения для некоторых; вполне устоять ему в этом не удалось. Так понимали его люди, зависевшие от него, и так характеризовал его бывший иркутский генерал-губернатор С. Б. Броневский: «Он прослужил в кавалерии 50 лет, известен всей армии отличными заслугами, честностью и добротою. Лучшего выбора невозможно было сделать. Это была эмблема доброты и кротости при твердом и непоколебимом исполнении долга. При сделанном ему предложении ехать в такую даль нисколько не колебался. При бремени лет (ему было более 75-ти), при бремени ран и болезней, он хладнокровно говорил, что ему кости свои суждено сложить за Байкалом, и за несколько лет до кончины на горе, висевшей над казематом (в Петровском заводе), приготовил себе могилу и утвердил крест. Предчувствие не обмануло его[77]. Он получал порядочное содержание, и частыми через год наградами он и его штат забыты не были».

Снабженный строгими предписаниями от комитета, Лепарский был отправлен в Читу, чтобы распорядиться там помещением декабристов. В Иркутске, по его требованию, была сформирована команда с приличным числом офицеров; назначен священник собственно для этих ссыльных и команды и врач. Через три дня, чтобы не задерживать почтовых лошадей и не затруднять содержателей и проезжих, стали отправлять новые партии через семь месяцев после отправки первых двух партий. Партии эти снова состояли из пяти троек и четырех человек обвиненных.

С теми же подробностями раз установившихся приемов отправляли коменданты крепостей каждую партию, объявляя приказание исполнить приговор верховного суда и отправить в Сибирь, но без объявления места назначения. До Иркутска ссыльные не знали о последнем, и только там объявилась им Чита, и то при содействии людей, расположившихся в их пользу и решавшихся тайно объявить им об этом секрете.

Сообщали офицеры, солдаты-семеновцы, высланные за известную историю этого полка (осенью 1821 г.), местные чиновники, казаки и сами приставники. Сажали в сани (была уже зима), надев

[77] Он кончил жизнь в 1837 году.

предварительно кандалы, которые для удобства позволяли подвязывать бечевками, снятыми с перьев[78].

Неимущим выдавали казенное белье, тулупы и чемоданы с двумя парами шерстяных носков, теплыми сапогами, шапками, курткою и брюками толстого солдатского сукна; на других, богатых, собственные франтовские сюртуки, фраки от первого портного (Вату), теплые медвежьи шубы, на ногах овчинные одеяла и проч. Везде с особенною поспешностью и скупились на отдых в той мере, насколько позволяли силы невольников, ставшие в те же условия с силами провожатых. На личном произволе фельдъегерей лежали те или другие льготы, из которых главные состояли в том, что по дороге перестали рассаживать товарищей в отдельные экипажи. Из личных расчетов фельдъегери сокращали число троек до четырех, а прогоны за пятую опускали в собственный карман. Немало загнали лошадей по дороге, немало избили ямщиков, немало наделали неприятностей содержателям и смотрителям, хотя губернаторы продолжали спрашивать о том, как ведут себя фельдъегери. Многие отличались жестокостью и сребролюбием; нередко препровождаемые ими платили за то, что фельдъегери не замучивали крестьянских лошадей. За деньги же они служили поварами, завозили к помещикам в гости и проч. Особенно отличался фельдъегерь Чернов: прогон не платил, кормил одним молоком и простоквашею, нигде не давал отдохнуть, гоня в хвост и гриву, так что наконец путники потребовали у него инструкцию, и если в ней нет положительного приказания убить, то обещались жаловаться в первом же городе. При угрозах он на один день стихал, но потом снова принимался за свое и проч. Исключение составлял Воробьев, не извлекавший себе выгоды из поручения и не продававший своих забот за

---

[78] Способ препровождения послужил предметом долговременных несогласий; предпочли почтовые тройки потому, что предполагали ослабить надежду и вероятие побегов, рассчитывали избавить от дальнего похода; другие полагали спасти от народной мести; многие одобрили этот быстрейший способ в расчете предотвратить распространение в народе революционных идей. Тем не менее, офицеры Черниговского полка, члены Южного общества, отправлены были в Сибирь пешком, по этапам. Так, между прочим, шли по этапу Игельстром, Вегелин и поляк Рукевич; они прибыли в Читу перед отправлением 7-го разряда на поселение.

деньги. Народ продолжал оказывать сострадательное участие, власти — внимание, умевшее переходить из общего места официальных вопросов в самые факты благотворной помощи.

Первым партиям, прибывшим в Читу в январе, марте и апреле 1827 г.[79], досталось старое строение, очень низкое, темное и сырое; последующим — маленький тесный домик на другом конце селения. Оба дома были обнесены высоким частоколом. По мере прибытия новых партий из финляндских крепостей в августе 1827 года помещение в этих домиках сделалось очень тесно; каземат еще не был готов. Новый каземат оказался недостаточно поместительным, так что и прежние дома оставались все время занятыми. Лазарет был устроен сначала в маленьком доме крестьянина Голубева, на одной половине. Он состоял из одной комнаты и не мог служить более чем для двух человек. В него ходили по очереди, чтобы отдохнуть от тесноты и шума. Таким образом, под конец в Чите были три каземата, № 1, 2 и 3, и лазарет с аптекою в доме, особо выстроенном уже в следующем году. Здесь поместился отдельно от прочих товарищей доктор Вольф.

Прибывавших в Читу принимали: капитан линейного батальона, плац-адъютант, писарь и несколько караульных. Они отбирали деньги, драгоценности, свидетельствовали вещи, мешки, книги и все записывали и сдавали в канцелярию. При расспросах старались обходиться грубо.

— Что там у тебя на пальце? — грубо кричал линейный капитан одному из прибывших.

— Обручальное кольцо.

— Долой его!

Приезжий учтиво возразил, что ему дозволялось носить кольцо в Зимнем дворце, в крепости и что, вообще, носить его не запрещено.

— Долой его, говорю тебе!

---

[79] Прибыли в Читу сначала сидевшие в отдаленных крепостях, потом содержавшиеся в Петропавловской. Вот отчасти партионное сотоварищество, в составе которого возили узников в Сибирь. Одна партия: Якушкин, Арбузов, Бестужев (Марлинский), Тютчев, М. Муравьев; другая: Пущин, Поджио, Муханов; третья: М. А. Бестужев, Н. А. Бестужев, Барятинский, Горбачевский; четвертая: Фонвизин, Вольф, Басаргин, Фролов; пятая: Нарышкин, Лорер, два брата Беляевы, Розен; шестая: Репин, Глебов, Кюхельбекер и т. д.

— Возьмите кольцо вместе с пальцем!

Этот же человек, нагрубив другой партии приезжих, ввел их в комнату, приставил к ней караул и комнату запер, оставив всех без огня. Остальные арестанты слышали за стеною знакомые голоса товарищей, их разговор, и начальство ничем не могло уклонять свидания с ними.

К стеснениям извне вскоре не замедлила присоединиться теснота внутри жилищ, из которых одно наскоро было превращено в каземат из наемной крестьянской избы, огороженной высоким забором. Между ним и избою оставался двухсаженный промежуток, с трудом исполнивший роль места для прогулок, затрудненных, сверх того, неуклюжими кандалами. В одной комнате в 8 аршин длины и в 5 ширины жило 16 человек; в другой такого же размера — то же число; в маленькой третьей — четверо. Все курили табак, воздух был тяжелый и становился невыносимым, когда после солнечного заката запирались двери и окна. Спали на нарах, на войлоках, под которыми прятали свои чемоданы и сапоги; на нарах каждому приходилось не более 3/4 аршина, так что перевертывавшийся с боку на бок толкал и будил соседей. Цепи оставались на ногах и снимались только на то время, когда водили в баню и к причастию. В казематах шум от них мешал разговорам. Когда в конце мая оттаяла земля и могли приступить к работам, земляные работы на свежем воздухе показались истинным блаженством, удвоенным еще, кроме того, возможностью свидания с товарищами, сидевшими в тесноте и духоте второй тюрьмы. Свидание повторялось по два раза в день: утром от 8 час. до 12-ти и вечером от 2-х до 5-ти. На работы из всех казематов отправляли под конвоем по 16-ти человек. Заставили рыть фундамент для новой тюрьмы, частокол и ямы для погребов. Когда еще не всех привезли, работы не было после обеда в субботу для бани, когда же число работников увеличилось, то ходили в баню по очереди, по четыре человека в пятницу и в субботу[80]. Приносили заступы, тачки, носилки, лопаты, молоты и проч., и так как работа эта напоминала ту, которою были обязаны швейцарцы, некогда принужденные строить для самих себя тюрьму, то и печальное читинское здание получило название

[80] Баня была наемная, в крестьянской избе.

Цвинг-Ури. Только воскресенье и пятница были днями, свободными от этих работ. Когда был вырыт фундамент и ямы для ограды, заставили засыпать овраг на большой дороге песком и землею. Но так как Чита, вследствие своего исключительного возвышенного положения, вместе с чистым воздухом и почти постоянно ясным небом отличается августовскими грозами с проливными дождями, то и земляная работа в рытвинах могла казаться бесконечною: в несколько часов дождь затоплял улицы, а вода, несшаяся по скату горы, на которой была неладно прилажена эта Чита, разрывала глубокие лощины и уносила последние следы трудов целого лета. Чтобы обезопасить их, принуждены были выстроить бревенчатую плотину. Это место оврага получило на языке ссыльных прозвание Чертовой могилы; с мая до сентября зарывали эту могилу. С сентября до мая водили по два раза в день в особенное строение, где прилажены были ручные жернова: на них каждый обязан был смолоть два пуда муки; не желавшие сами работать нанимали сторожей. Чтобы спорилась работа, чтобы не надрывала сердце шурготня жерновов, пели песни под руководством товарища, отличавшегося капельмейстерскими способностями. Лучше всего удавалось пение церковных композиций Бортнянского, но Александр Иванович Одоевский, известный в литературе поэт, на голос русской песни: «Во саду ли, в огороде», придумал особенную песню, специально прилаженную к этому невинному, но и нелегкому занятию; пели итальянскую песню «Un rescator del onde» и проч., с темпом тихого марша, и проч.[81].

В сентябре 1827 года была окончена постройкою новая тюрьма и в нее переведена наибольшая часть заключенных: из ближнего перенесли вещи на руках, из дальнего (впоследствии № 3) привозили вещи на телегах. Перешли без всякой церемонии, переходили порознь, каждый при своих вещах. Вскоре присоединены были к этим и те восемь, которых привезли из Благодатского рудника. Их принимал плац-майор, племянник Лепарского, часовые дали сво-

[81] В одном из прежних казематов оставлено было 15 человек, другой старый каземат или губа, состоящая из двух больших комнат, вмещала за перегородкою аптеку. В средней маленькой поселился доктор Вольф. В нем же дозволялись свидания жен с мужьями, что, впрочем, вскоре дозволено было на собственных квартирах жен, куда мужья отсылались под конвоем.

бодный путь в ворота, и они бросились в объятия друзей и товарищей. Теперь оказались все налицо и все вместе; их распределили по пяти отделениям тюрьмы, но не по порядку категорий, а уже по произволу коменданта. В одной комнате сгруппированы были все прибывшие из Благодатска, ее назвали Псковом — пригородом Новгорода: жильцы ее заранее отказались от голоса и объявили себя согласными во всем с Новгородом; другую назвали Москвою, или барскою комнатою, потому что большая часть в ней жильцов были богатые, с барскими наклонностями; третью назвали Новгородом, за то, что в этом каземате столько же говорили и шумели о политических вопросах, как некогда на вечах, и сгруппировались люди независимые. Четвертая комната названа была Вологдою: в ней жили из общества «Соединенных славян» — люди наименьшего образования сравнительно с прочими товарищами. Новые помещения стали опрятнее, но не были просторными; место нар заступили кровати, сделанные на собственный счет заключенными. Можно было подметать пол, но между столом и кроватями было так тесно, что когда шел на улице дождь и загонял всех в комнату, им приходилось сидеть на своих местах. Большой каземат был невообразимо дурно построен: рамы с железными решетками были непосредственно вставлены в стену, и стекла зимою покрывались всегда толстым слоем льда, увеличивавшим полумрак казармы. Она состояла из двух половин, разделенных темными сенями; каждая половина — из двух больших комнат, не имеющих сообщения помимо коридора. Пятая комната была собственно столовая; но для облегчения тесноты позволили поместиться и в ней. В каждой помещалось от 15 до 20 человек, у каждого — особая кровать и столик, в середине — большой стол и скамейки. Все эти неудобства оправдывали тем, что читинские казематы строены неумелыми руками плохих сибирских плотников, к тому же не добровольно принявшихся за топор, а по вызову и приказу начальников. В сущности, каземат этот не возбуждал серьезных забот начальства потому, что он также был временный. В это же время строили большой и новый в другом месте. По донесениям и настояниям Лепарского о неудобствах заточения в Акатуе, мысль об этом была оставлена. Акатуйская яма показалась Лепарскому и страшною и нездоровою. Самому коменданту был предоставлен выбор места;

он остановился на Петровском железном заводе, и постройка каземата началась там в год прибытия ссыльных в Читу, а окончилась летом 1830 г. К несчастью, выбор места произведен был Лепарским издали, с горы: зеленый луг оказался мокрым болотом. Таким образом, большинству привелось прожить в Чите три года и 7 месяцев. Чита из бедной деревушки, носившей в официальных бумагах название острога, а на языке местных житедей имя плотбища[82], превратилась в порядочное селение, обязанное своим внешним благоустройством личным трудам декабристов, прорывших канавы, засыпавших овраг, а внутренним заметно поднявшимся благосостоянием жителей, бедных заводских крестьян, теми денежными пособиями, которые переливались к ним за удовлетворение насущных нужд и различных потребностей заключенных. Селение это найдено было последними состоящим из 300 душ, живших в маленьких избах и занимавшихся кое-как и про себя земледелием и рыбною ловлею; за казенную землю они обязаны были жечь уголь и сплавлять его в Нерчинский завод. Все население тесно и бедно помещалось в 26-ти лачугах, которыми командовали три порядочных дома, занятых горными чиновниками и пригодившихся потом коменданту и плац-майору. Местечко на рисунках одного из декабристов (Ник. Александровича Бестужева) является уже довольно красивым городком, сумевшим собрать и употребить на собственную пользу значительные средства из тех, которые отпускались временным читинским гостям от казны и присылались богатыми родственниками. Одна улица города успела сохранить за собою даже до настоящего времени прозвание Дамской, т. е. такой, на которой поселились в частных домах и до известной степени способствовали приличному виду и внутреннему устройству приехавшие за мужьями жены. Впоследствии это местечко не задумались избрать главным городом для вновь организованной Забайкальской области и передать ему первенство, принадлежавшее до того городу Нерчинску.

---

[82] За то, что сюда, в эту низменность или долину, образовавшуюся при слиянии реки Читы с Ингодою, стаскивался вырубленный лес и из бревен сбивались плоты для сплавок по рекам Ингоде и Шилке для Шилкинского завода (дрова, уголь) или в Бянкину для нерчинских заводов (провиант, железо и проч.).

Читинская жизнь заключенных тянулась в безутешном однообразии: книг сначала было очень мало, писать строго воспрещалось, шахматная игра была единственным развлечением между работою и сном. В хорошую погоду играли на дворе в городки и бабки, несмотря на то, что ножные казенные украшения мешали во многом этому гимнастическому упражнению. Хотя можно было достать еще карты, но игру эту условились изгнать и, положив строгий запрет на нее, сумели на том устоять со всею твердостью героизма. В большом каземате стало веселее и разнообразнее уже по той причине, что все, соединившись вместе, могли направить соединенные силы на того опасного врага, который называется тоскою заточения, лишением свободы и выходит на оплошных с помощью такого сильного товарища, который зовется тоскою по родине. Против этих врагов читинское товарищество вышло на борьбу, опираясь на те общие силы, которыми красно и крепко всякое товарищество, и победа была одержана блистательным образом. В этой борьбе и в этой победе и женские силы, признаваемые слабыми, оказали геройские чудеса храбрости и стойкости. Товарищи успели вызнать себя и сблизиться в дружеские кружки, из которых выделились два: один, названный в шутку конгрегациею, заключил в себе людей, обратившихся к чтению религиозных книг и группировавшихся около набожного, отличавшегося многосторонним умом П. С. Бобрищева-Пушкина, и другой кружок из членов Славянского общества, во главе которого оказался П. И. Борисов. «Бывали и другие кружки, составлявшиеся без определенных целей, по личным симпатиям. Небольшие ссоры прекращались охотливым посредничеством товарищей, и никогда сор из избы не выносили».

Первые симптомы острой болезни неволи и заточения, выражающиеся для всех лишенных свободы исканием ее, называемым на официальном языке побегом, отразились до некоторой степени и на этих несчастных, помещенных совершенно отдельно, вне всяких связей и сношений с теми, у которых не захваченные во время первые припадки превращаются в хроническую болезнь бродяжничества. Сначала много толковали о возможности освободиться по Амуру до Сахалина; там предполагали выстроить судно и отправиться в Америку. Другим рисовался путь на юг, в Китай. Для исполнения плана казалось необходимым: задержать на время

коменданта и офицеров, а для успеха его представлялся верный расчет на 70 молодых, здоровых сил, способных обезоружить караул и выйти из каземата. Там, за стенами его, остальные.солдаты представляли отряд из ста человек, расположенных к заключенным. «Пока бы дали знать в Иркутск, мы бы успели и судно выстроить, и погрузиться и уплыть». Читинские казенные склады обеспечивали дальнейшие надежды «пылкой молодежи, над которою взяли верх осторожные товарищи», видевшие невозможность подобного предприятия и не обращавшие на затеи особенного внимания. «Вскоре и молодежь отступила перед необходимостью прибегать к силе оружия, брать на свою совесть пролитие крови», наконец, подвергнуть ответственности оставшихся товарищей и их жен, успевших уже обнаружить огромные запасы сил, способных ослабить крепость уз и тяжесть неволи. Чтобы достигнуть Амура, понадобится помощь бурят — самая ненадежная и опасная помощь. На границе Китая поставлено 50 казаков с исключительною целью преследования беглых днем и ночью. Третий путь через 4 тыс. верст выводил в Европейскую Россию; четвертый — в мертвые тундры севера, где вязнет нога даже легкого на ходу оленя. «Хотя мы и знали, что некоторым ссыльным черкесам удалось счастливо бежать в родные горы через Аральское море и Каспий, но нам ничего не оставалось, как только подчиниться закону необходимости». Побег казался возможным: подговоры шли постоянно от самих солдат и от поселенцев, которые говорили, что расположение к побегу всего населения таково, что если бы «китаец» принимал, а не выдавал беглых, то в Забайкалье не осталось бы никого. Они говорили, что с такими господами все готовы идти, зажмуря глаза. Расстроилось же предприятие потому, что в основе его лежали у разных лиц совершенно разные побуждения. Одни считали дозволенным побег для того, чтобы иметь возможность продолжать служение делу, нисколько не заботясь о своей личности, о своих страданиях; другие же решались на него потому, что положение было невыносимо, и они говорили, что все равно где умереть: в тюрьме ли наверное или при освобождении. Женатые, в особенности, употребляли силу своего влияния, чтобы отклонить от побега решительных и пылких. К тому же денежные средства не были в руках заключенных: утаить что-либо было трудно, потому что всё

не только осматривали, но и распарывали. Добыть их, однако, можно было переводом на артель, выписывая на имя купца за припасы (более всего за сахар, кофе, чай и проч.) в артель. О побеге перестали думать и толковать в Читинском остроге; по независимости и вдалеке от него та же дума подняла на дело и погубила других. Жертвою увлечения пал один из членов Южного общества, бывший офицер Черниговского полка, Ив. Ив. Сухинов.

После стычки под Белою Церковью, когда главные члены общества (Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и другие) отправлены были в Петербург, над остальными наряжена была военно-судная комиссия в Киеве. Военный суд приговорил виновных к четвертованию, но этот приговор был заменен политическою смертью. Приговор исполнен был в Василькове: виновные приведены были закованными и расставлены впереди войска на большом друг от друга расстоянии. Когда прочли приговор, палач брал каждого поочередно за руку, вел через площадь к виселице и, обойдя ее три раза, передавал казненных в команду внутренней стражи. В Сибирь эти осужденные (Быстрицкий, Соловьев, Модзалевский и Сухинов) отправлены вслед за петербургскими тройками и товарищами пешком, по этапам: шли 1 год и 7 месяцев[83]. В Чите их вместе с единомышленниками не оставили. Препроводив в Большой Нерчинский завод, разослали по ближайшим рудникам: троих последних поселили в 15 верстах от Большого завода, в Зерентуйском руднике. Здесь они наняли квартиру у одного из сосланных солдат Семеновскаго полка; потом купили себе собственный дом и перешли в него. С участью своею они успели примириться, исключая Сухинова, который еще дорогою по этапам успел убедить товарищей, что несчастье сумело зародить в его сердце жажду мщения. По дороге же он успел сообщить об этом дамам, которые ехали к мужьям и догнали их. Упорным молчанием ответил он на просьбы других дам, встретивших их у тюрьмы в Чите и умолявших Сухинова не приводить намерения в исполнение. В Зерентуйском

---

[83] Шел также пешком, по этапам, барон Штейн гель. Следом за офицерами Черниговского полка сосланы и солдаты, бывшие под Васильковом и виновные в возмущении этого полка. Так, например, в Екатерининском заводе, близ Тары, содержался унтер-офицер Шутов.

руднике он поспешил познакомиться с Голиковым, казарменным старостою, бывшим фельдфебелем учебного карабинерного полка; Бочаровым, сыном астраханского купца; Бондаревым, бывшим фельдфебелем гвардейского полка, и Птицыным, целовальником, бывшим юнкером гусарского полка. С помощью их доставал себе вооружение, порох и свинец. Лили пули, наделали до тысячи патронов. Советы товарищей не помогли. Сухинов продолжал ласкать ссыльных и особенную доверенность и любовь к себе возбудил в семеновцах, которые ежедневно ходили к нему; с ними ежедневно же уходил он на охоту, не сделал ни одного выстрела, но за глазами товарищей успел завести дело далеко. Прения с товарищами доходили до ссоры, беседы с соумышленниками довели до определенного плана освобождения всех заключенных в ближайших рудниках: Зерентуйском и Кличкинском. Намеревались напасть на казармы и, завладев оружием, идти на Благодатский рудник (1½ версты), на Большой завод и на другие заводы как для обезоружения военных команд, так и для присоединения ссыльных. Намеревались прекратить почтовые сношения, послать отряд для отобрания оружия по всем казенным караулам; потом идти на Нерчинск, завладеть артиллериею, оттуда на Читу, освободить государственных преступников и условиться с ними о дальнейших действиях. Намерения эти Сухинов велел скрывать от сожителей своих до последней минуты, приказал в присутствии их быть осторожными, говоря, что во время бунта он сам их уведомит, и если согласятся, то присоединит их; если нет, они первыми будут убиты. Товарищам-черниговцам продолжал говорить одно: «Оставьте действовать меня по своей воле, я вас не замешаю». Целовальник Птицын, на случай восстания, обещал несколько бочек водки, а до того времени подпаивал главных заговорщиков, которые в пьяном виде успели до некоторой степени обнаружить свои намерения: в какой-то праздничный день на могильных памятниках написали угрозы начальству. Поляк Тир, сосланный из виленских студентов, успел объявить управляющему рудником, что это дело государственных преступников и изъявил свои подозрения на заговор. Произведенные осмотры и дознания не оправдали подозрения. На радости команда Сухинова начала пить непомерно, беспрестанно шаталась мимо окон квартиры товарищей, десятками не выходила из кабака

и произносила разные неуместные выражения. В это время некто Казаков, проходя в пьяном виде мимо квартиры управителя, объявил ему, что многие готовы к бунту и что в этом участвуют секретные (т. е. государственные преступники). О доносе Алексея Казакова передано было заговорщикам, и двое из них (Голиков и Бочаров) взяли водки, пригласили Казакова в лес, напоили его и убили. Бочаров бежал. По двум доносам произведено следствие, назначена комиссия, дано было знать в Петербург. В Благодатском руднике восстание, таким образом, успели предупредить, в Еличкинском же руднике ссыльно-рабочие успели уже произвести буйство и оказать сопротивление военной и горной командам. 19 июня 1828 г. в лагере при Шумле Николай I изволил написать собственноручно на докладной записке о кличкинском вооруженном восстании: «Всех судить военным судом, что и вперед исполнять с ними, когда будут противиться военной силе». Комендант Лепарский получил Высочайшее повеление, данное в Одессе 13 августа 1828 г., в котором, между прочим, было сказано: «Я повелеваю вам приказать отыскать непременно Василия Бочарова и всех предать немедля военному суду и впредь в подобных случаях разрешаю руководствоваться сим же правилом». Под стражу взято было 22 человека; следствие шло неудачно: Сухинов ни в чем не сознавался, другие, что показывали сегодня, то отвергали завтра. Допросы начали побоями, продолжали жестокостями. Одна комиссия сменяла другую, но главная и последняя открыла не больше первоначальной. Случилось, что собака принесла человечью руку и, таким образом, открыли убийство Казакова. В то же время случайно был пойман бежавший Бочаров. Кончался второй месяц, а следственное дело не подвигалось. Горная экспедиция отозвала членов и назначила в Большом заводе третью комиссию. Виновных перевезли туда. Товарищам Сухинова позволили видеться с ним, и «если бы, — говорит один из них, — у нас были деньги, то могли бы дать совсем другой оборот делу, по корыстолюбию некоторых членов комиссии». Читинские товарищи присылали нарочного с обещанием денежной помощи, но письмо не дошло и военный суд состоялся. Сухинова суд приговорил к 400 ударам кнута, следующим девяти — кнут, остальным — плети; но потом это решение изменилось: Сухинова и пятерых с ним велено расстрелять. Сухинов, во время

следствия два раза принимавший яд и, не достигнув цели, расстроивший свое здоровье, казалсяспокойным и веселым. В ночь, предшествовавшую экзекуции, он упросил одного из арестантов сказывать сказки. Когда все уснули, Сухинов отвязал ремень от кандалов, привязал его к деревянному колу, низко вбитому над нарами, спустился с нар и почти в лежачем положении удавился. Кто-то из арестантов наткнулся на него впотьмах: зажгли огонь и тотчас послали за ключами от цепей к батальонному командиру и за лекарем. Сухинов оставался в петле. К жизни его не возвратили. Товарищи его (Соловьев и Модзалевский) были привлечены к следствию, закованы, посажены в тюрьму, но оправданы и освобождены, как непричастные к делу. Их, после экзекуции, сочли за необходимое соединить с прочими товарищами и перевели в читинскую тюрьму. Вместе с ними перевели в Читу всех, кто был в заводе из дворян, хотя бы и не был политическим преступником. Комендант не хотел принимать их от испуганного горного начальства и одного из присланных, который был осужден за намерение поджечь город для грабежа, долго держал отдельно. Этот наплыв сумел не раз вредить потом доброй славе каземата.

Лепарский, по вызову сухиновского дела, принужден был издать новую инструкцию. За всею командою, особенно за караулом, велел иметь особенное смотрение; за людьми наблюдать, «не есть ли они в непозволительных сношениях с жителями и арестантами». «Государственные преступники не могут иметь ни с кем никакого свидания и для того, кроме караульных, никого к ним не допускать. При них должен быть днем в передней комнате из рядовых один за сторожа без амуниции для смотрения за ними и которого при смене караула всякий день сменять другими, избирая для сего людей надежных. На ночь арестантская, чуть станет смеркаться, должна быть заперта замком, а ключ от оного должен иметь при себе караульный старший унтер-офицер в кармане, которого никому не доверять. Поутру же, как сделается видно, он, взяв с собою ефрейтора и двух караульных, отпирает арестантскую и поверяет арестантов. Ночью же ни под каким предлогом не должен отпирать и выпускать арестантов, разве если случится близ пожар; тогда весь караул идет к арестантам и, построив каре, берет их в середину, отводя на безопасное место. Осматривать лично поутру и ввечеру

ежедневно палаты арестантские; причем велеть поверять под нарами и посмотреть: в целости ли полы в палате и оковы на арестантах, а также поверить во всем караульных, т. е. нет ли пьяных и все ли налицо». «Преступников никуда и днем даже из арестантской не выпускать, кроме как под присмотром часового или сторожа для натуральной нужды. Буде кто из преступников тяжко заболеет, то одного отделить от арестантов в особую палату для пользования, и при больном быть днем и ночью особому часовому и сторожу и ночью иметь в оной палате свечу. Хотя государственные преступники должны быть посылаемы на работы по распоряжению горного начальства, но оных вместе с прочими ссыльными не водить, а водить особо под приличным конвоем». Тогда же издано наставление и унтер-офицеру: «Чтобы люди не ложились, не раздевались и не валялись на полу и всегда готовы бежать по крику часового: "вон!" На ночь быть свободно одетым... В случае бунта арестантов должен им угрожать, что, если не уймутся, велит колоть и тотчас посылает ефрейтора дать знать начальству. Если же арестанты будут усиливаться и вступать в драку с караульными, то, не дожидаясь повеления, приказывает колоть зачинщиков или более упрямых и дерзких без всякой пощады, не опасаясь подвергнуть себя и тех солдат за убитых и раненых какой-либо ответственности»[84].

[84] Из дальнейших подробностей более интересны следующие наставления: «Караульные и все часовые от арестантов ничего не должны принимать, даже из съестного от них солдатам ничего не брать, ибо были примеры, что арестанты отравливали караульных, других обкармливали дурманом, подмешивая в пищу порошок, отчего весь караул без чувств засыпал, а между тем арестанты все уходили». «Никаких напитков хмельных, как-то: вина ренского, меду, пива, не допускать к ним; если же кто, по доброй воле, доставит им какую пищу или квас, то караульному унтер-офицеру, осмотрев строго, отдать в целости через караульных преступникам, объявя им, кто им что прислал». «Не дозволяется собираться народу в караульню; если кто имеет дело к караульным, то должен часовой остановить того при входе кричать: "ефрейтор вон". Он не допускает никому говорить, рассуждать, забавляться с арестантами, ни посторонним людям, ни своим солдатам». «По пробитии зори, караульным помыться, опрятно одеться, подтянуть штаны на помочи, оправить амуницию и, людей построив в караульне, все осмотреть». Остальные приказания отличаются общим местом и хлопочут о внешнем лоске.

Новые строгости с наибольшею настойчивостью устремлены были на тот пункт, который казался самым щекотливым. Свидания жен с мужьями, по общему положению, были ограничены двумя разами в неделю и всякий раз не более чем на несколько часов. Обычай установил свидания эти ежедневными: всякий день жены подходили к частоколу, чтобы взглянуть на своих супругов и простоять с ними несколько часов. Новое предписание, дававшее широкие права вмешательству часовых, успело сделать опасными эти свидания, установленные обычаем. Нередко случалось, что часовой, исполняя приказ, отгонял прикладом; встречая упорство со стороны дам, прицеливался. Одна из дам разговаривала с мужем по-французски; пьяный офицер Дубинин потребовал русского разговора и грубо обругал. Дама (А. Г. Муравьева) бросилась бежать, он за нею; на дороге бежавшая упала в истерике. Товарищи, узнав об этом, стали укорять Дубинина. Этот с криком: «бунт!» — велел караулу сомкнуть штыки. Плац-адъютант, услыхав шум, остановил солдат и прекратил опасную историю. Лепарского не было в Чите. Возвратившись, он велел не пускать всех на работы, чтобы прекратить всякие свидания, но перед обиженною извинился, просил всех на будущее время быть осторожными; Дубинина перевел в другую команду, племяннику своему (плац-майору) намылил голову, дело замялось — о происшествии никто не узнал. Благополучным исходом вся история обязана была начальнику горного округа, Семену Ивановичу Смольянинову, человеку замечательной честности, пользовавшемуся ото всех глубоким уважением (еще за 25 лет до всеобщей эмансипации, он по собственному побуждению, отпустил своих крестьян на волю). Он один во все время, от начала до конца, был ровен в обхождении с государственными преступниками, обращаясь с ними с полною учтивостью и готовностью к услугам, когда другие были грубы и не исполняли даже следуемого по закону. Вообще, весь подбор штата был самый неудачный и не при одной постройке Петровского каземата были злоупотребления.

Вскоре, по обычному закону, и все другие предписания пошли в разлад с делом. Предписание говорило: «преступники ни к кому писем писать не могут, потому не должны иметь бумаги, чернил, карандашей, для чего строго их осматривать, и буде впоследствии времени у них что найдется, равно деньги и вещи, коих прежде не

было, то строго исследовать, от кого что они получили; если будут к ним присланы письма, то, не отдавая их, оставить у себя и оные представить г. начальнику заводов». Обыски делались беспрерывно. Особенно часто подвергался им Д. И. Завалишин по своим учебным занятиям. Так как не давали ни бумаги, ни карандашей, он сделал карандаш из куска свинца от чайного цибика, а писал на бумажках от содовых порошков. Все это отбиралось, но при новом обыске находили все возобновленным. Наконец, удалось убедить коменданта, что эти занятия для образованных людей составляют такую существенную потребность, что они будут искать удовлетворения ее во что бы то ни стало, тогда как для него она не составляет никакой опасности. Коменданту не раз приходилось выслушивать упреки, иногда очень жестокие, но он умел говорить со вспыльчивыми: «Позвольте! мне теперь некогда, приходите лучше ко мне, мы затворим двери и тогда браните меня, сколько будет угодно». Опыт и практика переломили дело так: сначала Лепарский принужден был дозволить грифельные доски, потом появилась бумага и карандаши. Затем Лепарский, входя в казематы и видя чернильницы, бумагу и перья, стал со снисходительною улыбкою говорить всякий раз: «Я этого не вижу». Огромное лишение писать письма к родным сначала восполнено было участьем дам (через три месяца стали получать ответы и денежные пособия), потом приспособлением различных хитростей при участии случайных сторонних пособников. Один из соузников — Дружинин, отправленный на поселение, повез из Читы табак для доставления в Иркутск в ящике с двойным дном, — под верхним дном огромное количество писем для отправления в Россию. На дороге табак пересыпал он в бумаги, а ящик подарил священнику для сбора денег в церкви; узнав о своей ошибке, он достал ящик обратно и доставил по назначению[85]. Наконец, передатчиками читинских корреспонденций в Россию являются на стороне: жена горного начальника (Фелицата Осиповна Смольянинова), присылавшая заключенным завтраки своей стряпни,

[85] Этот Дружинин переселен был к декабристам впоследствии из нерчинских заводов, куда сослан был из Оренбурга вместе с другими молодыми людьми, составившими там тайное общество и осужденными по доносу одного из товарищей, и именно того самого, который организовал это общество

принимала участье и в пересылке писем. Она замечательна была глубоким участием и всякого рода услугами заключенным и их дамам. Она бесплатно снабжала казематы всем из своего хозяйства. Раз она отправила одно письмо в Москву, но письмо там было вскрыто, в письме нашлось указание на нее, и Лепарский получил приказание посадить ее на неделю под арест. Раз сам комендант сделан был, против воли, передатчиком радостного известия о соединении всех в одной тюрьме, отправленного от дам, находившихся в Благодатском руднике, к читинским дамам. Письмо это комендантом было прочитано, найдено невинным, сообщавшим описание природы красивой и дикой Аргуни, виды которой заставляли припоминать стих Байрона (стих был приведен в подлиннике на английском языке). На другой день по прочтении письма коменданту доложено было о необыкновенно веселом и радостном настроении духа заключенных, о том, что причиною этого общего оживления послужило известие о присоединении благодатских товарищей. Тщательные розыски и дознания обидевшегося коменданта не привели ни к чему. Гораздо позже, когда дело стало прошлым, узнал он, что известие, тщательно скрываемое им, привез сам же он, и что стих Байрона не принадлежал поэту, а заключал в себе прозаическое известие: «in a forthight we leave this dreodful place» (т. е. через две недели мы оставляем это ужасное место). Это обстоятельство, когда объяснилось потом, послужило Лепарскому поводом требовать особливого чиновника для чтения писем на тех языках, которых он не знал.

Работа на ручных мельницах в несколько жерновов, обязывавшая перемолоть 4 пуда ржи ежедневно всем (т. е. по 10 фунтов на каждого), производилась сначала посменно, так как у каждой мельницы могли работать только два человека. Впоследствии стали молоть сами сторожа и конвойные наблюдатели. Обязательные рабочие в соседней комнате (шинельной) курили, играли в шахматы. Здесь мало-помалу образовался маленький клуб: обменивались мыслями и чувствами, читали газеты, с жадностью следя за политическими действиями наших войск в персидскую войну, в которой принимали участье многие из прежних товарищей и друзей читинских тюремных сидельцев. Некоторые достигли такого искусства в быстроте просмотра газет (как Завалишин), что, успевая

пробегать номера газет прежде других, умели сообщать клубу самые крупные новости немедленно. Комендант приучен был смотреть на это сквозь пальцы; работать усиленно не заставлял и, при засыпке рва Чертовой могилы, рабочие, успели свезти несколько тачек для моциона, бросали лопаты и тут же составляли новый подвижной клуб с теми же беседами и чтением иностранных газет, выписываемых и доставляемых дамами[86]. Впоследствии и урядники, входя в казарму, говорили: «Господа, не угодно ли кому на работу?» — и в самом деле, шли только те, которые охотились и искали разнообразия. Летом, когда стало тепло, раза два в неделю водили заключенных купаться в очень маленьком притоке речки Читы, притом загороженном частоколом. Купались без кандалов; водили человек по 15-ти за один раз. Потом и это оставили: стали водить на Ингоду, версты за две от каземата.

Строго ограниченное и сильно стесненное вначале свидание с женами в самых казематах сменено было дозволением ходить с конвоем в собственные квартиры дам, а после дубининской истории без посторонних свидетелей. Дозволили получать письма от родных, и почтовый день сделался днем праздничным, несмотря на то, что письма шли через коменданта и доставлялись распечатанными и прочитанными. Тем же путем дозволялась и отправка ответов, которые писали дамы, имевшие право переписываться с кем им угодно и обыкновенно в такой форме: «такой-то просил меня сообщить вам» и проч. В этом случае каждая дама имела несколько человек в каземате, за которых она постоянно писала, переписывая передаваемые ей черновые письма и прибавляя вначале приведенную выше общую фразу. Труд дам в этом случае был немаловажен: «Одна княгиня

---

[86] Из иностранных: «Journal des Debates», «Constitutionnel», «Journal de Francfort», «Revue Encyclopédique», «Revue Britannique», «R. des Deux Mondes», «R. de Paris», «Preussische Staatszeitung», «Гамбурский корреспондент», «Аугсбургская Газета» и почти все русские журналы и газеты. Из ученых журналов выписывались: «J. des Savants», «Annales de Chimie», «An. des Vogages», «Bibliothèque Universelle de Geneve» и проч. Однако сначала Лепарский выдавал только под большим секретом получаемые им «Телеграф» и «Инвалид», но раз перестал посылать последний по самому невинному поводу.

Трубецкая еженедельно переписывала и отправляла к коменданту более десяти писем; ему самому перед каждым отправлением и после каждого прибытия почты приходилось прочесть писем до ста».

Установившаяся при содействии дам связь с покинутым миром, с любимыми и любящими, это — по выражению М. А. Бестужева — «политическое существование за пределами политической смерти», — существенным образом выразилось помощью от родных. К несчастью, по рассказам того же свидетеля, почта обижала их самым безжалостным образом. Он говорит, что вместо прекрасных золотых часов, завещанных ему с братом (Н. А.) и посланных после смерти их брата Александра (Марлинского), они получили какое-то подобие часов. Александр Муравьев раз вместо бобровой получил изношенную шапку. Белье часто получали сделанное по казенным подрядам для лазаретов; дамские шляпки и головные уборы подменяли поношенными, нередко в одних вересках и лоскутьях; Ивашов давно ожидаемую им посылку с дамскими и детскими уборами и лентами получил в одном ящике с избитыми и измятыми крымскими яблоками: отполовинили из обоих ящиков и сложили в один. В утешение обиженных почтовая оговорка гласила одно и то же: «Разбившаяся в дороге укупорка заменена новою, за которую просят взыскать следующие деньги»[87].

С одной стороны просили одного: не оскорблять дерзким обращением, и за этим ультиматумом обещали исполнять все с покорностью и безропотно; с другой стороны — говорилось некоторым

---

[87] Особенно оригинальна была впоследствии переписка товарищей, живших на поселении, между собою и с заключенными, прибегавшими к помощи официальной почты. Письмо, прежде назначения по адресу, шло в Петербург, там прочитывалось и отправлялось обратно в Сибирь. Письмо Репина к Розену пропутешествовало с Лены в Петровский завод 12 тысяч верст и принесло известие о здоровье и надеждах на будущее, когда сгоревший Репин был давно уже похоронен. Само собою, в случаях важных прибегали к оказиям, имели возможность заручиться постоянными комиссионерами, готовно и охотно исполнявшими поручения на огромное большинство случаев безвозмездно. Впрочем, эти средства не всегда были непрерывными. Мы слышим жалобу одного в таких выражениях: «Наши письма, писанные в духе самой строжайшей осторожности, были так цензурованы, что, наконец, вывели нас из терпения, и мы решились не писать более друг к другу».

наедине и по секрету: «Что обо мне напишут в Европе? Назовут меня бессердечным тюремщиком, палачом, притеснителем, приравняют к Гудсон-Лоу? Я берегу место единственно для вас, господа, чтобы избавить вас от притеснений и несправедливостей бессовестных чиновников. Что мне от того, что ношу кресты и ленты, которых даже и смотреть здесь некому! Я желал бы освободиться отсюда, но не иначе, как вместе с вами». С третьей стороны за комендантом был строгий контроль со стороны читинских дам, умевших отстаивать его в Петербурге и говоривших ему в глаза самые жестокие и колкие слова. «Пожалейте меня, — говаривал Лепарский дамам, — вы требуете того, чтобы меня разжаловали». — «Ну, что же? Будьте лучше солдатом, генерал, но будьте честным человеком». После экзекуции над Сухановым и его сообщниками Лепарский долгое время избегал встречи с дамами и несколько дней не выходил из дому. После того как его вылечили от смертельной болезни казематские доктора, Лепарский решился написать в Петербург: «Не я их стерегу, а они меня берегут». Имея обыкновение отвечать на все просьбы «не могу» (за что и был прозван в шутку «господином Немогу»), он закончил тем, что стал исполнять просьбы, хотя и после долгой «комбинации» (как он сам выражался), справки с законами и инструкциею. Он любил говорить часто: «Я уверен, что имею дело с благородными людьми, поберегите меня». В силу таких взаимных уступок, таких строгих и неизбывных отношений значительно ослаблено было влияние с четвертой стороны — и читинское заточение стало принимать вид обыкновенной человеческой общины и мало-помалу приближаться к тому идеалу ее, где нет места для искусственных и непрочных скреплений. Взаимные уступки и обоюдная помощь сумели сделать то, чего бы ни в каком случае не удалось достигнуть притеснением свободной воли человека. Совершилось большое чудо: сотня людей разнообразных характеров и наклонностей сплотилась в тесное, согласное и дружное товарищество и при всех неблагоприятных условиях быта ни разу не изменила себе и ни на йоту не потребовала изменений в предварительном ультиматуме. Все сдержали слово с тем достоинством, что ни один из бесчисленных доносов не оправдался, ни один петербургский ревизор не нашел ничего нового, на чем бы он мог выслужиться и чем бы в состоянии был повредить приставу и

надзираемому им товарищу. Генерал-губернатор Восточной Сибири, С. Б. Броневский в своих записках оставил сильные следы восторга, полученного им при посещении тюрьмы государственных преступников, и о честных взаимных отношениях их и коменданта со штабом его свидетельствовал лично перед императором Николаем I[88]. Бывший генерал-губернатор Сулима вынес те же отличные впечатления. Когда государь повелел снять оковы с более достойных и вполне заслуживающих такую милость, Лепарский, явившийся в полной форме, с крестами и в ленте, объявил, по прочтении бумаги, что он находит всех того достойными. Оковы были сняты и спрятаны, но нашлась возможность потом доставать их, чтобы делать из них браслеты и кольца и отсылать эти изделия на память родным, оставшимся в России. Отсылали с тем нарочным, который ежегодно увозил из нерчинских рудников серебро. Раз такая посылка открыта была в Петербурге, и Смольянинов, хранивший железа, был посажен на гауптвахту.

С этого времени самое заточение стало наименее строгим и тюремная община декабристов еще сильнее укрепилась в своих правах и действиях. К казенным работам присоединились свои собственные, вызванные требованием взаимной помощи и содействия. Загорожено было большое место под огород и все, каждый день, с наступлением весны, ходили туда работать на несколько часов. В первый год урожай был плохой, но все-таки осенью и зимою в артельной похлебке оказалось по нескольку своего картофеля, реп и моркови. Это особенно имело значение в Чите, до прибытия декабристов не имевшей достаточного количества числа огородов и

---

[88] Сам С. Б. Броневский так говорит об этом: «Каково ведут себя политические преступники?» спросил меня государь-император в Зимнем дворце. Я отвечал: «Очень одобрительно, ни один ни в чем предосудительном не замечен, а что у них на сердце — от нас сокрыто». Осмелился доложить, что простого народа из осужденных Сибирь может принять еще более теперешнего. Они, делая преступления по различным побуждениям, иногда по стечению несчастных обстоятельств, благоговеют к предержащей власти, но политических преступников нужно бы водворять в другие края России. Государь изволил со вниманием выслушать мое замечание и отвечал: «Да, это так; но они успевают входить в связи с начальством (тогда был донос на Иркутск в этом роде); их близко держать невозможно, но мне еще этого никто не говорил».

довольствовавшейся привозными овощами или дикорастущими в лесах и лугах кореньями и цветочными луковицами. На следующий год урожай на огороде был до того обилен, что на зиму заготовлен был весь нужный запас овощей и посолено в больших винных бочках до 60 тыс. шт. огурцов — продукта до того времени весьма мало известного за Байкалом[89]. Избытками запасов товарищество, сверх того, могло поделиться с неимущими читинскими бедняками, картофелем сумели подспорить скудную трапезу горных крестьян, издавна пользовавшихся, за недостатком хлеба, всевозможными суррогатами его.

В читинской тюрьме стала налаживаться та общинная артель, которая с таким совершенством выработалась окончательно в Петровском заводе. В Чите — стол был общий: к обеду приносили огромную латку артельных щей, на другой латке— накрошенную говядину. Хлеб приносили нарезанным ломтями, так как, по тюремным положениям, не давали ни ножей, ни вилок (и отобрали даже свечные щипцы). Всякий имел свою ложку: костяную, оловянную или деревянную; серебряные ложки запрещались. Недостаток тарелок дополнялся чайными деревянными китайскими чашками. Обеденный стол приготовлялся из козел, приносимых в каземат на то время и накрываемых доскою. Суп или щи, каша с маслом приносились в деревянных ушатах и разбирались прямо отсюда каждым отдельно в собственные китайские чашки. Пища была простая и здоровая: одна и та же для тех, которые привыкли в походах к сытной и обильной трапезе богатой Малороссии, и для тех, которых не всегда удовлетворяла в Петербурге французская изысканная кухня с ежедневным шампанским. «Между нами было много гастрономов; все они были согласны в том, что не терпели в Чите голода, но и не были совершенно сыты». На стол и содержание, сверх казенных 6 копеек меди в сутки и 2 пудов муки в месяц, в содействие тем, которые были без средств или забыты помощью, получали общий стол и денежные пособия от богатых товарищей и дам.

Эти взносы, сделавшиеся впоследствии для всех обязательными, в Чите послужили основанием артельного капитала, который и

---

[89] Точно так же и дыни, взращенные в парниках декабристами, были первыми на забайкальской почве, как и огурцы.

расходовался на общие потребы. Дамы присылали кофе, шоколад и кушанья, как лакомства. Для заведования суммами на каждые три месяца избирался староста, получивший на языке декабристов название хозяина, и другое лицо, заведующее артельным огородом, — огородник. Хозяина выбирали первый раз в 1828 г. по причинам дурного состояния кухни. Первым хозяином был Ив. Сем. Повало-Швейвовский, но он кормил довольно плохо, молодежь была им не довольна. Он просил освобождения, выборы пали на И. Д. Якушкина, но он отказался. Согласился быть хозяином Розен, и дела по хозяйству пошли лучше. В 1829 году на место Розена избран был Пушкин, при котором объявились даже излишки огородных запасов. Хозяин (один только) имел право выходить из каземата для посещения разных лавок, из которых иные помещались в жилых домах (как, напр., все еврейские). В Петровске эта заманчивая обязанность перенесена на вновь созданную должность закупщика, не представлявшую особенного труда и ответственности.

О читинском хозяйстве декабристов у нас имеются следующие документы первоначального действия по устройству общины. Передаем с буквальною точностью протокол о результатах.

«Мая 23-го 1829 года.

П. В. Аврамов просил вчерашнего числа о назначении из каждой горницы большого каземата, из казематов № 2 и 3 уполномоченных для принятия от него некоторых сообщений касательно хозяйственной должности.

Получившие на сие доверие своих товарищей собрались в числе пяти человек, из коих трое за свои комнаты, а двое — каждый за две; и хотя некоторые из них были отправлены не от полного числа[90]*, но по поверке все вместе оказались соединяющими доверие большинства голосов.*

Им г. Аврамов, сообщив все бумаги, касавшиеся как до определения обязанностей хозяина, так и до выбора нового (хозяина), просил:

1) Относительно определения условий хозяйства рассмотреть и представить для общего сведения, на которой стороне большинство голосов.

2) Определив по поданным голосам кандидатов[91] *и представив на баллотировку, уведомить его, кто будет утвержден, для сдачи ему хозяйства, к 1-му числу июня.*

---

[90] По причине того, что многие вовсе отказались от подачи голосов.

[91] Разумеется, в должность хозяина.

Сам же г. Аврамов совершенно отказался как от рассмотрения голосов по сим двум пунктам, так и от извлечения следствий из оных.

Назначенные от товарищей, исполнив все возложенное на них, представляют при сем к общему сведению.

Протокол о составе комиссии.

Члены комиссии.

I. С правом двух голосов:

Дм. Завалишин 1 — за каземат № 2 и за горницу большого каземата № 4 или аристократическую.

Н. Бестужев за горницы № 2и3.

II. С правом одного голоса:

А. Беляев за горницу № 1.

Игельштром за горницу № 5.

Муханов за каземат № 3.

По проверке полномочий выбраны: председателем комиссии Дм. Завалишин 1. Секретарем Муханов.

Протокол о результатах подачи голосов о новом устройстве общины.

По рассмотрении голосов и мнений, по данным касательно правил хозяйства (причем были спрашиваемы все те, коих мнения могли быть не очень поняты) для отклонения всякого недоразумения[92] *оказалось:*

1) Желающих, чтобы все осталось на прежнем основании — 32.

2) Желающих пояснения и определения обязанности хозяина и проч. — 20.

(Остальные 20 не подавали голоса или потому, что не участвовали в артели, или отказались от подачи голосов.)

При сем, когда большинство голосов оказалось на стороне желавших остаться на прежнем положении, г. Басаргин отказался от артели, причем, по его просьбе, прилагается (к делу) объяснение его собственной руки о причинах его, к сему побудивших. Сверх того, отказался от артели г. Барятинский по причинам, поясненным в прилагаемой здесь копии его мнения.

Примечание. (Барятинский худо писал и потому просил копию с его подлинника, чтобы удобнее могли прочитать его мнение).

Протокол о протестах против некоторых последствий прежнего порядка.

Поелику большинство голосов осталось за удержание прежнего порядка, то приступая к изложению дела касательно выбора нового хозяина, на прежнем основании, комиссия долгом считает предуведомить имеющего быть избранным в сию должность, что имеются некоторые голоса, желающие, дабы, если хозяин будет что-либо говорить от общества с начальством, то если бы это было и по

---

[92] Все заключающееся в скобках находится в таком виде в тексте протокола, а не то, чтобы здесь только представлялось для пояснения.

большинству голосов, но если они не давали на то своего согласия, в таком случае в сношении с начальством исключать их поименно».

На каждую комнату назначалось двое дежурных, обязанных мыть и прибирать посуду, наблюдать за чистотою, накрывать стол, приносить кушанье, ставить самовары, разливать чай. Разливавшие чай постоянно избавлялись от обязанностей очередных дежурств. Дежурным помогали нанятые мальчики (по одному на комнату). Всем делились между собою по-братски: деньгами и лишениями. Платьем и бельем запасались сами, но богатые покупали необходимые предметы и дарили беднейшим. Для облегчения запасного артельного капитала, предназначенного преимущественно, на столовые припасы, в товариществе нашлись готовые мастера. Переплетным мастерством и картонажем занимались Д. И. Завалишин, М. А. Бестужев и Ан. Ив. Борисов. Лучшими портными были: Павел Пушкин, Павел Мозган, Антон Арбузов. Чулки штопал лучше всех Трубецкой; лучший токарь был Артам. Зах. Муравьев, столяр — Громницкий, закройщик — Евгений Оболенский. Лучшие фуражки шили: братья Бестужевы (Николай и Михаил), Петр Фаленберг; они же вязали носки и чулки, а Ник. Алекс. Бестужев, сверх того, снабжал всю артель отличными, крепкими башмаками, для чего комендант дозволил устроить ему вроде антресолей полати с маленьким окном наверху. Здесь, подле света, этот наделенный богатыми и разнообразными талантами человек завел самую многосложную мастерскую: починял сапоги, рисовал портреты товарищей, учил шить башмаки, исполнял для дам обязанности ювелира, чинил часы дамам и коменданту, снимал виды окрестностей, точил из дерева различные подарки дамам в отплату за лакомства, занимался слесарным мастерством; разослал, между прочим, всем знакомым в России, по желанию их, железные кольца, кресты и браслеты собственной работы из тех кандалов, которые выносили товарищи его на ногах в течение двух лет (а некоторые и долее). Кольца подкладывались золотом и вошли в Сибири в такую моду, что требование усиливалось и в удовлетворение его объявилась подделка, началась торговля подложными кольцами.

Через своего старосту государственные преступники передавали и о своих личных нуждах коменданту: при этом почитали не-

приличным вмешивать начальство в свои частные дела. Староста распоряжался денежными суммами, покупал запасы, но не имел ни копейки в руках; его расходы выплачивались комендантскою канцелярию. Он имел дозволение в течение дня ходить на кухню столько раз, сколько ему было нужно. В 50-ти шагах от тюрьмы находилась кухня и запасные кладовые. По истечении каждых трех месяцев, при избрании нового старосты, ходил по рукам лист, на котором каждый обозначал свои средства для общего расхода. На общую же пользу устремлены были все нравственные силы товарищей: все, за малым исключением, учились и учили других. Все выучились по-французски, другие по-английски; немногие занимались даже древними языками, несмотря на то, что теснота помещения, шум от кандалов, требовавший привычки, мешали отдельным занятиям. «Хочешь заняться, унесешься мыслями на родину, вдруг распахнется дверь и молодежь с топотом влетит в комнату, танцуя мазурку и брянча кандалами». Кто искал уединения для занятий, те имели летом маленькие палаточки во дворе у частокола. В предотвращение помех установлены были общие чтения и занятия: в тюрьме нашлись и на это дело приготовленные и готовые деятели. Кор-нилович, вместе с Куницыным, имевший свободный доступ к государственному архиву и, в особенности, успешно изучивший историю России прошлого века, в длинные зимние вечера занимал товарищей чтением публичных лекций об эпохе царствования императриц. Петр Муханов, на правах его адъюнкта, развивал слушателям предшествовавшие картины русской истории прежних веков[93]. Никита Муравьев, имевший в собственной библиотеке (послужившей основанием артельной библиотеки) прекрасные военные карты и планы, читал стратегию и тактику; он же хорошо знал греческий язык. Пушкин 2-й преподавал математику, Д. И. Завалишин высшую математику, астрономию по сочинениям Лапласа каждый четверг от 6 до 8 часов, астрономию же — Вадковский, греческий

---

[93] Через полгода тот же фельдъегерь, который привез из Шлиссельбурга Вадковского, увез из Читы Корниловича снова в Петропавловскую крепость, для допросов о тайном польском обществе. Корниловича в Читу уже не возвращали, а отправили на Кавказ солдатом, где ему довелось участвовать в нескольких экспедициях и через два года умереть от злокачественной лихорадки.

язык Лунин, Оболенский и П. Борисов. Лучшими математиками были А. И. Барятинский, Е. И. Вадковский, Бобрищев-Пушкин и Басаргин. Алекс. Ив. Одоевский преподавал русскую литературу (он же немцев учил русскому языку); Фердинанд Вольф, штаб-доктор 2-й армии, читал из химии и анатомии и он же, помимо назначенного чиновного врача, был врачом не только для товарищей, но и для коменданта, для офицеров коменд. штаба и для приезжих из Кяхты, Иркутска и Нерчинска; так велика была его слава[94]. Когда в девять часов, по положению, запирались двери казематов и тушились свечи, на место правильно организованных бесед выступали импровизированные, в содействии которых наиболее выделялся бывалый М. К. Кюхельбекер, объехавший кругом света.

Все эти чтения, весь этот постоянный обмен умственным богатством имели огромное влияние на тех из товарищей, которые прежде не имели ни времени, ни средств на развитие себя в научном отношении. Особенно резко выделился из прочих Д. И. Завалишин, изучивший, кроме греческого и латинского, еще до восьми европейских языков. В особенности он был очень сведущ в Священном Писании и, вместе с тем, с чрезвычайною энергиею стремился приобретать наибольшие познания. Для облегчения себе занятий он шел к изучению языков с помощью Библии — этого легкого ключа и всеобщего словаря; с фон дер Бригеном читал латинских классиков и переводил Тацита, с Луниным — латинских отцов церкви; с Вольфом и Ал. Крюковым (воспитанников петербургской Peter-Schule) прочел

---

[94] Комендант дозволял ему свободно выходить из тюрьмы во всякое время с конвойным. Вольфу удалось спасти Лепарского от близкой и неизбежной смерти. Впоследствии, в Петровской тюрьме, в соседнем номере с номером Вольфа помещена была артельная аптека с лекарствами, инструментами и лучшими медицинскими сочинениями, которые выписывались и доставлялись дамами. Аптекою заведовал Арт. Зах. Муравьев по составлению и отпуску лекарств. Он же и устраивал аптеку. Фролов помогал в черных работах, мыл посуду и проч.; помощником Вольфа по хирургическим операциям был Артамон Захар. Муравьев, охотно вызвавшийся на это дело. Он рвал зубы, пускал кровь, перевязывал раны и следом за Вольфом и впереди конвойного имел право свободного выхода из тюрьмы на помощь страждущим. Вообще, заключенные, как в Чите, так и в Петровском заводе пользовались здоровьем, благодаря климату и регулярной жизни при простой умеренной пище.

всех немецких авторов. 18 часов в сутки он употреблял на занятия, подчинив себя необычайной диэте. Отрывался от учения только тогда, когда доверие товарищей призывало его к общественной деятельности. Кроме латинского и греческого языков, он знал еврейский так, что перевел с еврейских подлинников все священное писание и прочел в подлинниках всех отцов церкви и весь круг богослужебных книг. Некоторые в каземате изучили иностранные языки, как Бесчаснов, не имевший возможности выучиться им ни дома, ни в казенном заведении. Он сделался лучшим знатоком французского языка, так что к нему же обращались и те, которые научились только салонной болтовне, когда дело шло о том, чтобы правильно написать что-нибудь дельное по-французски. Некоторым удалось выучиться играть на музыкальных инструментах под руководством умелых товарищей, из которых многие оказались виртуозами: А. П. Юшневский, отличный игрок на рояле, с Вадковским, отличным скрипачом, и двумя виолончелистами, Н. А. Крюковым и П. Н. Свистуновым, составляли квартет. «30-го августа 1828 г., когда мы справляли одновременно 16 именин, наш оркестр в первый раз играл в тюрьме». Сыгрывались и учились музыке в особенном домике, с тремя отдельными комнатами, который позволили выстроить на тюремном дворе через год по прибытии в Читу. В одной комнате стояли рояль и фортепиано для аккомпанемента игрокам на флейте, чекане, скрипке и гитаре. В другой комнате поставлены были токарный и столярный станки и пресс дли переплета книг к услугам искусников по этим работам (братьев Бестужевых, Борисова, Фролова, Пушкина). Переплетали книги богатой библиотеки Никиты Муравьева, дополненной книгами, привезенными следом за Трубецким и Волконским из их домашних библиотек и потом освежаемой новыми присылками. Новые книги поступали в пользованье по просмотре комендантом и с его надписью, которая нередко гласила: «читал», на греческих и латинских лексиконах, но потом была заменена более верною и близкою к делу отметкою: «видал».

В церковь водили один раз в год, в Великом посту, для причащения св. тайн[95] (для чего снимались кандалы). Накануне больших

[95] Говели поочередно на 3, 4, 5, 6 и 7 неделях, предварительно составляя списки говельщиков. В Петровском, заводе артель положила от себя священнику, пасторам и на церковь 200 руб. Здесь уже дозволялось говеть

праздников приходил священник в тюрьму и служил всенощную. «Я никогда не забуду (говорит один из заключенных, лютеранин), как трогательно и торжественно совершена была служба в Великую субботу 1828 года, когда в 9 часов, перед зарею, раздался со всех сторон возглас: "Христос воскресе!" и когда бросились в объятия друг другу товарищи, загремев цепями. Мысленно мы обнимали в то время наших далеких родных и друзей, которых мы вспомнили в молитвах». «Некоторые (говорит Броневский, навестивший узников в Петровском каземате) стали носить бороды, не по требованиям юной Франции, а так... из смирения, и предались религиозности, употребляя свое время главнейше на молитву и хождение в церковь Божию»[96]. В Чите каждое воскресенье узники читали религиозные сочинения, оригинальные и переводные, сделанные лингвистами-товарищами; воскресный и праздничный день кончали чтением глав из Евангелия и посланий апостольских. Лучше всего удавалось церковное пение по композициям Бортнянского; пение ирмосов и тропарей встало на место пения светских романсов и песен. Религиозное настроение можно было назвать общим у всех; для некоторых выразилось крайностями мистицизма, успевшего увлечь двух дам, отличавшихся наибольшею набожностью. М. С. Лунин жил отдельно, не принимал участья в общем столе и держал пост по обычаям католической веры, в которую он перешел, служив в гусарах в Варшаве, и сделался учеником и приверженцем известного Мейстера. Одну треть комнаты его отделяла занавеска, позади которой, на возвышении в несколько ступенек, стояло освященное папою распятие, присланное ему сестрою из Рима. Днем из его комнаты доносились до слуха товарищей его латинские молитвы, но, во всяком случае, он не был ханжою и в общество товарищей входил остроумным и шутливым[97]. Едва ли, впрочем, и нужны бы-

всякий пост, а потом и просто ходить к обедне, только с тем, чтобы стоять на хорах или в алтаре.

[96] Бороды носили вовсе не по смирению, а потому, что сначала не позволили самим бриться; после многие оставили бороды: кто для удобства, чтобы не хлопотать с бритьем, кто от простуды, как К. П. Торсон; кто для красы, как Александр Викторович Поджио.

[97] Такой же оригинальный образ жизни вел он и в деревне Урике под Иркутском на поселении: вокруг домика выстроил высокий забор; двери

ли наружные знаки и новые вещественные доказательства христианских чувств там, где подробности самого образа жизни сложились так, что старый знакомец заключенных, протоиерей Мысловский, назвал эту жизнь апостольскою и пленял ее деталями, полученными от Корниловича, всех тех жен, которые не успели отправиться за мужьями.

В религиозном отношении должная мера была определена, а в казематском опыте оправдан извлеченный из изучения истории закон, что истинная должная мера и в религии, как и во всем, не может быть результатом внешней сделки, а есть только внешнее проявление правильности внутренней силы, которая одна может определять правильность решений в приложении к данным местным обстоятельствам. Вот почему, когда мистически-фантастическое настроение так называвшей самое себя религиозной партии, усиливаясь и увлекаясь, дошло до того, что не хотело уже удовлетворится возможностью беспрепятственного удовлетворения личной, душевной религиозной потребности, и задумана была постройка церкви внутри казематской ограды — это произвело одно из самых сильных движений в казематском обществе. После ожесточенных споров религиозная партия и ее противники пришли, наконец, к нижеследующему соглашению.

Справедливость не позволяет делать ничего, что может иметь невыгодное последствие не только для настоящих, но и для будущих заключенных в казематах. Постройкою церкви в каземате мы можем, с одной стороны, упрочить самое существование государственной тюрьмы, а с другой — лишить заключенных единственной связи с живым миром, которую теперь составляет церковь. Но что хуже всего, мы можем дать начальству повод к полицейскому надзору в деле религии и к понуждению к лицемерному исполнению

постоянно держал на запоре, доверялся одному только слуге-буряту. Здесь его арестовали во второй раз за напечатание статей в английской газете (журналист продал тайну) и за разбор донесения следственной комиссии (по оплошности переписчика) и сослали в Акатуй, где он и умер семидесятилетним стариком. Ксендз Тибурций Павловский, бывший в течение нескольких лет его капелланом, с другими ссыльными проводил его гроб до могилы, на которой впоследствии сестра М. С. Лунина поставила каменный памятник.

внешней обрядности, что совершенно противоречит понятию об истинной вере. Наконец, так как многие лица обвиняются прямо в том, что, основываясь на сделанных ими пожертвованиях на постройку церкви, заранее считают себя как бы хозяевами и распорядителями в ней, то это неминуемо сделается источником больших неудовольствий и соблазна. А потому и будет гораздо благоразумнее пожертвовать собранные деньги на постройку новой церкви в Петровском заводе, так как настоящая церковь очень ветхая, а завод собственных средств для постройки своей церкви не имеет. Это будет истинным благодеянием для завода и для окрестных деревень. Решение это принято большинством 27 голосов против 11, и собственные деньги были отданы на новую церковь в заводе, которая и была построена без замедления.

Другое благоразумное решение общины, в религиозном отношении, относилось к присланным из Петербурга книгам религиозного содержания, для раздачи «наиболее религиозным» из заключенных. Коменданту объявили, так как религия есть дело совести, то было бы несправедливо с его стороны взять на себя определять, кто религиозен. На предложение же его, чтобы взяли «желающие», отвечали, что кто желал иметь религиозные книги, давно уж приобрел их или через родителей, или через товарищей, и ни в каких даровых не нуждается.

Наконец, когда одно из высших духовных лиц пожелало посетить каземат по обязанности «посещать темницы для утешения и участия», то просили коменданта отклонить это посещение, по самому уважению к тому духовному лицу, чтобы он не очутился в неловком положении и чтобы не вышло из этого неприятности. Комендант так и отвечал ему словами казематского общества: «В утешении они не нуждаются, и оно может показаться им смешным. В религиозном отношении они сами знают все, что им могут сказать, а если увещания касаются политики, это может повести к спорам и неприятностям, при которых легко может нарушиться уважение к духовному сану».

Приехавшие за своими мужьями жены совершили те евангельские подвиги, подобие которым мало представляют европейские истории. Если за семью женихами не поехали в Сибирь уже обрученные с ними невесты, если к восьми другим не поехали жены, и

даже некоторые вступили в брак, зато те, которые выстрадали себе право сожительства в Сибири, вступили на стезю высоких христианских подвигов и служением своим приобрели то прозвание ангелов-хранителей, которое сделалось для них общим у всех союзников. Уже в 1829 году Александр Иванович Одоевский писал в альбом кн. М. Н. Волконской (в день ее рождения 25-го декабря) стихи, представляющие в поэтической картине подвиг этих женщин и в одинаковой степени относящиеся ко всем дамам безразлично:

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе там рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.
Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие Провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам с улыбкой утешенья
Любовь и мир душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады.
С тех пор лились в темнице дни, лета:
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули, —
Не сбросили покрова своего.

Первыми дамами, отправившимися за мужьями, были: кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная гр. Лаваль, и Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Трубецкая проторила первую дорогу, по которой с неменьшею безбоязненностью прошли следом за нею и другие. На Трубецкую пали все те неудобства,

которые выпадают на долю передовых пионеров. Желание ее следовать за мужем, тотчас же по его высылке в Сибирь, встретило наибольшие испытания на том главном обстоятельстве, что начальством приказано было всеми мерами стараться отклонить жен следовать за мужьями. Е. И. Трубецкую, воспитанную в роскоши при нежной любви отца (эмигранта) и матери (из богатой фамилии уральских медных заводчиков Казацких), постигли тяжелые испытания уже в Иркутске. До него добралась она среди различных дорожных неудобств: в Красноярске заболел ее проводник (секретарь ее отца), она отправилась одна; на дороге сломался дорожный экипаж, она пересела в перекладную почтовую телегу. В Иркутске она уже не нашла мужа, он был отправлен в Николаевский замок. В Иркутске ей сказали, что его скоро привезут в этот город, но никто не решился ей объявить правды об окончательном назначении мужа. Когда его привезли в Иркутск, начальство не хотело допускать свидания, и наскоро приготовили тройки. Сколько ни медлили товарищи, лошади тронулись: «В это время приехала Е. И. на извозчике, успела соскочить и закричать мужу. С. П. в мгновение ока соскочил с повозки и был в объятиях жены; слезы текли из глаз обоих. Полицмейстер суетился около них, просил их расстаться друг с другом, но напрасны были его просьбы. Наконец, однако же, последнее "прости" было сказано, и вновь тройки умчали нас с удвоенною быстротою». Оставшись в неизвестности о судьбе мужа, Трубецкая обратилась с требованием дозволения следовать дальше. Иркутский гражданский губернатор (Б. И. Цейдлер) поспешил сначала представить ей страшную картину жизни среди 5 тыс. закоренелых преступников, в одной казарме, без собственной прислуги, на правах жены ссыльно-каторжного. Говорил, что «вместе с тем, она принимает на себя обязанности переносить все то, что такое состояние может иметь тягостного, когда даже само начальство не в состоянии будет защищать их от ежечасных могущих быть оскорблений от людей самого развратного презрительного класса, которые найдут в том как будто некоторое право считать жену преступника, несущего равную с ними участь, себе подобною. Оскорбления могут быть даже насильственны — закоренелым злодеям не страшно наказание». Эти страхи не смутили Трубецкую. На следующий день ей объявлено было, что она должна дать письменное

удостоверение в том, что отказывается от всех прав дворянства на движимые и недвижимые имущества, принадлежащие ей теперь и могущие достаться ей по наследству; с отъездом в Нерчинск уничтожится право на крепостных людей, прибывших с нею. Трубецкая согласилась и на это. Несколько дней кряду губернатор отказывал ей в приеме, ссылаясь на нездоровье. В это время приехала в Иркутск М. Н. Волконская. «Обе соединились в одной мысли и действовали в одном и том же решительном духе, не отступая ни перед угрозами, ни перед убеждениями. Терпеливо выждав время приема, Трубецкая снова слышала от Цейдлера советы покинуть намерение. Он говорил, что заводское начальство может даже требовать от нее и личной услуги, как-то: мытья полов и тому подобного; наконец, объявил, что если так твердо ее намерение, то она может отправиться к мужу, но не иначе, как с ссыльно-каторжными, отправляемыми еженедельно, связанная веревкою и по этапам. Трубецкая приняла и это условие. Тогда Цейдлер, не сумев совладать с собою, заплакал и объявил, что она поедет к мужу. Сам Ле-парский, проезжавший в это время через Иркутск, так был тронут решимостью Трубецкой, что постарался предупредить дальнейшие затруднения для нее и для Волконской.

Трубецкую отклоняла мать, Волконскую — отец, герой 12-года (Н. Н. Раевский), страстно ее любящий. Кроме того, у нее был грудной сын-первенец. Сына оставила она у бабушки, отцу объявила, что едет только повидаться, но в Иркутске выказала решительное намерение следовать за мужем и не усомнилась утвердить своею подписью, следом за Трубецкою, те условия, которые были ей предложены. В числе этих условий заключались, между прочим, два такого рода: «дети, прижитые в Сибири, поступят в число казенных заводских крестьян», «ни денежных сумм, ни вещей многоценных с собою взять не дозволяется; равно воспрещается им получать оные от кого-либо и впоследствии. Собственных денег они могут иметь столько же, сколько дозволено иметь и мужьям их, т. е. до 2 тыс. руб. на первое обзаведение и до 1 тыс. руб. ежегодно на содержание себя, и то не иначе, как через посредство коменданта нерчинских рудников и который будет выдавать им оные по частям по мере надобности». Кроме того, с каждой требовалась эта подписка, которую впоследствии отбирал Лепарский в Чите со всех дам, последовавших

за мужьями: «Желая разделить участь моего мужа и жить в том селении, где он будет содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свидания с ним никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сделанному на то от г. коменданта дозволению и токмо в назначенные для того дни и не чаще, как через два дня на третий; 2) не должна я доставлять ему никаких вещей, денег, бумаги, чернил, карандашей без ведома коменданта или офицера. Равным образом, не должна принимать от него вещей, особливо же писем, записок и никаких бумаг для отсылки; 3) не должна ни под каким видом никому писать и отправлять моих писем и других бумаг иначе, как токмо через г. коменданта, равно если будут присланы через родных или посторонних людей, должна я их ему же, коменданту, при получении объявлять; 4) из числа вещей, при мне находящихся и коих регистр имеется у коменданта, я не вправе без ведома его продавать их, дарить кому или уничтожать. Деньгам же моим собственным обязуюсь вести приходо-расходную книгу и в оную записывать все мои издержки, сохраняя, между тем, сию книгу в целости. В случае востребования г. комендантом, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверх тех, которые были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучиненный проступок законному суждению; 5) также не должна я мужу моему присылать никаких хмельных напитков: водки, вина, пива, меду, кроме съестных припасов, да и те доставлять ему через старшего унтер-офицера, а не через людей моих, коим воспрещено личное свидание с мужем моим[98]; 6) обязуюсь иметь личное свидание с мужем моим не иначе, как в арестантской палате, где указано будет в назначенное для того время, и не говорить с ним ничего излишнего и паче чего-либо не надлежащего. Вообще, иметь с ним дозволенный разговор на одном русском языке; 7) не должна я нанимать себе никаких иных слуг или работников, а довольствоваться только услугами предоставленных мне одного мужчины и одной женщины, за которых также ответствую, что они не будут иметь никакого сношения с моим мужем и вообще за их поведением[99]; 8) наконец, давши таковое обязательство,

[98] Водку носили пить для здоровья фельдшера. Комендант сам посылал ее Арт. Муравьеву и Вольфу для аптеки.

[99] Этот § относился особенно к тем дамам, которые не привезли с собою крепостных людей. За богатыми последовали их крепостные слуги, на

не должна и сама никуда отлучаться от места, где пребывание мое будет, равно и посылать куда-нибудь слуг моих по произволу моему без ведома коменданта или, в случае отбытия его, без ведома старшего офицера»[100].

Женщины с меньшим запасом душевных сил поколебались бы, могли бы замедлить дело перепискою с петербургскими властями (сначала не было подробной инструкции для сибирских начальств), могли бы, таким образом, неблагоприятно повлиять на решимость других, но Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская поселились с мужьями в Зерентуйском руднике, вытерпели недостатки во всем необходимом, несколько месяцев переносили холод и голод, довольствовались одним блюдом, сами стирали белье. В Чите положение их улучшилось: стала на людях и смерть красна. В Читу за мужем (Никитою Мих. Муравьевым) последовала третья героиня, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышева. В Чите она была первою и приняла на себя все невзгоды непривычного положения, не выясненного в достаточной степени и для острожного начальства. В России она оставила сына и двух дочерей на попечении бабушки, сменив заботу о них на заботу о муже; в Чите она была жестоко разочарована, когда комендант показал ей инструкцию, строго воспрещавшую совместную жизнь и допускавшую свидание не более

которых они теряли владельческое право. В правилах для жен государственных преступников сказано, между прочим: «§ 3. Из числа крепостных людей, прибывших с ними, позволяется им оставить при себе одного человека али одну женщину, и то в случае собственного сих последних на то согласия, что они обязаны подтвердить подпискою за собственноручным подписанием; в случае же незнания грамоты таковой оставляемый слуга должен объявить о том лично в присутствии местного начальства. Прочие люди могут возвратиться в Россию. Отсюда изъемлются, однако, те из жен преступников, кои, решившись разделить участь мужей своих, пожелают жить вместе с ними в остроге: таковые не могут уже иметь при себе никого для прислуги. § 5. Те из крепостных людей, прибывших с женами преступников, кои не захотят долее оставаться с ними, могут возвратиться в Россию, но дети их, в Сибири родившиеся, должны оставаться там».

[100] Однако эти отпуски не были легки для Лепарского. Ему довелось получить строгий выговор за то, что смел отпустить Волконского на минеральные Туркинские горячие воды с офицером. Впоследствии Ребиндер испросил наперед разрешение на подобные случаи и отпустил на воды четверых.

часа по два раза в неделю и то в присутствии дежурного офицера. Свидание она восполняла тем, что ежедневно смотрела в окно, когда мимо ее квартиры водили мужа и брата (Зах. Григ. Чернышева) на работу. Ей было 24 года; для всех она была поразительна своею внешнею красотою, но еще более привлекла к себе общую любовь душевною красотою и своими несчастьями. «При муже она была покойна, даже весела, с целью не печалить его, но как скоро оставалась одна, то тотчас же у нее являлась тоска по детям». Через год после разлуки с ними предчувствия ее сбылись: умер единственный ее сын, а дочери растеряли здоровье в постоянной тоске и ожидании свидания. Три года строго соблюдали в Чите правила затрудненных свиданий с мужьями, и хотя в Петровском заводе они были упрощены и облегчены, но Александре Григорьевне Муравьевой-Апостоловой не долго удалось пользоваться этим правом, составлявшим главную цель последних лет ее жизни. Сделавшись беременною, она крепко простудилась, оставаясь долго на дворе, где пила чай, затем не слушалась советов Вольфа и ходила легко одетою из каземата на свою квартиру; после неудачных преждевременных родов она скончалась, оставив четырехлетнюю дочь. Потеря ее была для всех ударом; наиболее всех других она отличалась делами благотворения, ее кошелек был открыт для всех. Когда для больных, по ее мысли и при ее помощи, прочие дамы выстроили больницу, «незабвенная и праведная» Александра Григорьевна выписала из Москвы превосходную аптеку и разные хирургические инструменты. Товарищи почтили ее память на могиле неугасимою лампадою; Н. А. Бестужев собственноручно сделал ей деревянный гроб со всеми винтами и украшениями и даже вылил свинцовый ящик, в который и был поставлен гроб.

В ту же Читу и следом за А. Г. Муравьевою прибыли Елизавета Петровна Нарышкина и Александра Васильевна Янтальцева — обе бездетные; но зато последовавшие за ними (в 1828 г.) Наталья Дмитриевна Фонвизина и Александра Ивановна Давыдова также оставили для мужей своих детей в России[101]. Обязательство это

[101] Наталья Дм. Фонвизина, урожденная Апухтина, в 80-х гг. умерла в Москве. Она в молодости послужила идеалом Пушкину для Татьяны в «Онегине»; сначала хотела идти в монастырь, потом вышла за генерала

вменено было им в России на том основании, что «в законе указано на дозволение следовать за осужденными родителями детям только крестьян государственных и помещичьих и дозволение не может быть распространено на дворянских детей, как по точному смыслу законов, так и по тому уважению, что дети его, принадлежала к высшему сословию в государстве, должны получить приличное роду их образование для вступления со временем в службу. Отцы же, находясь в ссылке, не только лишены способов дать им воспитание, но еще могут подать им пример худой нравственности».

В Читу же приехала невеста И. А. Анненкова, Прасковья Егоровна, француженка модистка Полина Гебль. Перед отправкою жениха она успела снабдить его деньгами, вырученными от продажи шалей, чтобы купить ему все необходимое для дороги. Решившись ехать сама, в Вязьме она на маневрах подала просьбу императору о дозволении следовать за женихом. Государь принял ее с участием, дал разрешение и 3 тыс. рублей из собственных денег на прогоны. Через три дня по приезде в Читу она была обвенчана с женихом, с которого на время обряда сняли железа, но по совершении его надели опять и увели мужа в тюрьму, поставив в общее положение со всеми, т. е. дозволяя свидание только два раза в неделю.

Таким образом, в Чите семь женщин несли на себе тяжелый крест, добровольно ими на себя принятый, и являлись на помощь везде там, где видели на другой стороне несостоятельность сил, где замечали какие-либо уклонения в сторону от согласно налаженного пути, где предчувствиями предполагали необходимость участия или содействия. В предшествии их, под их охраною и защитою, отправилась товарищеская семья на новое место жительства, из Читы в Петровский завод, где та же спасительная и живительная помощь с их стороны укрепилась еще более и усилилась новыми сотрудницами[102]. Когда новые казематы в Петровском заводе оказались

Фонвизина. По возвращении из Сибири в Россию и по смерти мужа вышла замуж за Ив. Ив. Пущина, товарища ее по изгнанию. Ив. И., как известно, был также другом и товарищем А. С. Пушкина по лицею.

[102] На дороге декабристов из Читы в завод встретили: жена Розена — Анна Васильевна, и жена Юшневского — Марья Казимировна. Жена

очень темными и в них позволено было жить заключенным с женами, товарищи одного отделения говорили: «Зачем нам окна, когда у нас четыре солнца»[103]. Летом 1830 г. кончена была эта новая тюрьма, и в июле начались приготовления к переселению в нее.

И. Д. Якушкина (Настасья Васильевна) на несколько просьб получила ответ, что ехать нельзя, пропустила срок, — своевременно не воспользовалась. Вера Гр. Чернышева, сестра А. Г. Муравьевой, просила жену Розена взять ее с собою под видом горничной, чтобы она могла помочь своей сестре в Сибири. К Вас. Петр. Ивашеву приехала невеста, Эмилия Петровна Ледантю. В Сибири же вступили в брак: Ник. Вас. Басаргин с Ольг. Ив. Мендель, Дм. Ирин. Завалишин с Аполлинариею Семеновною Смольяниновой — дочерью горного полковника, М. А. Бестужев, Е. П. Оболенский, А. М. Муравьев, Сутгоф, П. Н. Свистунов, оба брата Кюхельбекеры, Модзалевский, Муравьев-Апостол, Александр Викторович Поджио.

[103] Исключение было сделано для тех, которые имели детей. Так как детей не дозволялось приводить с собою и после вечерней зари номера запирались и гасили огонь (дети оставлялись вне всякой помощи со стороны), то имевшие детей уходили на ночь на квартиры. Дни проводили с мужьями. Вое эти передвижения, лишения и неудобства, а также и заточение мужей не прошли даром, — многие роды были несчастливы: из 25 родов в Чите и заводе было 7 выкидышей, зато из 18 живорожденных умерли только 4. На последнее обстоятельство имело влияние искусство врача (Вольфа) и климат. «В Чите мы все поздоровели», — свидетельствуют сами заключенные. В Петровском заводе умер Александр Семенович Пестов: с чирьем на спине он сходил в баню, карбункул и антонов огонь развились так быстро, что больной через два дня умер. Все товарищи проводилв его на заводский погост, неся его тело до церкви на руках, переменяясь поочередно. Организовавшаяся окончательно на то время артель похороны А. С. Пестова приняла за свой счет (издержала 21 р. 84.) и, сверх того, со всех собрана была сумма (100 р.) на сооружение ему памятника. Все вещи покойного комендант предоставил в полное распоряжение общества товарищей, но все отказались. Выделили награду двум служителям, а когда кое-какие вещи (книги, очки, самовар, серебряную ложку) некоторые изъявили желание купить на память о покойном, то вырученные деньги постановили употребить в пользу мальчиков, находившихся в обучении у товарищей. Все вещи, годные к употреблению, отправлены к находящимся на поселении (Веденяпину и Шимкову).

Глава VII. Декабристы (окончание)

Переход из Читы в Петровский завод. — Н. А. Бестужев. — Фонвизин. — Шахматы. — Дамская улица. — Жизнь в Петровском заводе. — Новый каземат. — Община и артели. — Занятия. — Обязанности хозяина, закупщика, казначея и огородника. — Выборы. — Бесчаснов. — Взносы. — Положение холостых и семейных. — Влияние декабристов на страну изгнания. — Жизнь их на поселении. — Декабристы на Кавказе. — Марлинский в Якутске. — Сгоревшие. — Занятия на поселении. — Изобретение декабристов. — Последующая судьба их, как умерших в ссылке, так и освобожденных. — Основанные ими школы. — Горбачевский.— Братья Бестужевы. — Торсон. — Всепрощение

По предварительному распоряжению коменданта, все декабристы были расписаны на две партии. Первая должна была идти под начальством плац-майора (подполковника Лепарского, племянника коменданта) и под непосредственным наблюдением плац-адъютанта К.; вторую партию, через три дня после, вывел сам старик комендант с плац-адъютантом Р.

7-го августа поутру выступила первая партия, под предводительством шедшего впереди одного из товарищей в круглой шляпе, с величайшими полями и в каком-то черном костюме собственного изобретения, похожего на квакерский. «В правой руке, выше его, палка, в левой — книга, которую он читал. Другой в куртке инфанта; третий в женской кацавейке; некоторые в долгополых пономарских сюртуках, другие в испанских мантиях, иные в блузах. Проезжий француз подумал бы, что это из дома сумасшедших вывели погулять.

Это нас забавляло».

Вторая партия выступила 9-го августа поутру, в 9-м часу, тихо и в стройном порядке. «Взвод солдат в авангарде, другой в арриергарде, конвойные по сторонам: все с примкнутыми штыками и, сверх того, несколько конных казаков с пиками (и бурят с луками и стрелами); мы в середине около своих возов. Для перевозки поклажи были наняты фургоны, на которых позволялось ехать тем, у кого были раны или кто был слабого здоровья». Отправляясь в путешествие, все поспешили запастись карандашами, перьями и записными книжками для записыванья впечатлений, у большей части книжки и бумага пришли в Петровский завод безукоризненно чистыми; у других

заполнены самыми свежими впечатлениями. Последние сохранили свою живость и верность у барона Штейнгеля, у Басаргина и у Розена. Последний не поленился, насколько было возможно, запастись сведениями и о бурятах и семейских старообрядцах.

Провожая ту и другую партию, народ толпился у ворот; служившие прощались и плакали, провожая до перевоза, дальше 3-х верст от селения. Ту и другую партию провожала ненастная погода, но, несмотря на дождь и грязь, почти все шли пешком, предполагая испить чашу, не проронив ни капли. Впереди предстояло 700 верст; поход объявлен был пеший: рассчитывали на 48 дней, принимали, после тюремного сиденья, поход за прогулку.

На каждую партию полагался один выборный староста-хозяин (в первой Александр Николаевич Сутгоф, во второй Розен). Хозяева, под присмотром солдат, выезжали за день вперед, обязываясь заготовлять самовары, обеды и ужины. Переход на каждый день полагался в 20–30 верст. С места выходили в 3 часа утра, к 8-ми и 9-ти часам пополудни кончали переход, стараясь становиться около речек. Отдохнув, шли купаться, затем ложились пить чай и беседовать до обеда. Один из пятерых дежурил, т. е. разливал чай, убирал посуду. Обеды разносила с кухни прислуга. После обеда часа 2–3 отдыхали, а когда спадал жар, шли гулять по ароматным лугам роскошной Братской степи. Через три дня назначался суточный отдых; через 12–15 верст — на час отдых для завтрака, с рюмкою водки, куском курицы или холодной телятины; все это держали в запасе дамы, все время следовавшие вместе с партиями. На ночлегах и дневках находили бурятские юрты — конусообразные, войлочные палатки, вмещавшие в себя не более 4–5 человек; в каждой юрте полагался каморник мужчина. Все десять юрт ставили в один ряд и на равном друг от друга расстоянии; крайняя занималась командою; 11-я назначалась для офицера, 12-я ставилась поодаль для коменданта. Кругом цепь часовых, зажженные костры, сторожевая перекличка; все это делало стоянки декабристов похожими на военный лагерь. В полчаса все были готовы к походу. Проводниками служили буряты, которых исправник успел предуведомить в том, что идут злые люди, знающиеся с шайтаном и зато сосланные в неволю, но не снабдил бурят необходимым: не имея ни хлеба, ни других съестных припасов, они два раза в день партиями уходили в лес

и там в полчаса утоляли свой голод брусникою. Во всякое другое время эти буряты исполняли должность слуг.

Пищу себе путешественники варили под открытым небом, в дождь накрывали котлы крышкою из хвороста с переплетом. Вообще, дорожное продовольствие было гораздо лучше, чем в Чите. На привалах затевались шахматы и шашки, на дневках чтение газет и книг. Читинская жизнь перенесена была на кочевку сначала по горам и долинам, потом по гладкой степи до Верхнеудинска, от Верхнеудинска по берегам разнообразной и красивой Селенги на богатые и сытые селения семейских староверов. Когда дорога от дождей испортилась, проложили другую, прорубив лес. Дорогою этою Нарышкина успела проехать в карете. На этом пространстве юрты были покинуты; стали ночевать в избах хлебосольных и тороватых хозяев. В конце пути физическое утомление взяло перевес: дамы начали выходить из терпения и мало-помалу уезжали вперед. Дорога становилась все труднее и непривлекательнее: красивая видами, стала утомлять мелкими подробностями. Впечатлений немного, развлечений еще меньше, хотя о последних временами хлопотал Лепарский, по привычке и опыту заботившийся в этом отношении о походных людях, делающих такой длинный переход. На первой половине их интересовали кочевники-буряты, на второй поразили путников домовитые и богатые староверы.

Степные впечатления начались с того, что близ станции Домно-Ключевской, в топком месте, их встретили верхами посланные тайшею буряты и перевозили их на лошадях. «Везде мосты, видна заботливость, чтобы не подмочили ног, это нас забавляло». На одной дневке привезли шамана: «но как тут был тайша сам, то он, по-видимому, и не смел развернуться». Немножко поскакал, пропел «менду-менду», постучали его ассистенты в бубны, как в лукошки, и тем этот глупый фарс кончился. Приметно, что тайша смеялся так, чтобы видели, что он шаманству не верит». Когда двое шахматных игроков (Трубецкой и Вадковский) садились за стол, их окружала толпа бурят: восклицаниями и указаниями убеждали в том, что эта игра им хорошо известна. В Домнинском зимовье Иван Александр. Фонвизин, узнав, что один зайсан из свиты тайши хорошо играет, пригласил его на партию и был побежден: бурят играл бегло и расчетливо и объяснил, что игра перешла к ним от китайцев. Переправа

через реку Ону под наблюдением самого коменданта дала последнему случай припомнить и сказать, что в девяностых годах он также вел и переправлял через реку конфедератов. «Это нас позабавило дорогою». М. С. Лунин, имевший право, будучи ранен, ехать в фургоне, обил его клеенкою, спал ночью и никогда не оставлял днем; любопытство бурят не имело пределов: таинственный незнакомец не показывался и представлялся им главным преступником, рисовался в воображении их чудовищем. С неменьшим любопытством встречали путешественников и в русских селениях, умея присоединять к тому вещественные доказательства сострадания и участия. Многие приносили посильные жертвы: снабжали мясом, провизиею, предлагали баню, служили чем могли и смели.

Впечатления горных местностей начались под Верхнеудинском тем, что на привале за 5 верст до города появились на дорожках тамошние дамы зевать на прохожих; они же смотрели вместе с верхнеудинскими на денди с галереи, когда партия шла через город. Перед городом «прочли нам словесное приказание коменданта, как идти завтра чрез город, т. е., чтобы все были при своих повозках и не далее двух шагов; трубок бы не курили и даже в руках чубуков не держали. Солдатам же приказано не разговаривать и показывать свирепый вид. Нам это дало случай посмеяться». Перед городом встретила полиция; по возвышениям кучками толпился народ; комендант стоял у моста в позе полководца, ведущего армию. На пути по берегам Селенги вся эта парадность была снова оставлена. «Комендант, ехавший впереди, нас оставил. Николай Бестужев дал совет хозяину с попутной мельницы, как устроить плотину. Семейские радушно нас встретили». В их селениях позволялось ходить из избы в избу, с квартиры на квартиру, но раз позволение это было отменено по случаю фельдъегеря. «Вскоре узнали, что он привез только письмо к Марье Николаевне (Волконской) вследствие ее просьбы о дозволении ехать с мужем по случаю ее беременности». «Узнали, что фельдъегерь уехал обратно, но не слышно, чтобы он привез что-либо поважнее дозволения Марье Ник. видеться дорогою с мужем[104]. Приехала она

---

[104] Вернее: фельдъегерь привез разрешение оставить в Чите С. Г. Волконского, пока не родит его жена, а как она родила преждевременно, то и выехала вместе с мужем.

показать полученное ею письмо, мало доброго обещающее». «При выступлении из Хурауза Фонвизин сообщил подробности из газет об отречении Карла X. Это известие всех оживило. Достали где-то две-три бутылки шипучего и выпили по бокалу. Это было для нашего новоселья хорошим предзнаменованием». К заводу приближались веселыми. Дамы, уехавшие вперед, выехали навстречу мужей. При посредстве коменданта и содействии местных купцов дамы успели уже обеспечить себя в заводе постройкою собственных домов, образовавших улицу, до сих пор также носящую название Дамской.

«Дорога вела в междугорие и теснины; все как бы предвещало приближение к мрачной тюрьме, но все шли с веселым духом. На половине сделали привал». «Последние версты дорога вилась лесом, редевшим по мере приближения к Петровску; за лесом следовала опушка — кустарники — и болото; на севере и востоке потянулись высокие горы. В глубокой долине нам показалась большая деревня: церковь, фабричное строение с многочисленными трубами, ручей и позади его красная крыша тюрьмы: неуклюжее здание на каменном фундаменте, выстроенное в форме виселицы с большим количеством кирпичных труб; стены же были без окон... Остановились, чтобы дать солдатам надеть ранцы. Мы с пригорка смотрели на нашу будущую обитель, и — шутили! При вступлении в завод множество народу высыпало нас смотреть. Нас встретил заводский полицмейстер и поехал вперед. На заводском мосту, под которым надо было проходить, стояло также множество зрителей, чиновниц и чиновников, с любопытством на нас зевающих. У дома Алекс. Григ. (Муравьевой) наши дамы вкупе ожидали своих мужей[105]. Весело вошед в стены своей Бастилии, бросились в объятия товарищей, с коими 48 дней были в разлуке; сделали 31 переход и 15 было дневок».

«Вскоре нас разместили. Мы вступили в тюрьму, как в преддверие гроба, но сердца были спокойны, душа тверда. Товарищи рассказывали нам, что им, по вступлении сюда, читали правила о порядке, какой впредь будет здесь наблюдаться. Правила возбудили между нами всеобщий хохот и все твердили: “от запертия до

[105] Из дам вперед уехали те, которые имели детей; другие тянулись за партиями в собственных экипажах.

отпертия", а поэтому, вероятно, нам никаких правил уже не показывали. Не только мы, но даже солдаты смеялись тем наставлениям, которые им читали на гауптвахте. Во всякое отделение дали по сторожу из солдат. Совершенно темные номера, железные запоры, четырехсаженный тын, не допускающий ничего видеть, кроме неба, должны были ужаснуть каждого, но таково следствие привычки, — мы были равнодушны ко всему. Я вспомнил зайцовского ямщика, который в 1819 году, подъезжая к Бронницам, на вопрос мой: "Начинают ли военнопоселенцы привыкать к новой своей жизни?" — отвечал: "Да, батюшка барин, велят, так и в аду привыкнешь". Как сильно и как справедливо! Я тогда не воображал, что опытом узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предузнать, что еще вперед испытать предназначено?.. да будет воля Твоя!..»[106].

Балегинский Петровский железный завод окончен был постройкою в 1789 и в первой половине настоящего столетия представлял людное селение, оживленное ссыльными рабочими всякого рода, которые тянули проволоки, ковали шинное железо, отливали разные железные вещи. Стояла еще при заводе пильная мельница с водяным приводом, но стояла несколько лет без всякого дела, ибо механизм испортился и все считали его уже вовсе неисправимым. Но прибыли новые жильцы, в среде которых нашлись два замечательных механика: Н. А. Бестужев и К. П. Торсон, съездили на мельницу, посмотрели и, через несколько часов, к удивлению чиновников, мастеров и фабричных, мельница начала пилить снова. Эта мельница и сама железная фабрика остались в стороне и вне других прав и влияний новых пришельцев: тут и там работали каторжные, сосланные не за государственные преступления. Для них и тюремное помещение издавна существовало особо. Для новых заводских обывателей выстроена была новая ручная мельница, наподобие читинской, и новый каземат, имевший вид покоя (П). На такой же точно сырой и болотистой почве, на которой приладилась новая *Дамская* улица[107],

---

[106] Комендант Лепарский получил за поход орден Владимира 2 степени со звездою.

[107] Из дам имели свои дома: Трубецкая, Волковская и Анненкова; Муравьева, Нарышкина и Давыдова нанимали дома, которые сами же и выстроили на свой счет. Дома были большею частью двухэтажные со светелками.

на самом низменном месте всей той впадины между горами, в которой поместился завод, выстроено было одноэтажное здание с кордегардиями на главном фасе. В стенах кордегардий были узенькие щели бойниц, сквозь которые выстрелы предполагались быть перекрестными. Эти кордегардии, выдвинутые несколько вперед главной линии, имели по обеим сторонам амбразуры, через которые предполагалось обстреливать разом оба фаса здания на случай побега заключенных.

В середине главного и переднего фаса помещалась единственная гауптвахта и был единственный вход в казематы. Крытые ворота приводили на двор прямо к особому зданию с кухнею, кладовою и обширною столовою. Вся внутренность двора, обстроенная с трех сторон зданием казематов и забранная с четвертой тыном[108], представлялась разгороженною такими же отвесными бревнами на 8 отдельных дворов с особыми воротами. На эти дворы выходили двери 12-ти отделений каземата прямо из коридора, на который вели двери уже из самых 64-х номеров. К каждому отделению принадлежало пять номеров. Таких отделений было 8 с 5-ю комнатами, в 4-х отделениях (угольных) было до 6 комнат, выходивших в общий коридор своего отделения. Следующие пять номеров, образующих соседнее отделение, отделялись толстою капитальною (деревянною) стеною с тяжелою дверью, которая запиралась уже четырьмя замками. Ключ от дверей отделений хранился у коменданта и эти двери отпирались только перед ним и другими влиятельными лицами (как Сулима, Броневский, адъютанты военного министра и пр.); тогда все здание можно было обойти кругом — коридор прерывался только караульною и воротами. Отмежеванный для каждого отделения внутри двора небольшой четырехугольный дворик, забранный тыном, преследовал ту же мысль отделения товарищей друг от друга. Здесь, однако, узники успели завести зайцев, косуль,

[108] По первоначальному проекту и эту сторону предполагали застроить казематами, но убыль ушедших на поселение по различным милостивым манифестам остановила это дело. Таким образом, петровские казематы, вместе с огородным местом, составляли прямоугольный равнобедренный четырехугольник. Пустое огороженное пространство служило местом для прогулок. Тут зимою устраивались горы и катки для конькобежцев.

журавлей. Как по отделениям в коридорах могли видаться только жильцы пяти соседних номеров, выходивших дверями в коридор, так точно на внутренних двориках встречались жильцы или того же отделения, или трех соседних. Таким образом, для четырех отделений 1, 2, 11 и 12 (считая с последнего из боковых) были особые дворы; для 3, 4, 5 — один общий, для 8, 9 и 10 — тоже общий, а для двух средних (6 и 7), находившихся по бокам входных ворот, один большой двор, общий с кухонным строением. Каждое отделение, не сообщаясь с другим в коридоре, имело особый вход со двора, по единственной лестнице, поднимавшейся с дворика и приводившей в коридор отделения, имевшей сажени 1½ ширины, и сажень 5 длины. Коридор был теплый — из него топились печи (одна на два номера). Каждая келья имела 7 шагов длины и 6 ширины (угольные номера были побольше; срединные, шедшие по фасу— меньше, но одинаковой величины между собою). Кельи были высоки, казались просторными, когда на каждую назначалось по одному человеку, но имели тот недостаток, который сначала неожиданно и мучительно поразил пришельцев: кельи были почти вовсе темны, получая свет из коридора через решетчатое стеклянное оконце над дверями. В светлый день нельзя было не только читать, но и разобрать цифры на часовом циферблате. К тому же близилось время зимнее и осеннее, обязывавшее или сидеть впотьмах, или жечь свечи целый день; некоторым приводилось прожить таким образом еще 12 лет срочных, назначенных приговором. Комендант, внедряя жильцов, входил в номер, запирал дверь, вынимал бумагу, читал и говорил: «Очень темно!» Когда ему возражали, что можно привыкнуть, он настаивал на своем «очень темно» и настоял фактически в представлении своем, посланном в Петербург. В представлении этом он выставлял опасность умопомешательств и простодушно уверял, что есть уже и замечена некоторая наклонность к тому. До времени разрешения он дозволил отворять в коридор двери и приставлять к дверям столы для занятий. Некоторые ухитрялись, как Н. А. Бестужев, пристраивать подмостки, чтобы воспользоваться скудным количеством света, достигавшего из окна коридора через наддверную скважину, называвшуюся окном. Такие подмостки прилажены были всеми, кто желал заниматься. В коридоре с обыкновенными окнами, обращенными на улицу, было светло, но зи-

мою стало невыносимо холодно; начали заниматься в номерах при свечах, и в течение зимы многие успели расстроить зрение и прибегнуть к помощи очков. Читинские дамы, влиятельные в Петербурге своими связями, написали о темных жилищах к родным; комендант, со своей стороны, прибавил начальству, что темнота в камерах расслабляет здоровье и предрасполагает к меланхолии. В апреле 1831 года вышло разрешение прорубить окна. Объявлено было всем собранным заключенным, как о милости, чрез военного министра (Чернышева) и, между прочим, напоминали о первой милости: о кандалах, снятых в Чите. Окна прорубили под крышею наружного фаса так высоко, что человек большого роста (как Якубович) мог видеть одно только небо. В казематах происходили почти в продолжение целого года беспрестанные поправки: многие печи пришлось сломать и сложить новые. Наскоро сложенное здание, от сырости и неумелой постройки, село по углам, сделав угловые номера и соседние с ними холодными, неудобными для жилья. От дурной постройки (вследствие воровства) стены состояли из коротеньких обрубков. Был случай, что один такой обрубок руками вынули совсем из стены; стены коридора вспучились наружу; ничем не отделенные от печей, некоторые стены не раз загорались. Вместо одного стали жить в номерах по двое (братья Андрей и Петр Ивановы, Борисовы, Бестужевы, Беляевы, Крюковы). Основание распределения вышло от самого казематного общества, которое настояло на отмене расписания коменданта и требовало предоставить самим разместиться по справедливости. Поместили по двое тех, которых сроки были меньше и которым, стало быть, недолго приходилось переносить неудобства помещения вдвоем. Старший разряд весь жил поодиночке. Когда начали штукатурить коридор и казематы, то привелось жить еще более в стесненном положении. Прежде в каждом номере полагались в одном углу нары, — теперь и другой угол был стеснен этим неуклюжим ложем; в третьем углу добавляла тесноту печь. Железные решетки новых окон ослабляли свет и не давали его в желаемом и необходимом количестве. Товарищи считали для себя стеснение обязательным и приятным лишь на то время, когда дамам позволено было жить с мужьями в казематах. Женатые стали жить в двух номерах; зато по вечерам устраивались семейные беседы. Это

продолжалось около года. Когда начались переделки, дамы выбрались и мужья с ними. Дамы уже не приходили в тюрьму; мужьям дозволено ходить, когда пожелают, и только ночевать должны были в камерах. Под конец разрешено постоянно жить с женами на квартирах, и женатые даже ночевать не приходили в тюрьму: сначала Нарышкин, жена которого занемогла простудною горячкою, потом Ник. Муравьев, который сам занемог гнилою горячкою. Дамы страдали неволею: одна рассыпанный бисер разных цветов подбирала цвет к цвету в разные коробочки и приводила тенями в порядок от мучительной скуки. Летом в надворных садиках устроили дорожки, по которым можно было гулять во всякую погоду; развели гряды с огурцами; к наружным дверям коридора, вместо лестницы, приладили насыпь с откосами, покрытыми булыжником. На среднем дворе отгорожено было место для сада, но сад никогда не был засажен. В большой комнате у кухни, назначенной для богослужения, скоро приладился читинский клуб, с тем же удобством переносимый на мельницу. В Петровском заводе страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого почти настольными книгами. Из современных писателей наибольшим уважением пользовался Бальзак. Библиотека состояла из ученых книг, специальных журналов и сочинений. На мельнице по-прежнему зимою продолжали вымалывать несколько фунтов такой муки, которая потом никуда не годилась, а летом прокладывали дороги и занимались огородничеством. Столярная установилась по-старому[109]. Торсон приготовлял модели машин: пильной, жатвенной и молотильной. Кроме того, изготовлялись стулья, столы, кресла, комоды сколько для себя в номера, столько и для дам, на квартиры. В номерах у братьев Борисовых собиралась ботаническая коллекция

---

[109] В читинской столярной Н. А. Загорецкий, о помощью простого столяра, изготовил прекрасные стенные часы из кастрюль и картона, с помощью одного ножичка и пилочки и под мраком таинственности. Все острые орудия были запрещены: не давали ни ножей, ни вилок и даже обламывали кончики щипцов. И. А. Бестужев всеми неправдами добыл себе нож и маленький подпилок, устроил токарный станок и сделал часы, которые и подарил А. Гр. Муравьевой. Комендант, как известно, разрешил ему впоследствии пользоваться инструментами.

сибирской флоры, начатая в Благодатском руднике, дополнявшаяся в Чите и обогащенная экскурсиями по Братской степи и по дороге из Читы в Петровск. У Андр. Ив. приготовлялась энтомологическая коллекция, возбудившая собою впоследствии в Москве серьезный интерес у специалистов; Петр Ив. составил коллекцию рисунков забайкальской флоры и орнитологии. Снятием видов занимались М. А. и Н. А. Бестужевы, а П. И. Фаленберг производил топографические съемки и сам сделал для этого планшет. Андреевич в своем номере написал масляными красками огромный запрестольный образ для читинского собора. Занятие литературою можно считать одним из основных и любимых; в каземате жили признанные поэты (Одоевский), известные авторы и издатели журналов (Корнилович — издатель журнала «Русская Старина», Лунин, Бестужев, Кюхельбекер и др.). Большая часть явилась сюда литературно подготовленною с любовью к ней и знанием (И. Д. Якушкин, случайно встретившись с А. А. Бестужевым в Иркутске в бане, несколько минут случайного свидания посвящает разговору о вышедших тогда «Цыганах» Пушкина). На досуге, под влиянием товарищей и впечатлений заточения, обратились к литературным занятиям даже и те, которые считали до тех пор это дело для себя чуждым и посторонним и на свободе ничего не писали. Авторство успело увлечь многих, и свидетельство о том мы встречаем почти в каждой из завещанных узниками записке, — относящихся, разумеется, к тому времени, когда в Петровском каземате окончательно отвоеваны были чернила и бумага. П. С. Бобрищев-Пушкин, при глубокой вере сохранивший до конца жизни светлый и многосторонний ум, писал остроумные басни и переводил псалмы и послания апостольские; Ивашев написал эпос «Стенька Разин»; Одоевский писал песни, послания и проговаривался остроумными эпиграммами; Лунин — критические статьи, а многие другие узники — воспоминания о прожитой жизни и о событии, увлекшем в заточение. М. А. Бестужев написал целый ряд морских повестей, из коих самые лучшие — по его свидетельству — были сожжены Мухановым при домовом обыске полиции на поселении, по доносу одного чиновника. М. А. Бестужев написал «Записки моряка» и критические статьи, между которыми выдается своими достоинствами разбор книг Н. И. Тургенева, сохранившийся в письмах к С. Г. Волконскому.

Константин Петрович Торсон, на свободе до ссылки составивший проект о преобразовании флота, также восстановлял свои воспоминания о морском путешествии и впечатлениях в литературно отделанной форме. «Житье в Петровском заводе была самая цветущая эпоха стихотворений, повестей, рассказов и мемуаров», — свидетельствует М. А. Бестужев в своих записках.

В это же время изготовлен был тот существенный и весьма важный труд политической исповеди в объяснение целей и намерений, послуживших причиною 14-го декабря. Этот самый важный литературный труд, т. е. описание событий, относящихся к роковому дню, составлен был по словесным и письменным свидетельствам всех казематских узников. Все это в готовом виде передано было М. С. Лунину, который хотел переслать сестре и через ее посредство напечатать за границею, а копию должен был хранить. Эту копию переписывал Громницкий и зарыл ее где-то в лесу. Но Лунина посадили в Акатуй, Громницкий скоропостижно скончался, а с ним умер и секрет, где была зарыта его рукопись. Хотя многие после и надували заключенных, выпрашивая деньги, чтобы указать место, но все-таки дело уже было навсегда потеряно. Н. А. Бестужев вычислениями додумывался до усовершенствования хронометра с ничтожною девиациею (но привел свою мысль в исполнение уже в Селенгинске — на поселении). «Комендант любил нами хвастаться перед приезжими и обыкновенно возил их на гору, с которой можно видеть расположение казематов». Когда приехал из Петербурга адъютант военного министра и расспрашивал обо всем, что делалось, особенно о содержании в казематах, хитрый старик «очень ловко предложил ему сообщить самые верные сведения об нас и наших женах и тем прекратил тайные розыски». Генерал-губернатора Броневского (как младшего чином) даже и не провожал он сам по казематам, поручив это дело плац-майору. «Генерал-губернатор заходил в иные номера, а в другие только заглядывал с тем любопытством, с каким обыкновенно заглядывали в железные клетки посетители, осматривающие никогда не виданный ими зверинец». Тем не менее Броневский написал в записках своих такие строки: «Замок — деревянное квадратное строение с обширным двором, имеющее с внутренней стороны галереи, а с внешней — комнаты преступников, для каждого по одной. Сооб-

щение их между собою, прогулки в галереях и на дворе — свободны. Стол из общей артели сытный. Платье не скудное, у всякого по состоянию; у некоторых убранство комнат весьма пристойное». Так как Лепарскому трудно было прожить в глуши свое содержание, то он употреблял его на устройство сада, в видах общей пользы. Сад занимал большое пространство, украшался быстрою речкою; дороги, мосты, беседки с затейливым разнообразием, капризы, гроты и цветники были роскошные. Не пожалели ни денег, ни искусства, в котором нет там недостатка, и все это единственно для одной прогулки всем и каждому. Хозяйственной расчетливости от садов сибирских, где не родятся никакие фрукты, быть не может. Еще и та беда, что старик гулять не мог по слабости ног. «Он проезжал иногда верхом по дорожкам и радовался, видя, что другие у него гуляют». Комендант и при ухудшении тюремного помещения не изменил и не ухудшил своих отношений, посещал нередко и обращался вежливо; «никогда не войдет в затворенную комнату, не постучавшись и не спросивши позволения». «Все просьбы исполнял с удовольствием, и если был недоволен каким-либо поступком, то никогда не выговаривал виновному, а принимал какую-нибудь общую против всех меру, чтобы дать знать виновному, что он вредит не только себе, но и товарищам. Плац-майор ежедневно обходил и принимал просьбы — обыкновенно выйти куда-нибудь из замка, — и не только был ласков; но и почтителен». «Работы были не утомительны и очень часто прекращались на месяц и на два под самыми пустыми предлогами: или по случаю мороза, сильного жара, дурной погоды или эпидемии».

При гарантиях извне, обеспеченное уже многими завоеванными правами, читинское товарищество, успевшее хорошо спознать друг друга, в Петровском заводе устремилось на развитие внутренней силы своей общины. В читинской жизни, сплотившей всех в одну семью, было то главное неудобство, что беднейшие товарищи становились в зависимость от богатых и, не имея своего, они все нужное получали от других до тех пор, пока эти получения не задерживались, пока не виделось иных средств для выхода. Возникли неудовольствия, образовался кружок протестовавших, видевших, что общинному устройству с равномерными правилами для каждого грозит опасность подчинения небольшому кружку

аристократов, их произволу. По сохранявшимся долгое время письменным документам, которые нам удалось видеть, оказывается, что развитие общественного устройства в казематском обществе, насколько это развитие выражалось во внешних актах, происходило следующим образом. Сначала, под влиянием горячего чувства и соответственно тем внешним условиям, в которых находились заключенные, все было общее. Иначе, впрочем, и быть не могло, когда и женатые, и богатые жили в одной комнате со всеми остальными. Никакое отдельное пользование не было тогда и возможно. Посылали ли жены мужьям кушанье, негде было его есть особливо, некуда было даже поставить, как на общий стол. Присылались ли вещи, их выдавали в присутствии других. Приносили ли книги и газеты, их и читать было невозможно иначе, как всем вместе. Нельзя было ничем пользоваться отдельно от других, потому что и неловко было выказывать свое преимущество, находясь постоянно с другими, когда их лишения кололи бы глаза привилегированным. Понятно, что при таком общем владении никакое особенное и определенное устройство не казалось нужным, а всякое сомнение в прочности дружеского чувства считалось оскорблением обществу.

Однако и с самого начала были люди предусмотрительные, которые считали нужным установить какие-нибудь правила, во-первых, для упрочения самого дружеского чувства удалением и предупреждением всех поводов к искажению отношений между товарищами. С другой стороны, это было необходимо и с точки зрения экономической, потому что общее пользование было самое безрасчетное и ставило, от недостатка предусмотрительности, в зависимость от случайности не только прочное обеспечение выходящих на поселение, но и удовлетворение самых настоятельных потребностей самого казематского общества. Не раз случалось, что и самые богатые были без гроша, а огромные запасы терялись от расхищения прислугою. Несмотря на это, мы увидим, как долго продолжалось сопротивление всем попыткам к переходу от патриархальных, так сказать, отношений к положительно выраженным постановлениям, потому что и казематскому обществу, по наблюдению одного из его участников, неизбежно было пройти все фазисы, которые проходит всякое живое, саморазвивающееся общество.

Первый повод к проявлению общественной деятельности в осязаемой, так сказать, форме, в приложении ко внутреннему устройству, подало одно необдуманное действие одного из хозяев, бывших вначале. Надо сказать, что при назначении первого хозяина не имелось в виду более чем наблюдение над кухнею, бывшею до тех пор в заведованьи унтер-офицера, и где нечистота и расхищение припасов дошли до крайней степени.

Поэтому не было даже никакого правильного выбора, а назначение сделано было приветственным восклицанием, как бывает в начале развития всякого общества. Никакого другого поручения на хозяина и не возлагалось; это не был даже староста, как у простых ссыльных. К сожалению, первый хозяин неосторожно принял на себя передачу обществу приказания коменданта, относившегося ко внутренним распоряжениям общества. Общество встревожилось, видя приближавшуюся опасность вмешательства во внутренние дела. Решено было составить комиссию, которая рассмотрела бы и обсудила действия виновного хозяина и предложила бы меры к предупреждению подобных случаев в будущем. Вполне понятно, что при этом случае возникли все обычные вопросы по отношению к праву голоса, к порядку выбора, к правам комиссии и пр. и пр. В комиссию выбраны были с правом двух голосов: Д. И. Завалишин за комнату «Москва» большого каземата и каземат № 2 и Н. Бестужев, за две малые комнаты большого каземата, и с правом одного голоса; Муханов за каземат № 3, А. Беляев за комнату № 1 и Игельштром за комнату № 5. Комиссия же избрала председателем Д. И. Завалишина и секретарем Петра Ал. Муханова.

Но едва была назначена комиссия, как произошла реакция на возврат к патриархальности. Люди, которые обыкновенно благодушествуют по отношению ко всему, начали говорить: к чему все это? Другие осмеивали «эту игру в конституцию»; третьи опасались создания какой-то судебной власти и говорили, что достаточно для ограждения в будущем нравственного урока, который получил один из первых хозяев. Поэтому, когда комиссия, по рассмотрении и обсуждении дела, предложила или уполномочить ее, или созвать новую комиссию для составления некоторых правил, то община большинством 32-х голосов против 20-ти решила все оставить по-старому. Однако же председатель комиссии успел заявить, и

комиссия единогласно приняла его заявление, что «необходимо установить положительные правила, как для пользования всем в каземате, начиная от денег, пищи, одежды и проч. до книг и газет, так и для обеспечения выходящих на поселение и состоящих на поселении, а для распоряжения всем этим назначить должностных лиц, со строго определенным кругом действия».

Между тем, изменение внешних условий и положения происходило в таком виде, что вело неминуемо к усилению до очевидности мало замечаемых прежде злоупотреблений общего пользованья и личных отношений. Прежде всего определилось положение женатых, которых стали отпускать в дома их жен и которые нашли там возможность пользоваться отдельно своими богатыми средствами и менее замечать недостаточность и нужды товарищей, которые не кидались уже им в глаза, потому что не имели их постоянно на виду. Потом стали давать позволенье (под предлогом уменьшения тесноты) богатым строить отдельные домики внутри казематской ограды, что допустило также пользованье своими средствами отдельно от товарищей и, кроме того, образовало кружки около привилегированных личностей. Наконец, с переходом в Петровский каземат, — когда каждый, получив отдельную комнату, мог следовать своим привычкам, и стали вставать, ложиться, пить чай и обедать когда кто хотел — рушились сами собою, мало-помалу, и общий чай и общий стол. С другой стороны, когда можно было уже и не видать товарищей и иметь предлог, что не знают их нужд, пособие богатых бедным деньгами и одеждою зависело уже от прямой просьбы бедных, причем, разумеется, более всего терпели наиболее деликатные. Самое пользованье журналами и книгами дошло до того, что у иного накоплялись целые груды их, которых ему за другими развлечениями некогда было и читать, а другие по целым неделям не могли достать ничего, подвергаясь неприятности ходить выпрашивать и слышать неприятный ответ, что сам-де еще не читал.

Между тем, тюремное заключение лишало недостаточных возможности извлекать средства из своего труда и искусства, а было очевидно, что 1 рубля 98 к. асс. деньгами и пайка 2 пуд. муки в месяц недостаточно для пищи и одежды. Следовательно, оставалось одно из двух: или найти определенное обеспечение всем внутри

себя, или требовать содержания и одежды от казны. Но последнее обсуждалось как унизительное, а всякое принуждение богатых к определенному взносу в общину представлялось как посягательство на собственность. Из такого положения не было, по-видимому, никакого выхода, и раздражение между богатыми и не имевшими ничего дошло до крайней степени.

Тогда стало очевидно, что средство соглашения может выйти только от таких лиц, которые независимы по своему положению, или так называемой средней партии, т. е. от таких, которые получали столько от родных, сколько необходимо было для них самих. Они не нуждались, следовательно, в пособии других, но и сами могли уделить другим, разве только лишая уже самих себя необходимого. Они, стало быть, не могли ни выиграть, ни проиграть ни при каком устройстве, а потому и могли быть беспристрастными судьями и посредниками. И действительно, от таких людей и вышло удовлетворительное разрешение вопроса.

Иван Семенович Повало-Швейковский, Александр и Николай Александровичи Крюковы, Александр Иванович Вегелин, жившие в одном отделении с Дм. И. Завалишиным, а также некоторые другие пришли к последнему с просьбою отложить на время свои ученые занятия и, взяв общественное дело в свои руки, отыскать справедливое основание для общего соглашения.

Для человека беспристрастного найти его было не трудно. Таким основанием представлено было им следующее: так как, по общему правилу, правительством допускается получить одиночному только 500 р., а женатым только 2 тыс. р., сверх же этого позволяется получать более только под условием, что это назначается для вспоможения товарищам, не имеющим ничего от родных, то это вспоможение является уже обязательным и нет никакого посягательства на собственность в требовании обязательного взноса[110]. Если же они не желают употребить получаемое сверх положения на вспоможение товарищам, то не имеют и права делать предлог для

[110] Об этом обязательном ограничении сообщал сам комендант. Это же послужило основанием и для определения артельного довольствия; это же ограничение установлено было потом и для вышедших из каземата на поселение.

получения излишка из такого действия и условия, которое ими не исполняется. Потом, в случае отказа их, не имеющие ничего имеют право объявить коменданту, что не получают вспоможения от товарищей, и требовать казенное содержание.

Как ни ясно было дело, получившее такое выражение, но и тут сначала выказалось, с одной стороны, сильное сопротивление, а с другой — нерешительность; прежде возбудили сильную бурю и поспешным удовлетворением некоторых из наиболее шумевших неимущих успели отвлечь от настоятельного требования казенного содержания. Но справедливость высказанного основания для решения дела до такой степени была очевидна, необходимость прочного соглашения и обеспечения, которым обусловливались спокойствие общины и душевное состояние каждого, были до такой степени настоятельны, что после некоторого кратковременного колебания сделалось слишком ясно, что дело никак нельзя отлагать надолго. Проникая постепенно в убеждение высказанного выше основания, пришли, наконец, к избранию комиссии для составления устава артели. В комиссию были избраны между прочими: Д. И. Завалишин, П. С. Бобрищев-Пушкин, Пав. А. Муханов, А. И. Одоевский и др. К ней присоединили, для объяснений по части хозяйства, очередного в тот год хозяина. Делопроизводителем комиссии был избран Дм. Ив. Завалишин. Заседания комиссии были публичны и привлекали огромное число слушателей не только из товарищей, но даже из дам и из служащих. Сам Лепарский два раза слушал рассуждения, заходя в залу, где собиралась комиссия, и останавливаясь мимоходом за ширмами[111].

Комендант до такой степени испугался доведения до правительства требования казенного содержания и, следовательно, допущенной им неправильности в получении излишних денег на

---

[111] Комиссии дано было полномочие «учредительного собрания» (constituante). Решения ее были окончательные, и впоследствии устав мог изменяться только по правилам, определенным в самом уставе. Комиссия, однако, пользовалась своих полномочием очень либерально: не только заседания были гласные, но и вне заседаний члены комиссии в своих отделениях обсуждали со всеми каждый пункт. Можно сказать, что обсуждение было общее и каждый пункт устава был несомненно выражением большинства мнений.

пособие товарищам (которое не производилось и, таким образом, только обманывалось правительство), что сам всеми средствами ускорял установление внутреннего устройства добровольным решением. Он не только официально дозволил употребление бумаги, чернил и перьев для занятий комиссии, но и разрешил ночные заседания ее в общей зале.

Комиссия занималась буквально без отдыха и быстро окончила свое поручение. Когда устав был составлен и подписан членами комиссии, все собраны были вечером в общую залу, где он и был прочитан членами комиссии. Устав не подлежал голосованию и получил окончательную силу от комиссии. Общее примирение отмечено было празднеством, продолжавшимся всю ночь.

На другой же день произошли выборы должностных лиц на основании нового устава[112].

Когда, таким образом, каждый член общины получил обеспеченные денежные средства, то можно было приступить к устройству учреждения для обеспечения выходящих на поселение, вроде страхового общества. Поэтому вскоре после учреждения общей артели, для обеспечения на время пребывания в каземате, Дм. И. Завалишин, Ив. Ив. Пущин и Петр Ал. Муханов учредили артель для обеспечения на время поселения. Эта артель обыкновенно называлась малою, для отличия от общей, получившей с тех пор название большой. Желающие участвовать в малой вносили известный процент с получаемых ими денег, за что им обеспечивалась выдача известной суммы при отъезде на поселение. Капитал малой артели увеличивался, кроме того, пожертвованиями и коммерческими оборотами, составляя ссудный банк. Записки должностных лиц обеих артелей имели в заводе значение кредитных билетов.

Наконец, для введения правильности и справедливости в распределении чтения газет и журналов, Д. И. Завалишин, Мих. Фотиевич Митьков и Сергей Гр. Волконский составили журнальную артель.

---

[112] Мы видели подлинник этого устава с собственноручными подписями членов учредительной комиссии: Бобрищевым-Пушкиным, Бесчасновым, Завалишиным 1-м, Митьковым, Мухановым, Одоевским и Поджио. Последний подписал устав на правах очередного хозяина, участвовавшего в комиссии для объяснений по хозяйственной части.

Желающие участвовать в чтении вносили ежегодно определенную сумму, на которую делалась общая выписка и, сверх того, доставляли в артель журналы, получаемые иными на собственное имя. Выписываемые журналы и газеты артелью доставлялись немедленно по получении с почты к распорядителю чтения; получаемые лично — через известный срок. В чтении наблюдалась очередь, а в распределении соблюдалось, чтобы очередь чтения разных газет начаначалась с разных лиц, чтобы доставить чтение разом большему числу и чтобы разные журналы не пришлись в одно время одному и тому же лицу. На чтение газеты определялось два часа, для книжки журнала назначалось два дня; можно было просить выдачи по прочтении всеми. Газеты и книжки пришивались к папке, к которой пришивали и список очереди. В получении расписывались; распорядителем чтения был избран Д. И. Завалишин. Он, для скорейшего удовлетворения любопытных, тотчас по получении газет приносил их в общую залу и, пока составлялись списки и производилась пришивка, дозволял всем просматривать газеты. Случалось, что если находили в какой газете что-либо особенное, то отправлялись гурьбою к тому, с кого в тот день начиналось чтение этой газеты.

Большая артель так верно обеспечила материальную жизнь и так хорошо была придумана, что «никто во все время не нуждался ни в чем и не был ни от кого зависим». «Каждый становился на свое место; артель нравственно уравняла тех, которые имели средства, с не имевшими таковых, и не дозволяла первым смотреть на товарищей, как на людей низших. Все это делалось с ведома коменданта и было им одобрено. Артель установила, прежде всего, общий стол; обедать в назначенную столовую не ходили: обедали по отделениям в коридоре; сторож прислуживал и тут же кормился и сам. Женатые, не имея права на общий стол, получали кушанья из квартир жен и гораздо лучше и более разнообразные[113]. Богатые дамы

[113] Процедура снабжения пищею женатых производилась так: в обеденный час повар или кухарка приносили кушанье в караульную, оттуда часовые приносили в коридоры отделений; коридорные сторожа ставили на стол. Приходили жены и обедали вместе; детям не дозволялось; слуг заключенных не допускали. Впоследствии, когда все перемололось, — все и переломалось и изменилось на лучшее и более упрощенное.

могли снабжать отъезжавших товарищей такими дорогими винами, как венгерское и токайское, и притом хорошо выстоявшееся в петербургских погребах богатых и роскошных домов.

Так как при первоначальном начертании постановлений для артели служили теоретические соображения, время же и опыт показывали, до какой степени последние согласовались или не согласовались с возможностью и удобством исполнения, то товарищеская община несколько раз принуждена была изменять и дополнять артельные правила. В основание устава артели положены нижеследующие поводы и причины:

«Опыт нескольких лет убедил нас в необходимости иметь всегда налицо определенную сумму денег, которая могла бы служить как для обеспечения общественных потребностей, так и для удовлетворения потребностей каждого лица. Положительное назначение суммы на наступающий год, во-1-х, доставляет хозяину возможность располагать оною с большею выгодою для артели и сделать годовые и срочные закупки; во-2-х, может некоторым образом отвратить затруднительное положение, в каком артель и каждый участник иногда находились в замедленной присылке денег». Для этой цели составлялась годовая общественная сумма (§ 2) подпискою на взносы (§ 3), жалованьем от казны, суммою от продажи экономической муки; подписка оканчивалась (§ 5) к 1 февраля.

Сумма из 500 руб. (§ 5) принята необходимою на полное годовое содержание (и не было ни одного года, в который бы не доставалась каждому члену артели вся эта сумма сполна). На основании этого правила подписка производилась трояким образом: 1) все участники, получающие 500 р., подписывали их сполна; 2) получающие менее отдавали все присылаемые им деньги; 3) получающие более подписывали непременно 500, а свыше этой суммы по желанию. На практике последнее исполнялось так, что получавшие более 500 р. вносили в 1 ½–2 раза против получаемого из артели: кто 800, а кто и тысячу руб. Женатые ничем не пользовались из артели и, между тем, подписывали значительные ежегодные взносы: Трубецкой от 2 до 3 тыс., Волконский до 2 тыс., Муравьевы от 2 до

3 тыс., Ивашов, Нарышкин и Фонвизин до 1 тыс. При подписке (§ 6) означались вероятнейшие сроки взносов.

Подписная сумма обращалась в действительную следующим образом: 1) Подписавшие 500 руб. и менее вносили деньги немедленно по получении; подписавшие больше вносили, если возможно, в срок, ими назначенный (§ 7). Сложность общественной суммы разделялась на три части: хозяйственную, частную и экономическую. Хозяйственная сумма, предназначавшаяся на продовольствие всех участников артели (§ 8), определялась (§ 9) наибольшим количеством денег, назначаемых на годовое продовольствие одного лица, помноженным на число потребляющих лиц, и обращалась (по § 16) единственно на хозяйственные закупки. Частная сумма, следовавшая на удовлетворение потребностей отдельного лица, составлялась (по § 10) из остающейся от определенной на полное годовое содержание по вычету всей хозяйственной суммы, делилась (по § 17) на равные участки по числу лиц, состоящих в артели, и поступала навсегда в неприкосновенную собственность каждого участника. Экономическая (§ 11) составлялась из 5% общей суммы, немедленно отделяемых по переводе денег из собственности подписчиков в общую сумму. 2) Из избытка действительной суммы, определенной в полное годовое содержание артели; и 3) из экономии хозяйственной суммы. Экономическая делилась на закупную и запасную. Первая (§ 12) определялась из 5% подписной, из половины избытка действительной суммы над определенною на годовое содержание и из половины экономии хозяйственной суммы. Запасная выдавалась заимообразно на хозяйственные обороты и должна была состоять в наличности к 1 февр. каждого года; она образовалась из другой половины избытка действительной суммы над определенною на полное годовое содержание и из другой половины сбережения хозяйственной суммы. Запасная назначалась для выдачи отъезжающим из острога на поселение, а потому всегда была в наличности[114].

[114] Впоследствии §§ 11 и 12 заменены были таким образом:

§ 11. Вели по действительном сборе всей подписной суммы, за вычетом хозяйств, и част, из общественной, будет какой-либо остаток, то оный обращается в остаточную сумму. Сверх того, в состав оной входит все, что, по окончании года, остается от суммы хозяйственной.

Всякая подписная сумма, поступившая в наличность, становилась безвозвратно общественною собственностью (§ 13). По поводу разделения всей общественной суммы, артельный устав говорил: «§ 14. Разделение наличной суммы общества бывает правильным и неправильным. Правильное должно быть соразмерно определенному в смете годовому разделению сумм, а именно на 32 части (по исключении 5% в экономическую сумму), 237 руб. на каждого участника в хозяйственную и 248 в частную (плюс 80 коп. в частную же). Неправильное разделение есть несоразмерное годовому разделению сумм. § 15. Если на удовлетворение хозяйственных потребностей достаточно будет суммы, отчисляемой по правильному разделению, то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то в таком случае оно становится неправильным и производится сообразно с таблицею, составленною на текущий год».

Годовое управление и обороты общественных сумм зависели от двух комиссий: временной, дававшей суммам годовое направление, т. е. утверждавшей смету, составленную хозяином на наступающий хозяйственный год (с 1 марта по 1-е марта), и постоянной комиссии, наз. хозяйственной, которая заведовала распределением и движением сумм на основании сметы, утвержденной временною комиссиею.

Временная комиссия состояла из пяти избранных членов, собиралась обыкновенно перед выборами хозяина и казначея. Она поверяла общественные счетные книги, рассматривала устав и предлагала необходимые в них изменения на общее разрешение, распоряжалась при выборах в общественные должности и передавала хозяйство новоизбранным лицам. Исполнив эти обязанности, эта комиссия расходилась[115].

---

§ 12. Сия сумма считается действительно остаточною, если новая подписка удовлетворительна для полного годового содержания. В противном случае вся она или часть оной обращается на пополнение новой годовой подписки. Если же будет нужна только часть, то все остальное обращается в остаточную сумму. Вновь предложенный §: «для определения выдачи денег из запасной суммы отъезжающим на поселение, собирается временная комиссия» — отвергнут был большинством голосов (в 1832 г.).

[115] На все три года, пока каземат и артель были в полном составе, Д. И. Завалишин выбирался постоянно членом временной комиссии (даже когда был и сам хозяином) и был всегда делопроизводителем.

Хозяйственная комиссия (постоянная) состояла из трех лиц: *хозяина, закупщика и казначея,* не терявших права голоса и во временной комиссии при составлении и утверждении сметы. Она распределяла общественную сумму на хозяйственную и частную, обращала часть этой суммы на гуртовые закупки, разрешала ссуды из запасной суммы; предварительно рассматривала условия и контракты, заключаемые хозяином и закупщиком; ежемесячно поверяла счетные общественные книги (по окончании поверки хозяин и закупщик подписывали счета). Этой же комиссии вменено было в обязанность заботиться о размене звонкой монеты, если она будет прислана на имя кого-либо из участников. Перед истечением хозяйственного года она делала оценку припасам, оставшимся от годового содержания, и причисляла их ценность к экономической сумме. Состав ее из трех членов уравновешивался тем, что хозяин был блюстителем общественных нужд; закупщик — нужд частных, а казначей — посредником между ними.

Хозяин избирался на год; принимал по описи от предместника все, входящее в состав общественного хозяйства; составлял смету на наступающий год и представлял на утверждение временной комиссии. Если цены возрастали и превосходили сметную, он имел право недостаток сумм восполнять соразмерным уменьшением выдачи сахару и чаю, но ни в каком случае не мог выходить из пределов, назначенных сметою. Приступая к закупке чая и сахара, обязан был спросить: не желает ли кто выписывать эти припасы на собственные деньги, или: не желает ли кто, вместо чая и сахара натурою, получить на свою долю деньгами. Выдавал чай и сахар в общественной комнате (подле кухни) в день, им предварительно объявленный[116]. На обязанности хозяина лежал выбор выгодного времени года для продажи экономической муки из казенной дачи. О количестве вырученных денег он письменно извещал казначея. Хозяин вел валовую домашнюю книгу прихода и расхода и тому же казначею сообщал для выписки; вел очередь наблюдающим за чи-

---

[116] Чай и сахар оказались продуктами наиболее дорогими и разорительными для артели. По бюджету 1832 года видно, что пшеничная мука стоила 900 руб., говядина по 4¼ пуда в день — 2335 руб. в год, а один сахар 2850 и чай на 1456 руб. в год же.

стотою на кухне и уведомлял за неделю того, чье дежурство наступало. Все служители при кухне и бане находились в полном его распоряжении. Он обязывался, при найме служителей, объявлять им, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказание, имеющее целью услугу для внезапно заболевшего в ночное время кого-либо из участников артели. Каждый хозяин обязывался представлять временной комиссии к первому заседанию, при открытии ее, подробный отчет обо всех бывших закупках: в какое время, в каком количестве, какие товары, по каким ценам и на какие деньги, займом ли добытые или иным образом; были ли закупки выгодны или невыгодны и по каким причинам. У него хранился подлинный устав артели (две копии выдавались в частные руки). В случае кратковременной болезни хозяина его должность исправлял казначей. В случае продолжительной болезни того или другого приступали к новым выборам.

Закупщик имел дозволение несколько раз в неделю выходить из каземата для покупки всего нужного для частных лиц и имел на посылки в своем распоряжении сторожа. Он обязывался предварительно спросить у каждого об его надобностях и справиться с книгами о наличности частной суммы (этот § впоследствии уничтожили). Никто не имел права требовать от него покупки товаров в долг. Артельный устав возлагал на него следующие обязанности: «§ 38. Вести книгу всем закупкам; показывать и раздавать вещи в общественной зале, в известный день и час, им самим назначенный, единожды на целый год. § 39. Покупающий обязан был выдавать ему уплатные записки. Вести очередь всем выходящим на работу. § 40. Если дежурный офицер объявит ему, что не все вышли — он представляет ему список очереди находящихся на работе. Если потребуется большее число рабочих, он отсчитывает из следующей очереди требуемое число лиц по порядку списка и повещает их о том. На другой день очередь начинается уже с первого, оставшегося в этой очереди». Как скоро какая-нибудь очередь дошла до места работы, она на следующий день не выходит, по какой бы причине ее ни воротили (новый § устава 1831 г., единогласно утвержденный 8 мая 1832 г.). Закупщик (по § 41) обязан был иметь в своей конторе стол для отправления дел и хранения товаров и

ящик под замком для записок о покупке товаров. При кратковременной болезни его (§ 42) исправляет должность хозяин; в случае продолжительной — новые выборы.

Казначей начинал отправление должности собиранием подписки на наступающий год и представлял ее временной комиссии на рассмотрение для утверждения по ней сметы. Он переводил подписанные деньги из собственности лиц в общественную сумму, немедленно по присылке, получив предварительно согласие подписавшихся на сумму свыше 500 р. и менее; впрочем, во всяком случае, он извещал о том подписчика. По разделении наличной частной суммы на участки, казначей каждое 25-е число объявлял каждому лицу о сумме, причитающейся на его месячную долю, означая ее на черной доске в общественной зале. Никто, кроме казначея, не имел права выписывать из общественных сумм, и только по этим суммам он входил в сношение с горным начальством. Он делал выписки из всех сумм, входящих и не входящих в состав общественной суммы (т. е. хозяйств., участк., эконом, и личной). Выписку по частным издержкам он производил три раза в неделю: из хозяйственной — по запискам закупщика и частных лиц, обязанных доставлять ему эти записки, по крайней мере, за два часа до выписки. Так как никто в каземате денег не мог иметь у себя на руках, и все частные расходы производились через казначея, то три раза в неделю приходил писарь горного ведомства с особою книгою. В ней, со слов казначея, он записывал, кому и что следовало заплатить, и обозначал, из чьих денег, подписанных в артель, следовало произвести уплату. Если кто желал не расходовать своего участка, но оставлял его временно в общественной частной сумме, то казначей обязан был требовать от того лица означения положительного срока, когда он хочет получить свой участок в общественное распоряжение (а ранее казначей не мог ему выдавать участка). Для отвращения застоя в одной сумме и задержки выдачи из другой, казначей мог переводить из кредита одного счета в дебет другого, с тем, однако же, чтобы сумма, поступающая в дебет, была совершенно обеспечена подпискою; но он не мог переводить денег из одного участка в другой без письменного согласия самого участника. Казначей не обязывался входить в личные сделки и записывать, кто кому должен. Хозяин снабжали его переплетенными

счетными книгами; казначей обязывался вести их по двойной бухгалтерии, соответственно установленной форме: под № 1 — книги общественной подписки, № 2 — книги общественного прихода и расхода, № 3 — книги хозяйственной, № 4 — частной (составленной из тетрадей по числу участников под № и при алфавитном списке имен) и № 5 — книги кассового журнала. Он обязывался иметь 6-у и 7-ю книги, когда образовалась запасная и закупная сумма. Каждую субботу счетные книги (за исключением № 4 алфавитной) выкладывались, на время от 3 до 6 часов пополудни, в общественной зале для желающих сделать справки[117]. Книгу под № 4 казначей обязан был давать для справок каждую неделю два раза в те дни и часы, которые он сам назначит однажды на целый год. Показывать, впрочем, обязан был только те тетради из прихода и расхода, которые принадлежат лицам, желающим справляться. В конторе у него был стол для хранения артельных книг и ящик под замком для уплатных записок.

Огородник избирался, по установленному порядку, хозяйственною комиссиею. На обязанности его, по уставу, лежало составление смет огородных издержек. По утверждении ее хозяйственною комиссиею он получал назначенную ему сумму. При посеве соглашался с хозяином, каких и сколько овощей требовалось на общественное продовольствие. Пока овощи были на грядах, огородник располагал ими независимо от хозяина, но уведомлял за несколько дней до снятия с гряд, сколько и каких овощей можно было собрать для общественного стола. В Петровском каземате на артельном огороде никогда не было обильного урожая; редкий год даже картофель не побивало морозом. Впрочем, все овощи доставлялись в обилии окрестными крестьянами. Впоследствии опыт убедил в том, что овощи в заводе покупать было выгоднее, чем по деревням, где крестьяне прижимали. На беду, в завод не привозили в достаточном количестве, и к тому же в богатый каземат ничто почти дешевое не доходило, разве совершенно случайно. Поэтому ар-

[117] Зала состояла под наблюдением хозяина и разделялась на 2 части: в меньшей была устроена контора хозяйственной комиссии, большая оставалась для общественных нужд: богослужения, баллотировки, для учебных классов и проч.

тель всегда находилась в необходимости закупать часть овощей по деревням и дороже заводского[118].

Оносительно всех других закупок Петровский завод оказался несостоятельным. Общих правил старые хозяева в руководство новым извлекать не могли. Цены подвержены были случайностям; выгоднее были закупы вне завода, но и там с каждым годом становились труднее как по причине переторжки, так и образа уплаты. В начале хозяйства потребность сумм была очень велика, необходимо было сделать займы. На них должна была производиться большая часть закупов, а так как взнос был довольно медленный, то и впоследствии, в течение опытного года, должны были производить займы. Вследствие того, в Петровском заводе общественный сбор очень увеличили — все, что прежде тратилось на частные вспоможения, в Петровске подписывалось в артель[119]. Определив то, что

---

[118] Сверх сметного расхода, предназначаемого в артель, временами собиралась с каждого подписка на единовременные добровольные взносы, например, на памятник Пестову, на вспоможение ссыльным полякам, на помощь исключенному из артели и общества товарищу. В общество, сверх декабристов, приняты были присланные из Оренбурга за составление там тайного общества Ипполит Завалишин, Дружинин, Колесников и Таптынов. В Петровском заводе Завалишин был принят в артель. Там же приселили к ним слепого старика Сосиновича, из поляков, и какого-то разжалованного майора Кучевского. Их не спросили, кто они, и приняли в артель на общем положении. Они пользовались выгодами этого учреждения, выгодами вещественными, но не были действительными членами, то есть не пользовались никакими правами членов артели. Сосиновичу отчасти помогал Лепарский (Сосинович один из всех эмиссаров, судившихся в Гродно по делу Воловича, был приговорен на каторгу).

[119] Сверх сметного расхода, предназначаемого в артель, временами собиралась с каждого подписка на единовременные добровольные взносы, например, на памятник Пестову, на вспоможение ссыльным полякам, на помощь исключенному из артели и общества товарищу. В общество, сверх декабристов, приняты были присланные из Оренбурга за составление там тайного общества Ипполит Завалишин, Дружинин, Колесников и Таптынов. В Петровском заводе Завалишин был принят в артель. Там же приселили к ним слепого старика Сосиновича, из поляков, и какого-то разжалованного майора Кучевского. Их не спросили, кто они, и приняли в артель на общем положении. Они пользовались выгодами этого учрежде-

приходилось каждый месяц на каждого человека, за общим расходом на чай, сахар и обед, определившаяся сумма, предоставленная в распоряжение участников, прекратила зависимость одних лиц от других. «Чтобы каждый из участников имел более денег в своем распоряжении, обед очень ограничился: на месяц выдавалось на каждого человека по ⅓ ф. чая и по 2 ф. сахару и по две, не более, пшеничных булки на день. Обед состоял из тарелки щей и очень небольшого куска жареной говядины. Сколько-нибудь того и другого необходимо было уделять для сторожа, который питался от наших крох. Ужин был еще скуднее обеда и случалось очень часто вставать от трапезы полуголодным. Некоторые за стол, чай и обед получали деньги из артели и сами пеклись о своем продовольствии». Весь этот порядок существовал все время, недовольных было меньшинство. Большинство же, стараясь делать уступки и измышляя различные исправления и дополнения в уставе, довело артель до конца и воспользовалось всеми выгодами ее, жертвуя частностями общему.

Общие правила артели состояли в нижеследующем: артель управлялась по правилам, составленным временною комиссиею и утвержденным положительным большинством голосов, но никакие предложения, хотя бы и принятые большинством голосов, если были сделаны не через посредство временной комиссии, не имели обязательной силы для лиц несогласных. Все участники имели равные права на общественную сумму. Все общественные заведения учреждались и поддерживались общественными суммами; хозяину возбранялась всякого рода подписка на общественные издержки. Всякий почитался обязанным нести общественные должности, за исключением тех лиц, которые не пользовались выгодами, доставляемыми артели отправлением этих должностей. Несшие однажды общественную должность по выбору имели право отказываться от подобной должности в течение трех лет. Немедленно по открытии временной комиссии все лица, занимавшие в течение последних

ния, выгодами вещественными, но не были действительными членами, то есть не пользовались никакими правами членов артели. Сосиновичу отчасти помогал Лепарский (Сосинович один из всех эмиссаров, судившихся в Гродно по делу Воловича, был приговорен на каторгу).

трех лет и занимавшие какие-либо должности в истекшем хозяйственном году, если не желали вновь подвергнуться избирательству, извещали о том временную комиссию письменными объяснениями; в противном случае их молчание принималось за согласие снова принять какую-либо из должностей, и тогда всякий был вправе подавать им свой голос, а они не могли уже отказываться от избрания[120]. Каждому из отъезжающих артель обязывалась выплатить все, что, за исключением употребленных на него издержек, останется от полного годового содержания. Когда запасная сумма сделалась действительною, выдача отъезжающим назначалась по единогласному определению хозяйственной комиссии; на случай внезапного отъезда кого-либо из участников она уполномочена была выдавать из запасной суммы до 300 руб.[121]. Плата за стирку белья, по причине разности в количестве, выделялась из хозяйственной суммы и возлагалась на каждого участника.

Всякому предоставлялось право делать замечания на устав артели и на исполнение общественных обязанностей; эти мнения хранила хозяйственная комиссия до передачи во временную; если же число замечаний по одному и тому же предмету возрастало до ⅓ всех участников, то немедленно собиралась временная комиссия. Предложения свои комиссии все обязаны были писать и выражать так, чтобы можно было отвечать словами «да» или «нет». Замечания и оговорки членов писались на особом листе. Если предложение состояло из нескольких пунктов, то каждый пункт писался отдельно[122].

Выборы извещались записками с вопросом: кто будет подавать голос на предстоящее избрание временной комиссии[123]. Затем чис-

---

[120] Этот § был приобщен к уставу впоследствии, в 1835 году.

[121] Впоследствии из большой артели выделилась малая, предназначенная исключительно для пособия отъезжающим на поселение.

[122] Впоследствии временной комиссии предоставлено было право предлагать на общее утверждение только те предложения, которые найдет полезными, а бесполезные оставлять без представления к общему сведению. Это представление, вызвавшее безусловное и общее согласие, внесено было в устав новым параграфом.

[123] Избирательные листы посылались по номерам казематов с надписью наверху просьбы: «передавать дальше безотлагательно».

ло избирателей делилось на 5 отделов по порядку номеров и остаток, если случался, причисляли к последнему отделу. Хозяин, закупщик и казначей, каждый порознь, ходили по отделениям с особенным пакетом для каждого с числом билетов по числу избирателей. Последние под своими именами писали имя лица избираемого и вкладывали билетики эти в пакет своего отдела. Члены хозяйственной комиссии рассматривали билеты: получивший положительное большинство в своем отделе (в четном числе избирателей половину этого числа плюс один голос) объявляется членом временной комиссии. После третьего неопределенного выбора члены какого-либо отдела выбирали уже между кандидатами других отделов. Если ни один из них не получил положительного большинства в этом отделе, тогда предлагали им на выбор двух кандидатов, имевших большее число голосов. Если же и в этом случае голоса делились поровну, то выборы решал уже жребий. На следующий день члены временной комиссии поверяли свои полномочия в общественной зале и распоряжались при выборе и баллотировке хозяина и казначея (хозяйственная распоряжалась выбором и баллотировкою закупщика и огородника, если выборы этих последних не совпадут с выборами последних). Когда все выбирались в одно время, тогда соблюдалась очередь: сначала выбирали хозяина, потом казначея, далее закупщика и, наконец, огородника. Комиссии за два дня извещали всех, в какую должность предстоят выборы; собирали голоса: подача голоса означала согласие с большинством. Если никто не имел положительного большинства, то два лица, соединившие большее сравнительно число голосов, становились кандидатами и баллотировались. Если по причине равенства голосов два кандидата не будут определены, то баллотировка решала между имеющими равенство. Накануне ее комиссия объявляла имена кандидатов и порядок избрания. Все, подавшие голоса при избрании, обязывались находиться и при баллотировке; кто не приходил, тот располагал своими шарами письменно через одного из членов комиссии. Баллотировались только те, которых избирали. В зале, в день баллотировки, один из членов комиссии раздавал шары, выдавая каждому на каждого избираемого порознь белый и черный; получивший шары подходил к двум ящикам, другой член комиссии, стоявший при них, объяв-

лял, который сосуд для кого назначен. Когда все шары были положены, комиссия считала число белых и черных каждого кандидата. Получивший положительное большинство голосов в отношении к числу баллотирующих и сравнительное относительно к другому кандидату объявлялся избранным. Если оба имели положительное большинство, но равное между собою, то баллотировались снова. По третьей неопределенной баллотировке решал жребий. Если оба не получали большинства белых шаров, то избиратели приступали к новым выборам.

Заботливо хлопоча об увеличении ручных участков[124], артель усиленно стремилась к возрастанию запасного капитала, понуждаемая теми страхами, которые рисовались в самом непривлекательном виде для всех, выходивших на поселение и не имевших собственных средств. С этою целью прибегали ко всевозможным сокращениям в бюджете расходов: когда количество хлеба и квасу превысило личную потребность, определили ограниченную выдачу 1¼ фун. на день на человека; квас определили двумя бутылками на день. Ограничение выдачи хлеба вызвано было не достатками, а для учета, потому что начали злоупотреблять требованием и расходом хлеба. Так, державшие особливую лично для себя прислугу стали кормить ее из общей артели; Модзалевский, занимавшийся и получавший за то деньги, кормил двух портных-солдат из общей артели. «Артель тем и выгодна, — писал Н. А. Бестужев на особом листе, долженствовавшем выразить его голос при собирании мнений, — что излишество потребления одного человека вознаграждается меньшею потребностью другого; следовательно, если поставить вес (хлеба) на каждого и каждому отпускать по положению, то выйдет, что все лишаются выгод, доставляемых артелью, потому что лишнее количество надобно будет покупать, тогда как у других избыток будет пропадать без пользы. Уверен, что средним числом хлеба, вообще, не выйдет по 1¼ ф. на человека, но уверен также, что раздача каждому по такому участку большей половины будет оного не достаточно, и думаю, что внимание хозяина при надлежащем присмотре лучше определит потребность каждого, не стесняя всей артели этою общею мерою». Мнение это подано на

[124] Суммы, приходящиеся на долю каждого из «частной суммы».

нижеследующий запрос временной комиссии: «Количество расходуемаго хлеба и кваса превышает личную потребность артели и, с другой стороны, разделение расхода на сии предметы не в точной мере соответствует потреблению каждого лица и как сверх того не малая часть хлеба и квасу расходится на прислугу, не равно распределенную на лица, хотя и равно платящие», то и предлагает временная комиссия на общее разрешение: «1) постановить ли определенную выдачу хлеба по 1¼ ф. на день на человека, на каждого из нас, предоставляя желающим иметь большее сего количество получить оное за деньги (как, напр., получали прежде излишнюю, а ныне одну булку) и перенести вследствие сего содержание прислуги на счет тех, коим находящиеся в личном услужении люди будут служить, и 2) определить выдачу квасу по 2 бутылки на человека в день или оставить то и другое по прежнему положению?» Желавший получать большее количество обязан был платить деньги. Содержание прислуги перенесли на счет тех, которые ее держат, оставили заботу только о пище солдат, так как их услуга была общая, а не частная.

Исключили из хозяйственного бюджета жалованье брадобрею, потом расходы на мыло для бани[125]. Отменены булки и жареное на некоторое время и успокоили себя тою лишь заботою, чтобы умеренность пищи вознаграждалась качеством и опрятностью приготовления, чтобы хлебы пеклись лучше, супы были чище, а квас не так дурен. Для поощрения служащих на кухне и для чистоты самой кухни нашли выход в том, что выдавали сверхсметные деньги, по желанию, в распоряжение хозяина. Убавили одного служителя при бане, распределив жалованье сообразно труду каждого: иным надбавили, другим уменьшили, но, во всяком случае, достигли той цели, что в отношении расходуемых денег произошло значительное уменьшение.[126] Подобные сокращения были неизбежны в виду

[125] Баня топилась еженедельно в субботу, по постам — в пятницу. Кто желал заказывать для себя в другой день недели, тот платил в артель; если заказчиков было менее 5-ти — один рубль, пять и более — ½ руб.

[126] На жалованье служителям петровская артель тратила ежегодно 774 р.; на содержание бани 15 руб., на содержание кухни 100 р., на соль 100 р., на мясо 630 р., на бумагу для книг и счетов 30 р., на овощи 400 р., на

того, что с отъездом третьей категории число людей и средства значительно сократились; кроме того, и снабжение отъезжающих потребовало излишних расходов.

Когда некоторые отделились от общего стола и вместо кушанья стали получать деньгами, они уже не могли требовать артельного кушанья в течение года и могли заставлять людей, нанятых для общей кухни, работать, не иначе как по добровольному согласию. Хозяева не обязывались снабжать артельными припасами тех, которые не пользовались общим столом, хотя считали своим долгом стараться по возможности их удовлетворять. Временная комиссия разрешила таковым выдачу артельной муки на дрожжи для булок. Для улучшения общественного стола и соблюдения экономии некоторые предлагали личные услуги (как Тютчев), состоявшие в том, что вызвавшиеся сами занимались приготовлением кушаний. Впоследствии, для улучшения пищи, прибавили к отпускаемым 2 пуд. 20 ф. мяса еще 8 ф., и постановили, чтобы хозяин непременно избегал экономии удержанием из положенного количества припасов, а старался бы достигнуть цели посредством дешевых закупок. Когда артельные свиньи оказались невыгодными для хозяйства — их уничтожили. Сахар стали покупать в Иркутске и на верхнеудинской ярмарке, а не в заводе, чай стали брать из первых рук и у богатых купцов; соль запасали гуртовым приобретением и проч.[127].

праздники 150 р., на огород 210 р., на крупу 100 р., молочные скопы 75 р. и проч.

[127] Самыми деятельными хозяевами были Д. И. Завалишин и В. А. Бесчаснов. Некоторые решительно отказывались на новые выборы. Бывали случаи отказов и от артели, но по просьбам товарищей оставались, доказывая доброе расположение к обществу. Должность хозяина сопряжена была с большими затруднениями: каждому желалось угодить товарищам, соблюсти общие интересы и удовлетворить, вместе с тем, и частным. Немало затрудняло измышление кушаний для разнообразия, разделение стола в постные дни и, в особенности, выгодный закуп, чего не могли они достигнуть, подняв петровские цены своим крупным запросом. Так, между прочим, коровье масло принуждены были выписывать из Читы: тамошнее оказалось лучше и с провозом дешевле петровского.

Чтобы окончательно утвердиться на мысли посредством собранного капитала предупредить и даже обеспечить нужды тех членов общины, которые будут вывезены из тюрьмы, составилась новая артель, *маленькая*. Она, не вредя главной цели, стремилась также к достижению членами выгод, какие только можно извлечь из подобного учреждения. В нее мог поступить всякий, желавший внести 25 р., принятых за минимум и вносимых в 11 месяцев по 2 р. Третья, *журнальная* артель выписывала журналы и газеты, общим числом до 22-х, и давала их за небольшую плату для чтения (1 р.50 к. в месяц). В ней участвовали лица, не состоявшие ни в большой, ни в малой артелях, как, например, Анненков, Давыдов и др. Маленькая давала займы. Займы наличными деньгами отдавались таковыми же; в противном случае платился лишний 1%. При займе принадлежащих к артели лиц полагался 1% со ста в месяц, а с непринадлежащих — 2%[128]. Капиталом и оборотами заведовал

---

[128] При выдаче занимаемой суммы за первый же месяц вносились проценты наличными или купоном на большую артель; за следующие же месяцы всегда к 1 числу каждого месяца: эти проценты платились всегда за целый месяц, несмотря на меньший срок займа. За желание променять выписные на всякого рода наличные платился 1%, т. е. деньгами или продуктами. В обеспечение представлялся или купон или свидетельство поручителя. За положительную ценность купона принимались ⅔ годового ручного участка, объявляемого большою артелью. Месячный купон был вообще 1/12 часть объявляемого годового и, подобно ему, ценился также в ⅔. Лица, не состоящие в большой артели, имели право на заем только ¼ части ежегодно получаемой ими суммы и представляли в обеспечение расписку, дающую право казначею большой артели вычесть по ней сполна из первых получаемых ими по займу денег. Если кто из членов постоянной (хозяйств.) комиссии большой артели желал сделать заем для оборотов касательно вверенной ему должности, то представлял в поручительство подпись всех трех членов своей комиссии. Те, которые занимали сумму, превышающую сумму, обеспеченную купонами, равно и лица, не состоящие в большой артели, в случае просрочки, платили: за 1 месяц один добавочный процент, за 2-й — два и т. д., до окончательной уплаты занятой ими суммы. Раз случилось так, что потребовалось удовлетворить отъезжающих, между тем за некоторыми членами оставались невнесенные подписные деньги, — поступили таким образом: так как деньги (652 р.) не могут быть скоро внесены, а с другой стороны, получены сверх подписки,

казначей, избиравшийся положительным большинством голосов на целый год. Он заботился, чтобы капитал артели, за исключением сохранной суммы, находился в беспрестанном обороте, и превращал капитал в наличные деньги. Так как артельный год для бюджета начинался вместе с большой артелью, т. е. 1-го марта, то казначей обязывался представлять списки о выборах трех членов в комиссию; сам в ней не заседал. Вносивший ежегодно 25 руб. считался действительным членом с правом на равную долю со всеми. Единовременные вклады вещами и деньгами, считаясь чистыми

не входившие также в расчет 299 р., то, за вычетом их, остающиеся 253 руб., недостающие до полной подписки, должны быть разложены на всех получающих купоны. 5 р. 6 к., причитающиеся на одного, должны быть вычтены из следующих каждому из отъезжающих добавочных денег. Сверх того, от них следует вычесть и жалованье за месяц, входившее в расчет при бюджете (в 1833 году).

Сохранилась следующая таблица, показывающая степень обеспечения:

Месяц	*Год обесп.*		*Мес. обесп.*				*Макс. займа*			
Апрель ………..	177	Руб.	14	Руб.	50	коп.	29	Руб.	—	коп.
Май ……………	162	-"-	14	-"-	50	-"-	29	-"-	—	-"-
Июнь …………	132	-"-	14	-"-	50	-"-	29	-"-	—	-"-
Июль …………	118	-"-	14	-"-	50	-"-	58	-"-	—	-"-
Август …………	107	-"-	14	-"-	50	-"-	58		—	-"-
Сентябрь ……..	88	-"-	14	-"-	50	-"-	58	-"-	—	-"-
Октябрь ………	64	-"-	14	-"-	50	-"-	58	-"-	—	-"-
Ноябрь ………..	59	-"-	14	-"-	50	-"-	58	-"-	—	-"-
Декабрь ……….	44	-"-	14	-"-	50	-"-	43	-"-	50	-"-
Январь …………	80	-"-	14	-"-	50	-"-	29	-"-	—	-"-
Февраль ……….	15	-"-	14	-"-	50	-"-	14	-"-	50	-"-

Март — смотря по присылке в большую артель денег и по соображениям ценности купона, который был объявляем. Сверх означенных обеспечений, каждый член общества мог представить на этот предмет 25 р., т. е. минимум своего вклада.

приношениями в пользу артели, не давали своему вкладчику права участья в разделе капитала. Желавший выйти получал на руки 25 руб., т. е. минимум ежегодного вклада; остальные же деньги, причитавшиеся по раскладке, пребывали его собственностью, оставаясь, между тем, в капитале артели. Остаток с процентным приращением единственно из собственного его оборота не иначе выдавался в руки владельца, как по отъезде его из тюрьмы. Отъезжавший мог отказаться от своего участка только в пользу общественного капитала, а не лица. Такая сумма умножала капитал последующего года и отнюдь не служила приращением уже объявленного участка лиц. Пожертвованные вещи казначей оценивал с двумя членами по очередному списку; затем оповещал о продаже, и если не находилось покупщиков, он продавал кому бы то ни было, но не дешевле оценки. Всякий, вверявший артели для ее оборотов деньги, получал за то ежемесячно 1% на сто и в том случае, когда вверенная сумма действительно находилась в обороте (могли удостовериться в том из казначейских книг). Вкладчик наперед должен был объявлять срок; если понадобились ему деньги ранее, в таком случае он обязывался предупредить казначея за месяц. На первый год по учреждении артель отвечала не более 800 рублей и свыше этой суммы в оборот ничего не принимала.

Маленькая артель получила свое начало в 1832 г., когда уже некоторые разряды ссыльных уехали на поселение. В Чите, в апреле 1828 г., истек срок последнему, седьмому разряду (осужденным на два года каторги коронация сбавила срок на год). 11 человек оставили тюрьму и отправились на поселение единственно при содействии читинских дам, снабдивших их бельем, платьем, книгами и деньгами. Летом 1831 года в Петровском заводе семья заключенных снова испытала потерю товарищей, вышедших на поселение из 5-го разряда. Этим помогала еще большая артель; маленькая вышла ей на помощь уже в то время, когда приблизились сроки в 1833 г. четвертому разряду, в 1836 г. второму и в 1839 году первому разряду. С первого марта 1833 г. до 1834 г. сметный расчет артели составлялся уже на 38 порций. Обе артели обоюдными силами и средствами в состоянии были уделять на временное пособие отъезжающим по 600 до 800 рублей ассигнациями на каждого. Библиотека неимоверно увеличилась: для научного и серьезного

образования она начала давать большой простор, ученый отдел ее был богат[129]. Кроме того, впоследствии могли положить пособие и тем из прислуги, которые все время не оставляли своими услугами заключенных[130]. В 1836 году обе артели прекратили свое существование, когда Петровский каземат значительно опустел и в нем остались доживать по большей части люди достаточные. В 1840 г. Петровский каземат был уже совершенно свободен от тех жильцов, ради которых совершено было его сооружение. После отправления в 1839 году первой категории декабристов оставались некоторое время в работе, хотя уже и не заключенными в каземате, черниговцы Соловьев и Масальский да из оренбургских Ипполит Завалишин. Все остальные были уже на местах поселения. В Петровском заводе оставался доживать свой век сначала в звании ссыльного поселенца, потом потомственного дворянина — только Горбачевский, скончавшийся там в 1889 году в должности мирового посредника.

Одновременно с первыми восемью посланными в нерчинские рудники и следом за ними отправлены были на поселение все те 14 человек восьмой категории, которым приговор верховного уголовного суда присудил этот род наказания[131].

---

[129] Для чтения газет существовал порядок и очередь; установлена строгость и правильность: для чтения газет предоставлялось два часа, для чтения журнала 2 и 3 дня. Сторожа беспрестанно разносили из номера в номер газетные листки, на которых каждый отмечал время получения и отправки.

[130] Так, между прочим, для банщика скопилось в артели 480 руб. Когда распустили казематы, он получил эти деньги на руки; мог бы жить безбедно; баня подарена была ему также в собственность и казематский бык, возивший воду. Ссыльный не выдержал, бежал, на дороге его обокрали товарищи; тогда он явился с повинною.

[131] Увезенные вперед поселенцы имели возможность при свидании с последующими объяснить им отчасти то, что их впереди ожидает, и помогать им различными услугами. В Верхнеудинске встречал их Ал. Ник. Муравьев с женою и свояченицею; в Иркутске, в бане, успел свидеться с братьями А. А. Бестужев-Марлинский, увозимый в Якутск на поселение и переведенный в 1829 году на Кавказ в солдаты, с правом выслуги, где он и погиб. Перед Иркутском встречал Влад. Феодосеев. Раевский, принадлежавший к Южному обществу, но раньше товарищей своих сосланный из дивизии Мих. Орлова (2 армии), где В. Е. заведовал школою взаимного обучения, заведенною впервые в России по инициативе М. Орлова. Раевский слишком решительно

Их увозили по четверо, но поселяли поодиночке в самых северных сибирских местностях, на пространстве между Обдорском и Средне-Колымском. Когда они пробыли здесь год — их перевели южнее на пространстве по линии между Якутском и Березовом. Первое время они были совершенно одни, «их не согревали ни солнечные лучи, ни присутствие друзей».

Бестужеву-Марлинскому удалось отвести душу при встрече в Якутске с доктором Эрдманом, приезжавшим наблюдать силу земного магнетизма. Впрочем, одиночное житье в Якутске не прошло для этого талантливого человека бесследно. Он изучал языки, между прочим латинский, для чего Н. И. Греч высылал ему классиков; изучал край, нравы жителей; от скуки писал стихи. В полном собрании его сочинений 1832 года видны результаты его наблюдений во время житья в Якутске, в статьях «Отрывки из рассказов о Сибири» и «Сибирские нравы Исых». Якутские стихи А. А. Бестужева также были напечатаны, но уже после его смерти. Отсутствие товарищеской семьи и дружеской поддержки, которые так благотворно подействовали на заключенных вместе, для многих из этих одиночек выразилось самыми несчастными крайностями: одни предались отчаянию, ускорившему смерть (Шахирев, Фохт и Фурман в Сургуте), другие сошли с ума (Шаховской в Енисейске и Н. С. Бобрищев-Пушкин в Туруханске, Варницкий и Янтальцев в Ялуторовске[132]). М. А. Назимова увезли в Средне-Колымск на собаках при 30° морозе. Казаки, получив предписание держать его под строгим караулом и в то же время беречь его здоровье, не знали, что с ним делать. Они заперли его в одну из юрт и отправили гонца в Якутск с донесением, что «секретный» заболел и им нечем его кормить, а вяленую рыбу он не ест. Через несколько времени вышло разрешение перевести Назимова в небольшую деревушку на Лене, где стало лучше, но больной долгое время страдал жестоким ревматизмом обеих конечностей, от которого впоследствии едва мог избавиться. Чижов также был переведен из Гижиги в другое место. Освободившиеся в апреле 1828 года из Читы 11 человек седьмой

действовал и попал под суд и на поселение в Олонки.

[132] В Петровском заводе из 50-ти сошло с ума двое: Андреевич и Андрей Борисов; на поселении из 14-ти — пять.

категории также вывезены были в северные города: Чернышев один отправился в Якутск, Кривцов и Загорецкий вдвоем — на Лену, Ив. Абрамов и Лисовский — в Туруханск, Выгодовский — в Нарым, Тизенгаузен — в Сургут, Черкасов — в Березов, фон Бриген — в Пелым и Лихарев — в Киндинск (оба последние потом переведены были в Курган). Толстой из Читы был отправлен прямо на Кавказ солдатом к товарищам, присужденным к этому наказанию приговором суда из последних четырех категорий (8, 9,10 и 11-й). Из этих категорий некоторые поступили в крепостные работы и по Сибири. Их отправляли после приговоренных на поселение. Из поселенцев седьмой категории некоторым разрешено было впоследствии вступить в службу солдатами на Кавказ; других перевели поюжнее, Тизенгаузена и А. Е. Янтальцева в Ялуторовск и т. д.; при отправлении на поселение читинские дамы успели облегчить им своими пособиями дорогу и первое время поселенческого житья[133].

Летом 1831 года из Петровского завода выехали на поселение двое из пятого разряда: Михаил Карлович Кюхельбекер в Баргузин и Н. И. Репин в деревушку Манзурку (на Лене)[134]. Ленивый Кюхельбекер, весь преданный товарищам во время житья в казематах, на поселении принялся трудиться для своего пропитания. В первые

---

[133] Перед отправлением 7-го разряда прибыли в Читу Игелыптром, Вегелин и Рукевич, от Тобольска шедшие пешком в цепях с этапными партиями. Пешком же шли, как сказано, Соловьев, Сухинов, Модзалевский, Быстрицкий.

[134] Один из 6-го разряда, А. Н. Муравьев, присужденный на 7 лет каторги, сослан на житье в Иркутск, потом перемещен был в Верхнеудинск, потом снова в Иркутск на службу полицеймейстером; затем в Тобольск губернатором. Впоследствии был военным губернатором в Нижнем Новгороде; скончался в 1863 году в Москве уже в звании сенатора. Шестой разряд составлял еще другой ссыльный Люблинский, присужденный к каторге тоже на пять лет, но не прощенный. Двух из 7-го разряда, вместо двухлетней каторги, сослали в крепостные работы на 2 года (полковника Бестреля и поручика Булгари, последнего по молодости лет). Из 8-го разряда лейтенант Бодиско, вместо поселения, записан был в матросы; из 5-го брат его, мичман Бодиско, вместо 8 лет каторги сослан в крепостные работы. Из 1-го разряда Тургенев скрылся за границу; за границу спаслись Яков Толстой и Чаадаев; Булатов и Поливанов сошли с ума еще в Петровской крепости, Пассек умер еще в 1825 году.

годы он собственными руками расчистил и распахал несколько десятин и засеял хлебом. Но такая деятельность не спасла его от искушений. Сблизившись с одною баргузинскою мещанкою, он сперва крестил у нее ребенка, а потом на ней женился. Крестник его умер, но обыск включен был в метрику, из-за чего, по доносу дьячка, Синод признал брак незаконным; Кюхельбекер, разлученный с женою, переведен был в Смоленскую волость под Иркутском (за 500 верст от Баргузина). Тут он написал отчаянное письмо к сестре с жалобами на жестокость. Это письмо возвратило его в Баргузин, но его обязали не жить с женою, а жить с дочерьми, от нее прижитыми, которых было семь. Репин недолго жил на поселении. Когда везли Андреева на Кавказ в солдаты, он заехал к своему другу и остановился на ночь в его помещении, занимаемом им в доме одной крестьянки (в Манзурке за 200 верст от Иркутска). Беседа была праздником, свидание длилось далеко за полночь. Служанка, разбуженная запахом дыма, осмотрела избу хозяйки и, не найдя ничего, вместе с нею отправилась в помещение Репина через сени, постоянно наполнявшиеся дымом. Стучали в дверь, колотили в окна, и когда вошли в комнату, увидели уже два обгорелых трупа. Несчастных похоронили на погосте. Сам гражд. губернатор Цейдлер приезжал произвести следствие, но ничего определенного не нашел; виновных разыскивали народные слухи. Следствие находило причину пожара и в незагашенной свечке, и в невыколоченной трубке с табаком, но народные слухи уверяли, что поджог товарищей сделан слугою Репина — поселенцем, надеявшимся поживиться деньгами обоих. Поселенец этот к тому же успел убежать, как уверяет предание.

Из освободившихся от тюремного заточения в 1834 году четвертого разряда ссыльных Розен, Нарышкин и Лорер отправились в Западную Сибирь, в Курган, остальные 11 — по деревням Восточной Сибири (Глебов в с. Кабанское и проч.). Тогда уже было позволено селиться по двое. Впоследствии перевели в Красноярск и Павла Бобрищева-Пушкина для соединения его с сумасшедшим братом (помешательство религиозомания и приапизм). В этом разряде Александру Муравьеву дозволено пробыть на каторжной работе весь срок, назначенный его брату Никите Михайловичу. Волконского из 1-го разряда, в уважение просьбы статс-дамы

кн. Волконской (его сестры и супруги министра), государь приказать соизволил послать на поселение. Волконский просил, как милости, позволения остаться в Петровске, где слабая здоровьем жена и дети могли иметь врачебную помощь (от Вольфа), тогда как в Баргузине, куда он был назначен, не было ни аптеки, ни доктора и никаких удобств для жизни. Отъезжавших товарищей остающиеся снабжали, помимо артелей, всем своим наличным от трудов и сбережений. Жене Розена Ал. Гр. Муравьева подарила складной дорожный стул, предложила тысячу разных предметов и, между прочим, корову для ребенка во время переезда на судне через Байкал. Оболенский сшил искусно пальто ребенку; Конст. Петр. Торсон устроил ребенку парусинную койку; Ник. Алек. Бестужев — винты и ремни с пряжками, которыми прикрепил койку, назначенную для жены во время переезда, к верхней части коляски. Насколько они умели внушить к себе уважение, может коротко и ясно доказать то обстоятельство, что за одним из уезжавших в Верхнеудинске бежал, стараясь догнать, Вязгунов, георгиевский кавалер, бывший в Чите и Петровске караульным и теперь умолявший взять с собою хотя на край света. Остановился он лишь на том, что самому уезжавшему место назначения было неизвестно. Подобный случай не последний.

При отправлении 18-ти человек в 1836 году в июне места для поселения не были известны. Отправлявшиеся сбились в товарищества и выпросили позволение жить вместе. Братья Никита и Александр Михайловичи Муравьевы, Вольф и Ив. Дм. Якушкин согласились было таким образом, но их разделили. Семейные не могли тотчас отправиться. Муравьевы (Алек, и Ник. Мих.) поселились в Урюке близ Иркутска, а когда Никита Мих. умер и его дочь увезли в Россию, то Александр перешел в Тобольск; Артамон же Захарович Муравьев поселен был в Разводной близ Иркутска, где умер. Близ Иркутска поселен был Е. Е. Вадковский, Алек. Муравьев остался с братом, Вольф — с товарищами в заводе для оказания врачебной помощи. Десять человек отправлены в Иркутск на переменных подводах, при офицере и нескольких унтер-офицерах. Холостые ехали все вместе, женатые особо. Ив. Дм. Якушкин поселился в Ялуторовске, Ник. Басил. Басаргин с Васильем Петровичем Ивашовым в Туринске, Тобольской губернии, Михаил Сергеевич Лунин под Иркутском в деревушке и т. д. На уменьшение

сроков наказания влияли какие-либо события в царственной семье; в день рождения великого князя Михаила Николаевича сбавлены были пять лет; во второй раз по 2 года, при исполнении десятилетия с 14-го дек. 1824 года. В память путешествия по Сибири наследника, впоследствии императора Александра II, последовали, по его милостивому ходатайству, новые облегчения. Между прочим, жившие на поселении переведены на Кавказ рядовыми в отдельный корпус, на положении инвалидов. Кривцов, Цебриков, Валер. Голицын, А. А. Бестужев дослужились до офицеров. Нарышкин, Розен, Одоевский, Мих. Назимов, Захар Чернышев, Оржицкий, Коновницын и проч. оставались на Кавказе солдатами, потом выпросились в отставку и получили дозволение жить на родине под присмотром полиции. Одоевский же на Кавказе и умер от желчной горячки, на руках Н. А. Загорецкого. На житье на родине, под присмотром полиции, кончалась судьба всех декабристов, оставшихся живыми в Сибири и на Кавказе: для одних раньше, для других позже.

Кавказская жизнь декабристов, в полнейшем контрасте с сибирскою, прошла без следов той осязательной общественной пользы, которая задержана была самым способом обязательств. Солдатская служба задана была им со всею строгостью боевых обязанностей, с тою разницею, что для одних лямка натянута была туже, для других она ослаблялась уступчивостью, которая, однако, была произвольна и для исполнителей вовсе необязательна. В то время, когда Бестужев-Марлинский в Дербенте и в ежовых рукавицах гарнизонного подполковника «бурбона» с тяжелым ранцем выстаивал на часах до изнеможения сил под палящим кавказским солнцем, — некоторым другим товарищам удалось из солдатских казарм и лазаретов попасть и в солдатской шинели в общество офицеров. Генерал Раевский, живший на правах отрядного начальника в Тифлисе, бывший член тайного общества и друг А. С. Пушкина, наполнил свой штаб большею частью из декабристов и ссыльных офицеров. На это сделан был донос в Петербург. Раевскому прислан строгий выговор и приказ разослать всех по разным крепостям и подвергнуть обязанностям гарнизонной службы. В числе прочих пришлось поплатиться своею судьбою одному из братьев Бестужевых, Петру Александровичу. В силу этого обсто-

ятельства кавказская ссылка оказалась строже сибирской, всем ссыльным в тревожно-воинственной стране досталась добрая доля походов против горцев, походов, на которые в то боевое время так охотливы были все командиры. Некоторые походы вызывали людские жертвы, зато давали возможность отличиться какому-то «маменькину сынку», снабженному крупною протекцией) в Петербурге, для чинов и славы которого ходили в рядах и ссыльные декабристы. Нередко для последних другие командиры избирали малейшие поводы, чтобы дать отличиться и заслужить милость. В то время, когда все были уже унтер-офицерами, Толстой в 1835 г. произведен был в офицеры. Дольше всех не везло Марлинскому, который произведен в офицеры в 1836 г. вместе с бывшим лейтенантом Акуловым. Марлинский в 1837 году был убит в отряде охотников во время десанта в цепи. В Дагестане, со многими другими, умер от враждебного лихорадочного климата историк Корнилович. Брат Бестужевых, Петр Александрович, сосланный на Кавказ, после шестилетней солдатской службы, обязавшей его участьем во многих экспедициях, особенно же после тяжелой раны, сошел с ума. Ему разрешено было в этом положении возвратиться на родину на попечение матери и сестер. На попечение родных выехали потом и все другие, за исключением лишь Сутгофа, который, кажется, один из всех, остался жить на Кавказе. Только для Марлинского кавказская жизнь не прошла бесследно, обогатив его темами для повестей, литературною славою и деньгами на помощь ссыльным петровским братьям и матери. Тревожная боевая жизнь преимущественно увлекала его до сочинения походных солдатских песен.

Начинал он ссыльную жизнь в горах у Каспийского моря, нашел свою смерть на Черноморском побережье. С заметным намерением «вывести себя в расход», в его живой и впечатлительной натуре выродилась твердая решимость искать смерти, чтобы избавиться от тяжестей жизни и тоски неволи. Однако и в нем не исчезло то стремление к самообразованию, которое было столь присуще всем его товарищам. Бестужев-Марлинский овладел татарским языком до свободного объяснения на нем, изучил язык арабский и принялся было уже за персидский. В этом отношении живые люди не потерялись и на Кавказе.

Прощаясь с комендантом, уезжавшие старались выразить ему благодарность теперь, не считая уместным свидетельствовать ее прежде. Лепарский, прослезившись, отвечал: «Вы вели себя так, что если бы на вашем месте были все Вашингтоны, то они не могли бы лучше сделать это. Мне ни разу не случалось прибегать к мерам, не согласным с моим сердцем, и вся моя заслуга состоит в том, что я понял вас и, вполне на вас надеясь, следовал его внушениям». «Мы обнялись и в последний раз простились. Через год он скончался». Назначен новый командир, полковник Ребиндер, новый плац-майор Казимирский и другие плац-адъютанты. Прежние офицеры возвратились в Россию, получив большие награды, Ребиндер уравнял всех, соединил на общих правах. При нем все ходили из каземата кто куда хотел, и он приглашал к себе без различия всех.

В 1839 году оставили каземат и завод остальные из первой категории, в каковую попали двое из второй (братья, Н. А. и М. А. Бестужевы), вместе с четвертою был освобожден один (Розен) из пятого разряда[135]. Бестужевы выбрали для себя город Курган, но оставлены в Селенгинске за Байкалом, вблизи Петровского завода, где соединились с К. П. Торсоном; в заводе остался И. И. Горбачевский. Д. И. Завалишин уехал в Читу; в деревне Оек под Иркутском

---

[135] Третий разряд составляли двое: Штейнгель и Гаврила Семенович Батенков. Первый уехал на поселение в Тару (Тоб. г.) в июне 1836 г. вместе с четвертым разрядом, а Г. С. Батенков, просидев в Петропавловской крепости 12 лет, вывезен был в Томск, когда тот разряд, в котором он считался, был также отправлен на поселение из каземата. В этом городе он был поселен один и первым и когда явился с именем секретного, все от него сторонились, никто не хотел пускать на квартиру. Вел он сначала цыганскую жизнь. Нашелся сердобольный гостинщик с красными веками, показавший себя в России за альбиноса, выпросивший 100 руб. в месяц только за квартиру, тогда как Батенков получил в видах исключения от товарищей 1200 руб. асс. Наконец, нашлось доброе семейство старожилов: один брат служил и умер при Коряковских соляных промыслах, оставивши семейство свое на руках другого брата с клятвою не покидать. На беду этот брат полюбил девушку, и клятва встала препоною. Батенков принял на себя клятву и заботился о вдове и сиротах, живя на собственном хуторе за чертою г. Томска. Выселившись в Россию, Гаврила Семенович взял туда с собою и это семейство.

С. П. Трубецкой; в Разводной, также близ Иркутска, — Александр Ив. Якубович; близ Иркутска в Смоленской волости — Бесчестный; около Иркутска; С. Г. Волконский, А. П. Юшневский, Алек. Виктор. Поджио; в Тобольской губернии — Ив. Алек. Анненков, пробыв некоторое время в Вельске; Петр. Никол. Свистунов[136], Ив. Александ. Фонвизин, Краснокутский, Барятинский, Вильгельм Карлович Кюхельбекер (поэт, умерший в Тобольске от чахотки), В. К. Вольф, Муханов в Братском остроге на Ангаре. В Туруханске (Енис. губернии): И. А. Абрамов и Лисовский убиты были в дороге, едучи по торговым делам по доверенностям от купцов. В Иркутской губернии умер от паралича один из Борисовых, Петр Иванович; сумасшедший брат (Андрей Иванович) пробовал возвратить его к жизни, пуская бритвою кровь. Все бумаги предварительно сжег, и когда на дым сбежались люди, нашли Борисова повесившимся. Александр Иванович Якубович (в Енис. губернии) умер, плывя по реке; А. П. Юшневский — от удара, идя за гробом товарища Вадковского; Ник. Алекс. Панов — от сахарной мочи. В Ялуторовске умер Янтальцев с женою; в Красноярске: Тютчев, Вас. Львов. Давыдов, Спиридов, Митьков. В Тобольской губернии умерли: Краснокутский, А. К. Кюхельбекер, А. М. Муравьев, Барятинский, Башмаков, Вольф, Семенов. В Иркутской губернии умерли: Никита Мих. Муравьев, Фед. Е. Вадковский, Юлшевский, Поджио, М. Н. Глебов, Артам. Зах. Муравьев, Мих. Кар. Кюхельбекер, Модзалевский, оба Борисовых. За Байкалом в Селенгинске: К. П. Торсон и Ник. Ал. Бестужев. В Туринске — Ивашов с женою, в Акатуе — М. С. Лунин. Затем по возвращении в Россию: в Москве Мих. Алек. Фонвизин, в Бронницах — Ив. Ив. Пущин, в Костроме — Дмитрий Александ. Щепин-Ростовский, в Москве — Иван Дмитр. Якушкин; в Калуге А. С. Батен-ков и А. П. Оболенский; в Орле — Алекс. Иванов. Черкасов; Кривцов в Орловск. губ.; П. С. Бобрищев-Пушкин в Москве, и т. д., до 7-ми или 8-ми, оставшихся в живых до шестидесятых годов.

Наибольшая часть читинских и петровских заключенных на местах поселения принуждена была обратиться к тем занятиям, которые указывала самая цель поселения. Они принуждены были

[136] Свистунов и Анненков поступили в Тобольске на службу.

заняться хозяйством и в устройстве его искать тех средств к жизни, которые в тюрьме доставлялись общиною, а теперь, при более свободном состоянии, были затруднены для них крупными причинами, лежащими в основании их первоначального воспитания. Новое общественное положение на поселении стало несравненно тяжелее, и если бы не нравственные запасы в тюрьме, облегчившие до некоторой степени приступы к практическим занятиям — положение их было бы безысходным. Сенатский указ 20 мая 1827 г., по представлении бывшего спб. ген.-губ. Сперанского, позволявший выдавать крестьянам из посельщиков свидетельства на торговлю, не распространял этого дозволения разъездов вне мест ссылки на тех, которые ей подвергнуты по приговору верховного уголовного суда. Правила для жизни были стеснительны и противоречивы. Так, для отлучки 6 верст требовалось испрашивать разрешение из Петербурга, и в то же время, дозволялось ездить по своей волости, которая на иных местах тянулась в одну сторону на 200 верст. Значительно облегчилось положение новых поселенцев также и тем, что они поселены были по трое и даже до шести в одном месте. На этом взаимном, живом обмене мыслей, а также при письменных советах более даровитых и опытных товарищей, кое-как улаживалась поселенческая жизнь декабристов. Тем не менее она преисполнилась наибольших затруднений и лишений, чем даже в самих казематах.

Поселенные в маленьких городах и в больших селениях, все взяли назначенные им по закону 15 десятин земли и занялись сельским хозяйством. Некоторым удалось довести свое домашнее хозяйство до высокой степени совершенства (как Д. И. Завалишину в Чите); очень многие, в восполнение лишений городской жизни, прибегли к тому способу существования, который обеспечивался для них в Сибири скудною платою за обучение детей грамоте. В этом отношении государственные преступники принесли краю несомненную и громадную пользу, подняв уровень сибирского образования значительно выше того, какой имеется для России. Особенными способностями на этом поприще отличились между прочими: А. П. Юшневский и А. В. Поджио в Иркутске, Д. И. Завалишин — в Чите, И. Д. Якушкин в Ялуторовске. Последний устроил две школы (одну мужскую в 1842 году, другую для девочек в 1846 г.). Обу-

чал он в ней детей по Ланкастерской системе в течение 14 лет; несмотря на привязчивость и доносы штатного смотрителя училищ, но благодаря снисходительности властей, эта школа успела приготовить не только грамотных, но приготовила и учителей. Одна из девиц, воспитывавшихся в школе, имела возможность поступить в нее преподавательницею. В течение 14 лет (с 1842 по 1856 г.) в школе, основанной И. Д. Якушкиным, перебывало 1600 человек учеников. Восточной Сибири в этом и других отношениях посчастливилось гораздо более Западной Сибири, по случайности поселения в ней более даровитых и способных людей. В то время, когда в Западной наибольшая часть принуждена была прибегнуть к содействию купцов и, в качестве их комиссионеров и приказчиков, изыскивать коекакие средства для жизни, — в Восточной Сибири деятельность декабристов явилась в более разнообразной и практической форме.

В Западной Сибири Тизенгаузен поселился в Ялуторовске, построил дом, но дом подожгли; он выстроил второй — его опять подожгли; выстроил третий, но и этот сожгли. В четвертом, маленьком, ему удалось укрепиться на пожарище прежних больших домов. Здесь он прилежно занялся садом и воспитывал такие плоды и ягоды, которые до него никогда не созревали. Он постоянно жаловался на слабое здоровье и бесцельную жизнь и, в самом деле, казался поврежденным в умственных способностях, что приметно было и в способе домовых построек и в самом образе жизни. В Кургане Назимов, Нарышкин, Лихарев, фон Бриген, Розен, Лорер и Фохт получили по 15 десятин земли и занимались хозяйством[137]. Нарышкин в подспорье занятиям имел возможность выписать из Москвы дорогих и крепких лошадей. Остальные товарищи передали Розену свои участки, и он занялся хозяйством, удобряя неплодородную землю золою, которую бесплатно получал из тамошних мыловарен, и в два года показал местным жителям, как можно этим способом делать землю плодородною. При помощи бесплатного труда «помочами» или «утолоками», требовавшими за работу только угощения, Розену удалось справиться со всею массою земли,

[137] Из них фон Бриген, почему-то получивший право ехать вместе о товарищами на Кавказ солдатом, впоследствии поступил писцом в курганский суд и через 10 лет получил первый гражданский чин.

хотя и не привелось извлечь из земледелия выгоды. Если он не получал барышей от хлеба, не имеющего цены в том плодородном крае, если ему не удалось вырастить ни картофеля, ни гималайского ячменя, зато хозяйственные труды его с достатком вознаградил горох, имевший цену на заводах в посты и доставлявший траву для корма скота. Скотоводство поддержало малоопытного курганского поселенца и доставило ему наибольшие выгоды. Жена ему во всем помогала: пекла и варила кушанье для приходивших на «утолоки», заготовляла пиво, закупала кедровые орехи для девушек, угощала вином. В Олонках, близ Александровского завода и в 8-ми верстах от Иркутска, Влад. Федос. Раевский на особых грядах и без излишних вырастил воспитал арбузы. Предубеждение сибиряков исчезло. Остатком от прихода поселенцы делились с неимущими. Эта сторона характера наиболее рельефно выдавалась над всеми другими, и материальная помощь доставила помогавшим всеобщее уважение, которое перешло и в потомство. Имена благотворителей этих вошли в народные предания. Деятельность их в этом отношении не имела пределов: с равным участием и готовностью выходили они с помощью и к свободным несчастным, и к ссыльным: в Ялуторовске, у почтового двора ссыльных поляков, привозимых в нерчинские рудники, встречали жившие в этом городе декабристы и спешили повидаться, чтобы утешить и успокоить напутственными советами. В Петровском заводе Ив. Ив. Горбачевский приспособлял свои благотворения к лучшим из поселенцев тем, что выстраивал домик, высматривал добродетельного и стоящего из ссыльных, выходивших на пропитание, брал его к себе (иногда двух и трех вместе), под видом личных услуг, но собственно на испытание. Если последние задавались, выбор был удачен, Иван Иванович, убедившись в честных правилах поселенца, передавал ему домик в собственность, сам для себя строил другой, третий — до десятого; эту десятую хатку, на наш приезд в январе 1861 года, он приготовил также для исправившихся ссыльных. Занимался он исполнением различных некрупных подрядных лесных работ для завода. В средине шестидесятых годов он скончался мировым посредником, среди всеобщего уважения. Так действовали недостаточные. В Тобольске богатые сумели организовать даже целое благотворительное общество, оставившее самые яркие следы в преданиях и оказавшее

несомненные заслуги тамошнему населению. Наталья Дмитриевна Фонвизина, с молодых лет отличавшаяся набожностью, в зрелых летах эту религиозность применила в Тобольске исключительно к делам христианского милосердия. С помощью Прасковьи Егоровны Анненковой она успела дела благотворения поставить на широкую ногу (участье последней весьма памятно также и тем ссыльным «петрашевцам», которых провезли в Нерчинск через Тобольск в 1849 г.). О благотворительности Батенкова в Томске мы имели случай рассказать. Среди трудных опытов личного обеспечения хозяйственными трудами поселенцы не покидали науки и по мере сил старались служить ее интересам. И. Д. Якушкин устроил в Ялуторовске гальванический аппарат и весьма удачно занимался гальванопластикою. Он же содействовал много к развитию научных сведений о физике и механике в самоучке-мещанине Росманове, который под руководством И. Д. устроил электрическую машину, гальваническую бунзеновскуто батарею, пружинный термометр, гигрометр, изящной работы стенные часы и ветромер, заказанный руководителем. Много времени Ив. Дм. истратил на переписку своего огромного труда «Учебник географии», написанный по особому плану, и имел возможность составить гербарий ялуторовской флоры.

В Восточной Сибири также значительная часть государственных преступников, при поступлении на поселение, принуждена была для своего пропитания выпросить себе законный надел 15-ти десятин земли. Бесчаснов в Смоленщине — селении на реке Ушаковке (впадающей в Ангару в Иркутске) — приспособил впервые опыты посевов конопли — продукта своей плодородной родины (Малороссии), и добился тех результатов, что в настоящее время вся Смоленская волость — одна из самых производительных местностей под Иркутском по возделывании пеньки в большом количестве. Он же, в компании с одним из образованнейших и деятельных сибирских купцов (покойным Андреем Васильевичем Белоголовым), устроил маслобойку, и Сибирь впервые увидела свое местное масло, не привозное через всю Сибирь из Ирбита и России. Между сельскими хозяевами Восточной Сибири наиболее выделились братья Бестужевы (Н. А. и М. А.), поселившиеся около г. Селенгинска. В особенности замечательна была деятельность

старшего брата (Ник. Алек.). «Хотели было завести мельницы, приобретя в собственность при доме толчею, бывшую при кожевенном заводе, но отложили до времени; задумались было над восстановлением самой кожевни, но дознались, что как ни велико селенгинское скотоводство — Кяхта поглощает все кожи на обшивку чаев и платит за них очень дорого, так что выделка становится очень дорога для заводчика, обязанного покупать кожи кяхтинскою ценою». Забайкальские кожевни Бестужевых (и Колесова) шли до тех пор, пока тарские, тюменские и кунгурские заводы не рассчитали, что их кожи и с провозом будут отправляться за границу дешевле забайкальских. Как скоро опыт был сделан и оправдал расчет, кожи Западной Сибири пробили себе верную дорогу на восток и в Китай. «С тех пор наши заводы упали (пишет Н. А. Бестужев). Осталось для нас земледелие и скотоводство». Зуевская падь (долина), доставшаяся Бестужевым, от неправильного использования пришла в то состояние, что новые поселенцы принуждены были прибегнуть к искусству и, с помощью его, успели сохранить на земле траву и получить отличные пастбища для скота. Овцеводство оказалось самым выгодным занятием по хозяйству вследствие требований китайцами забайкальской мерлушки предпочтительно перед русскою. Весною, после жестоких зим, у местных хозяев, после недостаточного зимнего корма, овцы, переходя на траву, падали целыми стадами от насморков, поносов, и катарров; у Бестужевых же и Торсона, к удивлению всех, стадо уцелело по простой причине заготовления сена, как краеугольного камня, на котором зиждется основание хозяйства. Стадо товарищей состояло из 300 баранов; в хозяйстве, сверх того, находились 4 лошади и 2 коровы. На пастбище поставлена была маленькая избушка с овчарнями (чтобы не держать овец в городе при доме, что, по расчетам, не приносило никакой выгоды); туда переселился даровитый хозяин и жил философом, пас овец и заготовлял сено для их поддержания. Хлеб у них был свой и свой дом, купленный в долг, но рационально веденное хозяйство дало возможность вскоре выплатить долг. Другим многочисленным затеям, на которые был так скор и богат многосторонний ум Н. А., обогащенный обширными сведениями, помогали сестры — Елена и Марья Алек., вскоре приехавшие

из России и по смерти матери переселившиеся к братьям в Селенгинск[138]. Торсон в это же время знакомил сибиряков с улучшенными хозяйственными машинами, поставил мельницу и устроил молотилку. Торсоновская мельница и конная молотилка с веревочным приводом, требовавшие, по расчетам, одной только лошади, потребовали двух для приведения машины в действие; Н. А. Бестужев долго задумывался над такою разностью и, предположив, что приводная веревка очень тонка и много растягивается (отчего лошадь теряла часть своей силы), приспособлением толстой бечевы устранил погрешность. М. А. Бестужев придумал двуколку, удобную для поездок по горным дорогам, и завещал ее в повсеместное употребление сибирякам под именем «сидейки». До сих пор подобные сидейки пользуются таким же предпочтением по всему гористому Забайкалью, как знаменитая долгуша по всему востоку России. В то же время Н. А., в свободные часы от хозяйственных занятий, занимался приготовлением астрономических часов без компенсации, выработкою самого верного хронометра, над которым и произво-

[138] Когда в 1848 г. сестры Бестужевы приехали в Селенгинск, все население города вышло к ним навстречу. Приезжие с большими усилиями могли пробиться сквозь густую толпу в объятия братьев, выбежавших к ним навстречу. В лице одной из сестер братьев Бестужевых (Елены Александровны) является новый благодетельный гений, дополняющий цикл тех, о которых мы уже имели случай рассказать выше. С молодых лет, когда она потеряла пятерых братьев, она заступила их место для младших сестер и больной матери. Любовь к братьям Ел. Алек., сначала выразила свиданиями и посещениями их, несмотря на массу препятствий, в страну изгнания посылала все необходимое, исполняла все поручения. Для брата Александра (Бестужева-Марлинского) она была комиссионером во всех его авторских сношениях со Смирдиным и другими издателями; для лишившегося рассудка брата Павла она испросила прощение и, вместе с ролью страдалицы, приняла на себя заботы о последующей судьбе его. Когда Елена Александровна похоронила братьев и мать, когда исполнилась ее миссия в России, она распродала все свое и с двумя сестрами поехала в Сибирь отдать свою жизнь, любовь и силы двум остальным братьям, оставшимся в живых, и как бы для того, чтобы закрыть глаза навеки еще одному кровному другу. «Отрадно быть братом этой души высокой», — справедливо говорит в одном из своих писем А. А. Бестужев-Марлинский об этой «хлопотальнице за всех», об этом «образце сестер».

дил пробы в чулане высокою и низкою температурою. Завещав флоту, еще во время службы на нем, способ значительного упрощения в уборке и вооружении корабля[139], он намеревался снабдить еще астрономическими часами и хронометром с самою ничтожною девиациею. «Одно желание быть полезным бедным мореходцам, которые не в состоянии платить по 2 и 4 тысячи за хронометры, а от того самого наполовину, а может быть, и более гибнут, не имея верного счисления» — руководило Н. А. Бестужевым. Он хотел, чтобы хронометр, по большей мере, стоил не более 300 или 400 руб. асс., и для этого придумывал самое простое устройство. Он был уже близок к осуществлению мысли. Он разобрал хронометр в последний раз, но смерть прекратила работу, и разобранного хронометра ни один механик, не обладая секретом изобретателя, собрать не мог. Одни часы ходили у него уже четыре года хорошо; другие выдержали в чулане две жестокие зимы, идучи не останавливаясь, и хотя суточное изменение, при замерзании ртути, не превышало 4" однако изобретатель оставался ими недоволен и стал добиваться суточной разности в десятых долях секунды. Отличный портной, башмачник, столяр — он был хорошим слесарем, рисовальщиком; им написан для селенгинского Покровского собора для царских врат масляными красками образ Благовещения. Он написал очень много статей и книгу «Записки моряка», сочинение, обладавшее литературными достоинствами. Домашние опыты над неудачными печами привели его к изобретению такой печи, которая поразила своею практичностью лучшего знатока этого дела, известного архитектора И. И. Свиязева. Бестужевская печь при 30° Р. морозу при 15 футах дров сохранила на другое утро тепла еще 10°; 30 футов, при той же температуре, в продолжение дня почти не давали дотрагиваться и печь сохранила 15°. Когда у всех валились трубы и трескались печи, у Бестужевых оказались экономические, невиданного и незнаемого устройства[140]. Состоя и на поселении и

---

[139] Бестужевский способ давал простор команде и сокращал издержки. Впервые применен был этот способ при вооружении корабля «Эмгейтен».

[140] Огонь пропускался из горнила вверх, оттуда оборотами книзу и потом снова оборачивался колодцем кверху; таким образом, труба приходилась над этим последним колодцем, вопреки общим приемам сибирских печников. Устройство печи стало проще и дешевле. «Сам я был и есмь бе-

живя на свободе, товарищи не переставали сноситься друг с другом и оказывать друг другу услуги и советом и делом. Нам удалось читать интересную переписку Дм. И. Завалишина с Н. А. Бестужевым. У Н. А. спрашивал советов относительно разведения дынь и арбузов читинский товарищ его, Д. И. Завалишин, сам отличный хозяин и садовник, и получал целые тетрадки практических советов, основанных на опытных успехах удачного приспособления. В свою очередь, Н. А. Бестужев просил Д. И. Завалишина приискать теоретические формулы высших вычислений математики для оправдания и научного основания своих практических соображений. Сооружая парники и взращивая на изучение другим арбузы, дыни и китайские огурцы, Н. А. Бестужев не покидал научных опытов и, между прочим, воспользовавшись вулканическою местностью Селенгинска, производил опыты над направлением землетрясений частых, хотя и незначительных. Он повесил на проволоке 20-фунтовое ядро со шпилькою внизу, которая, будучи опущена концом в ящик с мелким песком, при каждом землетрясении чертила его направление, и затем шел к выводам и к улучшению самого инструмента. Хозяйство не задавалось долгое время по причине постоянных засух, преследовавших начинания и заставлявших выходить из границ должных экономий. Выпросив себе позволение (в 1840 г.) на разъезды по округу (в Кяхту, Верхнеудинск и Петровский завод), даровитый Бестужев в Кяхте стал заниматься живописью за деньги. Деньги употреблял на поддержку упавшего хозяйства, полагая про себя, что «остановиться в хозяйстве — все равно, что бросить его совсем». С таким человеком разным несчастьям бороться было мудрено.

На поселении, само собою разумеется, литературные занятия, столь любимые в каземате, многими не были оставлены, но наступила пора разочарований, строгого отношения к себе — этих честных порывов самосознания, в которых следует искать причин тому, что многие литературные труды декабристов не появились на свет, «погрузились в Лету», как выразился один из них. К этому примешивалось еще воспрещение публиковать свои сочинения: поселенцы по закону не имели этого права. Во взаимной товарищеской

ден, — говаривал Н. Ал., — а потому знаю, каково беднякам на свете».

переписке мы не раз выслушивали эту грустно-настроенную и без раздражения ноту трезвого, спокойного отношения к себе. Многие высказывались такими откровенными исповедями: «В 25 лет тюремной нашей жизни свет очень далеко подвинулся вперед, а мы остановились на одном месте. Ни по языку, ни по интересу изложения, ни по скудости фактов записки (одного из товарищей) не могут увлечь публику; а в теперешнюю эпоху одно увлечение и может играть роль. Тяжело, а должно было ему дать понять и приготовить его к неудаче. Кажется, он согласился, если не изменил своих мыслей после» и проч. «Сколько событий совершилось в 30 лет, что мы сошли со сцены света (пишет другой), и сколько еще совершится неожиданного до нашей смерти! Теперь мы в 5 лет более проживаем, немели прежде во сто». «У меня теперь сохранились черновые трех повестей (сознается третий), но они уже потеряли цену современного колорита». Устоял на своих литературных занятиях больше других А. А. Бестужев (Марлинский) и успел в свое время воспользоваться, как известно, неслыханным до того времени литературным успехом при крупном и несомненном влиянии на читающую русскую публику. Он имел возможность литературным гонораром помогать братьям и отложить 50 тыс. руб. асс. в банк.

Товарищи из богатых, поселившиеся близ Иркутска, благодаря своим столичным связям, привлекли к себе внимание одного из губернаторов Восточной Сибири. По указаниям декабристов губернатору удалось отметить для своей деятельности не один слабый пункт, требовавший ремонтов или капитальных перестроек. Влиянию иркутских поселенцев немало обязана Восточная Сибирь в преобразованиях, затеянных энергическим деятелем; и эта служба ссыльных памятна местному населению и передается подробно и охотно всем желающим про то слышать и ведать. Эта заслуга тем более важна была в Сибири — стране, где злоупотребления всякого рода превосходили меру вероятия. Со всех сторон неслись жалобы на угнетение и мольбы о пощаде. Не один Селенгинск, избавленный от притеснения кляузного и бессердечного городничего, но и многие другие местности почувствовали на себе участие людей высокообразованных, возбудивших уважение местных властей и хорошо успевших познакомиться со страною, приютившею их, и с

людьми, встретившими их с любовью и гостеприимно. Теми же административными заслугами отблагодарил хлебосольному и гостеприимному краю другой товарищ декабристов, отличавшийся наибольшими сведениями о крае в том же Забайкалье, где он начал ссыльную жизнь, но продолжал долгое время и свободную. Когда Чита назначена была областным городом, Д. И. Завалишин приложил немало труда, забот и личных способностей к ее устройству при новом назначении; опытные советы его, основанные на знании тамошнего народа, у всех на глазах (при первом забайкальском наказном атамане Запольском) превращались в живое дело при устройстве области и казачьего быта. Ему же удалось сдержать безрасчетные увлечения при заселении Амурского края, вновь приобретенного, и прежде всех определить настоящее его значение далеко не в смысле обетованного рая, в чем силились уверять общество местные поэты, признанные и не признанные. Гораздо позднее, когда по случайности, этой сибирской общественной службе положен был предел, Д. И. Завалишин, на месте иной своей деятельности (в Москве), не перестает делиться запасом образования, опытности и энергии в разнообразных делах благотворения: от вспоможения бедным до обучения неимущих, независимо от тех поручений, которые возлагает на него доверие разных ученых обществ. Долгое время он состоял членом и секретарем Московского комитета грамотности и проч.

Вот с какою просьбою обращался М. А. Бестужев к С. Г. Волконскому, жившему в Иркутске: «Вам, может быть, известно, что за низкая креатура наш городничий, назначенный к нам в градоначальники из жалкого сословия иркутских квартальных... Он дал торжественное обещание нам и всем гражданам нашего города жить миролюбиво, но снова начал низкое поприще кляуз (приводятся примеры). Мы теперь так стеснены, что не имеем права перестроить бани или поставить новый курятник без разрешения иркутской строительной комиссии, мы, которые живем вне всякого гражданского мира, в степи, в притыке неприступных гор... Если вы будете иметь возможность представить все это на вид г. губернатору, то я свидетельствую о благодарности всех наших сограждан, ежели избавите город от этой язвы, отравляющей нашу атмосферу». На письмо это последовал ответ: «Сделано распоряжение к освобождению Селен-

гинска от городничего, что и будет сделано в течение не более двух недель, через что город может быть спокоен».

Н. А. Бестужев пишет к Д. И. Завалишину (20 мая 1852 года): «Матушка Торсона имеет теперь 88 лет от роду и получает пенсию в 325 руб. асс. после ее покойного мужа. Пенсия эта переходит на дочь после ее смерти. Сверх того, они обе получают ежегодно вспомоществования 500 руб. асс. Но этой помощи далеко для их существования недостаточно, особенно потому, что болезненное состояние покойного вовлекло их в долги и расстроило кое-как заведенное хозяйство. Сверх того, постоянные неурожаи в продолжение 10-ти лет до прошедшего года были разорительны для всех сельских хозяев, а для них еще более по недостатку нужной мужской помощи. Ныне же, по увеличивающемуся здесь военному народонаселению, цены на все удивительно как возвысились. Вот вкратце те нужды, которые представляются на благоусмотрение великодушию его п-ва (Запольского). К этому прибавить должно, что желательно очень, чтобы земля, отведенная покойному, осталась за его матушкою и сестрою. Я упоминаю об этом потому, что в указе о наделении нас землею сказано, что это делается по примеру государственных крестьян, а как у них земли, по согласию мирскому, у вдов не отбираются, если все на то согласны, то, кажется, и в этом случае можно поступить таким образом».

От 22 апреля 1854 г.: «Я не перестаю тебя беспокоить своими письмами, но что же делать? Бедный здешний народ так напутан прежде бывшими здесь злоупотреблениями, что думает и теперь без покровительства чьего-нибудь нельзя никакого дела сделать» (следует просьба о рекруте при сдаче).

В письме от 27 окт. 1853 г. просьба о том же, но для нового лица. В письме от 11 окт. 1854 г.: «Старинный наш знакомый Хамба-лама (толстяк) непременно хотел иметь от меня к тебе письмо, чтобы возобновить с тобою знакомство, ежели вы были знакомы, и познакомиться, ежели не были. Как я ни уверял его, что это вовсе не нужно для такого предмета (на поездку Хамба-ламы — главного ламы бурятского, в Читу), но азиатцы крепко веруют во всякий лоскуток бумаги более, нежели самым убедительным словам, и вот по этому случаю снова беспокою тебя этим посланием. Я всю эту зиму

прохворал: пришла моя очередь состариться и припадать к постели, и оживили добрые известия о славных делах наших моряков, но горизонт омрачается. Не знаю, удастся ли нам справиться с англичанами и французами вместе, но крепко бы хотелось, чтобы наши поколотили этих вероломных островитян за их подлую политику во всех частях света. Надобно поскорее занимать Сахалин и ближайшие к нему берега, а иначе англичане влезут к нам в карман. Будем ждать, что будет, а будет то, что Бог даст — сказал Богдан Хмельницкий. Жаль только, что новости до нас достигают только тогда, как на месте, где они происходили, все уже переменилось или давно уже сделалось стариною».

Еще письмо от 28 дек. 1840 г., с ответом на запросы Д. И. Завалишина о разведении дынь, — советы, отличающие опытного хозяина и изложенные в такой упрощенной форме, что так редко пишутся для практических хозяйств книги.

В письме от 27 окт. 1853 года он же (Н. А. Бестужев) шлет к Д. И. Завалишину: «Покойный Руперт выхлопотал для нашего старого города (Селенгинска) позволение переселиться на другой берег Селенги и дал этому новому городу герб: феникса, возникающего из своего пепла. Теперь, когда наш феникс состарился, не достигши зрелого возраста, и даже умирает, думаю, что герб этот приличнее бы было перенести на вашу Читу. Я слышал, что точно читинские развалины устраиваются прекрасным городом. Не будешь ли и ты строить себе нового дома?.. Прошу не забывать меня, старика (я крепко состарился)», и проч.

Конечно, нет ничего, может быть, труднее, как проследить во всех сферах и представить в наглядных фактах то полезное влияние, какое имели так называемые декабристы на Сибирь; но что оно было и неизбежно должно было иметь место, — это несомненно. И мы очень рады, что прежде, нежели сообщим факты, нам лично сделавшиеся известными, мы можем привести здесь известное свидетельство Е. П. Ковалевскаго о декабристах (из его известного сочинения «Граф Блудов и его время»)[141].

---

[141] Кроме того, есть еще одно обстоятельство, особенно характеризующее декабристов и подтвержденное общим свидетельством: это — совершенное отсутствие озлобления против судьбы и людей. В этом отношении декабри-

Мы узнали декабристов уже в то время, когда они, искупив свои заблуждения тяжелым испытанием, жили на поселении, распространяя добро между окрестными жителями: или своими знаниями, особенно в техническом отношении, или теми ограниченными материальными средствами, которые иные из них имели, — уважаемые и пользовавшиеся доверием и свободою.

Что же касается до тех фактов, которые стали известны нам лично, то остановимся, по крайней мере, на следующих.

Для всех местных жителей, непосредственно заинтересованных в деле, не было, разумеется, никогда тайною, что в Петровском заводе существовала в каземате большая школа, где дети местных жителей, начиная от достаточных чиновников до неимущих ссыльных, получали, соответственно потребностям каждого, приличное образование, начиная от высшего классического до начального и ремесленного; так что, между тем, как, напр., Завалишин преподавал греческий и латинский языки детям духовного звания, приготовляя их в семинарию, Н. А. Бестужев и другие обучали иных детей столярному, слесарному, портняжному, сапожному и проч. ремеслам; тогда как одни из детей чиновников приготовлялись для поступления в высшие учебные заведения, другие дети обучались грамоте, но, разумеется, по усовершенствованным методам и проч.

Поводом к учреждению школы была необходимость составлять хор певчих для заводской церкви. И вот сначала стали обучать детей пению, потом явилась необходимость для лучшего обучения самому пению поучить детей грамоте и т. д. — остальное пришло постепенно само собою. При совершенном отсутствии в заводах других средств к образованию, особенно в приготовлении к высшему для детей чиновников, комендант вынужден был уступить неотступным просьбам родителей дозволить поучить детей в каземате, что для бедных имело еще и то значение, что учившихся в каземате детей кормили там и одевали. До того времени комендант отделы-

---

сты не были похожи на революционеров других стран и не держались никогда правила: «чем хуже, тем лучше» и «все худо, что делается на воле». Совершенно напротив, они брались везде поправлять зло, быть полезными везде, куда бы ни были невольно заброшены судьбою, содействовать добру, хотя бы оно делалось не через них.

вался своим заветным и неизменным «не могу» и, разрешив хор певчих, сначала дозволил учить только читать. Пению учили П. Свистунов и Н. Крюков, а грамоте — два брата Бестужевых.

Надо заметить, что обучение детей в каземате выделялось резко двумя особенно благотворными для них последствиями. Первое было то, что прежде в учебных заведениях в России, куда отвозились иные дети для высшего образования, было предубеждение против детей Забайкальского края, относящее неуспехи их в науках к недостатку у них способностей, тогда как это было просто следствием только плохой подготовки. Когда же был представлен в первый раз в одно из высших заведений в Петербурге воспитанник казематской школы, то он так удивил экзаменаторов и объемом и отчетливостью своего знания, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, где и кем он мог быть так приготовлен. Председательствовавший при экзамене начальник, который лично бывал в Петровском заводе и сам знал секрет, остановил любопытствующих, сказав им: «Господа, наше дело оценить его знания, а не допытываться, откуда он их получил».

Другая выгодная сторона казематского обучения заключалась в том, что даже и те, кому выпадала скромная доля вещественного труда, уважали свое занятие, хотя по развитию умственному, вследствие полученного в каземате образования, могли бы иметь притязание на род деятельности, считающейся обыкновенно высшею. До какой степени эта цель была достигнута, можно судить по следующему примеру. Много, десятки лет спустя после того, как с отъездом последних декабристов из Петровского завода прекратилось существование школы в каземате, один из рабочих, получивших и ремесленное и грамотное образование в каземате, узнав из газет о пребывании Завалишина в Москве, писал к нему в Москву и благодарил его за то уважение, которое вселили ему к труду. Он говорил, что вот он давно уже женат, имеет детей, что Бог благословил его достатком так, что он в состоянии не только давать образование детям, но и выписывать книги и даже газеты и журналы, но что при всем этом он не покидает, однако же, своего тяжелого (кузнечного) ремесла и старается внушить и детям такое же уважение к труду, какое умели внушать и ему в каземате. И, конечно, пример людей высшего происхождения и образования, не пренебрегавших ника-

ким ремеслом, никаким физическим трудом, лучше всего действовал на людей, чтобы и в их глазах облагородить тот труд, на который привыкли смотреть только как на тяжелую и часто безотрадную ношу.

То же дело образования во всех его видах и распространение уважения к труду наглядным доказательством собственного примера продолжали декабристы, когда расселились по всему пространству необъятной Сибири. Везде заводились школы, везде бедные получали образование бесплатно; везде являлся пример рациональной хозяйственной деятельности, до тех пор почти неизвестной в Сибири. Везде представлялся контраст деловой жизни высшего происхождения и образования людей с невежеством и пустым препровождением времени большой части достаточных выскочек и даже крупных чиновников. Декабристы являются везде лучшими и практическими деятелями, лучшими наблюдателями и знатоками края, чем местные старожилы; всегда деятельными, не тяготящимися никаким занятием и облагораживающим всякое. Все видели, напр., в Чите, что одно и то же лицо (Завалишин) обучало и высшим предметам учеников, готовившихся в высшие классы высших учебных заведений, и не тяготилось обучать грамоте самых маленьких детей, доставляя этим самым уважение и всякому другому лицу, посвящавшему себя тяжелому труду начального преподавания.

У него и мальчики и девочки, и дети чиновников и крестьянские дети учились иностранным языкам и латыни; и девицы изучали геометрию, тригонометрию, алгебру и все получали понятия о механике, физике и химии. Но в то же время крестьянские дети отпускались на полевые работы в деревни, о которых по возвращении должны были давать обстоятельный ответ, а городские дети должны были работать в огороде и все знать средства разведения и приготовления лекарственных растений. Его ученики нередко бывали первыми в корпусе, а ученицы первыми в институте. Далее: все видели в образцовом хозяйстве Завалишина в Чите — хозяйстве, изумлявшем своим совершенством не только местных жителей, но и приезжих из России, вполне знакомых с рациональный хозяйством,— наглядное доказательство, что не только не существует никакого антагонизма между теоретическим знанием и практическим искусством, но что, напротив, соединение того и другого могучим

образом содействует и тому и другому. Приезжие видели одного и того же человека, одинаково плодотворно занимавшегося и высшими предметами человеческого ведения, и самыми тяжелыми работами хозяйственного труда, от сохи и косы в поле, от обработки огорода и ухода за скотоводством до постройки образцового дома[142], до всех поделок и исправлений, плотничных, столярных, слесарных и проч. по дому. Потому и должны были поневоле все верить, что разумная теория всегда бывает плодотворна и в практическом приложении, а разумная практическая деятельность, точность наблюдения, личный практический опыт дают единственный надежный материал для правильных выводов и теории.

Если мы перейдем теперь к чисто нравственной деятельности, в виде пособия, нравственной поддержки советом и утешением, защите и проч., то тут влияние декабристов в Сибири является и еще в более очевидном и благоприятном свете. Независимо от врачебного и всякого другого рода пособия, от посещения больных и страждущих, декабристы являются защитниками народа против злоупотреблений администрации двояким действиям или представительством высшей администрации, которая всегда могла смело положиться на добросовестное их указание или обуздывая низшую администрацию нравственным своим влиянием, так как были примеры, что люди, самые закоренелые в злоупотреблениях, совестились перед ними, когда боялись, что действия их будут открыты. И вот, по такому нравственному значению их, они, вне всякого официального звания или положения, были во многих местах настоящими мировыми посредниками и судьями, как бы официально признанными самим главным начальством, и были, во всяком случае, лучшими советниками и покровителями народа и даже людей, стоящих выше его.

---

[142] Несмотря на сибирские морозы, доходящие в Чите до 35°, у Дм. Ир. в доме не было зимних рам на северной стороне, со всем тем тепло держалось до 16°. На всех окнах стояли цветы, а на полу кадки с деревьями представляли из комнат род оранжереи. Подробное описание всех чудес его хозяйства к усовершенствованию породы скота, полеводству, огородничеству, цветоводству, по устройству лечебных пособий, которыми пользовались не только местные, но и все окрестные жители издалека, заняло бы слишком много места.

Постепенное улучшение быта декабристов, живших на поселении, выражалось некоторыми милостями. Между прочим, вдовы умерших, лишенные права возвращения в Россию (так, например, отказано было в этом Юшневской и Янтальцевой[143]), впоследствии получили дозволение вернуться на попечение родных (как Нарышкина, урожденная Коновницына, когда мужа ее перевели на Кавказ). Дети, прижитые до ссылки и оставленные в России, поступали на попечения родственников и других людей, пожелавших заняться их воспитанием (так, например, сын Розена жил у полковника Волконского в Тифлисе, и отец, проезжавший Белую-Крыницу, не мог видеть его из боязни подвергнуть воспитателя ответственности). Дети, прижитые в Сибири, должны были вступить в сословие заводских крестьян, но в 1842 году государь, по случаю бракосочетания государя-наследника, соизволил обратить высочайшее внимание на поступки жен, последовавших в заточение, и решился, в знак уважения, оказать свое милосердие к детям их, родившимся в Сибири. Комитет, изыскивавший средства привести в исполнение волю императора, положил: «По достижении детьми узаконенного возраста, принять их на воспитание в одно из казенных заведений, для дворянского сословия учрежденных, если отцы на то согласны будут; при выпуске же возвратить им права, утраченные отцами их, когда они поведением своим и успехами в науках окажутся того достойными, но, вместе с тем, лишить их фамильного имени их отцов, приказав именовать их по отчеству». Трубецкой дал ответ, что дочерей он боится отдать, предполагая, что разлука с матерью будет для них смертельным ударом. В 1845 году разрешено было жене Трубецкого проживать с детьми в Иркутске до излечения ее от болезни, а мужу по временам приезжать к ней на свидание «с дозволения генерал-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволение давать ему с должною осмотрительностью». 19 июня 1845 года государь разрешил поместить в учрежденный в городе Иркутске девичий институт «двух внучек действительной тайной советницы Лаваль, рожденных в Сибири от дочери ее, состоящей в замужестве

[143] Последняя прожила в Ялуторовске девять лет по смерти мужа в 1846 г. Жена Юшневского не могла разделить тюремной участи мужа.

за находящимся на поселении в Иркутской губернии в селе Оек государственным преступником Трубецким».

Восшествие на престол государя императора Александра Николаевича ознаменовалось в сибирской истории государственных преступников, сосланных за возмущение 14 декабря 1825 года, всеобщим прощением их, забвением прошлого и возвращением прав потомственного дворянства и права возвращения на родину, в Россию. Низшим категориям возвращены и титулы; из первой же категории только Тургеневу возвращены чины и ордена. В Сибири оставались только трое за неимением средств к выезду: Завалишин, М. Бестужев и Ив. Ив. Горбачевский[144]. Многие выехали в расчете на помощь и содействие родных. Другие лишены были того и другого от корыстолюбивых родственников, воспользовавшихся их достоянием; некоторые принуждены были прибегнуть по-прежнему к личным трудам и заботам. Между ними Андрей Быстрицкий не нашел в живых ни одного из родственников и, не имея никаких средств к пропитанию, ходатайствовал о продолжении ему того пособия, которым пользовался в Сибири, то есть 15 десятин пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и, сверх того, на одежду и паек от 18 до 30 рублей, сообразно существующим ценам на хлеб (то есть всего деньгами от 132 до 142 рублей).

История пребывания в Сибири государственных преступников, участвовавших в заговоре Петрашевского и сосланных в 1846 г., рассказана некоторыми из самих ссыльных по этому делу. Ф. М. Достоевский о пребывании своем и товарища его Дурова в Омской арестантской роте рассказал в «Записки из Мертвого дома», Ф. Г. Толь о пребывании своем на заводе Западной Сибири написал «Записки о К... заводе» и поместил статьи в журнале «Век» 1861 года; Е. Н. Львов о житье своем в нерчинских рудниках напечатал несколько статей в «Современнике» (1861 г. № 9 и 1862 г. № 1).

---

[144] Ив. Ив. Горбачевский остался потому, что иркутский чиновник воспользовался теми деньгами, которые высланы были Горбачевскому по завещанию его умершего брата, для устройства на поселении, а также и потому, что не хотел встать в зависимое от других положение.

Часть IV. История каторги

Находка рудных богатств. — Чужие работы. — Серебро. — Работы рудниковые. — История нерчинских рудников. — Побеги рабочих. — Начальники: грек Левандиан, Суворов. — Самозванец Чернышев, дело о нем и последующая судьба его. — Нарышкин. — Его бесчисленные чудачества и выходки. — Лекарь Томилов. — Купец Колосов. — Воинственный поход Нарышкина. — Взятие им Верхнеудинска. — Воевода Тевяшов. — Немцов. — Аршеневский, Барбот де Марии, Черницын. — Народные предания о последнем. — Теодор Фриш и его жена. — Тираны: Рычков, Аистов, Татаринов. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Нерчинского края. — Карийское золото. — Разгильдеев

Глава I. Нерчинские серебряные рудники и золотые промыслы

Обские звероловы открыли старые заброшенные копи руд на Алтае. Два брата-тунгуса в 1601 году нашли около р. Аргуни следы подобных же работ в Нерчинских горах.

По словам остяков, направил свою горнозаводскую деятельность сын знаменитого Никиты Демидыча, Акинфий Демидов; находка братьев-тунгусов объявлена была в посольстве Головина, приехавшем за Байкал для переговоров с китайцами о мире.

У Демидова оказались через десять лет (в 1739 году) в собственности два завода, 17 рудников медных и 30 со свинцом и золотистым серебром (между прочими — Воскресенский, из которого выплавлено первое русское серебро). В 1744 году Демидов выписанными из-за границы саксонскими мастерами добыл 27 фунт. 18 золоти. серебра и отправил его в Петербург.

Нерчинские руды прямо попали в казенные руки, ведались нерчинским воеводою (Мусиным-Пушкиным) и управлялись греком Левандианом. В 1700 году греки на реке Алтаче выстроили Нерчинский завод ив 1704 году сумели выплавить и отправить в Москву только 1 ф. 24 зол., к 1711 году нерчинского серебра оказалось в наличности только от 8 до 11 пудов, в то время, как Демидов на Алтае, через те же 11–12 лет, в состоянии был представить в Петербург 44 пуда 12 фун. чистого серебра, из которого отделено было 12 фун. и 32 золот. золота.

Работами у Демидова заведовал немец (бригадир) Веер с Булгаковым. Работы в Нерчинском заводе производили те же самые греки с Левандианом, которые сумели отозваться убыточностью производства на Алтае и негодностью руды там, где в настоящее время добывается ежегодно свыше тысячи пудов серебра и больше ста пудов золота.

Путеводителями и указателями в тех и других местах служили курганы и ямы, носившие у русских туземцев общее имя чудских. В одном кургане на Алтае (в Змеиногорском руднике) нашли целого *Чудака*, задавленного горною выработкою вместе с инструментами: кайлом, похожим на нынешнее, но круглым и оканчивавшимся наподобие выгнутого долота. Инструменты были либо медные, либо каменные. При этом медь оказалась отличной чистоты; в кожаном мешке древнего доисторического рудокопа сохранились богатейшие охры. При очистке одной такой же древней копи попались две медные гири с руническим письмом и несколько сот пудов серебряной руды, закрытой земляным пластом толщиною в аршин.

Те же верховые горные выработки наподобие ям или каменоломен (не глубже 5 сажен), известные у сибиряков под общим именем «чудских разносов», указывали на сокровища Нерчинских гор и вели по рудным признакам (землистой медной лазури) к необходимости устройства фабричных заводов на следах чудских работ, называемых култукскими (по имени горы). Отсюда добывались нерчинские руды и свозились на две фабрики Нерчинского завода, устроенные в 1721 году вместо пятичетвертовых очковых печей. В 1747 году таких рудников имелось уже 6; между 1747 и 1765 присоединились еще 5, к 1777 году открыто новых 4, к 1801 году еще 4; в 1834 считалось всего 12 рудников. В 1792 году при них было уже 8 заводов. В 1740 году открыты были Агинские медные прииски, потом ртутные и серные, затем оловянные и, наконец, с 1850 г., в три года, золотоносные россыпи в урочищах по рекам Куенге и Курлыче, на левом берегу р. Шилки в Гурбанишвирской долине.

В горных покатях и отрогах, отделяющихся от главного хребта и достигающих одинаковой с ним высоты, гранит поднял на себе и выдвинул известковые скалы. Пространство, находящееся между гранитом и известняком, заполнилось в трещинах рудами оловянно-серебряными. Жилы с таким осадком представляют тот основной

пункт, от которого тянутся в различных направлениях другие жилы. По таким жилам — дорогам — доходят до рудных залежей, нагроможденных в одном месте значительною массою. Серебро, обыкновенно, находится в руде оловянной, смешанной с небольшим количеством железной руды; но встречается также и в железной руде, смешанной с небольшим количеством олова. Последняя порода жил принадлежит к малопроцентным, потому что такую жилу труднее добыть из скалы и труднее, чем из первых, отделять серебро. Следы оловянно-серебряных руд в верхних пластах земли попадаются очень часто; присутствие сереброносных руд открывается очень часто при пробитии шахт и прорытии штолен в горах. Как только попадали на такую жилу, тотчас закладывали рудник, не справляясь ни с направлением, ни с благодарностью жил; оттого в Нерчинских горах оказалось их там много (до 40) и между ними напрасная трата времени, капиталов и тяжелого людского труда приспособлена была к таким рудникам, в которых работы существовать могли один только год.

Самою богатою рудою считается кристаллизированная, прозрачная и бесцветная; но на такие руды в нерчинских рудниках попадают редко; чаще нерчинская серебряная руда встречается в смеси большого количества олова и плавится легко. Руда, соединенная с охрою, имеет кровянисто-желтый цвет и заключает в себе немного олова и еще меньше серебра. Кроме этих, руды оловянно-серебряные попадаются еще в смесях с серою, с железом, кварцом и мышьяком.

Выкопанные и добытые из рудника руды сортируются. Крестьяне и женщины, все физически слабые, толкут и разбивают руды молотками. Пустые породы, как кварц, бросают прочь, а освобожденные руды ссыпают в кучи. Убогие руды превращаются в порошок в толчеях, потом провеваются сквозь сита и перевозятся в желоба, где вода отделяет и уносит обыкновенные и легчайшие части, не содержащие в себе металла, и, кроме того, увеличивает в руде пропорцию серебра. Серно-оловянные руды не подвергаются промывке, но сушатся на огне в больших кучах.

Приготовленные таким образом руды свозятся в заводы, каковых выстроено было в Нерчинских горах 8[145]. В заводах руды ссыпаются

---

[145] Кроме Большого Нерчинского (давно уже не действующего), построенного в 1704 г., были следующие заводы: на реке Кулукче, в 40 верстах от

слоями, пересыпаемыми мелким просеянным углем, в печи, называемые шахтовыми, сложенные в одинаковых размерах из кирпича. Таких печей на заводе бывает по несколько (в Кутомарском, напр., их было до 16-ти). Каждая печь обладает собственными свойствами, причин которых выследить невозможно, но каковые знает только работник, всегда работающий при одной печи: иные печи скорее плавят руду, если в них разом насыпят много руды и угля в меньшем количестве. Шахтовые печи имеют в вышину две сажени и наверху отверстие. На одной из стен внутрь идет одно, а в боковой стене два отверстия одно над другим; нижнее во время плавки залепляется. От стены передней насыпают руду и уголь, от задней насыпают самый уголь. Ссыпают в печь руду не одной породы, но взятой из разных мест, и главная заслуга мастера заключается в том, чтобы уметь смешать руды так, чтобы они легко плавились. Мех, воспламеняющий и увеличивающий печной огонь, двигается либо водяным, либо конным приводом. Когда уже руда расплавится и придет в жидкое состояние, олово и серебро, как вещества тяжелейшие, сквозь все слои угля сплывают на низ, а шлак или окалина через верхнее отверстие выплывает из печи. Два раза на день нижнее отверстие пробивают и выпускают через него олово в формы, сделанные из земли. Шахтовая печь, раз затопленная, не остуживается до тех пор, пока не испортится, что обыкновенно бывает через несколько месяцев. Сообразно тому, сколько вытекает окалины и олова, всыпают в печь в то же время угля и руды.

Отделение серебра от олова производится в плавильных печах, сложенных куполом и обмазанных внутри огнеупорною глиною; с боков печи имеют несколько отверстий, в самой же середине печи находится прямоугольная впадина, глубиною в 1½ дюйма; средняя величина печи бывает 2 сажени. Тут же, сбоку плавильной печи, находится обыкновенная печь, в которой беспрестанно горят дрова;

Большого, в 1760 — Кулукчинский, названный потом Борзинским и, наконец, Дучарским; в 1764 — Кутомарский, в 1769 — Щилкинский; в 1776 — ниже Кутомарского, Екатерининский, первый вододействующий; в 1778 — Газимурский: все 7 казенные. В 1816 году приобретен в казну и Воздвиженский завод на слиянии реки Записанной с Аргунью, выстроенный в 1776 г. частным заводчиком Сибиряковым.

мехи же гонят из нее в первую печь воздух и пламя, которые в ней неустанно, как в аду, кружатся и представляют эффектное зрелище.

Олово, добытое в значительном числе в шахтовых печах, кладется в плавильную, и на него обращают пламя. Олово растопляется скоро, и жидкая масса его не скоро окисляется (т. е. соединяется с кислородом воздуха), а так как недокись олова есть проба легчайшая, то уносится вверх через небольшой желобок, твердея в главных дверцах, и всплывает при помощи людей. Люди вытаскивают его и переносят в маленькую печку, имеющую едва кубический аршин, плотно закрытую и наполненную горячими угольями; здесь недокись олова окисляется, и затем уже получается чистое олово в отверделом виде. Операция окисления совершается в плавильной печи в 3 либо 4 дня. Серебро, которое трудно соединяется с воздухом, упадает на низ и оседает во впадине, о которой упомянуто выше. Признаком окисления олова служит очень сильный блеск серебра; когда уже олово совсем окислится и серебро получит чрезвычайный блеск, гасят огонь и вливают в печь воды для скорейшего охлаждения, а из впадины выдергивают серебряную бляху, которая называется бликом. Каждый блик имеет наверху различной величины пузырьки, из которых, когда они лопнут, выливается серебро. При свободном охлаждении печи блик встряхивается, и видно, как на его поверхности появляются пузырьки. В серебре попадаются частицы золота, которое выделяют уже в Петербурге.

К этим-то печам, наполненным белокалильным жаром, в эти-то штольни, идущие по направлению серебряных жил, на яркий жар заводов и в темный сумрак рудников начали посылать с 1721 года преступников из России, приговоренных к каторжным работам. 10 февраля 1722 года именной указ, объявленный через Сенат, велел освобожденных от каторжных работ в России и назначенных к ссылке в Сибирь в дальние города «послать и впредь таковых посылать с женами и детьми в Дауры на серебряные заводы». До 1712 года правильной ссылки в рудники не было, и все работы производились приписными крестьянами, переселенными из разных мест Сибири в виде рекрут[146]. Так, между прочим, при нерчинских рудниках в

[146] Ссылка на Колывано-Воскресенские (т. е. Алтайские) заводы прекращена в 1762 году (сенатским указом 22 января).

1708 году водворены были 104 человека крестьян с реки Енисея, в 1722 году 900 семей из разных сибирских губерний. В 1759 году таких заводских рабочих считалось уже 2132 души, число которых снова увеличено 3398 душами, переселенными из Томского, Енисейского, Иркутского и других уездов и некоторых сибирских городов, не положенных в подушный оклад и показанных под именем посадских и цеховых, а также не занимавшихся торгами и промыслами. Тогда же от нерчинской канцелярии приписаны к заводам Удинская слобода и Аргунский острог со всеми жителями. Мастеровые из Екатеринбурга, в виде рекрутов, дополнили число опытных, знающих горное дело рабочих. В 1833 году число приписных крестьян считалось уже 17709 душ мужского пола; сверх того, 4124 каторжных мужчин и женщин в работах, 220 детей в счете будущего, 900 рабочих находилось на своем пропитании (из них детей 221), во временном увольнении 116 (при них детей 8) и дряхлых 96. К 1777 году выплавливали серебра от 500 до 600 пудов (из 300 т. руды от 35 до 200 пудов)[147].

Новоприбылые рабочие крестьяне обязаны были рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить из куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжигания флюсов, возить с рудников добытую готовую руду на заводы, также пески и всякие флюсы, потребные к выплавке руд, делать и починять плотины, поврежденные наводне-

---

[147] В Нерчинском заводе 446 муж. и 7 жен.; при кожевенной фабрике, в 17 верстах от завода, построенной на р. Аргуни в 1789 г., ссыльных рабочих 21; при суконной фабрике в том же селении, где и завод, устроенной в 1832 г. и выделывавшей шерстяную пестрядь или сукманину —14 муж. и 21 жен.; в Дучарском заводе, в 40 верстах от Нерчинского, в 30 от Калтумы, основ, в 1760 г. — 279 м. и 1 ж.; в Кутомарском (1764 г.), в 70 вер. от Нерчинского и в 3 от Екатер. зав. —330 м. в 3 ж.; в Газимурском (1778 г.), 107 в. от Нерчин. — 58 м. и 1 ж.; в Александровском (1792 г.) — 120 м. и 1 ж.; в Шилкинском (1769 г., в 170 в. от Нерчинска) — 125 м. и 1 ж. По рудникам работало ссыльных 1931 м. и 28 ж.; на Воздвиженской дистанции 373 м. и 7 ж., на Благодатской 165 м. и 2 ж., на Зерентуйской 255 м. и 4 ж., на Михайловской 51 м. и 1 ж., на Кадаинской 113 м. и ж., на Клячинской мастеровых и ссыльных 383, на Алгачинской 238 м. и 2 ж., на Газимурской дистанции 297 м. и 4 ж., Култуминской 41 м. и 4 ж., Шилкинской 18 м., на Ононских оловянных приисках 2 м.

нием или пожаром. На рубку дров назначено было время с 15 февраля по 20 апреля. Под опасением пени запрещалось употреблять крестьян в другие работы, но запрещение это осталось на бумаге. Тягота состояла не в этом и не в том, что для противодействия пьянству запрещено было иметь в сибирских заводах винные и пивные заводы и самую продажу производили только по праздникам, — нравственная тяжесть состояла в том, что заводские крестьяне обязаны были работами вечными, без отдыха и награды и, освобожденные от подушного, они все-таки обязаны были предоставлять и детей своих в распоряжение заводов. Рабочие побежали вон, начали делать мелкие проступки неповиновения. Пробовали разделить заводские селения на кварталы и учредить переменные денные и ночные караулы; построены были будки и сделаны при въездах в селения рогатки. Предполагали со временем окружить все селения рвами и обставить такими же рогатками, но беды не отвратили нисколько. Стал известен начальству всякий новоприбылой, но не только не пресеклись разные злоумышления развратников, старавшихся склонить заводских и горных людей к преступлениям и побегам, но и в самых селениях не было ни благоустройства, ни безопасности. У ворот в сторожах сели старики, еще находившиеся в силах и, во всяком случае, свой брат. Прибегали ко всевозможным крутым мерам, но заводские — против собственной вины — устояли на своем праве, отбились от рук, и архивные дела вскоре начинают ясно убеждать в том, что о людях перестали думать. Начальство преусердно занялось рудами на вид, на славу и удовольствие высших начальств и на приращение собственных дырявых карманов. В то же время подле источников богатств, обок с рудниками, выстроились селения; таким образом, сталось так, что там, откуда бежали даже кочевники, как случалось на Алтае и в Яблоновом хребте, новые люди с готовностью и изумительною быстротою выстроили новые, постоянные и прочные жилища.

Горные начальства разрабатывали старые руды, приискивали новые, распространяли разведки в действующих рудниках, приобретали новые руды. Нашедший руду имел право на получение (но не всегда получал) по полушке с пуда или по серебряному рублю с каждого фунта выплавленного серебра; за каждый пуд полученных из руд: ртути по 5 р., олова по 1 р., меди по 1 р., свинца по 50 к.

и железа по 15 к. асс. По 2 р.50 к. асс. с фунта положено было за выплавки чистого золота до тех пор, пока весь рудник не будет выработан. За открытие прииска или рудника ближе 500 сажен от начальных работ действующего рудника установлено было единовременное вознаграждение, смотря по благонадежности местонахождения. Начальство посылало за поиском руд и нарочные команды, принимало и готовые от разных рудокопов с товарищами; тратило большие деньги на покупку хлеба для рабочих и оставило в архиве множество дел, трактующих о недостатке хлеба у того или другого пристава, в том или другом месте. Местные неурожаи иногда по нескольку лет сряду увеличивали бедствия голодовок и наполняли тяжелыми рассказами первые страницы истории нерчинских заводов: то выпустят ссыльных на поруки, то служащим лицам уменьшат пропорцию провианта до половины — холостым до 1 пуда, женатым до 1½ пуда в месяц. Тянулась длинная война с рабочими, в виду побегов со стороны последних, без уступок и перемирий[148]. Затевалась изредка борьба со своими по поводу тайной хищнической выплавки казенной руды (так, напр., писец Юренский тайно плавил богатые руды при Кутомарском заводе). Слышатся непрестанные жалобы на падеж скота и, преимущественно, лошадей, истомленных заводскими работами, не пользовавшимися еще в те времена приспособлением водяных машин. Начальство хлопотало о постройке церквей при заводах, о засевах овса и конопли и о защите заводских работ пушками от набегов воров с китайской стороны[149], прилагало старание о пресечении

---

[148] Высылали и 50 человек тунгусских казаков для поимки беглых, учреждали и целый полк (Селенгинский), между прочим, для той же цели; выслали из России и мещеряцких казаков. Тунгусские казаки явились в своем национальном платье из козлиных кож с луками, стрелами и при саблях, но ссыльных не испугали и дороги им в лес не преградили.

[149] В 1759 году рекомендовалась нерчинским заводам предосторожность; в 1765 году прикомандирована была гарнизонная рота для охранения заводов от китайцев и неприятельских набегов. Впрочем, опасения были излишними и напрасными с той поры, когда Головин нерчинским трактатом прекратил несогласия с Китаем, а ссыльный гетман Демьян Многогрешный разбил бурят наголову и застращал их до вечного подданства. Несогласия позднейшие вызывали мелкие набеги и стычки со сторо-

появившейся между крестьянами французской болезни, но в то же время — о наборе рекрут, о взыскании с крестьян, не бывших у исповеди, штрафных денег; дела усложнялись, положение заводов ухудшалось. Пробовали освобождать колодников на поручительство «по малоимению хлеба» — отчасти облегчали их участь, как будто давали им возможность набираться силами, но казенные заводы на казенных руках с обязательными подневольными работниками не улучшались с того самого времени, как управлял ими грек Левандиан. Пробовали пересаживаться по способу крыловского квартета, но и этим не достигли цели во все времена; и когда с 1700 г. управлял нерчинскими (тогда назвавшимися аргунскими) заводами рудный приказ, с 1711 г. — иркутское начальство, и когда с 1715–1719 г. опять рудный приказ, с 1719 г. государственная берг-коллегия, с 1736 г. берг-директориум, а с 1742 г. опять берг-коллегия, — в делах заводских был полный неуспех, они текли медленно, заводы упали.

В 1761 году определен был на заводы командир, генерал-майор Вас. Иван. Суворов, снабженный особою инструкциею Сената, от которого он единственно и зависел. Инструкция эта давала полную свободу его действиям, и затруднения могли быть им скоро разрешаемы. 12 лет управлял он заводами и успел их оживить и улучшить. Он был независим от губернатора, имел право производить в чины до капитана, награждать и наказывать чиновников. Такая обширная власть, по причине большого удаления от столицы, легко могла быть употребляема во зло, но Суворов воспользовался ею в той мере, что остановил злоупотребления горных чиновников и достиг выработки серебра до 240 центнеров. При нем возросло число рудников; построены три самых главных и больших завода: Дучарский,

---

ны местных жителей, вытесненных с култунских копей (вблизи Большого Нерчинского завода). Судя по оставленным ими плавильным печам, монголы знали цену нерчинскому серебру и унесли в степь за Аргунъ живые предания о серебряных добродетелях. В прошлом столетии побаивались и венгерцев, явившихся со своими заветными и известными на всю Русь ящиками с контрабандными товарами и лекарствами, велели иметь осторожность и от поляков, приезжавших в той же обстановке пеше-бродячей торговли. В том и другом случае боязнь имела характер политической предосторожности на случай государственных измен и возмущений.

Кутомарский и Шилкинский; найдены новые прииски: Калчинский, Воздвиженский, Шилкинский, Екатерининский, Тайнинский. Частный предприниматель купец Сибиряков, живший в Нерчинске, в значительной степени развил производство, приобретя себе несколько рудных месторождений. В 1774 году открыты были им рудные прииски и построен завод, названный Воздвиженским. По заключенному с берг-коллегиею договору он имел на прииски право собственности; работал на Михайловском, Кильгинском, Воздаянском, Покровском, Цыган-Зеренском и друг. У Суворова он пользовался защитою и покровительством[150]. В Нерчинском крае, в соответствии алтайскому Демидову, Сибиряков в то время был единственным и деятельным эксплуататором рудных богатств.

При командире заводов Суворове однообразная деловая жизнь горных заводов подцвечена одним событием, выходившим из ряда обыкновенных, и притом вскоре по его приезде за Байкал, а именно в 1763 году.

Глава II. Самозванец Петр III

В 1763 г. в нерчинские заводы прибыл в партии арестантов солдат Петр Чернышев. Колодник этот под темным именем секретного арестанта заключен был в тюрьму при Дучарском руднике. Никто, конечно, не знал его прошедшего, а в настоящем видели в нем только такого колодника, который требовал более или менее осторожного и бдительного надзора. Используя его днем в рудниковых работах, наравне с другими, на ночь отводили его был в особый, так называемый секретный каземат, где и запирали. Так, по крайней мере, поступали с ним в первое время по прибытии в заводы. Однако, несмотря на всю бдительность надзора, Чернышев успел завести знакомства не только с соузниками (что было, конечно, весьма легко), но и с людьми посторонними — крестьянами. Из этих знакомств более интересное свел он с Иваном Серебряниковым, крестьянином Уровской сотни, деревни Лежанкиной. Крестьянин этот в Великом посту приезжал в Дучарский завод крестить

---

[150] В 1816 году как заводы, так и рудники с приисками куплены у наследников Сибирякова в казну. На все имение до этого времени наложен был секвестр.

сына и для принятия новорожденного от купели звал в крестные отцы многих заводских служителей, но все они за неимением денег от предложенной чести отказались. Серебряников, верный заветному прадедовскому обычаю, пошел по заводу искать в кумовья первого встречного. Таким, по его словам, на его глаза показался солдат, стоявший в то время у заводской тюрьмы, с двумя арестантами, из которых Серебряников не знал ни одного. Не знал он и солдата (Василия Шорохова), но, тем не менее, поспешил пригласить его в кумовья; солдат, однако, отказался, хотя указал на одного из стоявших с ним арестантов, промолвив: «Зови-де вот Петра Чернышева». Чернышев согласился; солдат Шорохов привел его в дом к священнику Павлу Федорову. Там младенца окрестили; знакомство скреплено родством, и Серебряников недели через три-четыре, в первый день Пасхи, после заутрени, придя в завод к тюремному острогу, сквозь тын передавал уже своему куму Чернышеву десяток яиц и, пользуясь отсутствием часового, говорил ему:

— Если тебе намерение будет бежать, то ты иди прямо ко мне. Я тебя на дорогу хлебом не оставлю, только ты меня не оговаривай.

Воспользовавшись приглашением кума, Чернышев из тюрьмы бежал, но вскоре был пойман. Для поимки его посланы были во все нерчинские команды строгие приказы с предписанием о возможно скорых розысках, арестант-де опасный, секретный. При этом бывший в дучарской канцелярии первым присутствующим обер-бергмейстер Лодыгин высказался вслух очень многим тут бывшим в следующих выражениях: «Если бы кто оного Чернышева сыскал и, не убив до смерти, представил, то бы я того человека наградил деньгами, и прямой тот человек — сын Божий». Словами этими особенно заинтересовался ссыльный распоп Лев Евдокимов, который был определен при том же заводе к обучению служительских детей грамоте.

Вмешательство Евдокимова имело на дело крупное влияние, повернуло его на настоящую дорогу. Евдокимов в подобных делах не новичок: он уже в России подчинял свою судьбу судьбе другого самозванца, беглого солдата ланд-милиционного полка Кремнева. Обстоятельство это вынуждает возвратиться несколько назад.

Когда Кремневу удалось подобрать на Дону свиту, уверить по пути многих, «что рекрут и подушных денег 12 лет брано не будет

и винное курение будет вольное», когда с такими обнадежениями явился он и в Усманский уезд в однодворческое село Приволоку, а потом в село Новосолдатское, здесь местный священник Лев Евдокимов, в числе первых, поверил неграмотному солдату. Поверил он, как сказано в указе, «без всякого затруднения паче первых (т. е. выборного и десятского) по распутной и пьянственной жизни своей не только сам, но всех еще вообще, хотя весьма ложными и совсем вероятия недостойными и развращенными доказательствами, подкрепил и уверил»[151].

Дело (по словам указа) происходило так. Евдокимов пришел в избу, где находился Кремнев. Кремнев говорил ему:

— Поп, поминай государя Петра Федоровича!

—Дай Бог ему здравствовать! — ответил поп и потом спросил: — Где он обретается?

— Он подле тебя сидит! — не задумавшись ответил Кремнев.

Евдокимов при последних словах встал с лавки и поклонился. Кремнев снял со стены крест и велел Евдокимову целовать его, а равно руку и ногу. Лев беспрекословно повиновался, а затем пел молебен о здравии государя, поминал его на ектениях и на многолетии и потом рассказывал всем своим прихожанам, что когда он был еще в Петербурге дворцовым певчим, то знавал императора маленького и нашивал его на руках.

Уверениям священника из прихожан поддались до того, что стали приходить к Кремневу, целовали у него руки и ноги и называли его императором. Первыми поддались уверениям Евдокимова однодворец села Новосолдатского Осип Федюнин, дьякон того же села Максим Игнатьев и дьякон Василий Федоров, случайно приехавший в село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа доверчивого народа.

Толпа эта была велика. В ней, кроме местных крестьян, находилось весьма много и таких, которые пришли из окрестных сел и деревень. Были тут и крестьяне, были и отставные солдаты и, наконец, даже лица духовного звания. Между крестьянами или (как сказано

---

[151] При этом нельзя не заметить того важного обстоятельства, что разглашению Чернышева о себе как об императоре помогал также второй священник Иваницкий, и первыми поверили также лица духовного звания.

в указе) однодворцами резче других выдавались пять выборных, два десятских. Из отставных солдат отмечены указом три сержанта, вахмистр, два капрала, фурьер, подпрапорщик и даже один поручик (также отставной). Из лиц духовного звания обвинены в сочувствии делу Кремнева три попа, три дьякона, трое поповых детей, два церковника, дьячок. Сверх того, оказались причастными к делу двое цыган и один воронежский купец.

Приметная цифра лиц духовного звания давала право заключить положительным образом, что все они привлечены были к самозванцу разглашениями Льва Евдокимова, который действовал на них не только личным участьем, но и через посредство жены своей и жены однодворца Уколова[152].

К собранной, таким образом, около квартиры Кремнева толпе вышел прежде всех один из крестьян, прибывших в село Новосолдатское вместе с самозванцем. Выйдя к народу, крестьянин закричал толпе: «Становись на колени!» Все повиновались. Затем вышел из избы сам Кремнев, держа в руке крест. Все, таким образом, целовали этот крест, целовали у Кремнева руку и потом ногу, не исключая попов, отставных солдат, поручика Саввы Романова и женщин. Все они были искренни в своих движениях, исключая подпрапорщика Алексея Внукова, который, «хотя, по уверению распопа Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и целовал», однако в то же время попу Евдокимову упомянул, что государь Петр III умер, а выборному из однодворцев советовал послать нарочного, чтобы оповестить обо всем случившемся воеводу. Церковник Филипп Петров имел намерение «испросить у самозванца паспорт и не более только, как посмотря самозванцу в рожу, ушел в дом свой».

Устойчивее в своих действиях и самостоятельнее в личных убеждениях перед всеми другими был все-таки Лев Евдокимов. Когда из Воронежа для поимки самозванца прислана была воеводою Елиным гусарская команда, и приехал потом сам воевода, Евдокимов не только самозванца не отдал, но и народу приказывал не

---

[152] При этом нельзя не заметить того важного обстоятельства, что разглашению Чернышева о себе как об императоре помогал также второй священник Иваницкий, и первыми поверили также лица духовного звания.

выдавать. Деятельными помощниками его в этом деле были поповы сыновья, из которых Иван Фомин (после того как воевода собственноручно связал Кремнева) говорил самозванцу:

— Если бы я тогда был, как тебя воевода вязал, то я бы пятьдесят человек положил.

И затем не отставал он от самозванца до тех пор, пока его взяли под караул. Точно таким же образом не покидал Кремнева и другой попов сын — Аким Попов. Он успел тайно уйти с ним на другой двор, где обул его в лапти.

Меньшее участье к судьбе Кремнева (после того как он потерял свое дело) оказали отставные: четверо из них «хотя к отдаче оного Кремнева и не способствовали, однако советовали другим, чтобы его отвести в губернскую канцелярию»[153]. Отставной же капрал Василий Пальчиков, не оказав никакого сопротивления при аресте самозванца, согласился отвезти его в Воронеж, когда на другой день выборный сделал ему это предложение («препозицию» — как сказано в указе). Выборный Семен Черный, когда пришла команда, Кремнева не только не выдал, но и взятый у офицера приказ держал у себя, а выйдя потом к народу, выговорил, что он за Кремнева кровь прольет.

Тем не менее дело самозванца было проиграно, он скованным был отвезен в Воронеж. За ним последовали туда же и под караул все его сообщники, в числе 69 человек. Указ Екатерины решил освободить Кремнева от смертной казни, но повелел: «В страх другим такого отчаянного свойства людям, во всех тех селах, где он о себе показанные ложные разглашения чинил, при собрании народа, который ему безрассудно повиновался и легкомысленно верил, сечь кнутом в каждом селе по нескольку ударов. В обличение же явного его злодейства, привязать на грудь доску, с надписью большими словами: “Беглец и самозванец!”, а в последнем селе, по наказании, выжечь на лбу Б и С и потом послать в Нерчинск в вечную работу.

Евдокимов за все возмутительные преступления, яко нарушитель присяги, народного блаженства и спокойствия и не раскаявшийся о содеянном зле человек, по правам и законам государственным, до-

[153] Один из них, Тибекин, был в числе других, разглашавших о том, что в селе между ними находится император.

стоин неминуемо жесточайшей смертной казни. Но мы, однако, по прирожденному в нас человеколюбию и что он, распоп, сии все злодеяния чинил единственно от самого вкоренившегося в нем пьянства и жадности к оному, так и по распутной и развращенной жизни и невежеству, а сверх всего, что он в оном своем злодеянии при расспросе, без истязания, признался также, что сие учиненное им зло никоим образом с разумом и человечеством соображаемо не было, — от смертной казни (оставляя ему единственно последние дни жизни его о содеянном им зле на раскаяние) всемилостивейше освобождаем, а повелеваем: во всех тех селах, где он свои клятвопреступнические и изменнические чинил уверения и подписи, учинить наказание по нескольку ударов кнутом, привязав на груди доску, с надписью большими литерами: "Помощник самозванцу и народного спокойствия нарушитель и лжесвидетель". А по наказании в последнем селе выжечь на лбу знаки, двух слов первые литеры, то есть ложный свидетель, а потом послать в Нерчинск, в работу вечно»[154].

---

[154] Били кнутом еще однодворца Федюнина (за то, что разглашал, будто бы он самозванца в бытность в Петербурге видал); били кнутом выборного Черного, но оставили обоих на прежнем месте жительства; били плетьми поповского сына Попова, поповского сына Фомина и обоих крестьян г. Кологривого («яко помещичьих воров» — прибавлено в указе). Попов по наказании освобожден, а крестьяне «отосланы на старое жилище, куда принадлежат». Из числа 25 крестьян пять человек, по жребию, также высечены были плетьми и потом все распущены. Четверо выборных также наказаны были плетьми; восемь человек солдат из команды бывшего фурьера Будинова велено наказать каждого перед своею ротою батогами слегка, определить в службу по-прежнему. Всех лиц духовного звания (попов, дьяконов и церковников) подержать под караулом, в тюрьме, несколько недель на хлебе и на воде, а потом отослать к епархиальному архиерею, для свидетельствования — способны ли они впредь остаться в прежних своих званиях и местах? Тот же арест в тюрьмах, с содержанием на хлебе и на воде, присужден был и всем остальным из обвиненных: «Так как они к послушанию самозванца приведены ложным уверением и свидетельством распопа Льва, також будучи ослеплены таким же презренным послушанием приходов сих причетниками, коих они, по своей глупости, не менее считают как людьми во всем перед собою знающими, так как необыкновенное оные над ними приобретают начальство». Две женщины освобождены без всякого

В нерчинских рудниках имя Кремнева пропало бесследно, но Лев Евдокимов не изменил себе и о себе напомнил, сделавшись участником подобного же рода дела в самозванстве солдата Петра Чернышева.

Отправляемся следом за ним за Байкал на Дучарской горный завод.

Евдокимов этот, по личному сознанию, начал в Дучарском примечать «и подлинно, он, Чернышев, но отличный ли какой человек». Раз, когда Чернышев уже пойман был из бегов, Евдокимов пришел в мусорную, где на то время наш секретный арестант находился на работе. С ним из солдат никого не было, был только один сторож из ссыльных, Феклист Евдокимов принес с собою осьмину вина, поил этим вином сторожа, поил больше Чернышева и спрашивал (вернее, подговаривал, прознав, что Чернышев — человек одного закала с Кремневым).

— Какой ты подлинно человек?

Чернышев с великою клятвою и со слезами на глазах объявил, что он — бывший император Петр Третий, и при этом просил Евдокимова разглашать о том под рукою всем, кого он признает более благонадежными и опасливыми, примолвив:

— Ежели ты будешь разглашать, то нам обоим будет нажиточно.

Евдокимов, разумеется, не замедлил воспользоваться советом и для этого поспешил заручиться товарищем. Попался бывалый и

наказания вместе с подпрапорщиком Внуковым, сержантом Колесниковым и дьячком Иваном Поповым. Отставной поручик Савва Романов был лишен двух чинов, содержался на хлебе и на воде две недели и потом освобожден Воронежского батальона фурьер Иван Бурдинов за то, что повиновался и исполнял приказания самозванца (ездил по селам и разглашал о приезде императора, привлек на свою сторону 8 человек вверенной ему команды и, наконец, приехал в Воронеж для занятия Кремневу квартиры) — был прогнан сквозь строй через тысячу человек шесть раз и записан потом в солдаты в тот же батальон «для примеру других», как сказано в указе. Пьянство, «жадность к оному, необузданное, врожденное буйство, сопряженное с глубоким невежеством, подлое несмысленное состояние людей непросвещенных, слабый смысл, неразумие и легкомыслие» — вот те облегчающие причины, которые были призваны указом к смягчению приговора и объявлены всем обвиненным.

как раз пригодный для дела. Один ссыльный Иван Карпов рассказывал, что, в бытность его в услужении у грузинского царевича Георгия в Москве, Петра III видал и что секретный арестант Петр Чернышев имеет с ним поразительное сходство. Другой приписной из ссыльных, Кузьма Фирсов, уверял, что он действительно Петра III видал в Петербурге в 1763 году в тайной канцелярии, и что Чернышев «на лицо таков же, как и император».

Согласившись и столковавшись таким образом, эти двое из ссыльных начали распространять под рукою и под секретом, что Чернышев не простой человек, и рассказывали это сначала исключительно в одном заводе между мастеровыми и рабочими. Первым поверил их словам плавильный мастер Иван Карпов. В начале 1768 года, находясь в той же мусорной на работе, он, между прочими разговорами, спросил Чернышева.

— Какой ты человек бывал?

На что Чернышев отвечал, что он бывший император Петр Третий.

— Как же ты попал сюда в заводы?

— Бывши в Воронежской губернии для осмотра стоявших там полков, под видом солдата, был пойман и послан в здешние нерчинские заводы в ссылку, не поверя тому, что я такой великий человек.

То же самое сказывал Чернышев еще шести человекам.

Несколько дней спустя, пришел в плавильную фабрику Кузьма Фирсов и при тех же шести человеках долго и пристально смотрел на работавшего Чернышева, а отойдя в сторону, говорил мастеровым, что-де этот колодник не Чернышев, но подлинно Петр III.

Все эти рассказы возымели желанный успех. В тюрьму к Чернышеву начали приходить многие из заводских служителей и дарить ему кто что мог: одни приносили деньги, другие — вещи. Все эти подарки «чинены были единственно в том чаянии, ежели он освободится, то их не оставил бы и от заводских работ уволил». В этом же уверял их и сообщник Чернышева — Евдокимов. Более всех доверился обещаниям как Чернышева, так и Евдокимова заводский служитель Бабин. К нему Чернышев хаживал неоднократно «чаю пить, обедать и получал другие вспомоществования в пропитании», всегда уверяя Бабина в том, что когда он освободится,

то сделает его генералом. То же самое обещал Чернышев и другим и, между прочим, пробирному ученику Семену Белому, приехавшему в то время из Большого Нерчинского завода в Дучарский на побывку к отцу — «сеебборазделительному мастеру». Отец Семена Федор Белой уже держал сторону Чернышева, водил с ним хлеб-соль и помогал ему во всем, чем только мог.

Устроив знакомства в заводе, заговорщики стали действовать смелее и открытее далеко на стороне. Большую энергию в этом деле показывал, конечно, Евдокимов. Он водил в тюрьму многих крестьян, приезжавших случайно в завод, и показывал им Чернышева. Между прочим, привел он к нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забелина, «называемого, по народной моде, Шебаршею». Шебарша видел Чернышева, дал ему два рубля денег, долго с ним разговаривал и, уходя, обещал ему помогать во всем. В тот же день приходит к Чернышеву в плавильную фабрику сын Шебарши с казаком Тарским. Оба они, «посмотри на Чернышева и, не сказавши ему ничего, дали денег каждый по полуполтиннику» и ушли.

Знакомство с Шебаршею важно было для заговорщиков по тому обстоятельству, что Шебарша этот был крестьянин зажиточный сам по себе и, сверх того, находился в близких и приятельских отношениях с тунгусскими князьями Гантимуровыми. Князья были сильны и богатством своим, и тою материальною поддержкою, которая заключалась в войсках, находившихся в командовании и распоряжении их. Шебарша и в завод Дучарский (когда свел знакомство с Евдокимовым и Чернышевым) приезжал именно по делу одного из этих князей (Алексея) со скотом, который поставлял Гантимуров для заводских людей. Кроме того, Шебарша находился в родственной связи с крестьянином Серебряниковым, первым поверенным самозванца Чернышева.

На основании всех этих данных Евдокимов, с ведома и по согласию с Чернышевым, приходил к нему в 1768 году в Филиппов пост в кузницу, где Чернышев находился в шабашное время на работе, когда других рабочих там не было, и говорил ему о своем намерении послать нарочного с письмом к князю Гантимурову и к крестьянину Шебарше.

— Они, — уверял Евдокимов, — пришлют тебе для пропитания денег и других пожитков.

Чернышев согласился. Евдокимов привел к нему приписного из ссыльных в Уровской сотне Максима Косых, который и писал эти письма под диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этот же Косых — и доставил. Вернувшись в тот же Филиппов пост, привез он к этой кузнице и отдал Чернышеву 18 руб. деньгами, 1 пуда говяжьего мяса, 35 фунтов коровьего масла, две туши баранье-го, белой шерсти лошадь. При этом Косых сказывал, что князь Гантимуров прислал 4 р. денег, тушу баранины, говяжье мясо и масло коровье без весу; Шебарша — лошадь и 3 р.денег, остальное (по два руб. денег) — нерчинские казаки Григорий Тарской и Михей Курбатов и другие люди. А князь-де Гантимуров приказывал сказать, чтобы Чернышев, какая ему в пропитании и одежде нужда будет, прислал бы к нему нарочных, с коими-де он и будет присылать к нему все потребное для него и ни в чем не оставит; ему же (князю) самому присылать нельзя. Если он (т. е. Чернышев) хочет на волю, то бы прислал от себя письмо, почему он, Гантимуров, соберет команды своей тунгусов и возьмет его из тюрьмы разбоем, и что он будет повелевать — туда и повезет. «Если же и в завод бы приехали, — наказывал сказать Гантимуров, — там у меня-де ни один человек и в окно выглянуть не посмеет»[155].

---

[155] Князья Гантимуровы наводили страх на горные и другие начальства и пользовались почетом в те времена, когда еще не остыло уважение к государственным и политическим заслугам их предков. Вот коротенькая история этого княжеского рода. В XVII веке один из князей Гантимуровых владел в Китае землями и получал, в качестве вассала, три слитка золота и 1200 ланн серебра. Во время войны китайцев с русскими его послали впереди китайского и тунгусского войска на завоевание Камарского острога на Амуре. Гантимур без боя возвратился домой и, боясь наказания, с женами, родными, детьми, в количестве 500 душ тунгусов, ушел в Сибирь и принял русское подданство. В 1685 г. он крестился с именем Петра, а сын его Катан назвался Павлом. Его обеспечили имением и дали власть над 12-ю тунгусскими родами и с титулом князя внесли в книгу княжеских родов. Впоследствии царь вызвал его в Москву. Гантимур с двумя сыновьями и Сахалтуем, одним из тунгусских старшин, получившим потомственное дворянство, пустился в путь. На дороге, в Нарыме, старик Гантимур умер, а сын его Катан с братом Чикулаем и Сахалтуем благополучно прибыли в Москву. Катан воротился в Нерчинск и управлял тунгусами, а Чикулай вступил в русскую службу и уже не возвращался в Сибирь. Катан от

Косых за эту комиссию получил денег 30 коп. да саврасую лошадь. Остальные вещи Чернышев передал «для поклажи» двум заводским кузнецам. У них же прятал он и другие подарки, которые поступали к нему в большом количестве. Великим постом того же (1772) года навестил Чернышева его кум Серебряников и принес ему в подарок крупы. Чернышев, воспользовавшись таким благоприятным случаем, просил Се-ребряникова сходить к князю Гантимурову, на что тот согласился и, вернувшись вскоре в завод, принес три туши бараньего мяса, шубу и 12 руб. денег; кроме того, 5 фунтов коровьего мяса и лисицу. Часть подарков шла от князя, часть от Шебарши и от неизвестных. Чернышев, отпуская кума, велел ему сказать казаку Тарскому, чтобы он разглашения о нем делал исключительно между богатыми. Напутственные советы эти имели успех: Алексей Гантимуров прислал мерлушчатую шубу, крытую китайкою; два других его брата, вместе сложившись, отправили семь рублей денег, братский лама прислал также деньги; некоторые крестьяне подарили волков, шкуры которых Серебряников продал дорогою, а деньги, равно и все вещи, отдал Чернышеву. Чернышев, в свою очередь, часть подарков продавал, другою поделался со своими друзьями, из которых все-таки Евдокимов действовал решительнее и неусыпнее.

крещеной жены имел сына Иллариона; он, как царский стольник, получал ежегодной пенсии 40 р. асс., 20 ведер водки, 40 четвертей хлеба, 20 четвертей овса, соль и крупу. Богдыхан после побега Гантимура посылал к нему послов, которые должны были склонить его к возвращению и привезли ему в подарок золото, серебро, богатый пояс и сбрую. Гантимур подарков не принял и не возвратился. Тогда выслано было войско схватить его; китайское войско встретилось с Гантимуром на горе Умыкей, в 15 верстах от Нерчинска. Произошла битва — Гантимур был ранен, а китайцы разбиты. При заключении Нерчинского трактата 1689 г. китайские послы настойчиво требовали выдачи Гантимура, но его отстояли. Тунгусы Гантимура получили земли на Шилке, Газимуре, в Куенге, на степях Аргунских по Онону. Впоследствии из тунгусов ононских собрали казачий полк, который с тех пор и оставался под командою Гантимуровых. Современный нам князь тунгусский служил в военной службе, дослужился до капитанского чина и возвратился за Байкал в деревню Урульгу, находящуюся на Нерчинском тракте за Читою в 25 верстах от Кайдалова, — совершенно русским человеком.

Он тем же временем продолжал от имени Чернышева собирать подаяния, которым вел счет и счет этот записывал в собственные свои печатные святцы вместе с именами «милостивцев». Милостивцев этих привелось ему записать в эти святцы свыше десяти человек, а по счету всех пожертвованных денег оказалось налицо более 40 руб., кроме всякого рода рухляди и живности.

Ободренные таким неожиданным успехом в деле, которому они предвидели скорый конец, — особенно после того, как всех их едва не предал пробирный ученик Семен Белой, — заговорщики завели деятельную переписку со всеми своими благотворителями. Сам Чернышев, как оказалось впоследствии, не умел ни читать, ни писать, хотя раз и хвастался перед кузнецами в плавильной, что «умеет по-немецки, по-латыни и по-русски». Переписку за Чернышева вели другие лица: сначала сам Евдокимов (который и прятал все письма у себя в школе под крышею), потом пробирный ученик Семен Белой и, наконец, плавильный мастер Иван Карпов. Другой же Карпов (из ссыльных) читал все присланные письма Чернышеву, и он же сумел склонить на сторону самозванца другого богатого и тороватого крестьянина деревни Батаканской (Уросовской сотни) Осипа Коренева, носившего прозвание Дубленого. Явился к нему Карпов просить милостыни. Дубленый дал ему 50 коп. на всех колодников, содержащихся в Дучарском заводе. Получая деньги, Карпов выговаривал Дубленому:

— Для чего ты мало даешь, да и то на всех колодников? Я прошу на одного только великого человека, которого я знаю и который не Чернышев, а подлинно император Петр III. Потому-то надо послать к нему поболе и при нынешних случаях его не оставить, а он, когда освободится, тогда ничем не оставит и покажет милость: освободит от заводских работ и чем ни есть наградит. Я, Карпов, для него езжу и прошу у многих людей на него для пропитания, почему и есть от многих довольная подача.

Сказав все это, Карпов засвидетельствовал клятвою перед образом. Коренев всему сказанному поверил и выдал для Чернышева 3 рубля денег. Через полгода Карпов приезжал к Дубленому во второй раз и, сказав те же обещания, получил еще три рубля. Еще через полгода приезжал к нему же другой посланный из тюрьмы

от Петра Чернышева, крестьянин Серебряников[156], который обещал Дубленому ту же свободу от заводских работ. Дубленый, принимая в соображение, что сын его находился в Дучарском заводе на службе счетчиком и в чаянии будущей свободы, выдал Серебрянникову еще пять рублей, а чтобы удостовериться в истине его слов, сам поехал в завод повидаться с сыном и посмотреть на Чернышева. На улице в заводе встретился ему Карпов, который тотчас же попросил у него на Чернышева хлеба и, таким образом, выговорил у Дубленого пудов до 5 ярицы. С Чернышевым Дубленый виделся наедине, долго разговаривал, обещал и впредь помогать. Но, чтобы все это дело оставалось в тайне, рекомендовал ему посредника в лице регистраторского человека. Регистратор сам — как оказалось впоследствии — принимал косвенное участие в деле: хлеб принимали его люди, продавали потом (по 35 коп. за пуд) и деньги приносили регистратору (один Дубленый переслал таким образом до 25 пудов). Регистратор молчал, давая тем возможность сообщникам Чернышева расширить пределы их заговора.

В доме кузнецов, у которых складывали заговорщики лишнюю подарочную рухлядь, сходились они по временам для попоек. Вино покупалось в Бянкине. За ним ездили поочередно Карпов (плавильный мастер) и Серебряников (крестьянин). Серебряников на одной из этих пирушек, обратившись к Чернышеву, говорил:

— Ты, Чернышев, как можно из тюрьмы беги и приходи ко мне в дом; я хлебом не оставлю и провожу до князя Гантимурова, а он, по обещанию своему, тебя не выдаст и взять у него уже некому. Князь наказывал мне, чтобы ты прислал к нему письмо своей руки, а чужим-де письмам он не верит. Тогда князь соберет тунгусов и казаков сот до трех, а, может, и до пяти сот, и тебя сильно возьмет и увезет сперва к себе в дом, а потом представит в Петербург».

Последние советы спутали заговорщиков: во-1-х, невозможно было послать к Гантимурову собственноручного письма Черныше-

---

[156] Карпов оказался впоследствии неисправным комиссионером: денег не отдал, вещи распродал и полученное за них расходовал лично на себя; Чернышеву же и сообщникам его обо всем этом не давал знать. Ходил Карпов за подаянием по фальшивому увольнительному виду, написанному Львом Евдокимовым.

ва, а во-2-х, они опасались за крайний результат — именно, представление самозванца прямо в Петербург.

Решено было действовать иначе. Побег Чернышева признан был пока единственным средством к приведению в исполнение некоторых намерений, но не всех.

Ив. Карпов (ссыльный), только что вернувшийся с новыми подарками от Дубленого (состоявшими из свежей рыбы, пшеничной муки и куриных яиц), советовал прибегнуть к посредству Дубленого. Дубленого он упросил скрыть их на время в безопасном месте на случай побега из завода. Дубленый обещался перевезти их через Аргунь в лодке на китайскую границу, где найдет им такое место, что их никто не найдет. Пищею также не оставит, только бы приходило их с Чернышевым немного. На тот конец сосед Дубленого, приписной из ссыльных Федор Шулятев, в ожидании их прихода, обещался спать в приготовленной для того лодке. Денег этот Шулятев, по словам Карпова, прислать не мог ни копейки, но письмо к нему посланное получил.

— Потом, когда минется погоня, — говорил Карпов по наказу Дубленого, — Дубленый отвезет нас к Гантимурову на своих лошадях или куда Чернышев сам захочет.

Эта весть и, особенно, самое последнее обещание всем заговорщикам понравились. Решено было произвести побег из кузницы, тем более, что все почти кузницы были их единомышленниками. Случай к тому вскоре представился.

Выбрали для побега так называемое шабашное время, а именно тот день, «когда все кузнецы неведомо для чего повещены были в конторе». Остались в кузнице только Чернышев, кузнец Хромов и слесарный ученик Лебедев, «которые о побеге Чернышева как-то догадались и в тот час донесли управителю Протодьякову». Управитель приказал Чернышева «к ночам» приводить в контору и содержать там на стенной цени, но следствия о причинах к побегу не производил.

Эта неудача Чернышева возымела успех с другой стороны. С того времени приношения к нему сделались чаще и обильнее, сообщники и помощники его — ретивее: один Серебряников успел сходить к 12 человекам и от каждого из них принести по подарку. Участие к судьбе Чернышева удвоилось с той поры, как он вновь

был заключен в секретную комнату дучарской тюрьмы, и когда посетил его адъютант генерал-майора Ивашева, Михайло Панов.

Панов этот пришел в тюрьму вместе с шихтмейстером Грязновым и лекарским учеником Вешниным. Пришел он посмотреть на Чернышева, который в то время содержался при тюрьме «в особом чулане». Молча посмотрев на Чернышева, они все трое вместе вышли вон, но адъютант вернулся назад, потребовал Чернышева в сени, караульного солдата Рудакова отослал прочь, говорил с Чернышевым много и долго и вышел. По дороге он спросил Грязнова:

— Можно ли Чернышеву подать милостыню?

На что Грязнов ему отвечал, «что милостыню подать, кажется, противности никакой быть не может». Адъютант послал с Вешниным три «двоегривенника».

Это пустое, повидимому, обстоятельство подействовало на заговорщиков внушительно, но иным, неожиданным образом. Кузьма Фирсов рассказывал всем, что-де адъютант Панов навещал Чернышева и опознал его императором, а потом и сам генерал Ивашев ходил в тюрьму ночью в халате, осматривал Чернышева и присылал к нему потом (как сам генерал, так и его адъютант) письма. Больше других поверил этому показанию пробирный ученик Семен Белой, которого Фирсов просил при отъезде в Нерчинский завод наведываться о деле Чернышева и их извещать. Белой, по приезде туда, хотел спросить самого генерала, «но не посмел, а подбросить письмо побоялся». Раз остановил он (Белой) адъютанта на улице и, спросив о Чернышеве, слышал следующее: «Вот я ныне отправляюсь от комиссии в Петербург и об этом колоднике представлено будет, а я и сам видал, что он не Чернышев».

Все это было передано в Дучарский завод и распространено между всеми теми, кому о том надлежало ведать. Особенно горячее участие показал в этом деле плавильный мастер Иван Карпов, вернувшийся в Дучарский завод из Большого Нерчинского, куда был вытребован генерал-майором Ивашевым для гранения ему камней. Этот Карпов рассказывал всем:

— Я голову свою к генералу Петру Семеновичу носил и в приполе и объявлял ему о Чернышеве, что он подлинно Петр Третий, император, чем его, генерала, уверил. Он обещал, ежели подлинно

Петр Третий, пожаловать меня поручиком и об Чернышеве хочет отписываться в Петербург и посылает нарочно с представлением адъютанта своего, господина Панова.

Чернышеву же говорил Карпов, что Ивашев скоро будет за ним в завод. Хотел бы говорить еще что-то, но разговору помешали караульные солдаты, которые Евдокимова и Карпова от тюрьмы отогнали, причем солдат Иван Корелин ударил Карпова кулаком по затылку.

Как бы то ни было, но этот Карпов с той поры делается поверенным всех тайн сообщников Чернышева: он ездит по благотворителям их и собирает милостыни, покупает вино, вместе с ними пьянствует и снова едет туда, куда его посылают, беспрекословно, обязательно, хотя и не слишком честно. Так, например, он пропил в кабаке платок, посланный Чернышеву какою-то женщиною; не отдал части денег и не показывал писем, иные из них читал и не дочитывал Чернышеву. Все это побудило заговорщиков не доверять более Карпову и положиться во всем на Евдокимова.

Евдокимов, однако, не пошел дальше того, на чем уже было раз решено. Евдокимов и в этот раз остановился на побеге; а чтобы успешнее произвести его, подговаривал слесарного ученика Лебедева, кузнеца Тараканова и ссыльного Меншенина. Каждому из них обещал он привести по лошади, а лошадей надеялся достать от Шулятева и Дубленого (Коренева). Шулятев на то время успел уже сам побывать в заводе, повидаться и поговорить с Чернышевым и передал ему через караульных 50 копеек.

Число сообщников увеличилось еще несколькими из дальних крестьян, частью по письмам от Евдокимова, частью по стараниям и убеждениям Шебарши и Серебряникова. Серебряников снова явился к Чернышеву и снова обещал ему содействие и советовал безотлагательно бежать. Евдокимов настаивал на том же, но несколько изменил план. По новым соображениям, они должны были отправиться к Гантимурову, с тем «чтобы от него идти в российские города, куда кому случай допустит».

Между тем, наступило теплое весеннее время, благоприятное для побегов и любимое арестантами, решившимися бежать в лес. Чернышев стал учащеннее получать подарки от благотворителей своих и, в большей части случаев, не вещами, а деньгами. Те, которые

посылали вещи, напр., Большаков — тулуп, крытый шанхайскою китайкою, и два конца синей нелощеной китайки — советовали своим доверенным вещи эти продавать и выдавать пособие Чернышеву деньгами. То же велел сделать Шебарша, пославший с Серебря-никовым в милостыню Чернышеву лошадь, которая и была продана в городе Нерчинске купцу за три рубля.

Но прошла весна, и Чернышев за бдительным надзором не мог выискать случая к побегу. Случай этот представился ему уже в то время, когда в одном каземате с ним заключены были два других арестанта — Родион Отопков и Андрей Панов. 29 июня вечером они решились бежать вместе и начать для этого нужные приготовления.

Отопков говорил: «У меня на Шилке изготовлено хлеба печеного, сухарей пуда с два».

Панов: «У меня на Селенге живет брат, он нас отвезет на звериный или на рыбный промысел, где жить хоть до смерти можно».

А Чернышев: «Да и мне обещал кум Серебряников на дорогу хлеба исправить».

«Ладно, — решил Отопков, — вот мы до Шилки тем хлебом и дойдем».

При этом разговоре никого из посторонних не было.

На другой день (30 июня), в шестом часу пополудни, Панов пошел с караульным солдатом за водою, а Чернышев с Отопковым остались одни. Отопков, пользуясь случаем, отодрал с гвоздей доску у «казенки» (куда Чернышева запирали одного на ночь) и приставил ее к той же казенке «налепом», чтобы караульный не усмотрел. Вернулся Панов, вернулся и караульный. Караульный пошел в солдатскую за сменою, все три арестанта остались одни и не медлили: общими силами они в это время выломали доску около печи и заложили то место приготовленным на тот конец войлоком. Тогда пришла новая смена — двое караульных. Чернышева они увели в казенку и, по обыкновению, посадили на стенную цепь. Один солдат лег спать и заснул, другой сидел до полуночи и слушал сказки, которые рассказывал ему Отопков. Под говор Отопкова и этот караульный также заснул. Заметив это, Панов тем временем слез с печи, начал ломать казенку и произвел шум. Отопков молча

оттолкнул его и, вынув заранее отодранную ими около печи доску, сам пошел в казенку. Здесь гвоздем отпирал у Чернышева цепной замок в то время, когда сам Чернышев увивал платком бывшие на нем кандалы для того, чтобы они не звенели. Сняв таким образом цепи, они вышли из казенки. Отопков тем же гвоздем отпер замок и снял кандалы с собственных ног. Затем через отверстие подле печи они вылезли на двор в острог. Через тын пересаживал их Отопков, поддерживая сзади клюкою, по приставленной к палям дранице, обвязанной для большего удобства поперек тряпками. По внешней стороне острога на землю спустились они на кушаке, который укрепил Панов, влезший наверх прежде других. Кончив эту операцию, «оттоле, во-1-х, пошли на гору мимо церкви и, взошед на гору и у имеющихся на них, Панове и Чернышеве, железз расшибли кольца, а потом пошли по той горе вверх и, поверставшись прямо здешнего гофшпитала, те железа бывшим у Отопкова долотом разбили и тут положили под камень. А оттоле пошли по хребтам и прочим лесным и пустым степным местам и по убеге на завтра (т. е. 1-го числа июля) в вечеру пришли в падь Уровские покати; как та падь называется — не знали; в расстоянии от реки Урова, например, версты с две, где у Отопкова (незадолго до этого времени бывшего в бегах) сделан был балаган, в котором имелись его сухари с полпуда примерно». В этом стане беглецы ночевали; весь следующий день провели тут же. Вечером пошли к реке Урову и, перейдя эту речку вброд, с версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утром следующего дня пошли вниз по речке Урову пустыми «прикрытыми» местами и, в виду деревни, но не дойдя до нее, легли спать на сопке. Между тем наступила ночь. Беглые, пользуясь темнотою, отправились прямо в деревню для того, что Чернышев говорил им: «Пойдем опознавать крестьянина Ивана Серебряникова — моего кума и друга!»

Когда беглые стали подходить к этой деревне, то «тутошные жители или неведомо какие другие люди стали их ловить, почему они все трое и разбилися врозь»: Панов побежал к реке Урову, Отопков за деревню на сопку, а Чернышев обратно теми же местами, какими пришли, к деревне. Те же люди, которые их ловили, все бросились за Пановым (Отопкова же и след был затерян). Чернышев, между тем, пошел далее хребтами также пустыми и степными

«и иными местами, не заходя никуда в жилые места, и шел 11 дней голодом, оттого весьма истощился и пришел в бессилие». На двенадцатый день вышел он Газимурской сотни в деревню Шелопугину и «сам собою», по доброй воле, явился к смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслал его в газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже он препровожден был в Дучарский завод.

Вот что показывал Чернышев в дучарской заводской конторе, куда он был потребован из тюрьмы к допросу. В заключение этих показаний по форме он свидетельствовал следующее: «Будучи как прежде, так и ныне в побегах, воровства, разбоев, смертных убийств и дворовых поджогов не чинил и за другими ни за кем того не знает; становщиков и пристанодержателей никого не знает и ни от кого он не слыхал беглых, подобных ему нигде и никого не видал, ночевов и ночлегов нигде и ни у кого не имел».

Панов против показания этого свидетельствовал, что Чернышев посылал караульного солдата за покупкою вина, солдат принес осьмину. Водкою этой Чернышев поил его, Панова и Отопкова. О побеге сговаривались Чернышев с Серебряниковым один на один в тюрьме, куда впускал крестьянина солдат Бубенщиков. Чернышев говорил: «От кума-де пойдем к крестьянину Урульгинской слободы Максиму Плюшину, а оттуда к крестьянину Большакову; он-де меня знает и мне подарки присылал; а оттуда пойдем к князю Павлу Гантимурову в Городищенскую слободу; князь 12 рублей денег с племянником своим прислал и лошадь подарил». Деньги Чернышев отдавал кузнецу Батеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на те деньги покупали вино, а Чернышев у них гостил и тем вином товарищей потчевал. Серебряников в чинении разговоров не сознался, но от подачи милостыни на допросе не отказывался.

Отобранный допрос писан был начерно. Бывший управитель Дучарского завода шихмейстер Казимиров показанию ссыльных не давал особенного значения и дело бросил без исследования; новый же управитель Протодьяконов, разбирая дела предместника своего и найдя в допросах ссыльного Андрея Панова важное показание, решился дать этому делу дальнейший ход. Показание это заключалось в следующих словах: «Еще до побега Чернышев уверял Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указ о Петре III, императоре,

якобы он умре, написан ложно, а я-де действительно Петр III, император, о чем он многих людей, а особливо кузнецов Данилова и Батенева, также и Зыкова склонял и приводил в свою волю».

«В производстве этого дела, — пишет Протодьяконов в нерчинскую канцелярию, — здешняя дучарская контора приступить смелости не имеет».

Таким образом, по случайному поводу началось все это дело, подробностям которого мы дали место.

В Нерчинский завод свезены были причастные к делу (хотя и не все) и рассажены были за крепким караулом по тюрьмам. Началось следствие, а за ним и та путаница, которая до сих пор характеризует все дела о ссыльных, опытных в делах крючкотворства и всех подьяческих уверток. По мере усиления следствия увеличивалось и число подсудимых и арестованных. Дело, наконец, дошло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдат в команде для постоянного и бдительного надзора за арестантами; самые работы заводские приметно ослабели и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дела следствия шли, в большей части случаев, неуспешно. Некоторые из оговоренных не явились к допросу; так, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться заочным его показанием, которое он адресовал, в виде жалобы, в нерчинскую воеводскую канцелярию и все-таки не в нерчинскую горную[157]. Но все вместе подсудимые старались — по обыкновению — притягивать как можно больше посторонних людей, с единственною целью затянуть дело на бесконечные сроки и возможно затруднить следователей. Ко всей этой путанице допросов и переспросов, показаний на бумаге и изустных присоединилось

[157] Вот смысл прошения Шебарши: «Ко мне приезжали солдаты и вооруженные люди и хотели вести меня сильно. Я был на то время в собственном поле при посеве хлеба. Солдаты ночевали у меня. На другой день требовали обеда, и когда им дали постное, то разложили огонь на дворе, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь дом. Уезжая, сильно грозились на меня; а делали все это ради корыстолюбия, ибо он-де, Шебарша, с заводским начальством никаких дел не имеет, а оно знает его достатки и многих богатых успело разорить поборами, взятками». Боясь вторичного нападения начальства, Забелин (т. Шебарша) тайно выехал в Нерчинск под защиту воеводы.

еще более запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта обвинила многих новых и, между прочими, указывала на одного как на главного, но о котором до сих пор все другие молчали. Этот новый был некто Семен Иванецкий, также ссыльный, некогда друг и благодетель Чернышева, пришедший в ссылку вместе с ним из России. Теперь обстрелянный, Иванецкий вел дела с большею осторожностью и не выказывал той энергии, какая выразилась в неустанном и неугомонном товарище другого русского самозванца, приставшем и к этому. Этот Иванецкий жил в Уровской деревне и еще осенью 1768 года писал к Чернышеву письмо следующего содержания: «Премилосердный мой государь, Петр Федорович! Желаю вам здравствовать на многия лета, да при том же о себе уведомляю, что в малом здравии нахожусь от тяжкой печали и великой болезни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубах, ни одеяния не имею. От вашего здравия ведомости никакой не имею. Чрез сего письмоподателя прошу ко мне написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нет? долго ли нам здесь мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у вас имеются»[158]. В тех же бумагах следователи нашли ответ, писанный рукою Евдокимова, следующего содержания: «О чем вы изволите писать и слышать хочете о благополучии, приезжал генерал комисенский адъютант, ходил в тюрьму осмотрел Петра Федорыча и поехал с тем в Петербург к государыне и писал к Петру Федорычу, что будь надежен и так буду старание прилагать, как Богу так и тебе буди бланадежен и молись, проси у Создателя нашего, может ваших молитв Господь да послушает»[159]. Иванецкий потребован был к допросу. На нем от посылки двух писем — одного к Петру Федорычу, а другого к Евдокимову (которое, однако же, не найдено, спрятано-де было под половицу и закладено где-то мохом) — не отказывался; напротив, указал даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возил эти письма. Кроме того, Иванецкий показывал следующее: приез-

[158] На подлиннике письма этого написано было рукою самого Иваницкого: «Sub secreto».

[159] Таковое правописание подлинника. На нем пометка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

жавшие в Усть-уровскую деревню в 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь их Гантимуров посылает в подарок к Петру Федорычу, по письмам его, денег рублей по сто и по пятидесяти; дарил ему лошадей, шубы и другие потребные для него вещи и уверяется и им сказывает, что то Петр Третий, и хочет собрать их, тунгусов, и Петра Федорыча силою из тюрьмы взять. Некоторые из тунгусов сказывали, что князь их (но который — Иванецкий не знает) уехал в Петербург, а другие тунгусы приговаривали, это он-де едет из Петербурга, и с ним для взятья Петра Федорыча идет один полк регулярного войска, и велено-де его взять с честью. И слышали-де (тунгусы), что и он, Иванецкий, прислан с тем колодником вместе и по одному делу. На что Иванецкий тем тунгусам советовал не верить. «Чая, что у Чернышева много денег и других пожитков, то о присылке денег писал письмо в том рассуждении: ведая он об нем, Иванецком, что в ссылку он послан за него, Чернышева, то, может, вспомня, к нему из оных пришлет. А честным отцом распопа (Евдокимова) называл для общего успеха в деле».

Наследив, таким образом, главного двигателя заговора в лице князя Гантимурова, канцелярия Нерчинского завода и тут, при всех своих хлопотах и усилиях, ничего не могла сделать. Прибегла к пыткам — и они не помогли[160]. Требовала она от князя Степана показаний, но показаний он не давал, хотя и жил в то же время в заводе, в гостях у главного члена комиссии, генерал-майора Ивашева; просили его прийти в канцелярию, он с грубостью говорил посланному унтер-офицеру, что находится у главного своего начальника. В то же время и сам Ивашев сказал посланному, что Гантимуров состоит в команде его и в канцелярию и к здешнему командиру ходить ему не велит[161].

Взять силою князя Степана Гантимурова заводское начальство не решилось из боязни, ибо Гантимуров вызвал в завод с пограничных

---

[160] Так, напр., били плетьми плавильного мастера Ив. Карцова и добились только того, что заставили его показать согласно с Чернышевым. Относительно писем узнали только, что они действительно были присылаемы и читались Чернышеву у кузнечного горна. Но во всех письмах этих находили только намеки; все они писаны с великою осторожностью, в них заговорщики ни в чем не промолвились.

[161] Командир нерчинских горных заводов генерал-майор Василий Иванович Суворов, отец знаменитого героя.

караулов более ста человек вооруженных казаков, которых и держал (с ведома Ивашева) в заводе по 20-е число апреля, как бы для защиты и охраны своей личности. «А тех казаков он вытребовал без всякого уведомления, вдруг, нечаянным образом, когда в них никакой надобности не состояло и представляло нечто чрезвычайное; а над оными казаками и кочующими тунгусами имеет он начальство».

При такой запутанности дел и при тех трудностях, какими обставилось следствие в самом начале, следственная горная комиссия успевала делать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло из ее рук и ведения. Главного узла всего этого дела она не нашла, а тем более не могла его распутать. Евдокимов ловко отвертывался и далеко прятал концы. Остановившись на собранных показаниях, следственная комиссия додумалась только до очных ставок, но и ставки эти доставили ей новую путаницу. С трудом она, наконец, могла отследить только одно и решить для себя два главных вопроса:

1. Назывался ли солдат Петр Чернышев императором Петром Третьим?

«Назывался неоднократно и сказывался таковым всем, его знавшим и приходившим к нему с расспросами».

2. Что побудило Чернышева на подобное разглашение о себе?

«Разглашал все это не для чего иного, как только из желания получать от доверчивых людей деньги! Разглашать о себе велел другим — также только для своего прибытка, чтобы «привести здешних жителей в сожаление» (возбудить их сочувствие); а возбуждал это сочувствие опять-таки исключительно для того, «чтобы подавали ему деньги и к пище потребные припасы присылали».

На этих показаниях следственная комиссия и успокоилась, признав дело с своей стороны завершенным[162]. А между тем, вот что говорило прошедшее этого несчастного человека.

Он был некогда солдатом Брянского пехотного полка, из которого отпущен был в отпуск на родину в Орловский уезд, в одно-

---

[162] Во всем остальном очные ставки выводили наружу одни только мелочи; так, под письмом, отославным к Большакову, было подписано только «Петр Федоров», а не добавлено Чернышев. Писем он не писал сам по неуменью; подсудимые не говорили прежде никого из боязни наказания и т. п.

дворческое село Васильевское, сроком на две недели. К сроку этому рядовой Петр Чернышев в полк не явился. На родине украл лошадь. Из полка посланы были за ним солдат и капрал, но Чернышев, дойдя с ними до слободы Куньей, бежал с дороги и очутился в Изюмском уезде в селе Купенках. Здесь он сошелся с попом (потом распоп и ссыльный) Иванецким. В дому у этого Иванецкого Чернышев, раз напившись пьян, при попадье и при дьячке называл себя императором Петром Федоровичем. Об этом же самом уверял он их всех в доме какого-то крестьянина и при этом притворно плакал. Сдружившись с попом Иванецким, он заставлял его петь молебны и всенощную; на ектениях упоминался как император и, будучи в церкви, ходил в царские врата. Вскоре, однако, он был пойман, отдан под караул и отослан к бригадиру Зоричу. Здесь на допросах Чернышев упорствовал в сознании, много лгал, «а что императором себя называл, то это-де в пьяном виде, и замышлял выманить у Иванецкаго платье». Называться таким образом научил его один солдат, который за смертоубийство отправлен в Сибирь в ссылку. На этом же допросе сказывал, что раз уже был наказан за воровство шпицрутенами и батогами. Уличенный, таким образом, в преступлениях, Чернышев за ложно вымышленное разглашение, «яко возмутитель блаженного народного спокойствия и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побег и за ложные в допросах показания» избавлен от смертной казни. Вместо нее велено было в селе Купенках наказать его жестоко кнутом и сослать в Нерчинск в тяжкую работу вечно[163].

Подробности этого события сделались известны канцелярии Нерчинского горного начальства уже гораздо впоследствии, через отношение генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. До той поры следователи смутно догадывались о деле Чернышева и не могли дать себе ясного отчета об его разглашении. Эта неясность и запутанность взгляда и мнений перешла и в самый доклад, который изготовила комиссия и представила в сенат. Мы представляем теперь только начало и конец этого «доношения» с буквальною точностью в доказательство нашей мысли и в образец того, как казенная

[163] Тогда же и за то же, вероятно, сослан был и поп Иванецкий в соседство к Чернышеву по нерчинским заводам.

форменность слога вообще могла затемнять способ изложения и безбожно искажать в то же время живой, богатый и законченный наш родной язык.

«Понеже, — пишет канцелярия Нерчинского горного начальства, — из производимого в здешней канцелярии дела оказалось, что присыльный сюда Чернышев сам выдумал, его сообщники разглашали об нем, якобы он бывший император Петр III, чем многих уже из находившихся здесь крестьян и другого звания людей и уверили, которые по своему легкомыслию и давали ему великие подарки и намеревались его увезти, в чем многие и сами добровольно признались, а об оном же про Чернышева важном разглашении знали и находящиеся в Нерчинском ведомстве тунгусский князь Алексей да князь — Павла сын Степан Гантимуровы, также крестьянин Забелин, он же и Шебарша, и прочие, а паче, что все те, кож у них с тем ложным разглашением были, показывают, что из них князь Алексей Гантимуров хотел означенного Чернышева из-под караула сильно увезти и представить в Санкт-Петербург или отвезти, куда он велит; о чем и оный крестьянин Шебарша сообщнику Чернышева, ссыльному же Евдокимову, как он показывает, объявлял; также и казак Григорий Тарский крестьянину Серебряникову об том же, обще с оным Гантимуровым к Чернышеву приказывали, а его, Серебряникова, подучали, дабы он упоминаемого Чернышева увел потаенно и к ним доставил с немалым обнадеживаньем; а сверх того, оный же князь Алексей и объявленный князь — Павла сын Степан Гантимуровы посылали к оному Чернышеву письмо и как они, так часто упоминаемый крестьянин Шебарша давали ему, Чернышеву, великие подарки, чего всего им как для ссыльного, когда б они заподлинно его, Чернышева, так не почитали — чинить никакой надобности не было по рассуждению, что оный Серебряников не подозрительный, то и более показание его принять должно; да и самый оный Чернышев и все его в том сообщники и которые те подарки от них носили, объявляют согласно; почему б ими Гантимуровыми, Тарским и Шебаршею, яко намеревающимися произвести весьма противное, и надлежало исследовать, ибо ежели все оное справедливо, как на них показано, то они, конечно, без тягчайшего штрафа оставлены быть не должны; но хотя из оных Шебарша через нарочного и требован был от нерчинской воеводской канцелярии, в

ведомстве которой он состоит, но токмо и он самовольно выехавшею из здешнего завода следственною комиссиею и за показанием об нем, что он потребен для великоважного дела, удержан и еще с непринадлежащим на здешнюю канцелярию, яко бы она его требует для своего корыстолюбия, поношением, то и воеводской канцелярии, без всяких в том основательных причин, предписала. Что ж принадлежит до объявленных князей Гантимуровых и казака, то уже здешняя канцелярия и требовать их почитает за единое в решении сего дела продолжение, ибо когда означенная комиссия прежде писанного крестьянина Шебаршу удерживала, то уже, конечно, объявленных князей Гантимуровых без удержания не оставит же»[164].

«...Следовало бы, — говорит далее доношение,— обратить бдительное внимание на адъютанта главного штаба и члена комиссии Панова, но сделать этого канцелярия не может: во-1-х, потому, что, за множеством дел и за неимением достаточного числа приказных служителей, канцелярия с трудом управляется и текущими делами (а дело Панова, по важности его, не всякому можно доверить); а во-2-х, если всех оговоренных людей забрать, то не хватит мест для помещения, не достанет и людей для караула, и теперь уже с большим затруднением содержатся арестованные по этому делу и притом в таких местах, где б их и содержать не должно. По неимению же военных служителей употребляется в караул "по крайней неминуемости" большая часть заводских служителей. Многие из них отправлены в Петербург с серебром и еще не возвратились и все весьма потребны для заводских работ, а паче, что именным ее императорского величества указом, состоявшимся 1762 г. об уничтожении тайной канцелярии, повелено: буде доноситель имеет и доказательства и свидетелей, что донос его прав, и свидетели с ним объявляют единогласно, то и доносителя и свидетелей и тех или того, на кого донос, забрать [165]под крепкий караул, тотчас доносить

[164] Следует запутанный рассказ об упорстве Гантимурова явиться в канцелярию горного начальства и дать ответы и изъяснение опасений канцелярии действовать наступательно: «ибо у них (Гантимуровых) кочующих тунгусов под командою состоит немалая тысяча человек и народ весьма легкомысленный и склонный к продорзостям!».

[165] Прогонов назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до С.-Петербурга), а на обратный путь на

со всеми обстоятельствами в правительствующий сенат и ожидать указу. Объявленное дело касается и до обоих, изображенных в том указе пунктов, почему бы здешняя канцелярия, в силу оного указу, и должна была изыскать о всех подробностях того происшествия, но по вышеизложенным обстоятельствам более производства по сему делу чинить не может... Того ради» и проч.

Представление это послано было 3 июля 1770 г. с нарочным в С.-Петербург[179].

Все арестованные по делу Чернышева (17 человек) размещены были по разным тюрьмам: одни в Кутомаре, другие в Нерчинском Большом заводе, третьи в Ду-чарском, скованными, за крепким караулом. Некоторых назначено было употреблять в заводские работы, но также за крепким и безопасным караулом, до разговоров с ними допускать никого не велено. Чернышев содержался в Большом заводе отдельно от всех. К нему также никого не допускали; кто имел до него нужду — тех подробно спрашивали, кто приносил подарки — тех задерживали. Чернышев никого не видал.

4 сентября 1770 года состоялся именной указ императрицы Екатерины на имя главного командира нерчинских сереброплавильных заводов, генерал-майора В. И. Суворова:

«Нашему генерал-майору Суворову. Из присланного от вас к нашему генерал-прокурору мая от 7 числа сего года рапорта мы усмотрели, что сосланный по нашему указу на нерчинские заводы природою крестьянин Чернышев, который чинил о себе ложное и вымышленное между таковыми же крестьянами разглашение, а ныне еще оный Чернышев и на заводах чинил таковое же ложное о себе разглашение. Чего ради повелеваем оного ссыльного Чернышева, если действи-

---

624 версты 75 руб. 98 коп., «ибо летним путем отправления быть не уповательно». В инструкции, выданной посланному солдату, замечательны §§ 3 и 4. В них сказано: «будучи в оном нигде пути, никаких обид, налогов и напрасных прибытков не чинить и до взятков ни под каким видом и ни на единую полушку не касаться и поверстные деньги ямщикам платить сполна, по указу, без малейшего удержания; в волокиты также по не принадлежащим никому из живущих по пути обывателям, состоявшихся указов и собою вымышленных лживых и тебе того не известного не рассказывать. Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оного отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, ниже сюда, кроме настоящих доношениев».

тельно от него то разглашение чинено было, за сию его дерзость наказать публично кнутом, при тамошних заводских жителях, при коих он то о себе разглашение и делал и кои ему, может быть, по сущей простоте своей или, лучше сказать, малодушию тому его ложному разглашению поверили, и, заклеймя, как человека злого и дерзкого, послать в Мангазею вечно, где велеть его употреблять в тяжких работах. Как же оное его разглашение по здравому разому, достойно сущего презрения, то и следствия никакого о том не производить.

Екатерина».

В то же время (5 сентября) и генерал-прокурор (князь Александр Алексеевич Вяземский) писал к тому же Суворову: «Государь мой, Василий Иванович! Хотя из присланного к вашему превосходительству высочайшего ее императорского величества указа, по рапорту вашему о наказании ссылочного Чернышева, ваше пр-во и можете увидать, что разглашение его достойно презрения, и потому и следствия никакого производить не повелено, но как из того ж рапорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во об оном разглашении начали производить следствие, а потому и уповательно, что может быть по оному делу забраны люди под караул и содержатся, то ее имп. вел. высочайше повелеть соизволила к вашему пр-ву отписать, чтоб, по получении сего, всех тех людей, кои по сему делу к следствию были привлечены, из-под караула освободить и, освободи их, а равно и кто именно забраны были по оному делу под караул и по каким подозрениям, для донесения ее имя вел-ву ко мне отписать; при сем же прилагаю изображение вин помянутого ссыльного Чернышева, которое, как он выведен будет на публичное место к наказанию, изволите приказать, при собрании народа, вслух ему прочитать и по тому повелевное наказание учинить, ибо чрез сие самое народ узнает и прежние его плутовства. Впрочем, пребываю и проч.».

13 октября того же года и тот же генерал-прокурор делал дополнительное предложение и писал из Петербурга Суворову в Нерчинск советы[166]. Но уже было поздно: Суворов поспешил привести указ императрицы в исполнение.

---

[166] Вот что писал, между прочим, князь Вяземский к Суворову: «1) Как уже о учинении означенному Чернышеву, за показанную вину, наказания, а равно и о свободе содержащихся по сему делу людей, минувшего сентября

2 ноября получили свободу все те из арестованных по делу Чернышева, которые содержались под караулом в Большом Нерчинском заводе, таковы: плавильный мастер Иван Карпов, ссыльные: Лев Евдокимов, Кузьма Фирсов, Федор Коренев (он же Дубленый). Затем распущены были по домам и остальные люди, размещенные по тюрьмам кутомарской и дучарской. От каждого из них взяты были подписки, «дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашению не верили и об оном, почему они содержались, никому не сказывали, под опасением, в противном случае, неопустительного штрафа».

4 ноября совершена была в заводе казнь над Чернышевым «при собрании здешнего завода жителей, и изображение вин прочитано и наказание кнутом учинено». На третий день (6 ноября) Суворов поспешил совершить над Чернышевым и второе наказание: деятельно озаботился отправкою его на место новой ссылки. Для сопровождения Чернышева назначены фурьер Лазарев и солдат Рудаков. Им выдано жалованье и амуниция вперед за целый год (по 1 руб. 12½ коп. на мундир 1 руб. 59¾ коп. за выплавленное серебро; всего по 2 руб. 72¼ коп.). Чернышев получил шубу, рукавицы («голицы с ворогами») и на чулки сермяжного сукна три

5-го высочайший ее имп. велич. указ ген.-майору Суворову дан, то ныне об оном Чернышеве и резолюцию вновь нужды давать не остается: 2) из произведенного же следствия усмотрено, что ссыльный Кузьма Фирсов, будучи столь бессовестен, что не только разглашал и утверждал это Чернышева разглашение за истинное, именно же тем, якобы он сам, будучи в Петербурге, его видал, чего никогда в самом деле не было, да и быть не могло; однако же, сам своим ложным и вымышленным уверением показанных по делу людей довел до тюремного заключения, — чего ради за таковой его умысел ложный и что, чрез сие самое, утвердил он и в прочих более вероятия; также, дабы и впредь он таковых ложных плевел рассевать не отважился, наказать его, Фирсова, публично плетьми и из-под караула освободить; 3) что же по оному следствию открыто было, хотя от недостойных веры людей, якобы генерал-майор Ивашов, а равно и его адъютант о разглашении Чернышевым о себе были известны, чего в самом существе быть не можно, да и самые сии оклеветатели в том ложном разглашении признались, то и оное предать совершенному забвению». Предложение это приведено было в Нерчинском заводе в исполнение 27 января 1771 года.

аршина. Для дороги, на казенный же счет, заготовлено было двое саней («обшевней»), фурьеру Лазареву — по форме — выдана была инструкция, в которой, между прочим, приказано: «Принят Чернышева скованного и вести таковым под крепким караулом, с коим никого ни до каких разговоров не допускать и самим о неподлежащем не разговаривать и от утечки хранить неослабно, а для пропитания давать по две копейки на день; звать в Мангазее в воеводскую канцелярию» и проч.

При отправлении Чернышева нерчинское горное начальство встретило весьма важное затруднение: оно не знало количества верст до места назначения Чернышева, смутно имея представление о том, что надо его везти по направлению к Иркутску. Нерчинская канцелярия из этого недоразумения и неведения выпуталась таким образом: она выдала прогонные деньги до Иркутска, где просила губернатора (генерал-майора Бриля) выдать прогоны до Мангазеи. Но и в Иркутске решились выдать их только до Енисейска (на 1137 верст), и уже енисейская провинциальная канцелярия должна была снабдить приставников Чернышева деньгами до Мангазеи[167].

18 февраля 1771 года канцелярия нерч. горн. нач. рапортовала генер.-прокур. Вяземскому следующее:

«Чернышев, по учинении повеленного наказания, отправлен был с нарочным в Мангазею, который, по привозе в город Енисейск от тамошней канцелярии, за прилунившеюся ему болезнью и что от Енисейска до Мангазеи зимнего тракта нет, — удержан был до будущего весною отправления в оном Енисейке; а сего февраля 17 дня она, енисейская канцелярия, присланным рапортом объявляет, что оный Чернышев, с самого в Енисейск

---

[167] На реке Тазе, около 1800 верст от реки Енисей, через тундру, гораздо севернее Туруханска, вблизи океана, существовал этот острог Мангазея. Название свое он получил от первого русского хлебного магазина (мангазеи), построенного в прошлом столетии, тотчас по занятии того края русскими, и когда еще хлеб в северную Сибирь доставлялся из Архангельска через Обскую губу. Лет с лишком сто тому назад эта Мангазея сожжена юраками, враждовавшими с остяками, и за то, что русские вступились за остяков. Вследствие этих несогласий, земли были разграничены: правые берега р. Оби и Таза отданы были юракам, а левые — остякам. Теперь на месте Мангазеи не видать не только русских изб, но даже и инородческих юрт.

привозу, будучи содержан в тюремном остроге, под крепким караулом, находясь в болезни, на 6 число минувшего января сего 1771 года умер, который надлежащим порядком и погребен».

Излишняя ли скорость поездки или излишнее рвение местных начальств были причиною такой скорой смерти Чернышева — об этом мы не имеем данных. Знаем только, что ему было от роду всего только 36 лет, а по рапорту енисейской канцелярии, что в Енисейск он прибыл без теплой одежды и уже серьезно больным. Остановлен он был в тюрьме столько потому, что до Мангазеи нет зимнего пути (большую половину которого ходят на лыжах или ездят на собаках), сколько же и потому, что предполагали будущею раннею весною отправить Чернышева на казенных барках, которые каждогодно отправляются с казенною солью.

Чернышев погребен был за вечернею при енисейской Богородицкой церкви. После него остались собственные его пожитки: войлок, небольшая подушка и одно ветхое овчинное одеяло без покрышки; все эти вещи определено распродать, «а и еще имелась при оном арестанте данная казенная шуба, коя, будучи в болезни этого арестанта, под него подстилана и что он гнил и с места не вставал, оттого и сгнила, и затем брошена», — темно и запутанно, но тем не менее красноречиво писала 19 января 1771 года енисейская провинциальная канцелярия в канцелярию Нерчинского горного начальства[168].

По отъезде Суворова власть и административная сила в руках сумасбродного, полупомешанного преемника его, Нарышкина (Вас. Вас.), превратилась в орудие самого бестолкового и безобразного произвола. Командованье Нарышкина до такой степени своеобразно, что мы решаемся говорить о нем подробнее.

---

[168] В современном архиве современного Нерчинского горного правления хранится все это дело о Чернышеве с надписанием: «Секретное дело о каторжном Петре Чернышеве с 1770 года (начато по рапорту дучарской заводской конторы), преданное вечному забвению». В ряду других Чернышев — седьмой самозванец на одно и то же имя.

Глава III. Василий Васильевич Нарышкин

Через четыре года после рассказанного нами события на место знакомого уже нам генерал-майора В. И. Суворова приехал из С.-Петербурга в нерчинские заводы новый главный командир — коллежский советник В. В. Нарышкин — бывший прокурор комерц-коллегии. Суворова нашел он еще в заводе и тотчас же по приезде озаботился выдачею ему прогонных денег на 10 подвод (на 7009 верст — всего 544 руб. 97½ коп.) до Петербурга, куда просил себе Суворов увольнения по болезни.

2 мая 1775 года приехал Нарышкин в Большой Нерчинский завод — центральное место всего управления, 4 мая уже вступил в командованье заводами и занялся его делами с изумительною ревностью. Ровно одиннадцать месяцев не выходил он из своей квартиры, и никто его, кроме должностных лиц и докладчиков, никогда и нигде не видел. Как это все действовало на арестантов и заводских служителей, по делу о Нарышкине не видно, но по дальнейшим его распоряжениям мы можем убедиться в том, что затворничество главного командира не прошло для заводов без благодетельных улучшений и более или менее разумных распоряжений на первое время.

«Рассматривая состояние заводских крестьян, — писал он в нерчинскую заводскую контору, — нашел я некоторые их селения утесненными и недостаточными в землях, а, напротив того, зная, что заводские офицеры (получая от казны с жалованьем и рационы, равно как и сам я) пользуются землями для своих пашен и сенных покосов, то дабы крестьяне получать могли возможные выгоды и не терпели бы в землях недостатка, коим, по всей справедливости, они принадлежат больше всякого состояния людей, отныне запрещается всякому офицеру или в службе находящемуся человеку, сверх своего определенного жалованья, владеть землями, что наблюдать при заводах и рудниках управителям; землю офицеры обязаны нанимать повольно у крестьян; из сего правила исключаются места, лежащие в отдалении и в совершенной пустоте». Таким решительным распоряжением начал Нарышкин свое управление заводами, устремляя внимание преимущественно на крестьян, быт которых его особенно заботил. Видя трудность их положения относительно платежа податей и исправления заводских работ, он

поспешил привести все это для себя в ясность. По его соображениям и по расчету оказалось, что заводские крестьяне платили впятеро больше, чем соседние государственные крестьяне. Чтобы облегчить их участь с этой стороны, он отдалил сроки для сбора подушных денег и вместо мая назначил июнь, а с другой — упразднил право располагать крестьянскими работами, направление которых до этого времени зависело от заводских контор. В то же время освободил он заводских крестьян от излишних работ, назначаемых тем из них, за которыми осталась казенная недоимка. При этом Нарышкин высказался, во всеобщее известие, следующим образом: «Должность начальника не только в том есть, чтобы пользоваться лестною при первом виде казне выгодою, но примечать того: не ведет ли оная с собою, на настоящее и будущее время, какого неудобства и, вместо пользы, не может ли произвести вред».

На основании этих убеждений он поспешил сложить с крестьян все заводские работы, определенные на 1777 год, и с тем, однако же, чтобы настоящие они «исправили в положенное время неотменно», обещая неисправных употребить в каторжную работу. Возить руду со всех рудников и во все заводы дозволил каждому крестьянину, прибавив по два рубля на каждую тысячу пудов, и деньги за возку приказал «выдавать стараться без малейшего промедления, чтобы этим самым больше возчиков приохотить». Для устранения злоупотребления назначил надежных смотрителей.

«Для сохранения лучшего и доброго порядка между крестьянами» он учредил в помощь старостам должности двух судей, которых выбирают сами крестьяне, а начальство только приводит к присяге. 4 июня того же 1777 года указом своим уничтожил в селениях приказные избы, переименовав их в земские суды. Судам этим дал наставления относительно земледелия и сельского хозяйства. В «наставлениях» этих Нарышкин успел показать в себе практического и знающего человека. Говоря о хозяйстве, входит в мельчайшие подробности и обличает в себе большого знатока дела и замечательного практика, хотя в правилах о домообзаводстве рассыпал много утопий, но в то же время высказал много дельных заметок[169].

---

[169] В этих наставлениях особенную заботу он прилагает к удобрению полей и посевам. Так, советует мочить семена через ночь в навозном соку и пересыпать лежалою на воздухе известью. Выжженные поля и нови совету-

Наставления и правила эти он велел читать крестьянам по церквам, а в тех местах, где церквей нет, предписал собирать крестьян в земские суды.

Уходя дальше в своих заботах о земледелии, Нарышкин увеличил число запасных магазинов, но хлеб предполагал складывать только на один год. Хлеб закупал сам и продавал его неимущим по казенным ценам; нередко отпускал в долг. Заботился о разведении в Аргунском остроге конопли и собственноручно писал правила и руководства для ее мочки. Исправных старшин, являвшихся в канцелярию с дельными, правдивыми и честными отчетами, угощал у себя в квартире и обдаривал; с тем вместе, обо всех таковых публиковал во всеобщее известие.

В Аргунском остроге Нарышкин намеревался построить для престарелых и увечных крестьян богадельню, а в Нерчинском заводе прилагал сильное старание к тому, чтобы существовавшую там школу привести в лучший порядок «колико возможно, и учеными людьми завестися». Всех учащих и учащихся собрано было до 77 человек. 21 апреля 1778 года училище было открыто и поручено в дирекцию способнейшему человеку, Николаю Иринархову[170].

Таков краткий перечень всех тех распоряжений, которые характеризуют заботливость нового нерчинского командира о заводских крестьянах. Насколько они имели успеха в практическом применении — по делу о Нарышкине не видно. Известно только то важное и характеристическое обстоятельство, что Нарышкин через полтора

ет проходить нарезною сохою вдоль и поперек столько раз, сколько потребно для рассечения корней, которые потом легко вывалятся. Места, где хлеб худо родится, предлагает пахать на быках, ибо-де одна лошадь не имеет силы против двух быков, а пара быков не дороже хорошей пахотной лошади. Сеять хлеб предполагает мельче: «мельче сеянный, — говорит он, — родится лучше глубоко сеянного»: сам делал опыты, и счастливый результат остался на его стороне. Запахивать посеянный хлеб (как это делают крестьяне) не советовал, но полагал срезывать стебли озимых всходов даже до 4-х раз дает несколько медицинских советов для лечения заболевшего скота и несколько гигиенических для предотвращения скота от болезней, и проч. и проч.

[170] В учителя назначены: унтер-шихтмейстер Хоппа и ссыльный, находящийся в работе, Семен Лицкин.

года после своего приезда в завод получил от крестьян Уровской сотни благодарственное письмо и две «кормленных коровы» в подарок. Крестьяне писали ему: «Мы от тебя наставления получили, мы то узнали о Боге, государе и ближнем, чего не только не слыхали, но и никто нам о сих вещах не сказывал. Вы всех своих, позвольте сказать, овец пихаете собственным обедом, не занимая от нас ни фунта хлеба, с разбрасыванием не мало нам же денег, поя притом вином». На эти весьма замечательные строки Нарышкин отвечал также подарком (двумя империалами) и письмом. В письме своем он пишет, между прочим: «Упоминаете вы, что в бытность мою здесь не требую я от вас хлеба и всего тому подобного даром, но собственно сам угощаю вас наивозможным образом, — поверьте, друзья мои, что я здесь, по власти царствующей над нами государыни, не разорять пришел, но доставить каждому из вас, колико могу, благополучную жизнь и добрую надежду».

В своих хвастливых уверениях Нарышкин, по-своему, был прав, прав именно в тех убеждениях, к которым он пришел после внимательного знакомства с состоянием заводов и после рассмотрения всех дел, относящихся до общественного быта как крестьян, так и каторжных. Вот к каким положениям пришел Нарышкин и вот что объявлял он, в одном из своих указов, во всенародное известие:

«Прежде, нежели я вступил на степень здешнего правления, земледельцы не имели способного для них земского правления, но всегда управляемы были посылаемыми от канцелярии здешнего горного начальства управителями и приказчиками, из коих многие (как мне известно, по доходившим до меня просьбам) не как верные рабы своей государыни и истинные сыны отечества учреждали свои поступки к пользе и спокойствию врученных им сограждан, но, предводительствуемы будучи одними страстями и порочным самолюбием, отягощали бедных землевладельцев гнусным своим корыстолюбием и взятками». Управители не только не старались поощрять крестьян к работе и приводить земледелие в цветущее состояние, но, «продолжая алчность богопротивного именолюбия», отрывали крестьян от обыкновенных работ и тем доводили земледельца до уныния и нерадивости. «И как надлежало земледельцу чудные натуры руководством продолжать свое преполезное отечеству делание, т. е. пахать землю и сеять хлеб, не пропусти времени,

дабы оный успел к своему созрению в удобное время», эти начальники находили для себя таковые дни золотою жатвою. Прицелившись несправедливым образом, они нагло «вымучивали деньги и скота, и считая, что крестьянин, имея нужное время в своем земледелии, не пощадит отдать последнего имущества, дабы успеть в своем богоугодном предприятии». От этих проволочек в самое нужное для посева время крестьяне остались без пропитания, в отягощение обществу, а истощив последнее имущество на пищу, «не имели чем заплатить государственные положенные подати». «От таковых поступок столь почти далеко произросло все вышеписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьян, которые бы не состояли за несколько лет обыкновенных податей под недоимкою. От сего иногда государственная казна терпит недостатки и в случае нужных для пользы отечества учреждений терпит остановки. Сверх того, ежели паче чаяния (чего, Боже сохрани!), в случае недоимки, то не думаю, чтобы во всем здешнем ведомстве могло сыскаться таковых сто семей, которые бы, через годичное время, могли пропитать свое семейство. Из чего ясно можно видеть (в рассуждении отдаленности здешнего места от всех, обитаемых земледельцами мест), какая может произойти гибель человеческого рода, а государству ущерб».

Не щадя далее самых льстивых и мудреных выражений, чтобы возбудить к себе народную привязанность и доверие, Нарышкин не щадит заводских чиновников. Не щадит он их и фактически, на самом деле. Уставщика Семена Белого, который отважился препятствовать хорошей плавке руд и сделал вместо назначенной ему другую смесь, чтобы лучше прежнего не было — велел Нарышкин прислать «бездельника скованного». Таким образом, преследуя взятки, похлебства и в делах понаровки, одного чиновника разжаловал в рабочие за то, что нашел у него поклонное: деньги, соболей, лошадей и штоф французской водки. Прапорщика Тыркова, уличенного в деланье кредитных билетов и в распространении их в народе, заковал в цепи. Шихтмейстера Борщина лишил чинов и записал в рудокопщики третьей статьи.

Открыв в Шилкинском заводе злоупотребления по утайке руд (когда приемщики приписывали излишнее количество руд и угля, а избыток записывали в расход), Нарышкин решился серьезно

подумать об искоренении злоупотреблений. Мерою для этого он предположил прибавку служителям и чиновникам жалованья, что и привел в исполнение[171], но не имел успеха. Вскоре он убедился в том, что зло пустило корни гораздо глубже, чем он предполагал, и потому прибегнул к другому средству. В секретари себе он выбрал двух секретных колодников — Алексея Исакова и Ивана Жихарева, назначив им обоим по 60 руб. в год жалованья, и придал им в помощники еще трех человек и также из числа секретных арестантов (Трифона Карпова, Матвея Семенова и Замятина) и также с приличным жалованьем, хотя и наполовину против прежних двух[172]. Из остальных ссыльных (331 человек) с обыкновенной трехденежной платы в день свел в окладное жалованье. Многих производил в чины и определял в писарские и другие должности по своему усмотрению. Вообще, в трате казенных денег не стеснялся, вел себя, как самовластный и неограниченный повелитель, драл батожьем и не сказывал, за что — «известно-де мне единому». Указом запретил ссыльных называть варнаками, храпами, арканниками и чалдонами и «тем без нужды, напоминая колкие слова, не отваживались бы, а кто сие учинит, такой, яко не повинующийся, жестоко наказан будет, ибо ссыльные люди имеют такое же чувство, как и все прочие, хотя они перед Богом и государынею прегрешили». По поводу одного беглого из Дучарского завода писал: «Я всякому, во всех командах имеющим, от притеснений и неудовольствий бежать к покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустейшей Екатерины II и под покров ее всех страждущих, обижаемых и стесняемых приемлю и делаю справедливые разбирательства. Всякий бездельник, ябедник и клеветник, не хотящий трудиться в своей должности, так как недостойный воззрения императорского, не будет принят под покровительство, а как богоотступник, изверг человеческого рода, по мере своего преступления, неупустительно накажется».

---

[171] Получавшие прежде 60 рублей, при Нарышкине стали брать 96; получавшие 48—84 руб. и пр. Прибавлял Нарышкин к прежним окладам от 36 руб. и до 2-х руб в год (ниже двух не опускался).

[172] Нарышкин привез с собою из Петербурга одного штаб-, шесть человек обер-офицеров и лекаря, сверх положенных в штате до того времени. Чиновников этих он взял не по выбору, но по вызову.

Насколько Нарышкин был искренен в своих верноподданнических чувствах, можно судить по тому, что тотчас по приезде быстро выстроил, по желанию императрицы, около Кутомарского завода вододействующий завод, в самом же заводе соорудил храм во имя св. Екатерины «в честь великой и славной царствующей государыни», как выразился он в объявлении, назначенном во всенародное известие.

Завод водяной окончен был к 29 июня — дню восшествия Екатерины на престол[173].

Установляя собственные праздники[174] и освобождая ссыльных от работ на неделю, на 10 дней и более (с сохранением жалованья), Нарышкин в оправдание себя говорит, что он делает это, «дабы все были в великой радости и воссылали молитвы о многолетнем монархини нашей здравии, пекущейся о тишине и спокойствии».

С особенною торжественностью праздновал Нарышкин день рождения Екатерины, 21 апреля, 1776 года, спустя несколько дней после того, как он решился оставить свое уединение и показаться народу[175].

После обедни в заводской церкви сделал производство в классные чины: маркшейдера Головачева — в коллежские асессоры, четырех гиттенфервальтеров — в секунд-майоры, четырех берг-гешворенов — в премьер-майоры, восемь шихтмейстеров — в берг-гешворены (из

---

[173] Уезжая до того времени в Иркутск, Нарышкин писал к управителю Губанову и берг-гешворену Казимирову: «Ежели оного завода я не получу, то должен буду терзать свою совесть и мучиться, и без шуток напишу обоих вас в рудокопщики».

[174] Напр., установил праздник «Открытие новой благодати»; приказал, чтобы все каялись во грехах, и для этого остановил все заводские работы.

[175] В первый раз, по приезде в Сибирь и после 11-месячного добровольного заключения дома (причем не приказывал отворять ставни), Нарышкин вышел в первый день Пасхи, как уверяет народное предание, вообще к нему недружелюбное. Оно говорит, что Нарышкин заставил попа служить прежде заутрени обедню и затем ходил в церковь ежедневно. При этом две чиновницы вели его под руки; он шел, приплясывал и пел любимую свою песню: «Батюшка богат — черевички купил». Так, между прочим, народ еще сохранил из странностей и выходок Нарышкина одну также в предании: сну его мешал голосистый ретивый петух. Нарышкин, чтобы избавиться от докучливого соседа, в силу присвоенной ему командирской власти, приказал петуха заковать в кандалы.

которых одного в берг-гешворены и капитаны, а другого — в берг-гешворены и поручики); двух гиттенфервальтеров — в берг-гешворены, трех унтер-шихтмейстеров — в шихтмейстеры; некоторых канцеляристов — в регистраторы, некоторых копиистов — в канцеляристы, регистраторов — в аудиторы и проч. и проч. Всего, таким образом, произведено им 127 человек. Все они, после обедни, приведены были Нарышкиным к присяге. Торжество это привлекло потом к дому главного командира огромное количество окрестного народа и всех до единого заводских жителей. Нарышкин вышел к народу, говорил ему речь «о Боге, о государе, о должности к ближнему, о повиновении к начальникам». После этой речи всем собравшимся он поднес по стакану вина, каждому дал по три аршина тонкого холста и посадил за столы, приготовленные на 600 человек. За малым столом после обедал сам Нарышкин и с ним вместе по два человека ссыльных, заводских служителей и солдат, «самых дурнейших». «Причем услужены были (т. е. услуживали им) штаб и обер-офицерами, достойными сей человеколюбивой чести», как сказано в описании, составленном по приказанию Нарышкина и приложенном к делу о нем, из которого и берем все эти подробности.

После обеда Нарышкин, в своих покоях, угощал на 90 кувертов «знатнейших сего места особ»[176]. Всем обедавшим за прочими столами он выдал каждому по 10 копеек денег, как служителям и солдатам, так равно и всем ссыльным. После этой раздачи палили нещадно из пушек, стреляли из ружей. Вечером в доме главного командира открылся бал, во время которого также немало выброшено было народу денег. Бал кончился на рассвете. «Приведенная из здешнего батальона рота производила через всю ночь пальбу» и получила за то награждение в 350 руб. После пробития вечерней зари зажжена была иллюминация.

Все эти поступки Нарышкина, как растрата казенных денег, так и унижение чиновничьего достоинства, естественным образом вскоре же породили ему многих врагов. Первым из них заявился

---

[176] Описание прибавляет при этом: «За столом, между прочими, посажены были на верхнем месте достойный и ревностный Шагинской сотни староста Шестаков и беззаконно пострадавший и увеченный сереброразделительный подмастерье Шипунов».

заводский лекарь Томилов. Томилов, раз поссорившись за что-то с сыном своим, шихтмейстером Александром, начал его бить. Александр Томилов выговаривал отцу:

— Батюшка, что же ты меня бьешь и для чего бранишь? Я ныне офицер, пожалован главным командиром Василием Васильевичем Нарышкиным.

— Главный командир, — отвечал на это лекарь, — приехал сюда не дела делать, а только казну расточать да порох расстреливать и пьянствовать.

Речи эти доложены были Нарышкину, признаны непристойными, и лекарь был посажен в тюрьму. Здесь вынудили у него сознание, что он все это говорил в пьяном виде.

Затем Нарышкин, желая показать себя великодушным, писал во всеобщее известие: «Как с одной стороны рассуждения лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никак не могут вредить чести моей, то я всеми его рассказами презираю, а с другой стороны, внушая подчиненным своим кротость и великодушие и будучи сам христианин и человек, снисходя к слабостям человеческим, прощаю в пример другим лекаря Томилова в обиде, касающейся до моей особы, соболезнуя, что сей человек, не чувствуя все делаемые мною увещевания, до такой крайности напивается, что, потеряв рассудок, говорит дела, о которых в трезвом уме не помышляет и помышлять никаких причин не имеет, кроме взятия мною из казны некоторой суммы денег, о которой уже ее императорскому величеству донесено. Почему лекаря Томилова, обще со всеми, по его делу под арестом содержащимися, освободить» (мая 5 дня 1776 г.).

Высказавшись таким образом в бумаге этой, как избалованный и гордый придворный расточительных времен Екатерины, Нарышкин и при дальнейших распоряжениях своих не стеснялся в личном произволе, как бы доказывая тем, что он никого не боится и что в Петербурге при дворе у него покровительствующая сила. Предание говорит, что Нарышкин был крестником императрицы, а дела его — что он был столько же избалован широким размахом тогдашней придворной жизни, сколько и сам наделен был от природы широкою, так называемою русскою натурою. Выйдя из уединения на свет, Нарышкин как будто с этой поры изменился, стал иным человеком, чем тот, каким мы видели его до сих пор в

административных его распоряжениях. От обаяния ли собственной власти в отношении к заводам или под влиянием протежирующей силы при петербургском дворе, Нарышкин с этой поры начал действовать с большою решительностью. Решительность эта увлекла его в безумный произвол, а произвол сделался и нелогичным и повел за собою неправильные поступки. Неправильные поступки ввели его в преступления против закона и прав человеческих — и Нарышкин погиб под тяжестью собственных деяний, запутавшись в то же время в тенетах, расставленных многочисленными его врагами, в которых он видел до конца своих искренних и нелицемерно преданных друзей. Но возвратимся к прерванному рассказу.

Купец Колосов у вдовы Шепетковой за долг (пяти руб.) отнял дом. Вдова жаловалась главному командиру. Нарышкин заплатил купцу долг из собственных денег, но Колосов предъявил к вдове долгу еще 9 рублей. Тогда Нарышкин велел его бить батожьем «яко притеснителя бедных, как недостойного быть в здешнем обществе», и выгнал его из завода. Затем он разослал по всему пути (который должен был совершить Колосов) ордеры, чтобы заводские управители высылали купца из заводского ведомства. «А между тем, чтобы сей корыстолюбивый стяжатель не пользовался торгом здешнего места», Нарышкин приказал маркшейдеру Головачеву описать товары и лавку Колосова и с ним вместе изо всего заводского ведомства эти товары выслать «с таким подтверждением, чтоб дорогою никто у сего гнусного и самовольного обидчика не покупал». Управитель Городищенской слободы обязан был выпроводить Колосова из границ Читинского острога. Перед отправлением из Нерчинскою завода, Колосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всем этом (21 мая 1776 года) сообщено было во все места Нерчинскою ведомства.

Гонение на купцов Нарышкин этим не кончил. Зная, что заводские обыватели покупали все у приезжих купцов дорогою ценою и, платя серебром, впадали в крайность; принимая также в расчет и то, что купцы деньги увозят с собою, а особенно серебро, «отчего вся оная отдаленная часть государства остается без денег, и крестьяне, вместо возможного обогащения, разоряются», — Нарышкин выдумал новые крутые меры. Меры эти, не основанные ни на каких особенно дельных и практических основаниях, состояли в том, что-

бы купцы записывались при заводах на житье. С 1777 года он решил не дозволять больше торговать «этаким наездным образом». «Правление заводов, — пишет Нарышкин, — лучше предоставит себе стараться о продовольствии жителей, нежели согласится оставить их торг на нынешнем основании. Люди (но отнюдь не беглые, а такие, которые бы способствовали восстановить благосостояние общества своим добрым заведением торгу) поступают под защиту и особенное покровительство заводского начальства».

Увлеченный, таким образом, только внешнею, поверхностною стороною дела, без исследования внутренних причин, Нарышкин бумажно, теоретически, может быть, и был прав. В практическом же применении своих распоряжений он был окончательно несчастлив. В некоторых из его сочинений, написанных в пользу крестьян и ссыльных, с одной стороны, видно сильное желание быть фактически полезным, но зато с другой — все его наставления и советы отзываются почасту блестящею и кудрявою фразою и мало ведут за собою настоящего дела, основанного на твердой и прочной почве. Видно, что Нарышкин знаком с учением энциклопедистов — модным в то время; заметно, что он дошел до некоторых социальных убеждений, но все это легло в его голове без всякого порядка и незаконно спуталось с мрачными тенденциями ханжи и лицемера. Так, например, додумавшись до необходимости внушения колодникам истин веры и составив по этому случаю особое толкование, он предполагал возможность через это конечного исправления не только уличенных преступников, но даже и тех, которые еще намеревались впасть в преступление. Вдобавок ко всему Нарышкин велел читать это наставление виновным только в присутствии, перед допросом. Несмотря на всю толковость и понятливость для простого народа его краткого наставления, оно не имело успеха[177]. Не имели успеха — и потому

---

[177] Наставлению этому Нарышкин предпослал таков предисловие: «Как должность истинного христианина, польза каждого сына отечества, а паче благосостояние и непоколебимость священнейшего престола требует того, чтобы все впадающие удобо-поползновенным естеством в противные Богу, священным монаршеским уставам и должности честного человека преступления, без всякого кровопролития и излишнего истязания, раскаявшись во всех своих злодеяниях, могли чистосердечно открывать все свои преступнические дела, и как здешнее место определено к принятию

именно, что также были непрактичны — и те указы Нарышкина, которые он разослал во все приказные избы по поводу пристанодержательства беглых. Строго предписывая, чтобы никто из крестьян не держал у себя беглых, называющих себя прохожими людьми, никто бы не отваживался давать им хлеба, Нарышкин забывал при этом, что хлебосольство — коренное народное убеждение, и что крестьяне в беглых видели дешевых работников, которых иначе они нигде и никогда в то время не могли получить ни за какие деньги. Напрасно старался он внушить крестьянам необходимость требовать письменные виды у всех тех, кто доверчиво приходит к ним в избы: гостеприимство на это не обязывает. Напрасно также голословно толковал он крестьянам, что укрывательство ищущих у них покрова «поступок слабый, который не только не можно за человеколюбивый почесть, но больше они тем составляют вред обществу и прогневляют самого Бога», хотя, конечно, Нарышкин и справедлив в своем заключении, что «таким пропуском беглецов крестьяне дают способ к исполнению злодейских намерений, ко своим и ближних огорчениям». Таков был Нарышкин в своих административных стремлениях. Более последовательным является он в частных распоряжениях, хотя и возбуждает уже меньшее к себе сочувствие. Избалованный роскошною жизнью в Петербурге и поставленный потом в дальнюю и еще дикую среду нерчинской жизни, он искал развлечений, был расточителен; не ведая контроля, он в этом и другом отношении доходил до излишества и, судя по народным преданиям, до какого-то странного и сосредоточенного чудачества. Растратив всю заводскую казну на празднества и разбрасыванье денег в народ, он прибегал к

и содержанию всех присылаемых за свои преступления и из оных таковые есть, которые столь окаменелы в своих сердцах, что никакою жестокостью, никакими истязаниями к раскаянию приведены быть не могут, то в таком случае потребно представлять таковым лишенным Божией благодати нижеследующее (следует 5 пунктов или §§)». В толкованиях об истинах веры колодникам, Нарышкин ведет к понятию о грехе историческим рассказом священной истории Ветхого Завета и к понятию об искуплении от греха подробностями явления Христа на земле с Новым Заветом. Толкует о покаянии так, как бы могло толковать только духовное лицо и притом образованное в истинном смысле этого слова.

частным займам, но, избалованный столичною повадкою, долгов своих не платил. Главным помощником его в этом деле был его родной брат Алексей, а главною и пока исключительною мишенью всех его нападений ради денег был богач Михайла Сибиряков, который, с дозволения берг-коллегии, выстроил (в 1744 г.) сереброплавильный завод, употребив на него 50 тысяч. В распоряжении этого Сибирякова находилось до 600 тысяч пудов руды. Нарышкин хорошо знал все это и потому часто, не ограничиваясь подарками, брал у него деньги в большом количестве. После многих удачных опытов и наездов на карман и сундуки богатого Сибирякова, Нарышкин — расточительный, самонадеянный, избалованный, не знавший меры в собственных желаниях — потребовал от Сибирякова еще 5 тысяч на какую-то коммерческую кампанию (может быть для продажи в Иркутске привозимых на Кяхту китайских шелковых товаров). Сибиряков отказал ему, говоря, что сам накопил много казенного долгу, да и денег-де нет и взять негде. Нарышкин — прибавляет народное предание — собрал наличную артиллерию, зарядил пушки и окружил дом Сибирякова, обещая стрелять, если Сибиряков не даст ему денег. Дело это кончилось тем, что Сибиряков вышел на крыльцо с серебряным подносом, на который выложил затребованную сумму, и с низкими поклонами вручил ее Нарышкину. Нарышкин отпустил команду и пушки и, войдя в дом Сибирякова, до поздней ночи пировал с ним шумно и весело.

Такая нужда в деньгах, помимо разбрасыванья в народе, объясняется в Нарышкине тем, что он начал заводить кое-какие собственные хозяйства: так, на речке Чальбуче при деревне он выстроил дом и при нем водяную мельницу. Об устройстве этого хозяйства он сильно заботился и через каждые две недели получал рапорты об его благосостоянии и о всех работах. Работами заведовал Нерчинского батальона сержант Иван Жеребцов. Дом этот в бывшем Успенском монастыре строился поспешно и с медленною ежедневною выдачею плотникам денег. В два месяца (июнь и июль) дом этот был отстроен[178]. При нем заводилось хозяйство: приведен табун лошадей (22) и стадо рогатого скота (до 20 голов); сделаны

[178] В отстроенный дом приведены были две борзых собаки и 4 лисенка. К смотрению за ними приставлен был мальчик, с платою по 10 руб. в год.

запасы корму как для них, так и для собак. Мельница пущена в ход, причем один из доверенных Нарышкина лиц, именно Кесслер, палил из пушек «за здравие вашего высокородия и благополучное путешествие беспрерывно», как рапортовал он своему главному командиру[179].

Расширив, таким образом, свою деятельность, Нарышкин выехал из Нерчинского завода в Иркутск, оставив вместо себя маркшейдера Дмитрия Головачева. Цель этого путешествия Нарышкин объяснял всенародно 12 июля 1776 года в следующих выражениях:

«По определении меня на нерчинские сереброплавящие заводы главным командиром, до отправления еще в оные из С.-Петербурга, согласились мы с определенным в Иркутскую губернию со властью губернаторскою господином бригадиром Немцовым, знав намерения ее императорского величества, чтоб обитающих здесь братских и тунгусов привести в веру греческого закона по собственному их желанию, чего я и не начинал производить до приезда господина Немцова, не надеясь на прежде бывшего Бриля в рассуждении некоторых известных мне обстоятельств. А как известно уже было до сего, почти во всех местах по сю сторону Байкал-моря недели за три или более, что я, следуя с нерчинских сереброплавящих заводов в Иркутск, по пути, из усердия к Богу и к службе ее императорского величества, имел счастье по многим увещаниям и приложенным моим трудам, во-1-х, тунгусских зайсанов и их подчиненных привесть во св. крещение, коих чрез короткое время, в проезде моем, по собственному их желанию и действительно человек до ста восприяли веру греческого исповедания, а потом и братские начали было несколько иметь к тому охоту, — из них также некоторое число человек приняло святое крещение и за помощью Божиею надежность оказывали».

Так писал Нарышкин, но не так было на самом деле. Для большего успеха в этом деле, он поил тайшей и тунгусов вином[180], снискивал расположение тайши Иринцеева, для чего выдал ему тысячу

[179] Сколько сам Нарышкин любил палить из пушек, столько же не щадили казенного пороху и его приближенные. Так, напр., тот же Кесслер палил 28 июня «до самого вечера во здравие государыни», затем уехал в Дучарский завод и там палил. «Все из любви к вам, — писал сам Кесслер, — и господа офицеры, взявши на свой счет пороху, произвели довольную стрельбу».

[180] Так Кесслер доносил ему, что получил от поверенного 50 ведер простого вина.

руб. сер. монетою и, покупая у него лошадей и скот, платил за то высокою ценою, в тех краях и на то время неслыханною[181]. Чтобы склонить тунгусов к принятию христианской веры, от имени императрицы обещал им большие льготы: сложение недоимки, уменьшение податей до 3 руб. в год и с тем, чтобы уже больше никто из частных начальников с них не требовал[182].

Тогда же Нарышкин задумал, с согласия тайши Динбы Дугар-Иринцеева, составить из братских и тунгусов четыре гусарских полка и успел уже сформировать один эскадрон, при помощи ротмистра Подзорова и под наблюдением подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было название Даурского гусарского красного.

Комиссара Тархова за выдачу казенных денег произвел из подпоручиков в берг-гешворены. Из тамошней же гарнизонной артиллерии взял пушки, порох и канониров; не встретив же к тому препятствия со стороны подпоручика Кулигина, произвел его также в берггешворены. Едучи дальше по направлению к Иркутску, он сзывал народ разными средствами, как, напр., в селах звоном в колокола при церквах, пушечною пальбою и барабанным боем там, где церквей не было. Собранный таким способом народ поил вином, насильно захваченным в питейных домах, и бросал в толпу казенные деньги, взятые им — как известно — в Нерчинском комиссарстве. Шествие Нарышкина по Братской степи уподоблялось военному походу: для него неприятельская страна была Иркутская провинция с ее ханом Немцовым; по пути лежала вассальная земля — Верхнеудинский округ с вице-королем, воеводою Тевяшевым. За новым Батыем, выходившим из самых ближайших мест к родине Чингисхана, за Нарышкиным, везли колокола и пушки. По дороге он останавливал купеческие клади и отбирал товары с выдачею росписок на свое имя. В степи на отдыхах кипели огромные котлы с водою, куда сваливали пудами чай и сахар; вино стояло целыми бочками, сукно, дабу, китайки, холст брали все даром, без всякого счета. Попалась ему на дороге почта с книгами и церковными вещами, посланными иркутским архиереем Михаилом, — Нарышкин на

---

[181] Так, напр., за быков платил 6 руб. 50 коп., а за лошадей по 250 руб.

[182] На льготы эти соблазнились тунгусы родов: дулигацкого, баягирского и чипчинуцкого. Они просили крещения.

Шилке присвоил их себе. Не отвечая на несколько писем архиерея, Нарышкин книги удержал за собою, и проч. Нуждаясь в деньгах для всех этих предприятий, он выплавленное серебро не посылал в Петербург, растрачивая его на пенсии приближенным, на различные награды и на серебряные пуговицы сформированного из тунгусов и бурят гусарского полка. Не имея уже никаких сумм в заводском казначействе, Нарышкин, под видом закупа для заводов разных необходимых припасов, взял 60476 руб. в Нерчинском комиссарстве. В селении Гантимуровом (Урульге) крестил тунгусов, «утопающих в пьянстве», возя с собою бочки вина, расточая везде императорскую сумму, и «делал таковые великие издержки, не имея средства откуда получить более (ибо заводскую сумму расточил всю, как и было каждому приметно, что служители заводов не получали близ двух третей жалованья) — опрокинулся к отнятию у встречающихся ему купцов товаров и денег». Потом на Братской степи у харинцев он заставлял тайшу и старших преклонять перед собою знамена, дарованные этому роду братских за верную их службу. Когда тайша отказывался от крещения, Нарышкин покушался его умертвить. Действуя таким образом, он повсюду старался уверить, что исполняет все это именем императрицы (которого дозволения, однако, никогда не имел).

Таким образом, две власти встретились в одном и том же пункте, как бы для состязания и с целью померяться силами: Нарышкин в чужом ведомстве, опираясь на свою силу в столице, иркутский губернатор Немцов — в своем ведомстве, решаясь испробовать силу общих государственных узаконений: настолько ли они лицеприятны перед случайным человеком, сколько самонадеянны и решительны поступки их нарушителя. Ничего не подозревая, Нарышкин, возвратившись в Нерчинский завод, имел огорчение слышать, что многие из его начинаний начали мало-помалу разрушаться. Сотник Новоселов, отправленный им с 36 лошадьми и 12 гусарами к губернатору Немцову, доносил, что тунгусы-гусары, отправившись к тайше Иринцееву «для своих надобностей, назад не возвратились и оставили за собою насеченную серебром узду», принадлежавшую самому Нарышкину. Вскоре затем писал к нему берггешворен Ник. Гантимуров, что, по приезде его в город Удинск, он был потребован в удинскую провинциальную канцелярию, где вое-

вода Тевяшев со своим товарищем и прокурором велел его заковать в колодку, посадил под караул, а через день отправил в Иркутск, за что — неизвестно. Тогда же командир гусарского полка ротмистр Злобин доносил Нарышкину, что удинская канцелярия взяла из его команды сержанта с женою и дочерью и отправила их в те места, где они прежде находились. Отобраны были также артиллеристы, так что у Злобина осталось всего 52 человека из целого эскадрона.

Нарышкин начал уже смутно понимать наступательность действий Немцова, но все еще доверял дружбе удинского воеводы Тевяшева, к которому относился с любезными и заискивающими письмами, на которые он так хорошо был подготовлен своею прежнею придворною жизнью. Тевяшева он хвалил за ревностную службу; тот в своем письме благодарил за комплименты, но просил «оставить народ, не принадлежащий до вашего (т. е. Нарышкина) распоряжения, ибо-де вся уже провинция пришла в смятение».

Нарышкин, однако, на этом не успокоился; ему крайне нужны были деньги, а потому он потребовал их от удинской канцелярии на счет заводов. Канцелярия в требуемой сумме отказала, предписывая ему оставаться в узаконенных положениях; для оправдания же во всех делах предписывала Нарышкину ехать в Иркутск к губернатору Немцову. Тогда только Нарышкин увидел из-за спины верхнеудинской канцелярии то лицо, которое так давно и так смело вызывало его на единоборство.

Разгневанный Нарышкин отправил в заводы свое оправдание в тех будто бы клеветах, которые возводила на него верхнеудинская канцелярия, но не ехать в Иркутск у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности[183].

---

[183] С дороги (с реки Оны) он писал в народ, между прочим, следующее: «Встретившиеся к немалому сожалению никогда не ожидаемые противные и лжесоставленные вредные предприятия удинской, провинциальной канцелярии присутствующих и с ними согласившегося удинского коменданта Аппеллегреина, все благоугодные Богу и монархине мною начатые предприятия помешаны и почти совсем остановлены, ибо означенная канцелярия указами: харинских родов тайше и подполковнику Динбе Иринцееву — не велела ни в чем меня слушать. Чрез это помянутые братские не знающие и не просвещенные пароды начали иметь колеблющиеся в том мысли и, опасаясь, чтобы не было им за то какого штрафа или вящее того наказания,

Он отправился, не зная того, что посланные им в Верхнеудинск (берг-гешворены Баннер и Тенкин) и определенные им на места присутствующих в провинциальной канцелярии, явясь, отдались во

начали те добрые и полезные намерения оставлять. Вчерашнего числа присланным та провинциальная канцелярия ко мне рапортом объявляет, что оное представлено к господину бригадиру — управляющему Иркутскою губерниею, с тем, яко бы открылось пред сим скрываемое вшою набирание и с помянутых народов неполезность государству, наипаче в зловредность онову по причине коего из заводу выезду и по непринадлежности мне такого формирования в Иркутской губернии, яко не в своей команде в противность законов, и что та провинция от своей главной команды об оном учреждении никакого повеления и сведений не имеет, а, по дошедшим же к той удинской провинциальной канцелярии известиям, она меня почитает злодеем империи Российской: 1) что я будто бы набираю в гусарские полки самых неимущих пропитания и бродяг, которые при вше следуют в немалом числе и с забранными из неизвестных мест пушками; 2) в доказательство еще того нет послушания моим предложениям тою канцелярией) о выдаче денег насчет нерчинских заводов, коего с пятьдесят тысяч, когда посланным от меня к удинскому коменданту Аппеллегреину ордером велено присутствующих той канцелярии сковать, а ему велено вместо их в правление вступить — имеют к тому, ежели-де градоначальников не будет, то удобнее можно овладеть Удинском или всеми сей провинции принадлежащими местами, а особливо, пользуясь такими легкомысленными людьми и вероятными известиями, будто я начал ослеплять народ пьянством и хотя либо, по прибытии моем тайша Иринцеев и был к сему благоугодному намерению согласен и я, по его приглашению, намерен был его посетить, но он, отпросись вчерашнего дня вперед в свой улус, сегодня через посланного берг-гешворена Новоселова в своей ставке не найден, да и жены его также и никого братских здесь не оказалось. И потому чрез сие публикуется, что ежели тот тайша и все братские, кои уже собраны были, чрез два дня не явятся, то непременно именем ее императорского величества тайша, лишась чинов, жестоко будет наказан, да и с прочими поступлено будет по всей строгости законов. Я все сие именем ее императорского величества определяю и всем возвратившимся ее высочайшую милость обещаю. Не повинующиеся же угодному ее величеству делу и намерению да накажутся правосудным ее божественным гневом. И сие объявление за подписанием руки, с приложением герба моего печати, не только что публиковаться и в народ разбросано, но и по командам, куда следует, разослано будет».

власть воеводы Тевяшева. Этот же Тевяшев стал действовать в Верхнеудинске и на Нарышкина советами, и «попечительным своим тщанием и искусным распоряжением» успел сделать так, что Нарышкин выехал в Иркутск. На дороге[184] он был задержан и под

[184] Иркутский летописец иначе передает это событие. Он говорит, что воевода Тевяшев прибегнул к хитрости: он пригласил Нарышкина в церковь для слушанья молебствия, по случаю его прибытия, а по выходе из церкви арестовал, посадил в лодку и отправил рекою Селенгою в Иркутск. В Иркутске Нарышкин, до времени отправки, пользовался полною свободою — жил он там 2 месяца. Народное предание говорит, что он все время ходил по кабакам и харчевням, поил и кормил на свой счет собиравшихся там людей и тратил на это огромные суммы. Его все считали сумасшедшим. Подробности похождений Нарышкина в Верхнеудинске рассказал Калашников в своем романе «Дочь купца Желобова» (см. ч. IV, глава IV). Калашников основывал свой рассказ на народных преданиях, тогда еще очень живых и состоятельных в правоте своей. Верхнеудин-ский воевода — по этим преданиям — писал Нарышкину, чтобы он со своею свитою не въезжал в его провинцию, посылал к нему лазутчиков, в городе удвоил караулы, а в 10 верстах поставил отряд войска с артиллериею, тайно вытребованною из Селенгинска. Нарышкин не испугался, послал своего посла с требованием золота и серебра в десять тысяч; когда воевода отказал, Нарышкин потребовал сорок тысяч; когда же и на это требование получил отказ, командировал двух чиновников. Наконец, ночью приехал сам к воеводской канцелярии, кричал, чтобы отперли ворота, называя воеводу и товарища его ворами и бунтовщиками. Военная команда, стоявшая на дворе, начала уж колебаться, перешептываться, заявлять, что она не имеет письменного приказа, а потому хотела пустить Нарышкина. Но один старик закричал: «Кто бы вы ни были, в ночные часы пускать никого не велено». После этих слов Нарышкин отошел к фронту стоящего под ружьем гарнизона. Сюда явился воевода, уговорил его и убедил отправиться на отведенную ему квартиру. Назавтра Нарышкин начал требовать денег и вина. Приказано отвечать, что воевода денег не дает, а пьянства не любит. Нарышкин пошел в церковь и «собственногласно отпел молебен». Кругом церкви уже поставлены были солдаты. Собравшемуся, в чаянии денег, народу воевода дал приказание разойтись. Всех из свиты Нарышкина, выходивших из церкви, велел хватать и сажать под арест. Вышел и Нарышкин. Увидя солдат, он отдал саблю, признавая себя арестованным. Воевода вежливо просил его с ним отобедать на приготовленном судне; Нарышкин согласился. После обеда был отправлен в Иркутск.

присмотром отправлен в Иркутск к Немцову. Немцов же, «найдя поступки Нарышкина столь важными», отослал его 20 авг. за присмотром штаб-офицера Воинова и под конвоем в С.-Петербург и тогда же отправил курьера с донесением «о незаконных и дерзких делах его». В Тобольске встретил Нарышкина сенатский регистратор с командою, который принял его от Воинова, и затем повез в столицу, под важною стражею. Обо всем этом Немцов извещен был именным указом (полученным им 11-го января 1778 года), в котором, между прочим, нерчинские сереброплавящие заводы, для исправления и приведения в лучшее состояние, переданы были в зависимость и подчинение тому же бригадиру Немцову, находившемуся в Иркутской губернии с властью губернаторскою[185].

Немцов начал свое управление с того, что сочинил и издал «к общему всем сведению публикацию»:

«К чувствительному оскорблению верховной власти, — говорит он в начале этой публикации, — бывшего заводов начальника, статского советника Нарышкина, беззаконные содеяния столь многочисленны, что я некоторые умолчу, а о других за нужное почитаю во все заводского ведомства присутственные места и частным начальникам ведения заводов обнародовать».

Затем Немцов подробно исчисляет все поступки Нарышкина с приметным озлоблением и злорадством. Остановившись на проезде Нарышкина из завода в Верхнеудинске, а именно на его угощениях народа, Немцов уверяет, что Нарышкин, «обольстя сим средством (т. е. вином) непросвещенное то скопище (т.е. крестьян)»,

---

[185] Иркутская летопись так описывает Немцова: он был человек неблагонамеренный, употреблявший непомерную строгость собственно для того только, чтобы более брать взяток и нажить более денег; с подчиненными служащими обходился неблаговидно и определял к должностям не иначе, как взяв значительные подарки. Употреблял разные жестокости для своего корыстолюбия. Мелких подчиненных бил своими руками. Какого-то Бурцева приказал за что-то привязать к столбу и держал на привязи долго, чтобы навести страх на других. Имея знакомство с известным тогда разбойником Гондюхиным, учредил в городе какую-то глухую команду, которая, разъезжая по городу дозором, вместо охраны, делала буйства и грабежи. Немцов тайком уехал из Иркутска через два года после Нарышкина (1 февраля 1779 г.). Вслед Немцову из Иркутска посылались многие жалобы.

отвел многих от домостроительства и хлебопашества. «А пропустив они время, потеряли часть лучшего своего состояния, а некоторые и вовсе разорились». Не стесняясь в подборе всяческих бранных эпитетов к поступкам Нарышкина, Немцов вступает до некоторой степени в смягченный тон там, где план бранчивого повествования выводит его из пределов Иркутской губернии и вталкивает в описание распоряжений Нарышкина по заводам. Здесь Немцов, основываясь на рапорте секунд-майора Барбота де Марии[186], находит, что заводы требуют наискорейшего восстановления «по беспутному Нарышкина управлению» и для того Немцов сам поспешил отправиться на место. Рассматривая там дела канцелярии, Немцов нашел (по собственному его уверению), что «все они оказались в несогласных с законами поступках, как-то: в выдачах и издержках казенных денег и других обстоятельствах». Между этими «другими обстоятельствами», кроме произвольной раздачи чинов и наград, занимательно также и следующее: понимая всю силу нравственнаго значения на заводах образованного секунд-майора Барбота де Марии, Нарышкин, для привлечения его на свою сторону, не задумался произвести его сына, пятилетнего ребенка, сначала в вахмистры, потом в корнеты и, наконец, в берг-гешворены. Затем Нарышкин свои производства исключительно сосредоточивал на лицах, до тех пор не бывших на службе, часть этих лиц он привез с собою, часть вытребовал с Колывано-Воскресенских заводов и большую часть нашел уже между жившими долгое время в Нерчинском заводе. Из последних преимущественное его внимание обратили на себя сосланные в заводы польские конфедераты: двух из них (Касаковского и Перхуровича) он определил в солдаты, Известных нам по делу Чернышева князей Гантимуровых (Степана и Николая — нерчинских дворян, не бывших на службе) он произвел прямо в берг-гешворены и приблизил к себе. Особенную же щедрость к раздаче чинов он оказывал тем, на дружбу и расположение которых вполне полагался: между ними особенно резко выдаются два ясашных тунгуса, крещенных Нарышкиным: одному из них (Петру Нарышкину)

[186] Этот Барбот де Марии находился прежде при Суворове в заводском батальоне. Нарышкиным производен был в полковники и назначен потом, на место его, главным командиром нерчинских заводов.

он дал два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорию Суворову) четыре чина (унтер-шихтмейстера, шихтмейстера, берггешворена и поручика). В заводском ведомстве (Гантимуровской сотни в деревне Каигинской) поселены были 32 человека бывших яицких казаков, присланных сюда по делу Пугачева; Нарышкин выдал им 160 рублей (по 5 рублей на каждого) для покупки лошадей и затем предписал начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непременно купили.

Все эти события совпадают одновременно с выездом Нарышкина из завода для сформирования гусарских полков и все они располагаются на двух весенних месяцах 1776 года. Вот почему отчасти становится для нас понятным теперь темный намек в публикации Немцова: «что Нарышкин стремился обольстить непросвещенные сердца и, по непредвидении их, уловить души верноподданных и произвесть худые следствия.

На этом предположении, что Нарышкин хотел основаться на народном расположении и на крепости и силе значительного конного войска и артиллерии, с тем чтобы со временем произвести возмущение в народе и со всем Забайкальем отложиться от русской короны, и с этим же подозрением имя Нарышкина ушло в потомство и осталось в народной памяти[187].

Немцов, прежде всего, по арестовании Нарышкина поспешил захватить его имение и сделать вещам его опись[188]. Затем членов заводской канцелярии, произведенных и назначенных Нарышкиным, от службы немедленно отрешил. На место их управление заводами поручил майору артиллерии и от армии подполковнику

---

[187] Определить с точностью, насколько это подозрение справедливо, по делам Нерчинского архива нельзя. Два тома дел о нем, попавшиеся нам в руки из архива Нерчинского горного правления, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (может быть какого-нибудь антиквария) сократила эти дела до приметной неполноты и разрозненности.

[188] По этой описи видно, что гардероб Нарышкина не был особенно богат, состоя из остатков прежней придворной роскоши. Нарышкин начинал заводить кабинет китайских вещей и имел небольшую библиотеку (до 300 томов), состоявшую из книг французских, немецких и русских. Большая часть книг — сочинения энциклопедистов и разного рода словари, описания путешествий и проч.

Тевяшеву. В помощь ему назначил секунд-майора иркутского батальона Ивана Глазунова и берг-гешворена Степана Губанова[189].

Вернувшись в Иркутск, Немцов (17 января 1787 г.) поспешил отнестись ко всем с тою публикациею, содержание которой мы привели выше. В конце ее он говорит следующее: «Заводским же управителям и определенным при разных должностях (в рассуждении, что здешнее место в упадок приведено) стараться должно каждому, в звании своем, в пользе и приращению высочайшего интереса прилагать неусыпное и ревностное попечение, оставя всякий род коварства и ухищрения. И помнить то, что не оправдает каждого по беззаконным поступкам бывшего их начальника в повиновении — заменить увеличенным своим рачением, дабы и по следующим от вышнего правительства взысканиям исходатайствовать я мог посредством рачения каждого и донесть самой августейшей монархине ревностные поступки».

Любопытны дальнейшие советы и предположения недальновидного Немцова. Нижние служители и крестьяне, виновные — по его убеждению — в том, что Нарышкин успел разбросать в народ казенных и частных денег сто сорок шесть тысяч семьсот одиннадцать рублей, обязаны были удвоить салы и возить руду «как можно больше». Немцов наивно думал, что «тем самым приумножится выплавка казенного серебра, которое от нестарания бывшего начальника в знатный упадок произошло; так что в выплавке уменьшение серебра перед прошедшим годом сто сорок девять пудов». Тою же усиленною и чрезмерною вывозкою руд Немцов полагал обеспечить «упавшее состояние крестьян и видимые их выгоды». Нарышкин, при вступлении в управление восемью заводами, получил 282882 пуда серебросодержащих руд (да по 4-м частным заводам 61055 пудов), казенного свинцу 4,64 пуда 12½ фунтов (и частного 5184 пуда 11 фунтов). При этом также разумелось серебро — в бликах и кронах; а свинец — рудный, гертовый и глетовый.

На место Нарышкина главным командиром определен был бригадир Иван Венедиктович Аршеневский, темный деятель

---

[189] Замечательно при том, что этот последний из не бывших на службе самим же Нарышкиным произведен в одно лето в маркшейдерские ученики, затем в унтер-шихтмейстеры, шихтмейстеры и, наконец, в берг-гешворены.

и неизвестный делатель, проживший в заводах с 1777 г. по 1780 г., когда на смену ему определен был генерал-майор Бекельман — тоже малоприметная и неизвестная личность. Лучшее воспоминание оставил по себе Барбот де Марии, родом француз, человек светлый, кроткий и образованный. Доказательством последнего свойства его осталась после его смерти библиотека, составленная из лучших специальных сочинений, послужившая крупным и твердым фундаментом для библиотеки горного управления. Под руками живого человека завелись и частные школы для обучения мальчиков, выписаны саксонцы для рудного дела и проч. На глазах этого человека и постройки сделаны столь прочно и добросовестно, что еще в 1835 году они стояли непоколебимо, сохранившись целое полустолетие, по подобию Большого Нерчинского завода, выстроенного Барботом из лиственничного дерева. При перестройке, через 50 лет, потребовалось подвести только нижние венцы новыми. При нем заводские крестьяне стали отличаться от прочих обитателей Забайкалья особым костюмом: шинелями с короткими крагенами. Длинные волосы ниспадали до плеч со времен барботовских до времени появления за Байкалом декабристов. Заводских крестьян нашли очень чистоплотными (они жили опрятно, не коптясь в дыму), и хотя очень богатых и бедных не было, но все были трудолюбивы; без рукоделья никогда их не видали даже на завалинках их домов, и даже едущих верхом видали с каким-нибудь шитьем, вязаньем и другим рукодельем. Обычай этот был введен Барботом де Марии. Он кончил свою жизнь на заводах. На его место поступил начальником Черницын. С Черницына нерчинская история, в лице начальников, развертывает другие картины: выработка серебра стала упадать, обращение с ссыльными становится суровее, начальники стали показываться с оттенками и поползновениями прежних тиранов. Черницын начинал этот список.

О Черницыне народные предания сохранили такие крупные черты; он любил ездить как бешеный; лошади должны были бежать от станции вытяжным галопом, а потому по дороге падало их всегда очень много. В этом случае кривой Черницын был для лошадей настоящею моровою язвою. Если ямщик в дороге ослабевал, Черницын приказывал остановиться и начинал бить ямщика нагайкою, которую всегда возил с собою в сунцучке, лежавшем в

ногах. Самые лучшие лошади не выдержали бы такой езды, если бы не пособлял им обычай Черницына через каждые 7 верст кричать: «стой!», выпивать, не торопясь, водки, закусывать не спеша куском мяса и потом уже реветь на ямщика: «пошел!» Рассказывают, что раз лошади набежали на гололедицу и, смутив ямщика, остановились как вкопанные, будучи не в силах одолеть преграду. Черницын пробудился и, узнав в чем дело, зычно закричал: «кнутов!» Лошади приняли эти слова на свой счет, быстро рванулись на зык с места и перелетели гололед с быстротою вихря. Ни одна не споткнулась, ни одна не упала, до такой степени энергичен был бег их со страху. Другой раз засек он до смерти крестьянина, осмелившегося оборотиться к нему спиною в то время, когда с ним вступил в разговор помощник начальника в той же самой комнате, где находился и одноглазый Черницын.

Из других начальников осталась память о Теодоре Фрише, у которого была жена, водившая его за нос и управлявшая чиновниками и целым горным округом. Была она женщина злая: крестьян и слуг своих наказывала своеручно и находила в этом несказанное удовольствие, как и в прозвище «царицы сибирской», которое дал ей с выгодою для себя один из ее слуг, положенный на землю для наказания.

Вспоминает предание о Милекине (бывшем начальником, кажется, в Кутомарском заводе), при появлении которого на улице дети бежали прочь, и старики прятались по углам. Когда он проходил по селению, живой души на улицах не было, потому что всякий знал о тех наслаждениях, которые получал начальник при созерцании наказуемых. Всякий помнил, что любовника жены, бывшего адъютанта, он заковал в кандалы, посадил в тюрьму, вывел на площадь и на эшафоте дал ему 50 кнутов, обсыпая избитые плечи едким нашатырем, дал столько же во второй раз со вторичным опытом той же присыпки. Тиран повторил бы экзекуцию и в третий раз, если бы начальник Дучарского завода не вырвал из его рук несчастного экс-адъютанта, влюбившего в себя и жену и дочь Милекина. Вылечил это го Милекина, говорит предание, писарь — его приемыш и воспитанник. Каждым писанием его начальник был недоволен, при всяком случае бил его по щекам и по зубам. Однажды он выразил свое неудовольствие в то время, когда писарь считал

себя правым и был уже осмеян товарищами за необычайное терпение. Милекин хотел его бить, но писарь-приемыш, выхватив из-за пазухи нож, закричал: «Я буду каторжным, но ты уже бить никого не будешь». Испуганный Милекин дал клятву смириться для всех и, говорят, будто бы сдержал ее, а учителя наградил большими деньгами.

Деспотическими суровыми выходками отличался и горный начальник Рычков, сменивший Ив. Ив. Эллерса[190] и умерший в заводах в 1817 году. Несмотря на то, что он принадлежал к образованнейшим и умнейшим людям своего времени, предание сохранило о нем память как о человеке суровом и безжалостном: он, говорят, забивал людей до смерти. После Рычкова мелькает в архивных списках имя главного начальника Аистова; за ним является в ближайшие к нам времена, в 30-х годах прошлого столетия, начальником Бурнашов, пострадавший за послабление декабристам, и полковник

Ст. Петр. Татаринов, о котором генерал-губернатор Броневский написал в своих мемуарах такие строки: «При нем приметно стало человеколюбивое обращение с ссыльными; подчиненные его все уже воспитались в горном корпусе». С этим улучшением в нравственном смысле на заводах уже глубоко вкоренились задатки худшего, задатки падения серебряного промысла. Расходы на заводы и рудники стали превышать ценность добываемого серебра, а добыча золота представлялась во всем привлекательном соблазне под впечатлениями надежд и обещаний, исходивших от горного начальника г. Разгильдеева. Серебро выплавлялось только на Кутомарском заводе, добывалось из немногих рудников и, между прочим, на наших глазах в Зерентуйском руднике, в 15-ти верстах от большого завода, где делалась под наблюдением горного начальника О. А. Дейхмана новая штольня «Надежда». Слухи о золотых россыпях в разных углах Забайкалья помрачали блеск серебра, и выработка золота, дозволенная частным лицам, в наши дни сильно

---

[190] Эллере содействовал первым ученым исследованиям путей на Амур, предпринятым китайским послом Ю. А. Головкиным и производимым полковником д'Овре в 1806 году, составив нарочно для них особенную путевую карту. Он предупреждал нужды и распорядился так, что посольство воспользовалось многими успехами.

оттирает на задний план разработку серебряных сокровищ богатых и далеко еще не разработанных Нерчинских горных отрогов Яблонового хребта. В быте рабочих, с освобождением их от обязательных казенных работ, произошли крупные перемены; наступило новое время, и старое просится на помощь ему своими ошибками, а потому мы останавливаемся здесь, чтобы обратиться к урокам прошедшего и досказать вторую половину истории каторги, проходившей под влиянием золота и под впечатлениями сердитой сибирской болезни, называемой там общим именем золотой лихорадки.

Слабы и неясны были признаки золотой лихорадки в прошлом веке, хотя и нельзя было упрекнуть нерчинские начальства в ревности угождать высшим и кстати рассчитывать на высылку крох, имеющих такую прочную и почтенную ценность. Еще в 1777 году архивные дела свидетельствуют о хлопотах по найденному золотому прииску; в 1782 году заботились о разработке золотых приисков по течению р. Шилки, на левой ее стороне, в 16 ½ верстах выше Сретенского острога в Крестовой горе, против деревень Епифановой и Заозерной. Тем не менее в 30-х годах XIX столетия во всем Забайкалье разрабатывался единственный казенный прииск Куенский, дававший 68 долей золота из ста пудов песку; содержание столь ничтожное, что частный человек и рук бы не стал марать, но казна работала в расчете на дешевые каторжные силы, работала самым грубым старинным способом. Пески пропускали сквозь железные грохота в чаны, наполненные водою; вода с грязью выпускалась вон и осадок со дна накладывался в ящики на двух высоких колесах особого устройства, которые одною лошадью, с значительною тяжестью, катились довольно легко по наклонному горизонту. Эта жидкая грязь, в которой золота и подозревать невозможно, выкладывалась в длинные лари. Вдоль ларей горизонтально навешивался валик с железными граблями; приток воды постепенно наполнял лари, а обращаемый людьми валик граблями ворочал пески; вода уносила муть. Когда в ларе мало оставалось песков, их вынимали на тачки, вес которых был известен, и сдавали на вашгерты для окончательной промывки. Вашгерт есть не что иное, как деревянный ящик, диагонально установленный на земле; в верхней его части имелся ящик, наполнявшийся из особого привода водою,

которою распоряжался промывщик, пуская, по надобности, большее или меньшее количество. Пески, в виде жидкостей и грязи, кладутся на дно вашгерта, и вода, втекая в них, мало-помалу размешивалась руками, уносила все с поверхности и оставляла, наконец, на дне небольшое желтое пятнышко. Это было уже чистое золото в виде мелких крупинок, иногда в форме довольно сплюснутых пластинок. Золото сгребали на деревянную лопаточку и со вниманием и осторожностью уносили в контору. Там золото просушивали в печи и потом, в присутствии чиновников, взвешивали на самых чувствительных весах. Частички золота с 12-ти вашгертов Куенского золотого прииска записывались в книгу. На частных золотых промыслах рабочие зарабатывали от 300 до тысячи рублей, а счастливые на старательских работах приобретали еще более (особенно если попадались самородки), на казенных же приисках ссыльные рабочие находились в тех же условиях, при которых страшно противела работа и выяснялась перед глазами соблазнительная дорога в лес на волю.

К середине нынешнего столетия за Байкалом стало ясно, что везде, где господствуют по восточным склонам Яблонового хребта гранито-сиениты, золотоносная система почти сплошная, но золото принадлежит некоторым исключительным местностям: Карийской и Шахтаминской россыпям. Золото в Нерчинском уезде находится всегда в долинах, в которых выступили гранито-сиениты и тальковые сланцы, чаще же в долинах малых рек и ручьев; на больших реках золото находят редко; точно так же редко попадается оно в горах и раздолах. Отсюда пришли к вероятному предположению, что золото первоначально находилось в жилах в сиенитовом граните и в кварце, которые при плутоническом перевороте были разбиты, и золото стекло в долины. В виде порошка находится оно между сдвинутыми слоями сиенита (Кара), либо в щелях гранитных (Култума); в слоях же извести и гранита золота никогда не находили. Самый большой кусок самородного золота, найденный за Байкалом, весил ½ фунта. Слои, скрывающие золото, покрыты урожайною землею и называются турфом. Турф снимают и свозят в кучи. Таким же образом поступают с другим слоем, состоящим из песку, глины, смешанной с сиенитовыми каменьями и круглыми сланцами, называемыми здесь галькою. По снятии верхних слоев в каждом

полуфуте грунта ищут золота. Тотчас же в третьем грунте, глубиною на 7 либо 10 футов, находится золото, смешанное с черным блестящим песком магнитного железняка и с глыбами железной руды, очень богатой, имеющей 60% железа. Содержание золота во всей той массе, какую снимают, составляет пропорцию 1:400000; один только раз найдено было отношение 1:40000 в Каре и этот слой признан был очень богатым. В глине глыбы предполагается наилучшее золото, и весь слой носит общее название песку. Золотой песок свозят в тачках на машины, очищающие его от лишних примесей и камней; потом снова очищают его от песку, от порошка магнитного железа, от порошка киновари и мелких гранитных зерен, в соседстве с которыми так любит жить золото. Песчинки золота бывают так мелки и тонки, что поднимаются и относятся водою; таким образом, при промывке теряется его довольно много. Самый простой способ промывки золота на Каре следующий, общий целой Сибири: на ровную покатость, имеющую с двух сторон две прибитые дощечки, сыплют песок, а на него пускают воду. Работник лопатою отгребает песок, уносимый водою кверху, и вынимает обмытые и ополосканные камни. Части легчайшие, как-то: песок и глину — уносит вода, а в желобе остается золото и магнитный железняк; последний оттирают щетками либо отбивают от золота палками. Если же совсем нельзя отделить золото от магнитника, тогда надо золото сушить и рассыпать на бумаге, а железо отделять от него магнитом. На больших приисках такой способ неприменим, а потому для промывки золота в нерчинских рудниках приспособлено средство, придуманное инженерным подполковником Разгильдеевым.

Разгильдеевская машина состоит из трех этажей. На первом этаже лошади вращают простой цилиндр, отвесно помещенный в машине; на другом этаже помещено большое железное решето, десяти футов в диаметре, на которое ссыпается с тачек приисковый песок. Среди решета, отвесно к нему, вращается вал, а к нему, в незначительном друг от друга расстоянии, прикреплено восемь бревнышек, с которых в длинных рамах свешиваются и опираются на решето железные грабли, мотыги, железные башмаки и тому подобные орудия, предназначенные для движения и пересыпки песку со всех сторон, что при помощи вала устраивается само собою.

Немного повыше восьми бревнышек находятся корыта и деревянные каналы, на которые обильно стекает вода из резервуаров и кропит дождем песок, наложенный на решете. Камни, сделавшие в решете один оборот, достаточно облегчаются, чтобы упасть в отверстие, из которого отвозят их в особые кучи; часто же более мелкие и легкие выплывают сквозь решето на первый этаж, на котором имеется гладкая покатость. Ровная покатость состоит в этой машине из двух частей: первая сильнее наклонена, другая же менее поката и имеет несколько сажен длины. На ровной покатости сделано три порога или уступа; вода, унося песок, осаждает его в углубление, находящееся под порогом. Над каждым порогом вращается двухсторонний валик с железными шпилями, прибитыми в равных расстояниях. Песок с мельчайшими камешками и вода спадают на покатость, вплывают в углубление, из которого, подталкиваемые шпилем, легчайшие части уносит с собою вода, а золото и железо оседают на дно; но потом еще повороченные шпилем, выплывают через другой порог до другого углубления, дальше до третьего, из которого, как и из двух прежних, отвозят их на большой вашгерт. Золото в этом периоде промывки еще смешано с железом и оловянными рудами, в которых пропорция золота бывает как 1:2000 или 1:3000. На вашгерте также три порога. Здесь золото освобождается от обыкновенных частиц мотыгами и водою, а потом отвозится на маленький вашгерт, в котором руками и щетками отделяются в воде обыкновенные частицы. Таким образом, добытое золото все еще соединено с некоторым шлихом магнитного железа, которое отделяется просушкою золота на сковородах, и остатки магнитного железняка выделяются с помощью магнита. У промывки в вашгертах стоит караульный казак и унтер-шихтмейстер из горных, наблюдающие всех и самих себя, чтобы никто не украл золота. Однако имеются такие способы кражи, от которых никто уберечь золота не может. Работы на промыслах начинаются в мае и продолжаются все лето до октября. Нерчинское золото имеет весьма высокую пробу, карийское — самое чистое: в нем только 5 частей выпадают на серебро и медь, находящиеся в золоте. На этот-то металл и устремлены были работы горных и ссыльных в то время, когда 25-копеечная ценность золотника серебра поднялась до 50 коп., а алтайское серебряное дело превзошло нерчинское своими доходами.

Разгильдеев сначала поднял высоко добычу золота: в 1853 году добыто им на Карийских промыслах 6857 фун., 11 золоти, и 2 доли (почти 172 пуда) — и это время составляет эпоху в золотом промысле России, но зато в 1856 году добыто было на всех нерчинских приисках 2400 фун., т. е. 60 пудов, в 1857 г. — 2245 фун. С тех пор продолжалось ежегодное уменьшение золотой добычи; первая и такая богатая была форсирована тем, что все наличное количество каторжных, сосланных в эти годы из России, находившихся до того в тюрьмах забайкальских, привлечено было к этому делу и собрано на четырех промыслах карийских: Верхнем, Среднем, Нижнем и Лунжанкинском. В 1850 году от громадного скопления каторжных рабочих началась на Каре сильная тифозная горячка. Каторжные, запертые в тесных и сырых тюрьмах, работавшие в болотистых и сырых местах, валились, как мухи, иногда подле самых тачек. Погибло их больше тысячи человек в один год, и длинное здание лазарета на берегу Шилки остается немым свидетелем этой неблагополучной добычи знаменитых ста пудов золота. В наши дни настала надобность в прекращении работ, и уменьшение золота ставит горное начальство в обязательство снова возвратиться к серебру. Все четыре селения, пристроившиеся к золотым промыслам на Каре, и между ними Нижнекарийское, выстроенное почти по щучьему велению Разгильдеевым, будут застаиваться, разрушаться и гнить по примеру всех других горных селений за Байкалом, среди огромных даурских богатств, сила которых в достаточной степени не вызнана и еще далеко вся не исследована. Во многих местах находятся медные руды; имеются оловянные, добытые и сложенные в складах в виде кирпичей, либо прутьев, они раз успели уже выветриться и превратиться в порошок, пока строили оловянный завод на Ононе. В щелях гор находят испортившийся купорос; галмей попадается обыкновенно в оловянных рудниках (пробовали несколько раз вытапливать из него цинк, но нигде не выработано в достаточном количестве); построен был рудник даже руды ртутной, но давно уже запущен, хотя и надобится ртуть для амальгамации золота. Железные руды за Байкалом — самые обыкновенные: они образуют целые горы, но железный завод один, с трудом удовлетворяющий даже местным потребностям. Серы родится в нерчинских горах очень много; копают ее при Зерентуйском оловянном

руднике; графита целые горы, на Байкале нефть, над Аргунью и Чикоем значительные залежи каменного угля и проч. Выработка серебра в горных дистанциях Зерентуйской и Алгачинской (Нерч. округа) обеспечивается крупными надеждами и верными расчетами по современным данным; по расчетам людей компетентных, она представляется более чем вероятною и в других, в особенности в Кадаинской дистанции. До сих пор извлекали руды из мест, прилегающих к поверхности земли, и не ходили на глубину, которая иногда обнаруживает здесь месторождения более, чем в 60-ти саженях от поверхности. Разработка Нерчинского серебряного промысла, во всяком случае, далеко не оскудела, но лишь испорчена неправильною системою, которая искала скорой добычи и не умела вполне оценить этих отечественных сокровищ.

Другую картину представляет Кара, выработанная и малонадежная. Она уже и теперь обязывает излишние незанятые руки употреблять на другие дела, уже и теперь горное начальство каторжных, оставшихся не у дел на Каре, отправляло в качестве вольнонаемных рабочих на другие золотые промыслы (напр., на Урюмские) и позволяло другим пропитываться в Нерчинском округе своим собственным уменьем и по их личному усмотрению. При этом золотопромышленные работы таковы, что, растягиваясь на большие пространства, они идут все вглубь золотоносных местностей и ни в каком случае не могут обеспечивать постоянной группировки ссыльнокаторжных на долгое время в одном месте. Тюрьма должна кочевать и, по способу бурятской кибитки или тунгусской юрты, должна совершенно изменить свой настоящий вид и вполне противоречить своему назначению, чтобы приладиться к золотому промыслу, особенно же в виду тех современных требований, которые стали обязательны для всякой тюрьмы как исправительного заведения, а тем более каторжной тюрьмы.

Глава IV. Сибирские заводы

Железо. — Петровский завод. — Соль. — Селенгинский завод. — Усть-Кутский завод. — Добыча соли. — Каторжные работы. — Троицкий солеваренный завод. — Иркутское-Усолье. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокурение. — Евреи. — Ссыльные. — Винокуренные

заводы: Александровский, Николаевский, Ильгинский, Боготольский, Ентарский, Успенский, Каменский. — Уничтожение этого вида каторги

1) Железные руды одного из острогов Яблонового хребта, залегшие на мысу, омываемом небольшими речками Балягою и Солдаткою, соблазнили купца Бутыгина. Он устроил завод несколько выше впадения речки Мукырта в Балягу, в 22 верстах от места добычи руд, получившего впоследствии название Балягинского рудника. В 1790 году, 29 ноября в 4-м часу пополудни, началась на заводе, прозванном впоследствии Петровским, первая плавка железных руд в доменном горне, причем сделан выпуск на штыковый чугун и частью отливка некоторых вещей в песок и опоки; в 1791 году штыковый чугун поступал в переделку под кричные молота на железо. В этом году завод поступил в казну. С тех пор все его чугунные изделия и железо разных сортов поступали преимущественно на снабжение нерчинских заводов и рудников, как равно на потребности собственно этого завода и для вольной продажи по установленным ценам. Завод действует водою р. Мукырта; пруд разливается вверх по речке на 400 сажен, имея в ширину до 50-ти. Завод пользуется землями, отведенными из принадлежащих 11-ти родам харинских бурят; лес заводский тянется на 7 верст. Местоположение возвышенное, гористое, местами с обнаженными утесами и россыпями; в вершинах падей находится довольно болотистых мест. Горы, окружающие самый рудник, состоят из гранита, а при основании из порфира. Месторождение на 250 сажен от юга к северу, толщиною от 5 до 8 сажен; содержатся наиболее разные виды бурого железного камня, магнитный железняк и затверделые и рыхлые охры. Первоначальный разнос засыпало щебнем, главный разнос действует до сих пор, давая заводу работу и занимая руки сосланных на каторгу. Для них, как и при всяком руднике, при Петровском заводе существовала тюрьма, которая переведена потом в тюремный каземат, покинутый декабристами. Петровское железо настолько не удовлетворяло местным требованиям, что железо привозили сюда с Урала, а изделия каторжных рук до того плохи и рыхлы, что доставленные на Амур топоры рассыпались по слоям на первых ударах; сошники же и другие железные изделия никуда не годились. Петровский завод за последнее время обратился в общее посмешище. И в этом случае из казенных рук вывалилось

дело, несмотря на некоторое усердие и временами хлопотливость: в 1806 году выбраны были 10 человек молодых служителей и посланы в Петербург для изучения разных мастерств; однако ни одно из них в заводе не привилось. Завод изготовлял и железо для Охотского порта, и сошники для бурят и тунгусских казаков, когда пытались (неудачно) приучить их к земледельческим работам. Для работ присылали ссыльных с 1818 года, всякий раз по сто, партиями по 25 человек, приходившими прямо из Иркутска, по вызовам и назначениям заводского начальства. В 1833 году число ссыльных простиралось до 550 человек, не считая бежавших, количество которых было также велико: из Петровского завода больше, чем из всех других каторжных мест, чинились побеги. Учинившие побег приковывались к тачкам. Таковых в 1831 году было в заводе свыше ста человек; в 1848 г. содержалось 13 человек прикованными на стенные цепи; для поимки беглых при заводе организована была особая команда из вольнонаемных охочих людей служительского звания. Тяжесть каторги для каторжных и заводских крестьян лежала и здесь в одинаковой степени суровости и умела перейти с отцов на детей, но здесь с тем различием, что с 1823 года тринадцатилетних мальчиков определяли на службу в рудобойщики. Зато в 1828 году в Петровском заводе произошел между рабочими такой бунт, о котором сохранилось предание в окольном народе. Обветшалость острожных зданий, в особенности же зависящая от того сырость внутри их служила причиною постоянного скорбута, как бы привилегированной болезни Петровского железного завода. Здание без ремонта дошло до такой степени дряхлости, что заводский лекарь потерял голову, между прочим, советуя осушить болотистый грунт целого селения. В 1829 году приведено было 100 человек ссыльных из Иркутска для постройки полуказармы, предназначенной для государственных преступников (декабристов); в 1829 году пригнали для той же цели еще двести человек. Летом 1830 года была приготовлена казарма холодная и темная, но притом такая, что через год потребовалась в ней перекладка печей, а вскоре и самые капитальные переделки. Каземат расселся в разные стороны и на углах грозил полным разрушением. Подневольные работы и на этот раз успели выразить свой характер. В Нерчинском краю и горном округе Петровский завод был единственным желез-

ным, как Селенгинский был единственным солеваренным: оба с каторжными работами, оба для ссыльных в Сибирь имели значение мест первой категории наравне с рудниками, промыслами и серебряными заводами. В настоящее время Петровский завод, при ограниченности своего производства, перестал нуждаться в ссыльно-каторжных, специально предназначенных для работ на заводе.

2) Селенгинский солеваренный завод находился между двумя забайкальскими городами: в 40 верстах от Селенгинска и в 96 от Верхнеудинска. О начале его, как и многих сибирских заводов, сведений не имеется: все они либо растрачены, либо погибли при архивных пожарах. Известно только, что этот завод в 1719 году отдан из казенного в частное содержание селенгинскому служилому человеку Вас. Брянскому, от которого переходил к разным людям; в 1789 г. был в руках верхнеудинскаго купца Пахолкова, работал на него 15 лет, но год от году слабел силами и, наконец, прекратил работы и снова принят в казну в 1803 году (за 7762 р.52 к.). Пахолков принял две варницы, сдал в казну 5, из которых одна в казне сгорела (в 1816 г.). Четыре остальные продолжали варку соли по 1825 г. До 1831 г. завод находился в бездействии; на короткое время его снова пускали в работу (начальник Дейхман), но казна не помогла, и работы были оставлены до 1835 г. Купец Злобин начал на нем новое дело и кое-как вел его до 1839 г. С тех пор завод окончательно смолк. Три раза свидетельствовали, замечали беспорядки, но ни к чему положительному не пришли: рассолы ослабели от истощения. Вызван он был в этом месте горько-соленым озером, имеющим от востока к западу до 500 саж. длины и ширины до 300 сажен. Сначала, по преданиям, оно было самосадочное, и ломкою соли занимались поселившиеся поблизости, после войны с бурятами, казаки. Когда селения размножились, а садка соли прекратилась, соль вываривали казаки из рассола, находившегося на поверхности озера; варили в чугунных котлах, которые ставили на камни, сложенные в виде очагов. Озеро лежит за горами в степи, на которой изредка растет кустарник. Низменности этого пространства покрыты пылью выветрившейся горькой соли. С северной стороны в это озеро вливается много пресных ключей, которые, растворяя глауберову соль (представляющую на озере кору), до такой степени этим горько-соленым раствором понижают в процентном содержании

раствор поваренной соли, что выварка последней в летнее время становится невозможною. С наступлением холодного времени горькая соль извергается, вода застывает, а рассол поваренной соли обогащается, оставаясь в виде проталин в жидком состоянии, оттого и выварка соли начиналась в ноябре и продолжалась до апреля. На одном из таких мест в 1762 году, предполагая, что ключи поваренной соли пробиваются из почвы озера, делали опыты добычи, но неудачно. Масса ненужной горько-соленой коры бывает толщиною до 3 аршин и двух видов: либо в виде замороженного кваса, наз. гужиром, либо в виде стеклеца, т. е. когда этот гужир, при влиянии теплоты, сольется в плотную, прозрачную, стеклистую массу; гужир в тепле сыреет и расплывается, стеклец от умеренной теплоты и влияния света превращается в порошок. С поступления завода в казну в работы стали употреблять ссыльнокаторжных. До 1818 г. их бывало от 120 до 147 человек (6 солеваров, 10 подварков, 20 льяльщиков, 8 кузнецов, 8 молотобойщиков, 3 конюха, 17 плотников и при разных других задолжениях чернорабочих 75 человек). В 1822 г. число ссыльно-рабочих было увеличено до 317 человек. Горное начальство уменьшило комплект до 180, так что в 1829 г. оставалось людей за бегами и раскомандировками только 10 человек для присмотра и охранения казенного имущества. В 1835 г., с увеличением работ, число команды возросло до 96. Сыновья ссыльных рабочих приписывались до 1834 г. в число заводской команды, а по достижении совершеннолетия составляли класс людей, самых способных при технических работах. В 1834 г. по 8-й ревизии всех их велено было причислить к крестьянам ближайших волостей. Горное ведомство, получив в свое ведение (в 1822 г.) Селенгинский завод, старалось приохотить ссыльных к месту, но дела не подвигались, и заводское селение не распространялось. Как только кончался ссыльным срок работ и они получали право выхода на собственное пропитание или выписывались за неспособностью, все спешили перепродать свои дома другим рабочим и перейти на житье в те волости, к которым были приписаны. В свою очередь, новые собственники поступали точно так же. От этого каждый, зная шаткие основы завода, о своей жизни здесь не радел: не расширял усадьбы, не расчищал удобных земель для покосов и пашен, которые, кроме того, требуют еще устройства водопроводных каналов для вешней и

летней поливок. Того же самого требуют и сенокосы, если только они не на лугах, заливаемых водою. Как только казна остановила свои работы, селение превратилось в пустырь, и вся окольность, богатая озерами, осталась снова во владении кочующих бурят, у которых на этом месте (на Гусином озере) стоит их главный дацан (храм) и живет глава их духовенства — хамба-лама. Не удержали населения и рыбные ловли в озерах Гусином и Щучьем, о которых так хлопотало горное начальство, а пребывание последнего в этих местах ознаменовалось лишь тем, что в 1839 г. на восточном берегу Гусиного озера найден был обнаженный пласт каменного угля, столь неценимого в богатой лесами Сибири.

На Селенгинском заводе кончаются каторжные места за Байкалом. Солеваренные заводы и при них каторжные работы приводят нас на сю сторону Байкала и, в подчинении работ наших хронологическому порядку, в крайнюю даль Восточной Сибири.

3) В 665-ти верстах от Иркутска, в 264 от Киренска, в Якутской области, на правом берегу устья реки Куты (впадающей в Лену), вниз по ее течению, расположен был у небольшого озера Усть-Кутский солеваренный завод. На середине озера находятся соляные ключи, над которыми устроены были колодцы. Источники эти некогда составляли собственность будущего завоевателя Амура, сольвычегодского промышленника Ерофея Хабарова, и воеводою Поярковым отобраны были в 1641 году в казну. Хабаров выехал из завода и поселился в шести верстах от г. Киренска, где до сих пор сохраняется деревушка, носящая имя Хабарова. С этого пепелища своего он снялся на р. Амур для новых промышленных предприятий, успев избить якутских крестьян, присланных в Киренск на его заимку для поселения. Завладев чужою женою, Хабаров, вынужденный неудачами на Лене, сделался героем на Амуре, но могилу нашел себе в Илимске (при устье р. Илим, впадающей в Лену). До 1751 г. завод его находился в ведении казны, но в этом году отдан иркутскому купцу Ворошилову, который и содержал до 1780 года, когда завод перешел к его наследникам. В 1800 г. завод, по духовному завещанию, перешел к дочери Ворошилова, надв. советн. Бейтоновой, которая впоследствии оказалась несостоятельною и неисправною (несмотря на то, что казна, по указу 7 декабря 1801 года, к 20 ссыльным прибавила ей еще десять). Варницы снова

были отобраны в казну и в 1803 г. отданы киренскому купцу Сычеву. В 1823 г. оне находились во владении внука Сычева; в 1829 г. — Мадеева, в 1836 г. — жены его. Соляные источники Усть-Кутского завода — самые богатые в Иркутской губ., и варка соли, при изобилии рассола (по солемеру 18½ лот), может производиться во всякое время года, но варили соль только весною и летом, т. е. когда рассол становился крепче. Варили в двух варницах: спасской и Знаменской, и до 1838 г. получали ежегодно до 25 т. пуд. Для производства соляных работ и для каторжных работ: у рубки дров и при заготовлении леса — положено было иметь 35 человек. Соль сплавлялась по Лене через подрядчиков от казны на барках и гужом в стойки Киренского округа. По нахождении завода в малонаселенной стране он приносил казне ничтожные выгоды, потому она решилась и с ним покончить и дело уничтожить. Селения и здесь не выросли и не укрепились. В заводе, даже и во время работ, не было церкви, а стояла часовня, выстроенная в 1822 г.; требы исполнял священник Усть-Кутского селения, отстоящего от завода в 4 верстах.

4) На берегу речки Усолки (Енис. губ., Канского округа), в расстоянии 193 верст от г. Канска, существовал четвертый завод Восточной Сибири, наз. Троицким. Первые соляные ключи открыты были тунгусами, объявившими (в начале XVII столетия) о том единственным в то время и в тамошнем краю торговым людям — мещанам г. Енисейска Хромовым. Хромовы разработали нынешний средний колодезь (в нем рассол 6), варили соль в котлах, а потом устроили и варницу, полагая начало завара с Покрова и продолжая варку до времени весеннего разлива Усолки. Предприниматели, часто имея нужду в деньгах, занимали их у живших здесь монахов енисейского Спасского и туруханского Троицкого монастырей. Впоследствии, будучи не в состоянии уплатить долги, Хромовы передали все заведение в монастырщину. У монахов солеварение улучшилось: выход соли часто доходил до 80-ти т. пудов. В 1764 г. завод принят в казенное ведомство. Казна выстроила три новые варницы (в 1778, 1780 и 1800 гг.)[191] и устроила три новых колодца (один содержанием в 15°, другой до 24°). Выварка соли

[191] Варница этого года устроена по вызову того обстоятельства, что в этом году прекратилась садка соли на Минусинском самосадочном озере.

поднялась до 88 т. пудов, а когда в 1827 г. завод взяло в свои руки горное ведомство, выварка соли увеличилась до 126 т. пудов. Хозяйство расширилось: «чтобы избежать покупки железа дорогими ценами и от вольных людей», казна распорядилась построить железный завод. Руды добывались в окрестностях при речке Копотиловке и плавились в печах, получалось кричное железо, которое превращали в сортовое тут же[192]. При этих условиях казна успела в 10 лет выстроить тут новое селение (в эти десять лет прибыло 63 дома). Работы производились арестантами, присылавшимися гражданскими начальствами во временную работу в ожидании собирания справок (от 50–100 челов.); присылались и ссыльно-каторжные. В 1838 г. их было 313 человек, имевших 120 домов собственных (другие размещены были в нарочно для них устроенных казармах). Ссыльные употреблялись для выварки соли на работы уже истинно каторжные, по старинному способу ведения их. Перевозка дров, починка и постройка чренов и приготовление инструментов производились людьми вольнонаемными.

5) Одновременно с Усть-Кутскими открыты были соляные источники на берегу реки Ангары, в 68 верстах от Иркутска, на месте, где теперь существует Иркутский солеваренный завод или попросту Иркутское-Усолье. Все техническое устройство находится на острове р. Ангары, наз. Варничным (прежде Вознесенским). До 1765 г. соляной промысел состоял в ведении иркутского Вознесенского монастыря, с приписными крестьянами от деревень нынешней Бодайской волости. В 1765 г. Усолье поступило в казенное управление и с того времени стали присылась сюда для работ ссыльно-каторожных. Казна в 1772 году имела уже здесь 4 варницы и вываривала на них соли до 55 т. пудов. С 1782–85 г. завод содержался на аренде тобольским купцом Дьяконовым, по смерти которого опять поступил в казну. Рассольные источники находятся преимущественно на острове Варничном и частью на левом берегу Ангары, близ селения. Прежде рассол был гуще (в 7½ и 9⅓°), но бывшие землетрясения понизили их содержание (в 1833 г. от 1 до ½°,

[192] У деревни Яковлевой открыты были медные руды, и кроме того, существуют вблизи завода железистые минеральные воды, а в шести верстах от него углекислые.

а в 1839 и еще почти на 1¼°), отчего соль 1838 и 40 гг. вываривалась уже из рассолов в 5¼ и в 6¾ (в 1841 рассолы обогатились наполовину этого понижения[193]). Выходы соляных рудников неглубоко залегают от поверхности земли, отчего и самые колодцы, скопляющие рассол, неглубоки. Из этих колодцев рассол поднимается бадьями в зунфы посредством насосов, приводимых в действие конною силою. Из зунфов пускается рассол по желобам в лари, устроенные в самых варницах, а из ларей напускается уже, по мере надобности, в чрены. В ларях рассол, по наполнении, часов до 12 отсаживает их (рассол протекает мутным) и из них пускается по желобам в чрены, устроенные в середине варниц и сшитые из листов поличного железа. Чрены повешены на крючьях: подчренные печи сложены из кирпича, устье их или чело печи имеет вышины около 1½ ар. и ширины 2 ар. и снабжено железною дверью, которая служит также для управления огнем. На стороне противоположной устью, у задней стены, выкладывается невысокая труба, называемая сопуха, имеющая заслонку также для управления огнем или подчренным жаром. Кроме того, в варнице настилаются полати с ящиками для складки и просушки соли, набрасываемой из чренов. В чрены до напуска рассола напускается бурдук (смесь

---

[193] Состояние рассолов изменяется: в сухое лето они богаче, но приток их недостаточен на продовольствие действующих чренов. Ощутительно же понижаются они в своей густоте во время разливов р. Ангары от чрезвычайно быстрого притока нагорных вод рек: Иркута, Ушаковки, Тойсона и Китая, что бывает, по большей части, в июне и начале июля и во время рекостава Ангары в декабре и январе. При этих случаях нередко затопляется весь Варничный остров, и пресная вода, стекая с поверхности в колодцы, разводит рассол, делает его негодным к солеварению. Изубоженный притоком вод рассол не пускается в дело до того времени, пока вода Ангары не пойдет на убыль. Воду отливают, дают время концентрироваться в колодцах рассолу, и — солеварение вновь начинают. Особенно было сильно наводнение в 1772 году: вода стояла до половины дверей рассольных колодцев и варниц, заливалась даже в чрены, снесла с острова бани, мост через проток Усолку сломала все желобья, затопила соляные магазины и унесла более тысячи сажен дров. При заводе — своя лесная дача. Дрова предпочитают круглые, так наз. елтыши, как более удобные для того, чтобы легче подкатывать их под сковороды. В 1823 году варниц было 9, в 1886 уже 13. Шестьдесят пуд. соли требуют целую кубическую сажень дров.

муки с рассолом), который запаивает и замазывает те места, где капель или течь. Это, собственно, и называется напуском: затем следует наводка, т. е. сгущение рассола. Во вторые сутки повышается напуск рассола; в первые сутки соли почти никогда не получается, во вторые — весьма немного, и то мелкой и грязной, смешанной с пригорелою мукою, сажею, илом и песком. Эта соль поступает в перевар. Три или четыре соли по заваре бывают тяжелы на вес, нечисты и, лежа в магазине, дают весьма значительную утечку[194]. Каждая варка продолжается около суток, а из 20 и более варок составляется отряска, в течение которой на полотне чрена, в виде твердого камня, накипает столько поваренной соли, что, в предупреждение пригара, этот камень (ширей) отбивают. Работа такая (наз. околотка) производится молотками (наз. клевак). Затем производится дня 2–3 починка; чрены действуют от 20 до 22 суток; общая поправка производится через 2–2½ месяца; в октябре солеварение прекращается, в конце февраля или в начале марта начинается. Работа в варницах — в сильном жару, заставляющем снимать рубахи догола с расчетом на простуду и на растраву ран и даже мелких порезов в соляном пару — поистине каторжная. Многие варницы, каковые всегда строятся осьмиутольными, от неправильного устройства пролетов накопляли такой дым, что рабочие, для направления огня, и ползать не могли по земле. Чтобы они не задыхались в ветреное время, сделаны плотно законопаченные будки, куда люди входили со двора и сквозь оконца смотрели за огнем, будучи избавлены от безвременного страдания и боли глаз, но все-таки не избавились от близости простуды и вероятия отравы соляными парами до потери аппетита. В этих сенях, приделываемых с наружного входа, складываются дрова; в летнее время здесь рабочие имеют убежище от нестерпимого жара варниц; сени служат препоною для сильного притока воздуха со двора в варницы, где он в соединении с дымом и паром, особенно при напусках рассола в холодное время,

[194] Чистая, хорошо высушенная поваренная соль влаги не притягивает. Если в соли содержится хлористый кальций или магний, имеющие сильное сродство с водою, соль растворяется в притягиваемой из воздуха влаге и тогда утечка; если в соли серно- или углекислый натр или сернокислая магнезия, то соль выветривается, т. е. происходит усушка.

производит почти непроницаемую темноту и отвращает сильное горение в подчренных печах. Кем-то и когда-то при Иркутском заводе устроено было в незначительном виде железное производство ручными молотами на обыкновенно кузнечных горнах. В 1795 г. построена была кузница с пятью горнами, а в 1801 г. устроена была на р. Тельминке молотовая фабрика. На ней из разного лому выковывались гвозди и подгвоздки (железные кружки с дырою) для тренов. Впоследствии искали рудных месторождений и нашли их, но неблагонадежные — гнездовые, и замыслы оставлены. В 1835 году поблизости найден новый пласт, и плавка производилась в сыродувных печах, но за недостатком воды работы прекратились, но увенчались тем результатом, что во флейцовой горе (наз. Балдуйской) под песчаником нашли пласт каменного угля до 1½ саж. толщиною. Завод довольствуется теперь железом алтайским и Петровского завода[195]. С применением в Восточной Сибири новой соляной системы солеварным заводам выпадает неизбежная участь перейти в частные руки, если только таковые уверенно рассчитывают на выгоду разработки и, во всяком случае, предпочтут вольнонаемный труд. Пример частного владельца Николаевского завода, имевшего в своем распоряжении до последнего времени небольшое число каторжных, в этом отношении единичен и исключителен.

Солеваренные заводы, таким образом, можно полагать каторгою первой степени. Гораздо легче их была каторга на винокуренных заводах, до изменения в последнее время системы акцизных сборов на вино, когда все казенные винокуренные заводы были уничтожены, т. е. либо проданы на дело и на слом, либо сданы в арендное содержание в тех местах, где частная предприимчивость в существовании их признала законное и безошибочное право.

Винокурение вначале производилось винокурами, избираемыми из ссыльных, которые знакомы были с этим делом в России или приучались уже в заводе (им давали по 250 р. асс. в год и, сверх того, в виде награды, по 8 коп. с каждого ведра излишне выкуренного вина). Производство шло, по-старинному, весьма дурно: в деревян-

[195] Был еще солеваренный завод в Охотске, действовавший очень долгое время и уничтоженный в 1839 году.

ных бражных кубах, устроенных по обыкновению каштаков; при жестоких морозах терялась спиртуозность, вылетавшая в спаи досок. При морозах (в дек. и янв.) выходы вина уменьшались: морозы мешали быстрой работе, мешала делу и посуда, не успевшая обдержаться. Винокуры часто менялись за злоупотребления, которые происходили частью по их неопытности, частью злонамеренно. Из четверти хлеба не выкуривалось больше 6 ведер; явившиеся из России евреи успели выучить добывать 7 ведер, впоследствии дошли до 7⅛ и до 7⅕. Выкурка вина не превышала 100 тыс. ведер в благоприятное время и упадала даже до 6 тыс. в неудачное. От того, что бочки приготовлялись из лиственничного леса, усушка и утечка возрастали до 7⅛ ведра на сто. Голодные и голые рабочие, для поддержки своего утлого существования, принуждены были измышлять различные хитрости, чтобы уворовать вино, бежать с ним из завода и начать корчемничать где-либо по соседству. Воровали спирт и полугар, просверливая дыры в трубах, по которым идет вино. Бывали времена, что по причине скудного урожая хлеба придумывали для рабочих хлеб из барды; бывали времена, что и самый хлеб при плохом хозяйстве для Восточной Сибири принуждены были закупать в Западной[196].

На винокуренные заводы вышла мода. Стали выстраивать их не там, где обнаруживался местный вызов, поддерживаемый обилием хлеба и местными требованиями, а в тех местах, на которые клал надежды кабинетный расчет, желающий похвастаться своею попечительностью о казенных прибылях, своим прилежанием и заботою о народных нуждах. Мало заботились (да и не были в состоянии сделать это), не хотели рассчитывать на то, чтобы за новыми заводами упрочить существование их на будущее время. Достигли одной цели: количество каторжных мест увеличили на известное время, но промышленных заведений, прочно стоящих на твердых экономических основах, не установили. Местные условия не замедлили обнаружить свое влияние, и огромные суммы, затраченные на устройство, оказались бесплодно потерянными; заводы,

---

[196] Так, напр., для Александровского винокуренного завода привозили в 1802 г. из Тобольской губ., когда и самое курение вина приостановили, так что казна потерпела громадные убытки.

работавшие в ущерб себе и увеличившие цену вина, убедили в своей несостоятельности и были уничтожены: Михайловский за Байкалом, Николаевский (в 1832 г.), Ильгинский (1845 г.) в Иркутской губ., Каменский в Енисейской. Александровский завод, увеличив производство, стал без затруднения удовлетворять потребности всех мест, подчиненных влиянию упраздненных заводов. Он избавил казну от лишних издержек и выкуривал вино с меньшими против них расходами. Хлеб привозили сюда окрестные крестьяне и инородцы (буряты) прямо на базар и сумели сделать подручный рынок, избавлявший от необходимости сложных операций по закупке. Иркутский и Нижнеудинский округ снабжали завод хлебом в таком достатке, что бывали времена, когда пуд хлеба продавался менее 10 коп. в урожайные годы, от 24 до 25 в годы среднего урожая и только до 90 коп. доходил в неурожайные. Завод был в состоянии выкуривать свыше 500 тысяч ведер, и казна, за исключением издержек на приготовление вина, получала выгоды около миллиона рублей. В 1860 году в дачах завода считалось 12503 десятины лесных угодий, 526 дес. сенокосных мест, 366 дес. пахотных земель и 240 дес. выгону, — количество угодий, роскошно обеспечивающих существование местного заводского селения. До поступления завода в казну (1787 г.) в нем были рабочие люди из ссыльных; с поступлением в казну определено иметь, кроме дроворубов и бочкарей, 154 чел. каторжных. Но так как потребность в людях гораздо превышала назначенное число, то оно, постепенно увеличиваясь, в последнее время, а именно перед отдачею завода в арендное содержание Медовикову в 1853 г., возросло с лишком до тысячи человек. После же передачи число рабочих уменьшено наполовину.

С передачею заводов на комиссионерском праве в аренду ссыльные стали разделяться на два разряда: одни остались за казною, другие были переданы контрагенту. Положение тех и других изменилось: на Александровском заводе казенные ссыльные получили 3 руб. асс. и два пуда муки в месяц; контрагентские стали получать двойной плакат (до 3 р. сер.). Вышло, однако так, что казенные, оставшись на задельной плате, стали жить лучше, в особенности те, которые знали какое-либо мастерство. Немастеровые старались приписаться к кому-либо из семейных; жители завода охотно принимали их к себе на квартиру и довольствовали их хар-

чевым содержанием без платы, получая от них один только провиант. Кроме того, ссыльные обязывались половиною свободных во время действия винокурения суток содействовать в помощь домашнему хозяйству старожилов. Кроме того, ссыльные имели еще выгоду зимою работать в заводе по вольным ценам (50 коп. в сутки), а летом (когда с половины мая до половины августа прекращается винокурение) большая часть из них работают дровосеками и при вырубке бочечного леса и получают от 4 до 6 руб. в месяц[197]. Усердные из рабочих, проживя один или два года в заводе, имели возможность купить домик и завести собственное хозяйство. При этом каторжные, по преимуществу, женились на дочерях каторжных же, раньше поступивших в завод и обзаведшихся домами и семействами[198]. Между тем, ссыльные от контрагентов чаще пускались в бега: доверители не давали им порядочной одежды, в самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 руб. асс. в месяц, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру; одежда выдавалась из конторы под самое жалованье. Таким образом, заводское начальство лучшею мерою к прекращению побегов полагало улучшение пищи и одежды; находящимся при работах на Виннице винокур обязан давать винную порцию. Заведен был овощной огород; выдавались капуста, говядина, крупа и картофель, по временам покупалось молоко. Семейным и обзаведшимся хозяйством на содержание свиней выдавалась барда; свиное мясо служило подспорьем в пище; барда выдавалась также и для лошадей. Хозяева составляли особый разряд — коннорабочих. Получая пособие от казны в лесе и материалах, а также лошадьми, ссыльные были в состоянии нанимать для пособия при возке дров других ссыльных, беднейших. Этою мерою содержали на заводских работах и детей

---

197 Избиравшиеся по благонадежности ссыльные для отправлевия особых обязанностей по заводу получали и особое жалованье, согласно штату, напр. нарядчик 70 руб., медяки 150 р., кузнецы по 60 р плотники, мельники и солодовщики 50 руб., браговары, нагребщики и затрубные по 40 руб. в год.

198 В 1839 г. домов, принадлежащих ссыльным, было 178, к ним в этом году пристроилось новых 2, в 1840 — 3, в 1841 — 4, в 1842 ни одного не выстроено, ни одного не куплено; в 1839 куплено 5, в 1840 — 5, в 1841 — 4, в 1843 построено 7 и куплено 8. Огороды с 155 возросли до 237. Прогрессивно увеличивалось и число скота: лошадей, коров, баранов, свиней.

ссыльных, захотевших в 1835 году выбыть из завода для приписки по 8-й ревизии в крестьяне. В свободное время оставляли за ссыльными право наниматься у крестьян, сдающих хлеб, носить мешки в магазины за добровольную плату.

Подобное же учреждение заводов, не соответствовавшее потребности и силам края, вызвало уничтожение винокуренных и в Западной Сибири: Боготольского, Ентарского и др., и в Восточной Сибири — Каменского и других. Каренский (в 24 верстах от г. Енисейска) еще в 1830-х годах работал с постоянным убытком для казны и существовал лишь для того, чтобы занимать работами 600 чел. каторжных[199]. В других местах неуместное учреждение казенных винниц вызвало сильную дороговизну хлеба с непомерным стеснением для жителей, особенно когда устроены были два завода, Екатерининский и Успенский, в малохлебородном северном краю (первый под Тарою, второй под Тюменью). Екатерининский, основанный при Екатерине II и названный ее именем, представлял небольшое селение, поместившееся среди леса, на правом берегу Иртыша. Огромная каменная винокурня отстояла от селения сажен на 300; самое селение представляло ряд домов, выстроенных там, где указало начальство, на линии улиц. И здесь точно так же работы производились каторжными, часть которых (200 чел.) находилась в ведении казны, другая, меньшая (100 чел.), была в распоряжении контрагентов. Казна выкуривала до 120 тыс. ведер, но частные предприниматели увеличили выкурку до 200 тыс. ведер полугара, пенника и спирта, расходившихся по Тоб. и Томск, губ. на тысячу верст в окружности. И здесь, как и везде, одни каторжные набирали муку, другие возили ее, третьи ссыпали в заторы, приготовляли солод на гонку вина, качали машиною воду в сосуды, спус-

---

[199] Этот Каменский завод, так же как сибирский бродяга, переходил от одного хозяина к другому и добился только одного: совершенного уничтожения. Он — по преданию — основан был под низкими, но крутыми возвышениями при устье реки Каменки в 1663 г. каким-то Скрепковым, от него перешел к графу Шувалову, потом к Походяшину, потом к Лобанову и, наконец, в казну. Заводский архив говорит, что он снова отдан был в аренду тому же Лобанову с Кремневым, опять очутился в казенных руках томской казенной палаты, опять был отдан в аренду Ленивцову, в 1813 году снова поступил в казну, и проч.

кали брагу из одного сосуда в другой, качали машиною брагу из нижней десятни в верхнюю, заготовляли лес, находились при носке дров, другие были в жиганах у печей, у пилки поленьев, при бочках в бондарях; работали по каторжному положению день и ночь, а в рабочее время винокурения имели отдых только на Рождество и на Пасху. Плата бондарям шла от штуки, и они могли заработать руб. по 15 асс. и больше; другие рабочие получали не больше 10 руб. асе. и не меньше 5-ти. Каторжные отдавали домовладельцам муку, работали около их дома и имели за то стол и право спать в тесной, но теплой избе. Жившие в казармах жили пьяно, распутно, часто затевали кровавые драки. Наказывать рабочих ни винокур, ни доверители не имели права, но только смотритель, в помощь которому и здесь был дан гарнизон из солдат. Против ленивого, непослушного или наглеца смотритель призывал солдат и розгами разыскивал и восстанавливал правду.

Однако бить по щекам, таскать каторжного за волосы безнаказанно мог всякий. Сильно тосковали по родине, а потому бежали, сильно пьянствовали, а притом и страшно воровали; словом, и здесь то же, как две капли воды, что и на всех сибирских заводах, соляных и винных, железных и серебряных. Говорить о других заводах Западной Сибири — повторять старое; таково же жилось и на Успенском, в Тюменском округе, в 326 верстах от Тобольска. Завод успел также вырасти в довольно большое селение и также пользовался работами ссыльных, обреченных на 20-летнюю заводскую работу и получавших за то ежемесячно неизменные 3 руб. асс. и 2 пуда ржаной муки в провиант.

Государственный совет, при новой реформе акцизного сбора за вино, увидев, что казенные винокуренные заводы приносят казне ежегодно большие убытки, постановил продать заводы в частные руки с тем расчетом, что потребное количество вина будет заготовляться с большим успехом. Для успехов, при развитии частной предприимчивости, казна пожертвовала значительными уступками и продала заводы, стоившие несколько сот тысяч, гораздо ниже настоящей их стоимости. Так, например, Павловский завод продан за 10 тыс., а Михайловский за 14 т. р., но выгадано в том, что частные покупщики не замедлили дать наибольшее развитие промышленности и убедить в том, что там, где казна при крепостном труде

получала убытки, частные промышленники при вольной цене за труд и без увеличения ценности продукта получили барыши и развили дело на прочных и широких основаниях. Между тем, в видах правительства ясно было выражено желание продать заводы на слом и только пригодные здания передать для волостных надобностей в ведение палат государственных имуществ. С уничтожением казенных винокуренных заводов исчезла и надобность в работах ссыльных и каторжных. Следом за уничтожением рудниковых работ исчез еще новый вид каторжных работ в Сибири по применению к многочисленным сибирским винокурням.

Глава V. Сибирские фабрики

Купец Куткин. — Полотняная фабрика. — Контракты. — Купец Солдатов. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Стеклянный завод. — Омская суконная фабрика. — Пользованье трудом ссыльных

Способ приспособления обязательных работ ссыльно-каторжных остался в тех же условиях и по применению к тем фабричным производствам, на которые соблазнялась казна и рассчитывали частные предприниматели. С непременным обязательством применялся труд каторжных тотчас, как казна заводила фабрику, как завела две таковых для выделки сукон на линейные и казачьи войска: Тельминскую под Иркутском для войск Восточной Сибири и Омскую в самом городе Омске для войск Западной Сибири. С готовностью и охотою уступала казна труд каторжных и на воспособление предприятий частных лиц, как сделано это при заведении фаянсовых и стеклянных фабрик под Иркутском и полотняной фабрики в Тобольске. Условия, постановленные при поощрении последней фабрики, послужили потом руководящим образцом для других последующих.

В 1791 году ст. совет. Куткин завел в Тобольске, в собственном доме, небольшую полотняную фабрику, которая, распространясь мало-помалу, сделалась наконец заведением, обратившим на себя внимание правительства. В 1797 году оставлено при ней для работ из сосланных за вины в Сибирь 59 человек; в 1803 году под фабрику отведено было 300 дес. земли, и заведение переведено было за 9

верст от города. В 1808 г. Куткину разрешено выбрать из сосланных русских фабричных, знающих ткацкие работы, нужное число людей возрастом от 20 до 40 лет, с тем чтобы число рабочих с имеющимися налицо составило 60 человек. На случай наибольшего распространения фабрики дозволено увеличить число фабричных до ста человек. Постановлено: мастеровых этих впредь 3 года в подушной оклад не полагать, а в течение 20 лет не брать с них рекрут, чтобы они могли в это время обзавестись хозяйством. По прошествии первых трех льготных лет Куткин обязывался платить подушные и все повинности наравне с помещичьими крестьянами, а по прошествии 20 лет давать от фабрики за рекрута 500 руб. Если «кто из детей фабричных окажется распутной жизни, от него к исправлению надежды не будет, или беспечность столь будет велика, что никакие побуждения и поощрения не подействуют, таковых отдавать в зачет рекрута от фабрики». Мастеровые должны быть помещены в жилые и хорошо выстроенные светлицы, от мая до сентября получать платы по 24½ коп. в день, в прочее время года по 18 коп., а женщины, без разделений времени, по 9½ коп. Всем женатым Куткин обязан был дать в течение первых трех лет по корове и по две овцы, отвести под огороды по полудесятине земли и по стольку же сенокоса. «Лошадей им не полагается, потому что в тамошнем краю частым они подвержены падежам, а вместо того все работы при фабрике отправлять на волах, которых и давать мастеровым в начале весны от фабрики без всякого отлагательства в нужное к тому время. Состарившихся мастеровых употреблять для присмотра и караулов с платою в месяц от 2 до 3 руб. Когда же застигнет дряхлость, производить пенсии по 12 руб. в год и выдавать провиант против работника в половину. Малолетних сирот до 12 лет воспитывать и одевать на счет фабрики, обучая, между тем, и занимая легкими рукодельями. Для предотвращения дороговизны в пропитании содержатель обязан иметь всегда при фабрике запас хлеба, поелику сии необходимые жизненные припасы (как-то мука и крупа) в городе Тобольске и окрестностях оного всегда бывают в изобилии и продаются ценами умеренными. На волю фабричных отдается брать оный у него (Куткина) или довольствоваться покупкою на стороне. Мелочные ссоры между мастеровыми, их женами и детьми разбирать в воскресные дни по утрам трем человекам

выборным, кого они сами назначат. Им же отдавать для исправления ленивых, непослушных и пр. Винная продажа при фабрике и на землях ее воспрещена; не дозволено также ни под каким видом ездить с выставками временными или подвижными. За вычетом праздников и одного летнего месяца для уборки сена и обработки огородов, рабочие занимаются в течение года 248 дней, полагая в сутки по 12 рабочих часов. Призрение больных зависит от фабрики; для исполнения христианского долга мастеровые в воскресные и праздничные дни в церковь могут ходить в город, но только с дозволения управляющего, а без дозволения отнюдь не отлучаться и проч».

Такими же правилами обязан был и купец Солдатов, получивший мастеровых и рабочих людей из ссыльных, с отводом ему земли (в 1814 году) под фаянсовую фабрику в предместьи Иркутска. Фабрику эту Солдатов купил у купца Полевого и вызвал поощрение правительства, между прочим, и потому — как сказано в положении комитета министров, — что из приготовляемой посуды сделал даже статью торговли с китайцами. Ему назначено было от 30 до 40 ссыльных, а в том числе, сколько можно, женатых, летами от 15 до 40, каковые и были причислены к фабрике на общем основании и с тем, что, если владельцы от фабрики откажутся или ослабят на ней действие, отведенная под фабрику земля и приписанные к ней люди перейдут в казенное ведомство[200]. Так случилось как с солдатовскою, так и с куткинскою фабриками. Дольше и крепче держались казенные фабрики, между которыми наибольшею известностью пользовалась Тельминская.

Тельминская фабрика (на р. Тельме, в 58 вер. от Иркутска) получила свое начало также в частных руках, она построена в 1751 г. купцом Бобровским; в 1793 г. куплена в ведомство иркутского комиссариатского комиссионерства и производила в то время от 4 до 9 тыс. аршин сукна в год. В 1797 году набрано в Сибири до 6 тыс. рабо-

---

[200] Кроме Солдатовской, действовали при помощи каторжных под Иркутском, в 28 верстах, Векшина посессионная суконная фабрика и также посессионная Тальцынская фарфоровая, фаянсовая и стеклянная, содержавшаяся купеческою компаниею в 30 верстах от Иркутска. В самом Иркутске, в начале прошлого столетия, стояла близ острога небольшая суконная фабрика, мастеровые на которой были также ссыльно-каторжные.

чих людей, воздвигнуты наскоро необходимые здания, и началось производство, но изделия оказались несовершенными, и фабрика могла вырабатывать только ¼ часть предполагаемого количества сукон. Между тем, присмотр за рабочими, раздача жалованья и домашний быт мастеров находились в ужасном беспорядке до ревизии фабрики сенатором Селифонтовым. Генерал Новицкий был уволен от управления, фабрика на два года взята в гражданское ведомство и, когда стала изготовлять до 37 тыс. аршин сукна, 5 тыс. каразей, 3855 шляп при 500 рабочих, снова была передана в комиссариат, а в 1808 году передана в ведение Пестеля (генерал-губернатора). В 1811 г. приступлено к разным постройкам, и в течение 10 лет, кроме старых, устроены: стеклянный завод, гранильная для стеклянной посуды, фабрика фламандского полотна, шерстомойный двор и множество других фабричных заведений. В 1820 году открыты работы на машинах чесальных, прядильных и мотовильнях, которые до того времени оставались без всякого употребления. Тканье сукна производилось на 57 самолетных и на 11 простых двуручных станках. В 1827 г. сенатским указом предписано было воспособлять работам ссыльными женщинами, которых велено всех обращать сюда (кроме ссыльных за смертоубийства, грабежи и разбои). Фабрика доведена была до возможной степени совершенства во всех отношениях при ген.-губер. Лавинском, но с начала 50-х годов быстро пошла к падению. В 1860 г. мы видели завод, без ремонта пришедший в отчаянную ветхость, не позволявшую надеяться найти на нее какого-либо охотника для покупки, машины все пришли в крайнюю негодность. На стеклянный завод еще находились желающие, потому что и производство проще и машин особенных не требуется. Мастеровые — потомки ссыльных оказались хорошо обученными к делу и затем ни к чему уже другому не способными. Тяжелее досталась работа и короче жизнь тем, которые постоянно нажимали грудь у ткацкого станка, оттого они были сухи, казались разломанными; рабочие же стеклянного завода казались здоровее, были веселее. Между тем, и селение образовалось в виде порядочного городка, но стало непрочно и оно. Тем не менее на Тельминской фабрике каторжное племя выродилось, и уже третье колено представляется вполне благонадежным.

Таким же образом упала и не существует в настоящее время казачья суконная фабрика в Омске, приспособленная к выделке простых

сукон на войсковые потребности, уступая место частной предприимчивости и более своевременному и правильному вызову.

Глава VI. Сибирские крепости

Охотск. — Чиниррах. — Омская крепость. — Крепости: Семипалатинская и линейные по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская. — Цурутухайт. — Арестантские роты и работы. — Беспорядочность их. Упадок каторжных работ и затруднение, отсюда происшедшее

Как в XVII веке против северных бродячих инородцев русские люди, овладевшие Сибирью, строили остроги, и московское правительство ссыльными полагало основу их заселения, так точно в XVIII веке, когда Петр Великий против кочующих монгольских племен начал сооружать крепости или такие укрепленные места, которыми можно овладевать только посредством правильной осады, в число первых работников и обитателей назначались ссыльно-каторжные. Петр ослаблял высылку подобного сорта людей до некоторой степени тем, что, торопясь защищать Россию, высылал их на работы в Петербург, Шлиссельбург, Рогервик, Азов, Кизляр и проч. Затем высылка в сибирские крепости ссыльных при преемниках Петра сделалась более или менее постоянною и относительно крепости Омской продолжалась очень долго преимущественно по применению к преступникам из нижних воинских чинов. Тем же Петром начато в Сибири основание портов и приведение мест, удобных для произведения десанта, в оборонительное положение и постройка приморских крепостей, вроде Охотска, Нижнекамчатска и Петропавловска или Авачи. Точно так же, при его преемниках ссылка в эти последние места преступников получила известного рода систему, каковая применялась к ним до начала нынешнего столетия, когда и она, по примеру ссылки в крепости Иртышской линии, была прекращена. Охотск, стоящий в яме, окруженный горами, со скверным портом без рейда и без залива, открытым всем ветрам, более знаменит тем упрямством, с которым отстаивали его существование. Суда с древних времен стояли здесь в ожидании ремонта. Вечные дожди и туманы делали из порта место, никогда не посещаемое иностранцами; хлеб в округе не родился, и уничтожение его было самым разумным явлением во всей его исторической жизни. Петропавловск, не менее неудобный, охотливо сменен был на амурский Николаевск. Слабым

и бессистемным продолжением ссылки можно считать учреждение ее в ближайшие к нам годы в Николаевском порте на Амуре (на так наз. Чиниррахе) и организованную в обширных размерах ссылку на остров Сахалин (в так называемые порты Дуэ и Косунай).

Ко временам Петровых преемников в Сибири стояли уже готовыми: Омская крепость, построенная в 1708 году и приведенная в порядок к 1759 году инженерным генерал-майором Людвигом по идеям и планам Вобана. Укрепления были достаточны для отражения киргизских хищников (современная Омской Оренбургская крепость выдержала осаду от пугачевских шаек с польскими инженерами весьма удачно), но теперь кажется смешною и массивная арка вместо ворот и земляные валы и рвы. Все это тесно, неудобно, все это ждет истребления, как ненужное и никому не страшное. Омская крепость сохраняет внутри себя Воскресенский собор, корпусный штаб, казармы, военное училище и, между прочим, крепостные казематы, получившие под талантливым пером Ф. М. Достоевского прозвание «Мертвого дома».

В 1718 году построена Семипалатинская крепость, но, по нездоровому местоположению, перенесена в 1776 году на новое место, к подножию семи древних чудских палат. В 1720 году генерал-майором Лихаревым, на р. Иртыше, на низменном и ровном месте, окруженном горами, построена была Усть-Каменогорская крепость, действительно у устья громады каменных гор, здесь кончающихся. Иртыш, выходя из ущелья, которым несется от самой Бухтармы, становится тотчас шире и начинает течь медленнее, образуя многие острова и отмели. В 1752 г. заложена Ишимская крепость, через 18 лет переименованная в город. При окончательном устройстве нынешней военной линии, в том же 1752 году сооружены были крепости: Петропавловская, Пресновская, Пресногорьковская Змеиноголовская, Песчаная и проч. В 1791 году заложена была в одном из лучших трактов по реке Бухтарме, при ее устье в Иртыше, Бухтарминская крепость с валом, рвом и кирпичными воротами для охранения открытого тогда богатого серебряного рудника Зыряновского, самого знаменитого на Алтае. На восточной границе с Китаем, на юге Забайкалья, одновременно с первыми крепостями в Сибири основана была в 1727 году иллирийским граф. Саввою Владисл. Рагузинским крепость Троице-Савская, названная так по имени

основателя и по имени первой в ней церкви св. Троицы. Пограничный округ этой крепости заключал в себе, кроме нее, еще 7 крепостей, между которыми Цурухайтуевская, Чиндант и Акша пользовались наибольшею известностью, но мало представляли подобия настоящих крепостей; укрепления Цурухайтуя, начатые из камня, даже не были и окончены.

Все поименованные крепости не оправдали цели своих учреждений, ни одной из них не удалось достичь военной славы, и со стороны соседних народов враждебные отношения были слишком слабы, и значение крепостей было только отчасти предупредительное. Тотчас же за их основанием под самыми крепостными пушками, на площадках подле ворот, устроились базары — места взаимных обменов продуктами. Некоторым пунктам удалось занять впоследствии самые видные места по крупным торговым оборотам: в Петропавловске установился знаменитый на всю Сибирь меновой двор, пристроилась сильная торговля баранами и разными русскими и средне-азиатскими товарами (на ежегодную сумму 500 т. р.). Вблизи Троицко-Савска выросла знаменитая русская Кяхта с китайским Маймачином. В Бухтарминской крепости производится обмен товаров Западного Китая с русскими, обещающий в будущем очень многое. К Усть-Каменогорской издавна подходят для торга ташкентцы, кашгарцы и бухарцы (из Малой Бухары) со своими и китайскими товарами (с 1754 г. здесь существует меновой двор и таможня). В Семипалатинске меновой двор и таможня существуют еще с 1734 г., и торговля с ташкентцами, бухарцами и киргизами приняла большие размеры (до миллиона рублей отпуск, до 700 т. р. привоз). С таким оборотом дел значение крепостей для работ ссыльных утратилось тотчас же, когда укрепления были окончены. Но там, где укрепились каторжные работы (как в Омской) и ссылка не утратила своего значения для политических ссыльных (как в мелких крепостях по Иртышской линии), каторжные работы ложились на людей с неменьшею тяжестью, чем во всех других каторжных местах. Арестантские роты, рабочие дома — все подобные заведения, сделавшиеся принадлежностью крепостей, под именем крепостных рот, стали самыми тягчайшими из мест, когда-либо придуманных для наказания преступников. По уверениям старожилов-наблюдателей, по словам самих заключенныхв, по сравнении этих каторжных мест с

другими, наконец, по применению к крепостным заточениям самой строгой военной дисциплины — крепостные работы заняли первое место среди каторжных работ. Представляя исключительный приют для преступников из военного сословия, но не служа исключением и для других, крепостные рабочие роты были теми учреждениями, ослаблению которых всего больше должно радоваться человеколюбивое чувство современного человека, неспособного видеть начала новых страданий там, где кончились многочисленные тяжелые предыдущие испытания. В Сибири крепостные работы были для ссыльных еще и тем тяжелы и невыносимы, что за крепкими крепостными запорами самовольные стремления ко временным отдыхам, т. е. побеги, были крайне затруднены и считались приметным исключением. В арестантских ротах, между прочим, практиковалось правило разделять арестантов на десятки и, в случае побега одного, заковывать в кандалы весь десяток. В то же время работы отличались полною беспорядочностью и, веденные без всякой системы, не приводили ни к чему: работы назначались большею частью там, где они были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны, и предпринимались и измышлялись собственно для того, чтобы занять время и истратить напрасно силы арестантов. Все эти работы бесплатные — за скверную арестантскую пищу, за платье, и притом, для знающих ремесло, на большую часть в пользу ближайшего начальства в то время, когда оно применением строгой военной дисциплины успело возбудить к себе ненависть и поселить отвращение. Арестантская работа как в России, так и в Сибири давно уже усвоила за собою привилегию на название праховой, никуда негодной. Учреждение арестантских рот с ремеслами и мастерствами в губернских городах наших, нуждающихся в мастерах и ремесленниках, встреченное на первых порах полнейшим сочувствием городских обществ, сумело вскоре оказать свою несостоятельность именно потому, что дело поручено было рукам, охотливее каравшим, готовнее злоупотреблявшим чужими знаниями и силами, неспособным и не приготовленным к тому, чтобы направлять их хотя бы по способу тех же пенитенциарных тюремных систем государств европейских. Арестантские роты, смирительные и рабочие дома, поселенческие рабочие роты (вроде существовавшей в г. Омске) оказали свою несостоятельность именно в том же самом виде, который требует капитального изменения.

Таким образом, места заточения с карательною целью, в силу исторических судеб и экономических причин, приняли в последующее время такой вид. Крепостные роты военного ведомства, по закону 1868 года, обращены в исправительные роты того же ведомства с назначением сюда каторжных 2-го разряда. Рудники покинуты в расчете на более соблазнительные выработки золота на промыслах и приисках и стоят залитые водою; разрабатываемые серебряные руды добываются при помощи вольного труда и для ссыльных уже 25–26 лет тому назад потеряли устрашающую силу значения. Невыгода принудительного труда и казенного управления не замедлила обнаружиться в приспособлении каторжных работ и к золотым промыслам, а развитие частной предприимчивости в том же Забайкалье и в ближнем соседстве с казенными промыслами указало на вольнонаемный труд, как на несомненно преимущественный способ эксплуатации горных сокровищ. Следом за рудниками исчезла возможность каторжных работ и на золотых промыслах. Винокуренные заводы казною были проданы, и частные заводчики уже не изъявляли желаний и надежд на содействие обязательных работ ссыльных и ссыльно-каторжных. Солеваренные тем же способом стали обходиться без них и в местном населении вернее находили более надежные, несомненно опытные и вполне трудолюбивые силы. На крепостных валах с большим удобством стали прилаживать тенистые бульвары для мирных прогулок вольных обывателей, и крепости, превратившись в меновые дворы и сильные базары, скоро преобразились в города по способу древнейших мест заточения и ссылки — сибирских острогов. В конце концов, каторжные работы в Сибири почти исчезли, и в настоящее время предстоит серьезная дума о приспособлении карательных мер в Сибири, особенно ввиду того, что современные гласные суды увеличили количество обрекаемых на ссылку в Сибирь. Двести лет опыта различных способов карательных мер возмездия за преступления, вся история прошлого с его ошибками и недоразумениями представляют обилие таких данных, на основании которых вероятна надежда на лучшие системы и безошибочные способы.

Оглавление

Максимов Сергей Васильевич

Сибирь и каторга

Том II

Часть III—IV

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Д. Ананьева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

НАШИ ПРОЕКТЫ

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения